

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вячеслав СИЗОВ

МЫ ИЗ БРЕСТА

Бессмертный гарнизон

Annotation

Он заброшен в 1941 год, оказавшись в Брестской крепости накануне Великой Отечественной войны. У него всего 20 дней, чтобы изменить ход истории.

Сможет ли полковник Российской Армии за три недели, оставшиеся до нападения Гитлера на СССР, подготовить красноармейцев по программе десантно-штурмовых подразделений будущего? Устоит ли эта «штурмовая панцирная пехота», облаченная в бронежилеты, вооруженная автоматами и бесшумными снайперскими винтовками с приборами Брамит, в ближнем бою против ветеранов Вермахта? Удается ли нашему современнику прорвать блокаду Брестской крепости и спасти «бессмертный гарнизон»?

- [Вячеслав Сизов](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1. Первые шаги](#)
    - [Глава 2. В путь](#)
    - [Глава 3. Письмо Сталину](#)
    - [Глава 4. В Москву](#)
    - [Глава 5. В поезде на Минск](#)
    - [Глава 6. Назначение](#)
    - [Глава 7. В Бресте](#)
    - [Глава 8. Первый день на службе](#)
    - [Глава 9. Начало подготовки](#)
    - [Глава 10. В лесном лагере](#)
    - [Глава 11. Первый бой](#)
    - [Глава 12. Штурм хутора](#)
    - [Глава 13. Последние мирные дни](#)
    - [Глава 14. Накануне](#)
    - [Глава 15. Слова. И дела реальной истории](#)
    - [Глава 16. Самый длинный день. Утро](#)
    - [Глава 17. Самый длинный день. День](#)
    - [Глава 18. Самый длинный день. Вечер](#)
    - [Глава 19. В осаде](#)
-

Вячеслав Сизов

Мы из Бреста. Бессмертный гарнизон

*Миф — это то, чего никогда не было и никогда не
будет, но что всегда есть.*

Саллюстий, IV в. н. э.

Пролог

Мы отступаем... Вот уже несколько дней как остатки сводной группы, где я командую батальоном, отступают по дорогам Смоленщины... Пыль лежит на всем: на спинах бойцов и командиров, вещмешках и оружии. Пыль везде. Даже во рту скрипит песком... Кругом война, и ее следы видны на каждом шагу. Вот и сейчас мы идем рядом с шоссе мимо разбомбленной колонны — стоят разбитые и обгоревшие остовы боевой техники, «ЗиСов» и «ГАЗов», брошенные повозки, тяжелые орудия и трактора, лежат трупы людей и животных. Наученные горьким опытом первого месяца войны, мы стараемся держаться деревьев, по возможности скрываясь от авиации противника. Я иду впереди колонны своего батальона, точнее его остатков — нас всего около ста человек, хотя еще пару дней назад было в три раза больше. Всех тех, кому удалось вырваться из окружения, плена и уцелеть в боях. Впереди идет авангард из бойцов 1-го батальона, которому в последнем бою, позавчера, досталось больше, чем нам. От него осталось чуть больше 70 человек — меньше роты. Именно тогда, после гибели в течение дня почти всех командиров и политработников сводной группы, собранной из «окруженцев» и маршевого пополнения, я вновь стал комбатом.

Итак, я — Евстафьев Вячеслав Николаевич, 48 лет от роду, уроженец славного города из Черноземья. Родился в семье профессиональных военных, пошел по стопам предков и отдал Родине почти всю свою сознательную жизнь, служа в ее вооруженных и специальных силах. Участник боевых действий в ряде конфликтов на просторах бывшего СССР и его ближайших соседей, кавалер десятка медалей. Готовился в скором времени стать пенсионером. Волею судьбы оказался перенесенным из XXI века в век XX. Точнее, в июнь 1941 года...

Глава 1. Первые шаги

Как я тут оказался? Это сложно объяснить с точки зрения науки. Да и не силен я в тех областях науки, которых не касался. Может быть, когда-нибудь кто-то найдет объяснение. Но не я, знаний не хватает. Да и некогда заниматься научными изысканиями.

Все произошло внезапно. Побеседовав с начальством на повышенных тонах, я спустился к стоявшей во дворе автомашине. Немного поговорив со скучающим у ворот дневальным, сел к себе в машину и задумался о прошедшем дне. Голова саднила в затылке и висках, потянулся к бардачку за таблетками. Накатило. Понял, что не успеваю... Боль всеобъемлющая в районе затылка и висков. Нарастающая боль в районе груди все больше захватывала меня... Страх, что не успел попрощаться с женой и дочкой, недоделал кучу дел... Темнота... Дневальный, подошедший к моей машине и бегущий обратно в здание. Чей-то возбужденный разговор, врачи и сослуживцы, вытаскивающие меня из салона... Темнота...

Из оперативной сводки по городу

«...Сегодня в 15.20 из... в состоянии комы в горбольницу № 2 доставлен... Через 1 час 10 мин, не приходя в сознание, скончался. По сообщению лечащих врачей смерть наступила в результате сердечной недостаточности. Отделом внутренних дел № 1 проводится проверка...»

...Очнулся я от боли. Болело все тело, но особенно бок справа, и просто на части раскалывалась голова. Не открывая глаз, полежал еще немного. Слышались щебет птиц и шум ветра в листве, тихий недалекий плеск воды. Легкий, теплый ветерок мягко обдувал тело. Ощущение было такое, как будто я у бабушки на Волге, лежу в роще и мне нет дела до других. И я — маленький. И скоро придет отец звать на рыбалку, кататься на лодке по великой реке...

— Товарищ лейтенант! Володя! Товарищ лейтенант! Очнитесь!.. — Кто-то, тормоша меня за плечо, кричал в уши. Интересно, какого Володю приводят в чувство? Зачем меня трясут? Больно же! Не открывая глаз, я попытался освободиться от чужих рук. С трудом, но у меня получилось

поднять от земли руку.

— Володя! Вы меня слышите? — спрашивал тот же женский, мягкий и приятный голос.

— Слышу, — тихим шепотом ответил я. Губы и язык отказывались меня слушаться. Голос был чужой и непривычный. Словно и не я это говорил. Вообще тело какое-то непривычное и деревянное, не подчиняющееся командам и явно не мое...

Снова накатило. Я словно оглох и поплыл по волнам...

Когда отпустило и я открыл глаза, увидел, что лежу на берегу реки у каких-то кустов. Вообще, где это я? Я же должен быть в салоне машины, а тут как минимум лесополоса. Да и погода совершенно не соответствует. В машину садился посреди октября, а сейчас явно лето. Если судить по тени деревьев, то сейчас вторая половина дня. Если это шутка, то совсем неудачная. Я все хорошо помню, что со мной происходило! И боль в груди и затылке. Беготню вокруг меня... Что происходит? Где я? Как я здесь очутился?.. Вопросов больше, чем ответов...

Если глюки, то, видно, серьезно прихватило и мое воображение играет со мной непонятную игру. Слишком все реально — и погода, и кусты, и деревья вокруг, и боль в боку и голове. По идее, у меня был инфаркт или инсульт, во всяком случае, к этому все шло давно и привычно. Если рассуждать логически, похоже, я ушел на «Дальние дороги». Но обстановка вокруг как-то не напоминала ни рай, ни ад в их каноническом исполнении. Нет, я, конечно, помню о визитной карточке. В свое время научили серьезно относиться к анекдотам — слишком в них много оказалось правды... Но все же, неужели врал? Эх, Бога на них нет!!!

Если это сон, то слишком реальный. Таких не бывает.

Если шутка, то интересно знать бы, чья? В шутку как-то не особенно верится. Да и некому так шутить. Такое могло прокатить на «срочке», когда ночью выносили вместе с койкой на улицу и оставляли спать посреди плаца. Но уже более 20 лет нет тех, кто мог так пошутить. Да и я не тот пацан, каким был в 18 лет. Скорее всего, это не шутка. Тут что-то еще...

Из вариантов напрашивался только один — перенос. Это вообще-то фантастикой пахнет, и не слабой! Я, конечно, любитель фантастики, но не до такой же степени... Неужели перенесся? Интересная тема!!! Хорошо, примем за данность, что действительно состоялся перенос сознания в другое тело. Тогда возникает вопрос — куда? Зачем и кому это надо? Если я перенесся по времени и пространству, то на вопрос «где и кто я?» нужно ответить как можно быстрее. Голову особо поднять не получается — очень сильно болит тело и голова (слева в районе виска и затылка). Такое

ощущение, что били долго и со знанием дела. То, что тело не мое, я уже понял. Оно принадлежало явно молодому человеку. Худощавому и достаточно «накачанному» — таким я был лет до тридцати. Значит, точно перенесся... Ну, что ж, Новый Мир, принимай очередного переселенца... Точнее сказать, его психоматрицу. Я точно помню все, что со мной происходило в моем времени, но ничего не знаю о том, в чье тело и куда я попал.

На часть вопросов смогут дать ответ девушки, что сейчас колготятся вокруг моего тела. Разгоряченные, симпатичные, невысокие и загорелые. Лет восемнадцати. Фигуристые. С приятными выпуклостями в нужных местах. Купальники, правда, у них закрытые. Черные. Строгие. У нас такие уже давно никто не носит. Я их только в кинохронике и на старых фото видел. Славянки, с правильными чертами лица и русыми волосами, торчащими из-под купальных шапочек. Глаза серые, большие, с какой-то печалью. Только вот я их почему-то совершенно не слышу. Хорошо, что хоть вижу.

Девушки продолжали что-то спрашивать и требовать от меня. Тут подняться сил нет, а отвечать вообще сложно. Язык словно не живой. Одна из девушек, сняв с головы шапочку, куда-то убежала. Но скоро вернулась с шапочкой, полной воды, и вылила мне на голову. Не скажу, что мне было неприятно. Наоборот, стало вдруг так хорошо... Что вернулся слух.

— Володя! — раздался у меня в ушах тот же требовательный женский голос. — Вы меня слышите?

Опять спрашивают какого-то Володю. Кстати, на нормальном русском языке. Спрашивают явно меня. Раз так, то надо отвечать.

— Слышу.

— Наконец-то. Мы тут за вас переживали, — продолжил голос. — Лежите, словно мертвый. Не отвечаете. Думали, что вас убили.

— Слухи о моей смерти преувеличены. Если вы мне поможете встать, то будет просто отлично.

Нежные, заботливые и в то же время сильные женские руки помогли мне подняться с песка. Оперевшись на девушек, я попробовал сделать шаг, затем еще. Тело с трудом, но перемещалось в пространстве. Ноги гнулись, руки тоже. Голова не тряслась.

— Володя! Может, надо милицию и «Скорую помощь» вызвать? — грудным и завораживающим голосом спросила одна из девушек. Самая симпатичная, кстати.

— Не надо. Сейчас посижу, и все пройдет, — ответил я. Милиции мне сейчас только не хватало. Пока не определюсь, кто, что и где я, она не

нужна. Девушки с моим телом были в одной компании. Других особей мужского пола я тут не вижу. Так что все сказанное девушками относится ко мне. И это радует. Тело зовут Владимир, и он лейтенант. Хотя знаю теперь, как меня зовут. Еще одна радостная новость была в том, что трусы на мне были. Сатиновые, синие, почти до колен. Давно я такие не носил. Лет сорок. Двигаться и самостоятельно сидеть было еще трудно, и девушки прислонили меня спиной к дереву.

Мы были на небольшом песчаном пляже, окруженном с трех сторон деревьями и кустарником, а со стороны реки — редкими ивами. Неширокая река медленно катила свои воды. На противоположной стороне виднелся сосновый лес. Вдоль берега реки шла узкая тропинка. По железнодорожному мосту, который виднелся метрах в пятистах справа от меня, как раз в это время проходил поезд с паровозом во главе.

Ярко светило солнце, и небо было нежно-голубым. Неподалеку на песке лежало покрывало, две раскрытые книги и несколько стопок одежды. В том числе и военной. Тут же, в тени куста, прятались початая бутылка красного вина, граненые стаканы и несколько открытых кулчков из плотной серой бумаги. Все говорило о том, что народ, уединившись на природе, культурно отдыхал. А дальше что-то произошло, в результате чего тело было без сознания. Знать бы только что? Ну, да бог человеку дал язык, а он, как говорится, до Киева доведет.

— Я долго в отключке был? Ничего не помню! — обратился я к девушкам.

— Нет. Минут пять — десять, — ответила самая симпатичная. — Тебя по голове со спины палкой ударили. Вот ты и упал. Мы с Наташей закричали, и парни убежали. Может, все же надо обратиться в милицию и больницу? А?

— Не надо. Я ничего не помню, что тут произошло, и что я им скажу? Девушки наперебой стали мне рассказывать о происшедшем.

Из разговора выяснилось, что я (мое тело) закончил обучение в военном училище и вчера на танцах познакомился с девушками, Ирой и Наташей. Я пригласил их в последний день своего пребывания в городе искупаться и отметить окончание учебы. Поезд у меня вечером, и девушки собирались меня проводить. Пару часов назад, встретив девушек, я привел их сюда. Мы с Ирой купались, когда из леса вышли трое пьяных парней. Они стали приставать к сидевшей на берегу Наташе. Девушка стала звать на помощь. Я бросился к Наташе. Завязалась драка с парнями. В результате которой на поле боя остался я один. Лежащим на земле. Парни испугались и убежали. Им тоже досталось. Ирина это утверждала как студент-медик. У

одного как минимум вывих руки, у остальных «видимо» сломаны ребра.

Хорошо тут народ живет. Весело. Пока беседовали, мне стало лучше.

Погода была как по заказу. Теплая и солнечная. Легкий ветерок шуршал в листве, чирикали что-то на своем языке птицы. В лесу стучал дятел. Благодать. Только и наслаждаться жизнью. Вот я и предложил отдыхать и не обращать внимания на неприятности жизни. Тем более что пиратов, желающих похитить прекрасных дам, на горизонте не было видно, а вино искрится в бутылке. Настроение у девушек хоть и было испорчено произошедшим, тем не менее они со мной согласились и пошли купаться. Ирина с сочувствием и тревогой все оглядывалась на меня. Я лишь улыбался в ответ и несколько раз успокоительно помахал рукой.

В книгах у переселенца остается часть памяти донора, а у меня этого не произошло. А раз так, то нужно собирать информацию. Пока девушки купаются, почему бы не заняться изучением того, что под рукой. Хотя бы формы. Аккуратно поднявшись с песка, подошел к трем аккуратно сложенным стопкам вещей. Две принадлежали прекрасной половине человечества и одна мужской, она меня и интересовала.

Ничего необычного в ней не было. Белая майка-«алкоголичка» и комплект советской летней походной военной формы командного состава довоенного периода — хромовые сапоги, темно-синие галифе и командирская гимнастерка с выпушкой по воротнику и пехотными петлицами на воротнике. В петлицах рубиново блестели два кубика, а на рукавах — по узкому угольнику красного цвета с золотой отделкой. Пилотка с кантом и красной звездой. Форма новенькая, практически не ношенная. Аккуратно выглаженная и со свежим подворотничком. Такие же новенькие портупея со звездой и кожаная кобура, удерживавшая в себе, похоже, револьвер «наган», нашлись в сапоге. Здесь же лежали механические наручные часы «завод им. Кирова» на черном кожаном ремешке, показывавшие три часа пополудни.

В карманах гимнастерки нашлись документы, выданные Тамбовским Краснознаменным военно-пехотным училищем имени Ашенбреннера и Уншлихта на имя лейтенанта Седова Владимира Николаевича, 1921 г. р. Ему, для дальнейшего прохождения военной службы, предписывалось 18 июня 1941 г. прибыть в распоряжение УК Западного Особого военного округа. Дата выписки предписания 31 мая 1941 г. Денежный, вещевой и продовольственные аттестаты. Комсомольский билет. Наличные деньги в кожаном портмоне около одной тысячи рублей (купюрами по 3, 5 рублей и 10 червонцев). Накладная камеры хранения железнодорожного вокзала ст. Тамбов от 31 мая о принятии трех мест ручной клади. Билет в купейный

(спальный) вагон от ст. Тамбов до ст. Москва на 2 июня 1941 г. В маленьком кармашке у пояса брюк нашелся небольшой ключ. Может быть, удастся найти, от какого замка он.

Сколько вопросов сразу нашло свои ответы. Мне повезло вселиться в тело вояки, такого же, как и я, в прошлой жизни. В этой жизни я почти в привычной для себя обстановке и положении. По словам девушек, Седов сегодня должен сесть в поезд, выходит, сегодня 2 июня. Через три недели начнется Великая Отечественная война. Проблем с вопросом «Что делать дальше?» не возникало. То, что должен. Зря, что ли, столько лет в армии служил.

Главное, не светиться с незнанием окружающей обстановки, цен, разговорной речи. Для меня сейчас лучше всего молча впитывать информацию об окружающем мире и постепенно вращаться в него. Возврата назад, видимо, не будет.

Тело досталось молодое, крепкое, физически развитое, тренированное. Парень явно был спортсмен. Ехал в войска, чтобы принять взвод в одной из дивизий, формируемых в Западном ОВО. Сейчас таких много — едут к новому месту службы после досрочного окончания обучения. Если мне правильно помнится, то в «ТКУ» готовили по специальности «командир стрелкового или пулеметного взвода». А раз так, то знаний и опыта пары локальных войн и конфликтов конца века для 1941 г. должно хватить. Надеюсь, что навыков командования взводом и ротой, в связи с переносом, не потерял.

Рассказать, где находится училище, могу без проблем. Район, где располагалось училище, особо не изменился. Наставили вокруг многоэтажек, но служебная зона оставалась без больших изменений. Тем не менее стоило посмотреть, какие здания еще не построили. В мое время училища уже не было — оно просуществовало где-то до 1960 г., когда его расформировали. Хотя это было одно из старейших военных учебных заведений страны. Начиналось в XIX веке как Алексеевское пехотное, после революции стало военно-пехотной школой имени Ашенбреннера. Перебазировалось из Москвы в Тамбов. В середине 20-х стало Тамбовским Краснознаменным военно-пехотным училищем имени Ашенбреннера и Уншлихта. В 1941 г. было эвакуировано в Семипалатинск. В 1945 г. получило имя Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова и вернулось в Тамбов. По правде говоря, готовило неплохих пехотных командиров. Одних Героев Советского Союза около 50.

Есть большая вероятность попадания с однокурсниками в одну воинскую часть. Тут уж как повезет, и что в кадрах приготовили.

Формируемых частей в Западном ОВО много, вакансий еще больше. Большинство однокурсников Седова погибнет в первые месяцы войны. Но тем не менее такая проблема остается и вероятность встречи исключать нельзя. Придется включать «дурку». Было бы неплохо еще один день побыть в городе для адаптации в данной реальности. Вжиться в тело. Пройтись по городу, посмотреть то, что видел только на старых фото, освежить память. Но судьба за меня все решила — предоставив билет на поезд. Может, оно и к лучшему, что сегодня я его покину. Меньше проблем со знакомыми и однокурсниками Седова.

Следующая проблема. Что я знаю о жизни своего визави? Абсолютно ничего. Хорошо, что автобиографию мне придется писать года через четыре, не раньше. Так что возможно, удастся узнать что-нибудь. Если с делом ознакомлюсь. Но сослуживцы будут расспрашивать о жизни, а что говорить, не знаю. Личное дело прибывшего командир изучать будет. Вдруг возникнут вопросы, а я буду молчать, как рыба об лед. Ляпну что не так, а кто-то особисту стукнет. Девушки вряд ли смогут помочь. Откуда они могут знать. Кстати, а личное дело у Седова было с собой или его выслали из училища фельдпочтой? Командирской сумки, где можно было бы его хранить, среди вещей не наблюдалось. Вообще-то было бы странным, если бы командир его с собой носил на пляж. Может быть, она в поклаже, сданной в багаж? Вот это был бы классный рояль в кустах.

Долго одному мне побыть не пришлось. Девушки, накупавшись, вышли из воды. Сняв шапочки и обтираясь полотенцами, они стояли передо мной. Молодые, что называется кровь с молоком, раскрасневшиеся, с каплями воды на загорелом теле, освещенные лучами солнечного света, они были прекрасны.

Ирина мне нравилась больше Наташи. Она и не могла не понравиться. От девушки так и пахло чистотой и русским духом. Особенно впечатляла ее улыбка, собранные без особых изысков в тугую косу волосы. Двигалась она, на мой взгляд, очень даже грациозно.

— Володя, вы тут не скучали без нас? — спросила Наташа. — Как себя чувствуете?

— Очень соскучился, — ответил я. — Чувствую себя вполне прилично. Особенно рядом с такими обаятельными и привлекательными нимфами из сказок.

— Скажете тоже. Нимфы. Вы нас еще русалками или наядами назовите, — продолжила Наташа.

— И назову. Вы так прекрасны и восхитительны, что у меня просто нет слов. Одни мысли, которые по убогости и косности речи высказать не

могу.

— Ну, тогда разливайте вино и приглашайте дам к столу. А то мы есть хотим, — скомандовала она. Ирина стояла рядом с ней и смущенно улыбалась.

— С большим удовольствием, — ответил я, разливая вино по стаканам. Вино оказалось вполне приличное — «Хванчкара». Кроме открытой, в воде охлаждалось еще одна.

Закуски было много. Пусть она была непритязательна на искушенный взгляд. Вареная картошка в мундире, зеленый лук, квашеная капуста, моченые яблоки и копченая колбаса. Буханка черного хлеба с одуряющим, почти забытым запахом. Один только вид нарезанного и разложенного просто требовал срочного употребления всего, что лежало на импровизированном столе. От запахов кружилась голова.

Кружилась она и от присутствия рядом действительно красивых и обворожительных девушек.

Мы пили вино и разговаривали. Говорили больше девушки, я же слушал и иногда поддакивал. А когда вино закончилось и все наелись, пошли купаться. Вода была чистой, прохладной и нежно обволакивала, успокаивала, окутывала, очищала и охлаждала разгоряченные на солнце тела.

Рано или поздно всему приходит конец. День клонился к вечеру. Вот и нам пришло время собираться. Лично мне уходить не хотелось. Но надо, не сидеть же здесь вечно. Часы показывали шесть, и мне пора было выдвигаться на вокзал.

Дорога в город шла по тропинке вдоль железнодорожной насыпи.

Город мало изменился с того времени, во всяком случае та его часть, что стояла около берега реки, — те же деревянные домики и сады вокруг них. Все было знакомо и узнаваемо. Разговаривая и дурачась, мы направились в сторону станции. Она жила своей жизнью — грузились и разгружались у складов грузовики, переговаривались грузчики, а у ворот стояли вохровцы. За забором виднелось окруженное невысокими деревьями желтое здание ДК. Рядом с ним стояли двухэтажные деревянные бараки для семейных железнодорожников.

Все чаще стали попадаться военные, спешащие к своим семьям и пахнущие казармой, ваксой и одеколонами «Шипр» и «Тройной».

Около одного из домов Наташа с нами попрощалась. Пристально смотря мне в глаза, она попросила обязательно проводить Иру до дома. Естественно, я обещал. Тем более что она жила недалеко от железнодорожного вокзала. Да и времени до поезда еще оставалось.

Куда и как идти, искать было не нужно. Сколько раз было хожено по этому маршруту. В мое время эта часть города была плотно застроена частным сектором. Здесь и сейчас территория была в основном свободна и заросла деревьями. Приток реки Цны еще не пересох, и его воды вольготно бежали среди зарослей Ахлебиновской рощи и прилегающих территорий.

...На путях пыхтело несколько маневровых паровозов, толкая по рельсам вагоны. Все станционные и заводские пути были заняты эшелонами, некоторые из них охраняли вохровцы...

Наш путь был недолог, и мы вскоре оказались на Железнодорожной улице. Одноэтажные деревянные и редкие двухэтажные каменные здания за невысокими заборами составляли ее. Около двухэтажных домов на лавочках сидели старушки, обсуждавшие какие-то свои темы. Редкие прохожие спешили по своим делам, совсем не обращая на нас внимания. На поле, между улицами Кронштадтской и Комсомольской, с упоением гоняли мяч раздетые по пояс пацаны. Вокруг, в тени лип и берез, стояли и сидели многочисленные разновозрастные зрители, весело покрикивая, комментируя и поддерживая игроков. Пройдя мимо десятка домов, Ира показала мне небольшой деревянный дом с застекленной верандой под шиферной крышей — «Вот здесь я и живу. Зайдем?»

— В другой раз. Боюсь, что на поезд опоздаю.

— Ну, нет так нет, — ответила Ирина. И мы пошли дальше в сторону Привокзальной площади. Когда до площади оставалось несколько десятков шагов, девушка внезапно остановилась и сказала: «Жаль, что ты сегодня уезжаешь. Может быть, останешься? Я тебя с родителями познакомлю. У тебя же еще есть время до прибытия в часть?»

— Прости, Ир. Не обижайся. Как бы мне ни хотелось, но остаться не могу. Мне в часть надо попасть пораньше. Я приеду. Как дадут отпуск.

— Ну, не можешь так не можешь. Писать будешь? Адрес не забыл?

— Напишу, как приеду в часть.

— Я буду ждать. Ты не обидишься, если я не пойду тебя провожать? — повернувшись ко мне лицом, осторожно спросила Ира.

— Нет.

— Ну, и хорошо, — ответила она и, резко повернувшись, пошла назад в сторону своего дома...

Вот и понимай после этого женщин... То буду провожать, то не буду. Может быть, это даже и лучше, что я остался один. Спасибо девчонкам. Они помогли мне немного адаптироваться и сделать первые шаги в этом мире...

Глава 2. В путь

Как и в мое время, Привокзальная площадь была вся в зелени лип и цветов, струях фонтана. За соблюдением порядка строго глядели молоденький милиционер и несколько военных патрулей. В тени деревьев со своими плетеными корзинками расположились старушки, продающие урожай садов и огородов. Ассортимент не так уж и плох — яблоки, молодой редис, вареные картошка и яйца, семечки в газетных кулечках. Из-под полы можно купить и бутылочку домашнего самогона. Прицениваясь и что-то покупая, к ним постоянно подходит разночинный народ: железнодорожники, рабочие с завода, пассажиры и провожающие, военные. Последних особенно много. В городе расквартирована куча воинских частей. Вот и приходят сюда в увольнение, благо в ДК «Знамя труда» есть все 33 удовольствия: крутят кино, работают секции, а вечером на летней площадке танцы под звуки духового оркестра одной из воинских частей. Здесь же назначались свидания и встречи. Тем более что и центр города совсем рядом. По широкой улице, окруженной цветущими липами, всего за десять минут можно дойти до площади Ленина, Центрального рынка и Набережной.

На перекрестке, напротив входа в красивое двухэтажное кирпичное красное здание (где до революции располагалось здание публичного дома), разместился книжный ларек с молоденькой продавщицей. У ларька, рассматривая книги, расположились несколько красноармейцев и пожилой мужчина в шляпе. До отправления поезда оставалось около получаса. Стоять и светиться у вагона, на глазах огромного количества отъезжающих и провожающих, не входило в мои планы. Поэтому я остановился у книжного киоска. Где только что освободилось место у прилавка — очередной покупатель, что-то купив, заторопился к вокзалу. Встав на его место, стал перебирать книги. Невзрачные по внешнему виду обложек, книги были просто замечательными. В свое время потратил кучу времени и денег на то, чтобы собрать такую подборку для домашней библиотеки.

Тут лежала достаточно приличная коллекция классиков литературы (как мировой, так и русской). Выбор политкниги был просто огромен: только одни работы Сталина чего стоили (в мое время днем с огнем не найдешь, исключительно у коллекционеров), а кроме него тут стояли работы Ленина, Кагановича, Краткая история ВКП(б) и т. д. Военная книга была представлена «библиотечкой командира», уставами, книгами по

военной истории. Правда, отпечатано это было на не очень хорошей желтоватой бумаге и довольно тусклым шрифтом. Среди всего этого богатства для себя в дорогу нашел сборник стихов Есенина. Кроме того, мне удалось ознакомиться с интереснейшей книжечкой, которая меня искренне восхитила: написанный автором с простой русской фамилией Токарев и изданный Военным издательством Наркомата Обороны в сороковом году «Тактический справочник по германской армии». В ней четко, подробно были разобраны обычаи и привычки вермахта, рассказ о боевых группах, авиаподдержке, снабжении и всем остальном. Причем не просто голыми словами, но и внятыми схемами. Надеюсь, что мне все это пригодится.

Все это время продавщица — молоденькая, симпатичная девушка — весело разговаривала с несколькими курсантами-летчиками и не обращала на меня почти никакого внимания. Заплатив деньги и получив сдачу, освободил место у прилавка, тут же занятое новым покупателем...

Вокзал жил своей обычной жизнью, не изменившейся и в моем мире... На путях свистели и пыхтели маневровые паровозы, буксами стучали вагоны, у складов кто-то матерился. На перроне суетился и двигался в разные стороны народ. Под большими часами над входом в здание вокзала в фуражке с красным верхом важно стоял дежурный по станции. На первом пути стоял состав из двух десятков синих и зеленых вагонов, с паровозом в голове. Посадка разночинного народа в вагоны уже шла. У дверей толпились люди со своим багажом, с завистью смотревшие на тех, кто уже разместился и выходил из вагона постоять и подышать воздухом...

Получить по квитанции багаж много времени не заняло. Дел-то было отдать кладовщику квитанцию и получить от него чемодан и два больших тяжелых пакета. Ну, да, не такие тяжести таскали.

Мой вагон был рядом с вагоном-рестораном. У открытой двери вагона стояло несколько человек, в основном военные из числа старшего командного состава. Были и гражданские в костюмах и галстуках. Они о чем-то тихо разговаривали друг с другом и провожающими. В вагоне все блестело чистотой: ковровые дорожки, бархатные занавески на окнах, начищенные медяшки. Несколько купе были заняты, и из них слышался тихий разговор. Мое купе оказалось двухместным с мягкими полками, расположенными друг над другом. Полки с бархатной обивкой, нижняя — широкий диван со спинкой, напротив — широкое мягкое кресло и дверь в душевую — умывальник (одна на два купе). Мое место было на нижней полке. Положил вещи и впервые за все время посмотрел в зеркало. Оттуда на меня смотрел высокий, симпатичный, русоволосый, сероглазый, с

правильными чертами лица молодой человек. Со свиданьем. Теперь хоть знаю, как выгляжу.

Время тянулось ужасно медленно и тоскливо. Прислонившись к окну, я смотрел на соседние пути, железнодорожные составы. Постепенно вагон заполнялся пассажирами, в соседних купе слышались разговоры и стук опускаемых полок. В следующие за моим купе никто так и не заселился. Проводник хриплым голосом прокричал: «Товарищи провожающие! До отправления поезда осталось пять минут, прошу освободить вагон». Провожающие заторопились покинуть вагон. Наконец раздался гудок паровоза, и поезд медленно тронулся с места. За окном провожающие махали руками, что-то кричали на прощание. За высоким деревянным забором промелькнули постройки и цеха завода «Ревтруд». С противоположной стороны показались казармы военного училища. Окраина города осталась за окном. Было бы прекрасно, если бы я ехал в купе один. Хотя это вряд ли. Кто-то обязательно подсядет...

Меня никто не беспокоил. Не считать же таким ожидаемое появление проводника с проверкой билета. Следующей большой остановкой поезда был Мичуринск, и я мог наслаждаться одиночеством не менее полутора часов. Так что до прибытия туда у меня было время изучить багаж.

Что везет военный, только что окончивший училище и получивший необходимое вещевое довольствие? Правильно, только его родное. Тем, чем его одарила Родина. Так что увидеть что-то необычное я даже и не надеялся.

В самом тяжелом из пакетов оказались зимние вещи.

Во втором пакете были более необходимые вещи: парадный китель командного состава со знаками различия лейтенанта, темно-синие галифе с кантом, летняя фуражка с двумя чехлами, тонкие форменные перчатки, кавалерийская (с двумя плечевыми ремнями) портупея, портянки, пустая командирская сумка, форменные с кантом брюки навыпуск, носки. Все новое и необмятое. Во внешнем левом кармане парадного кителя нашелся чистый носовой платочек и костяная расческа.

Обклеенный коричневым дерматином, с металлическими накладками на углах, дополнительными широкими ремнями снаружи, двумя металлическими блестящими замочками, достаточно легкий, вместительный и удобный чемодан лучился своим качеством. Ключ, найденный в кармашке, прекрасно подошел к замкам.

Раскрыв чемодан, стал изучать его содержимое, выкладывая вещи из него на полку. Ничего удивительного в нем не было: нижнее белье, комплект летней походной командирской формы, санитарные

принадлежности, носки, фланель, ткань на подворотнички, носовые платки, пара тонких черных кожаных перчаток, запасная фурнитура, несколько чистых тетрадей (в мою любимую клеточку) и сапожный крем с щеткой. Были тут и деньги. Несколько тысяч рублей, аккуратно завернутые в чистую бумагу и спрятанные в карман ношеного «хэбэ». В другом кармане нашелся еще один подарок — небольшой замшевый мешочек, в котором лежал золотого цвета перстень с крупным камнем. Само кольцо было старым, большим, широким, витым, с крупным восьмиугольным ограненным камнем. Камень был необычный. Он состоял из четырех цветов — белого, красного, желтого и изумрудного, переходивших из одного цвета в другой. Металл тяжелый, прохладный. На дужках кольца имелись спирали. Для того чтобы лучше рассмотреть перстень, я поднес его ближе к свету. Как только электрический свет коснулся камня, тот засверкал всеми огнями радуги и стал нагреваться. Камень в перстне сменил свое разноцветье на сплошной красно-желтый цвет. Примерил перстень, надев его на безымянный палец сначала правой, а затем левой руки. Перстень отлично сидел на пальце, не мешал, не вызывал отторжения и очень естественно смотрелся. Можно сказать: «Был как родной». Лучше всего он смотрелся на левой руке. Тяжесть металла совсем не чувствовалась.

Интересно, откуда у лейтенанта столько денег и такое украшение? Ну, да что тут заниматься копанием. Все равно правды не узнаю. Спасибо ему, что приготовил для меня столь ценный подарок.

На всякий случай еще раз осмотрел чемодан. Здесь меня ждал сюрприз. Оказывается, в чемодане было несколько отделений, разделенных плотным картоном, который я принял за отделку. Аккуратно отжав державшие картон скобы, я нашел отделение, служащее для хранения документов. К моей радости, там лежал большой клеенный из плотной, коричневатой бумаги конверт с сургучной печатью. Тут же лежали сопроводительные письма к пакету. Видимо, в связи с досрочным выпуском и для ускорения движения личных дел выпускников к новому месту службы кадровики выдали их на руки, с поручением сдать пакеты в УК, куда они направлялись. Как открывать такие письма, чтобы не повредить печать, меня в свое время научили. Правда, нужен чайник и главное — чтобы никто не мешал. Сложив вещи обратно в чемодан, убрал его на место.

Я так и не понял, в каком времени нахожусь — в той реальности, что я знаю, или альтернативной. Проверить это до наступления некоторых дат и событий ведь не смогу.

Только тут я понял, что у меня на пальце остался перстень! Я про него совершенно забыл! Странно, что я этого не заметил. Обычно со мной такого не происходило. Очень хотелось пить. Прямо сушняк напал. Да так, что горло сдавило. Тело категорически требовало воды. Пришлось идти в коридор напиться воды из тэна. Стало значительно легче.

Задумался о дальнейшем. В принципе, от меня сейчас ничего не зависело. Хотя нет. Есть одно очень важное дело, от которого зависело будущее, — надо написать письмо Сталину с предупреждением о войне и основных событиях ее начального периода. Писать письмо Вождю здесь, в вагоне, времени нет. А вот набросать его черновик вполне возможно и даже нужно. Достав из чемодана тетрадь, сел за стол. Вновь накатило, как будто морская волна накрыла с головой. Мысли понеслись вскачь. Это был огромный массив информации. Вычленив главное, стал быстро писать. Помогали мне в этом картинки, всплывающие в памяти. Писалось на удивление легко и свободно. Минут через тридцать все было готово.

Вновь сильно захотелось пить. Как будто жар изнутри сжигает всю воду во мне. Воспользовавшись кружкой, в очередной раз пополнил свой водный баланс. Полегчало... Это уже стало входить в систему.

Вчитался еще раз в написанное. Что ж, все верно, вроде бы все как надо. Если, что вспомню, дополню. В Мичуринске вагон вновь стал наполняться шумом. Во избежание проблем спрятал черновик в чемодан. Ко мне в купе так никто и не подсел. И поезд, стуча колесами на стыках рельс, уносил все дальше и дальше в темноту ночи.

Сообщение НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1798/6 2 июня 1941 г.

Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашова и Лежайска сосредоточиваются две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в м. Улянув (85 км юго-западнее Люблина) и штаб армии в фольварке Усьмеж (45 км юго-западнее Владимира-Волынского), командующим которой является генерал Рейхенау (требуется уточнения).

25 мая из Варшавы в направлении Люблин — Холм и Люблин — Замостье Грубешов отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполья) было доставлено сто бомбардировщиков.

25 апреля из Болгарии в Восточную Пруссию прибыла 35-я пехотная дивизия.

В мае отмечено инспектирование частей германских войск в Восточной Пруссии и на территории Генерал-губернаторства и рекогносцировка в пограничной полосе высшими чинами германской армии.

5–7 мая Гитлер в сопровождении Геринга и Редера присутствовал на маневрах германского флота в Балтийском море, в районе Готтенгафен (Гдыня). В средних числах мая Гитлер прибыл в Варшаву в сопровождении шести высших офицеров германской армии и с 22 мая начал инспектирование войск в Восточной Пруссии.

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Рейхенау — в районе м. Ульгувек (27 км восточнее Томашова и 9 км от линии границы), 18 мая генерал с группой офицеров — в районе Белжец (7 км юго-западнее Томашова, вблизи границы) и 23 мая генерал с группой офицеров производил рекогносцировку и осмотр военных сооружений в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено на направлениях на Брест и Львов.

Продолжаются работы по устройству оборонительных сооружений вблизи границы, главным образом в ночное время.

Отпуска военнослужащим из частей германской армии запрещены.

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР в районы Воловец (Венгрия) и Сучава — Ботошаны (Румыния).

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар
внутренних дел СССР
Берия

Рано утром в коридоре раздался голос Петровича: «Граждане

пассажиры! Просыпаемся, скоро прибудем в столицу нашей Родины Москву». Вагон стал наполняться шумом открываемых дверей купе, шагов, разговоров.

Одевшись и приведя себя в порядок, задумался о планах на день. В Москве особо мне делать было нечего. Было только одно обстоятельство, ради которого стоило задержаться в городе, — письмо Сталину. Конспект заготовлен и лежит, но для его составления потребуется еще время, и не малое. Часов 8–10 минимум. Необходимо все как следует обдумать и вспомнить. Да и с личным делом стоило разобраться. Надо искать место, где остановиться и где не будут мешать.

Чтобы не светиться, можно поискать комнату в частном секторе, но близ Белорусского вокзала хорошую комнату не найти. Жилищная проблема не решена. Большинство населения живет в коммунальных квартирах с общей кухней и туалетом. Тишиной и спокойствием там точно не пахнет. Появившийся новый постоялец — событие неординарное, и ажиотаж будет обеспечен. Работать не дадут.

Остается только гостиница, как наиболее безопасный и законный способ отдыха и работы. Кроме «Националя», «Метрополя», «Гранд-Отеля» и «Москвы», других хороших гостиниц (с горячей водой, обслуживанием), по-моему, сейчас и нет. Хочется напоследок вкушать радости бытия. Лучше всего мне подходит недавно построенная «Москва», расположенная в шаговой доступности от Кремля, станции метро и магазинов. Насколько помню, в «Москве» размещали иностранцев, но немного. В основном там селили наших местных руководителей производств, депутатов, известных лиц, приглашенных в Кремль. Запрета на размещение иных лиц нет. Так что можно попробовать, ну, а не получится, буду искать другую. Только обязательно нужно взять такси, чтобы не обивать ноги в поисках.

Глава 3. Письмо Сталину

Поезд по расписанию прибыл на Саратовский (Павелецкий) вокзал. Открыв двери купе, через окно внимательно смотрел на надвигающийся город, стараясь найти знакомые с детства места. Город сильно отличался от того, что я знал. Все еще стояли полуразвалившиеся дома «Шанхая». Тем не менее город рос и строился. Везде виделись следы стройки. Двигались краны, по дорогам двигались грузовики и самосвалы...

Наконец, дав пронзительный гудок и стукнув буферами, поезд остановился. Дождавшись, пока поток пассажиров схлынул, я, подхватив багаж, вышел на перрон. На стоянке такси и остановке трамвая стояла куча народа. Поэтому я пошел на Садовое кольцо. Движение в городе было довольно активное. Примерно такое же, как в мое время в провинциальном городке в 8 часов утра воскресного дня. Двигались машины, трамваи, троллейбусы, конные повозки, автобусы, в том числе двухэтажные. Движение на перекрестках регулировали светофоры и сотрудники милиции в белых гимнастерках и шлемах. Мне удалось поймать такси — черную «Эмку» — такси «ГАЗ М-1». Машина шустро тронулась с места и влилась в транспортный поток.

До площади Свердлова добрались минут за двадцать. А что вы хотели, никаких пробок и заторов. Машина остановилась напротив входа в гостиницу. Дверь гостиницы мне любезно открыл одетый в отлично пошитую форму швейцар. В холле было прохладно и светло. Несмотря на ясный и солнечный летний день, здесь хрустальным светом горели люстры. За стойкой регистратуры стояло несколько очаровательных, необычно красивых, одетых в форменную одежду, мило улыбавшихся девушек, оформлявших гостей.

Нисколько не удивившись моей просьбе об одноместном номере, мне предложили люкс на пятом этаже. Я согласился, хоть и стоило это мне достаточно крупную сумму. Наверняка обычному советскому гражданину это было бы не по карману, но я себе мог позволить.

Все шло хорошо, даже слишком. Я расслабился. Доставшийся мне номер находился в той части здания, что выходила на Манежную площадь. Оформив документы и подхватив свои вещи, по привычке направился к лифту. Стоя у него, понял, что совершил грубую ошибку — не мог новоиспеченный лейтенант, ни разу не бывавший в этой гостинице, знать, где расположен номер и как к нему добраться, где находится лифт.

Аккуратно осмотревшись, поймал на себе внимательный взгляд швейцара. Так, один прокол есть, и похоже, он вскорости будет отмечен в рапорте персонала. Жаль, что теперь не избежать пристального внимания. Но отступать нельзя — сделанного не воротишь. Буду надеяться на русское «Авось».

Отказавшись от услуг носильщика, поднялся на этаж. Здесь меня встретила администратор и несколько горничных. Поприветствовав и проверив карточку гостя, администратор направил со мной одну из горничных. Проводить и показать номер. Моим «Вергилием» стала молодая, моих лет, женщина по имени Таня. Добродушно улыбаясь, взяв ключ, пригласила следовать за собой. Пока мы шли по коридорам, Таня ненавязчиво и профессионально опросила меня — кто я, откуда, надолго ли здесь, цель приезда. На что я постарался полно ответить согласно легенде Седова.

Мой номер состоял из двух комнат: кабинета и спальни. Имелся отдельный санузел с большой и широкой ванной. Отделка номера поражала: в ней использовались ценные породы дерева, лепнина, мрамор, бронза, и в то же время он был какой-то теплый и уютный. Мебель, сделанная из мореного дуба. В шкафу нашелся встроенный сейф с кодовым замком. В кабинете стоял большой стол с мраморным письменным прибором и настольной бронзовой лампой с зеленым стеклянным плафоном. В ящиках стола находились писчая бумага и конверты. Горничная хорошо поставленным голосом рассказала, что на этаже есть парикмахерская, баня с бассейном и массажем, финская и турецкая сауны. Поест можно в ресторанах и барах на 1-м и 3-м этажах или на крыше гостиницы, где расположился ресторан под открытым небом. При необходимости пищу можно заказать из ресторанов с доставкой в номер. Для этого нужно позвонить по телефону или обратиться к ней. С удовольствием я узнал, что, не выходя из гостиницы, можно оформить билет на поезд в любом направлении. О чем я тут же попросил Таню, отдав ей свой билет и деньги.

Оставшись один, я обошел и осмотрел номер, в том числе и для поиска «жучков». «Москва» пользовалась репутацией престижного отеля международного класса. Органы просто не могли не использовать такой шанс для наблюдения за постояльцами. Приборов для обнаружения «прослушки» у меня не было, но оставался опыт из прошлой жизни. Его я и использовал, исследуя комнаты. Существующие в этом времени микрофоны были достаточно громоздкими, и мест для их установки не так много. В известных для меня точках установки ничего не нашел. Или их не

было совсем, или они были вмонтированы в стены, но без специальной аппаратуры найти их невозможно. В принципе ничего противозаконного я делать не собирался. Но береженого Бог бережет, а не береженого конвой.

Оставался еще возможный обыск моего багажа. Но здесь можно постараться избежать опасности. Просто к нему подготовившись. Надолго покидать номер я не собирался. Только для еды и закупки необходимого. По мере написания письма черновики уничтожу, сжигая в ванной. С готовым письмом расстанусь только у почтового ящика на Старой площади. Поэтому в сейф переместились черновик письма, лишние документы и оружие. Вещи из чемодана развесил в шкафу, а все деньги переложил в гимнастерку. Парадная форма, несмотря на все мои старания, помялась. Надо было подумать о приведении ее в порядок: погладить и почистить.

Приведя себя в порядок, решил сходить позавтракать. В коридоре мне встретила Таня, катившая тележку с бельем. Я объяснил ей свою проблему с формой. Она пообещала сделать все в лучшем виде. Естественно, я ей поверил. И форму погладит, и вещи досмотрит.

Посетителей в ресторане было мало. Пока несли заказ, полюбовался видом Москвы с птичьего полета. Подумалось: «А где купить бумагу в центре?» Здесь вокруг куча книжных магазинов, самые ближние недалеко от Театра оперетты в проезде Художественного театра (Камергерском переулке), на улице 25 Октября (Никольской), в ГУМе, да и здесь, в гостинице, на первом этаже тоже должен быть магазин. По устоявшейся много лет вперед традиции нужно было сходить на Красную площадь. Вот там в ГУМе и куплю. Завтрак подали быстро. Повар был выше всяких похвал, хлеб свежим, а кофе отлично заваренным. Жизнь налаживалась.

Проходя мимо Исторического музея, обратил внимание на вывеску «Срочное фото», висевшую на здании напротив билетных касс музея. Фотоателье пользовалось успехом у посетителей, заполнивших собой небольшой холл и стоявших в очереди, в том числе и на улице. Я присоединился к ним. За столом пожилой, совершенно седой мужчина лет пятидесяти оформлял и выдавал заказы, а его помощница, симпатичная женщина средних лет, делала в студии снимки. Передо мной стояла группа молодых лейтенантов-пехотинцев, скорее всего, как и Седов, недавних выпускников училища. Слишком новой и необмятой смотрелась на них форма. Ребята стояли и обсуждали фото на витрине. Посмотреть там действительно было на что: на стенах висели стенды, где под стеклом были размещены фотопортреты, видимо, еще с начала века и до недавнего времени. Стоя у одного из них, высокий, темноволосый, крепко сложенный

лейтенант возмущался нахождением на них фотографий офицеров царской армии, по его словам, сатрапов и угнетателей рабочего класса. Другой, почти полная копия первого, только немного поменьше ростом, его успокаивал. Пожилой администратор продолжал свою работу, совершенно не обращая внимания на возмутителей спокойствия. Внимательно рассмотрев снимок, на который указывал высокий лейтенант, я вмешался в разговор, сказав: «Вообще-то фото — это застывшие мгновения истории, от страниц которой отделаться не так просто. Фото сделано в годы мировой войны. Пехотный прапорщик не кадровый, видимо, производства военного времени. На нем мундир полевого образца, погоны номерных полков, отсутствует знак об окончании юнкерского училища. Так что вряд ли он мог быть сатрапом и тем более угнетателем народа. Слишком юным выглядит. Студент или из вольноопределяющихся. Скорее всего снимок сделан после окончания курса на память перед отправкой на фронт. Он чем-то похож на нас».

А вот висевшая рядышком фотография заинтересовала меня. О чем я рассказал парням. На ней был изображен пехотный капитан. Явно сидевший в окопах и успевший повоевать. На мундире были ордена св. Георгия и св. Владимира с мечами, на шашке имелся знак ордена св. Анны 4-й степени. Фотограф смог передать всю глубину этого несомненно храброго и мужественного человека. Что меня в нем заинтересовало, так это печальный взгляд очень уставшего человека, пережившего боль утраты. И никто не знает судьбы этих офицеров — защитников Родины. Может, они погибли в Мазурских болотах, Галиции, Восточной Пруссии, а не пропали на полях сражений Гражданской войны? Своими словами я сбил накал страстей. Кроме того, я заметил заинтересованный взгляд «дедка-администратора».

Мы разговорились с парнями, заинтересовавшимися моими выводами о фото, почему и на основании чего я их сделал. Я представился: «Лейтенант Владимир Седов, выпускник Тамбовского пехотного, еду к месту службы в Минск». Ребята тоже представились. Высокий назвался Сергеем, второй Михаилом. Оказалось, я был прав в своих предположениях — они только что окончили Казанское пехотное училище им. Верховного Совета Татарской АССР и тоже едут к новому месту службы в Киев. Поезд вечером, чтобы не терять попусту времени, решили побывать в сердце столицы, своими глазами увидеть Красную площадь, Мавзолей и Кремль. Решили сделать фото на память, тем более что снимки должны быть готовы через несколько часов. Сами же походят и посмотрят вокруг. Сказал парням, что могу им с этим помочь: покажу и расскажу все, что знаю сам.

Они согласились. Так беседуя, мы дождались своей очереди. Парни решили сделать себе художественное фото. По одному проходили в студию и там фотографировались. Я решил не мелочиться. Когда подошла моя очередь, администратор принял мой заказ на фото и направил в студию. Сергей зашел вместе со мной. Пока я рассматривал обстановку, в студию зашел дедок-администратор и стал за аппарат, заменив в нем пластину. Посмотрев на меня, он сказал:

— Ну, молодой человек, давайте приступим. Хотел вам сказать, что очень приятно видеть у себя человека, разбирающегося в давно забытых деталях истории. Где учились?

— Просто думаю, что надо знать историю своей Родины и ее армии. Кстати, фотографии действительно очень выразительны.

— Рад за вас. Спасибо за оценку моего скромного труда. Я делал тот снимок, что вас заинтересовал. Все, что вы говорили, правда. Только прапорщик был кадровый, служил в Сибирской бригаде. Это не ваша ошибка... Вы этого знать не могли — китель не его, свой он испачкал здесь, когда готовился к снимку. Прапорщик спешил и очень расстроился из-за неприятности. Нужно было помочь человеку. У нас здесь своя небольшая костюмерная, и мы ему подобрали китель для снимка... Кстати, за снимком он так и не пришел, адреса, куда выслать фото, не оставил... Ну, а мы продолжаем хранить снимки всех, кто фотографировался и за ними не пришел. Ладно, это все дела давно минувших дней. Поднимите голову. Так, немного поверните вправо, подбородок чуть-чуть выше. Вот так. Замрите — сейчас вылетит птичка. Прекрасно. Еще раз. Спасибо. Какой вы хотите фон за своей спиной — мы можем сделать любой — Кремль, Спасскую башню, Мавзолей, Исторический музей? Выбирайте.

— Спасибо, выберите сами. Мне в принципе все равно. Скажите, снимки действительно будут готовы через два часа?

— Конечно, фирма гарантирует. Сейчас сделаем снимки, и я отдам ваши в первую очередь. Все будет как надо. Кстати, молодые люди, а не хотели бы вы сделать себе еще один художественный снимок? В костюмах прошедших веков, так сказать, — неожиданно обратился к нам фотограф. — У нас они сохранились. Вы мне почему-то понравились. Мне было бы интересно поработать с вашими лицами. Обещаю, будет очень интересно. Стоит не дорого. Фото заберете вместе с заказанными. Не понравится — уничтожим.

Сергей вопросительно посмотрел на меня.

— Почему бы и нет, все равно мы уже здесь, — согласился я. — Ты как, Сережа?

— Только не беляком, — немного подумав, ответил он.

— Прекрасно. Мы подберем вам костюм, скажем, революционного матроса, — предложил фотограф. — Галифе менять не надо. Тогда многие ходили в схожих. На снимке видно не будет. Так, ну а вам? Может быть, что-то конкретно хотите? Какой-нибудь век?

— Мне все равно. Лишь бы это был русский военный мундир до начала XX века.

— Подождите пару минут. Сейчас все принесу, — с этими словами фотограф, забрав пластины, вышел в коридор.

К нам в студию, отодвинув шторы, заглянул Михаил:

— Ну, что, скоро вы? Долго вас ждать?

— Сейчас еще по снимку сделаем и придем, — ответил я.

— Тогда мы пойдем покурим на улице, — сказал Михаил и исчез.

Почти сразу зашел фотограф, принесший костюмы.

— Вот это вам, — протягивая Сергею бескозырку, тельняшку и тужурку, сказал он и продолжил, уже обращаясь ко мне! — Ну, а это вам, молодой человек. Я думаю, офицерский мундир одного из самых старых русских полков, Конного лейб-гвардии полка, должен подойти.

Форма, доставшаяся мне, была настоящая, «бальная», с брюками навывпуск. Мы с Сергеем стали быстро переодеваться. Первым оделся Сергей. Смотрясь в большое напольное зеркало, он по-детски гримасничал. Было видно, что он доволен своим видом.

Мне разобраться со своим костюмом тоже особых проблем не составило. Одевшись и застегнув на поясе шитую портупею, я спокойно ждал своей очереди. Смотреться в зеркало желания не было, интереснее было наблюдать за фотосессией. Настроив аппарат, «дед» стал руководить съемками — где и как стоять и сидеть Сергею. После чего сделал несколько снимков. Затем пригласил меня.

Держа в руках тяжелую форменную каску, я двинулся под свет софитов, который мешал видеть остальную комнату. Подойдя к экрану, остановился и посмотрел в сторону фотографа. Было такое ощущение, что все вокруг застыло и затихло. Потом раздался вздох, и явно не одного человека.

— Вот это да!!! — сказал кто-то. Я повернул голову в сторону говорившего, но так никого и не увидел — слепил свет. Раздался щелчок, а затем еще. Мне почему-то разонравилась идея сниматься. Не дожидаясь команды, сел в кресло, поставив каску на пол. Фотограф сделал еще несколько снимков. Поблагодарил и разрешил переодеваться.

— Ну, ты даешь! — услышал я от Сергея. — Прямо аристократ какой-

то. Мундир сидит как влитой.

— Что, действительно хорошо смотрелся?

— Просто отлично. Сразу чувствовалось, что настоящий военный.

— Ладно, давай собираться, а то ребята заждались.

Быстро одевшись и отдав костюмы подошедшей помощнице фотографа, уточнив время, когда прийти за снимками, мы наконец вышли на улицу.

— Где вы пропадали? Мы уже собрались идти на поиски! — набросились на нас парни.

— Да так, потом увидите, когда снимки получим, — напуская дыма, отвечал Сергей. — Нам поступило заманчивое предложение, и мы не смогли отказаться...

— Ребята, пойдёмте. Я постараюсь выполнить свое обещание. Надеюсь, бить потом не будете. Давайте начнем отсюда. — Предложил я и начал рассказ о создании Исторического музея, снятых с башен здания в 1935 году двуглавых орлах и геральдических фигурах львов и единорогов...

Медленно идя по брусчатке Красной площади, я рассказывал парням об истории и создании Кремля, соборе Василия Блаженного (Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву), памятнике Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, Лобном месте, Китай-городе, Гостином дворе. Наша группа лейтенантов, со мной во главе, смотрелась достаточно колоритно. В ходе рассказа я заметил, что к нам присоединилось еще несколько человек — то ли зевак, то ли из службы охраны. Ребята слушали внимательно, лишь иногда переспрашивая неясное. Внешней охраны Кремля заметно не было. Только несколько милиционеров прохаживались в отдалении, да у въездных ворот Спасской башни стояли бойцы охраны. Экскурсия длилась где-то полтора часа. Сделав круг почета вокруг Красной площади и ее достопримечательностей, мы остановились у входа в здание Верхних Торговых рядов (ГУМа) со стороны улицы Куйбышева (Ильинки). В 1936 г. его готовили к сносу, но работы остановили и отдали под размещение различных организаций. На первом этаже работал продовольственный магазин, лотчицы продавали мороженое. Закончив свой рассказ, я предложил подкрепиться мороженым, что было принято на «ура».

Кто не жил в Советском Союзе, тот никогда не узнает вкуса настоящего мороженого, а кто жил, тот его не забудет. Все, что продавалось после 80-х годов XX века у нас в стране, уже нельзя считать мороженым. Пусть оно было неприглядным на вид и за ним приходилось выстаивать длинные очереди, зато каким счастьем было ощутить его нежный

молочный вкус на губах. Сливочное, пломбир, фруктово-ягодное, вафельные стаканчики с кремовыми розочками, эскимо, рожок с шоколадной глазурью. В отечественном «холодке» не было ни единого консерванта, только натуральное молоко! К тому же стаканчики, брикеты и эскимо по всей стране изготавливались по единой технологии и содержали только молочные жиры. Поэтому вкус десерта в любом городе Союза был одинаковым! Этим мы обязаны ГОСТу 117-41, введенному 12 марта 1941 г. Он считался одним из самых жестких в мире. Вот сейчас у нас была возможность его поесть. Лоточница нам предложила на выбор: мороженое с «лебедем» (13 коп.), молочное (9 коп.), фруктовое (7 коп.), шоколадное «эскимо» малое (11 коп.), большое (22 коп.) в брикетах и стаканчиках. Бери — не хочу. С жадности мы взяли по несколько штук сразу и теперь стояли и наслаждались вкусом. Кое-кто из парней мороженое ел первый раз в жизни. Правда, мороженое в брикетах быстро растаяло и потекло по пальцам, делая их липкими. Я предложил помыть руки. Себе я брал мороженое в стаканчике, и мне мыть руки было не нужно. Показав, где находится туалет, остался их ждать у фонтана.

Был рабочий день — вторник. Мимо меня по своим делам ходил народ, а я наслаждался шумом падающей прохладной воды. На входе со стороны Никольской работал магазин канцелярских товаров. Магазин хотя и был небольшой, но поражал наличием товара не только местного, но и зарубежного производства. Посетителей в нем было мало, никто из них ничего не покупал, просто прохаживался и рассматривал полки с товаром. Может, их отпугивали цены? Мне лично они показались нормальными. Рассматривая полки, я нашел нужные мне вещи — перьевую ручку Parker VACUMATIC, вдобавок ко всему с золотым пером. Здесь же были чернила для нее «QUINK». Кроме того, заметил отличную белую писчую бумагу в пачках, большие почтовые конверты, малоформатный фотоаппарат «ФЭД» — точную копию немецкой «Leica II», была и фотопленка «Kodak». Увидев, что я заинтересовался товаром, ко мне подошел продавец. Поздоровавшись, он поинтересовался, что меня заинтересовало. Я перечислил, что хотел бы приобрести. Продавец внимательно на меня посмотрел и поинтересовался, чем я буду рассчитывать.

— Наличными, — ответил я и уточнил, что хотел бы взять всю имеющуюся фотопленку.

Еще раз внимательно посмотрев на меня, продавец стал собирать и выкладывать на прилавок перечисленные мной вещи. Сумма получилась приличная — больше 1,5 тысячи рублей. Одна ручка потянула 650 рублей. Но жалеть деньги я не стал, так как особого смысла их беречь не видел. Все

покупки мне связали в один пакет. Поблагодарив продавца, я вышел из помещения. Только тут обратил внимание, что это Коммерческий магазин. Стала понятна реакция посетителей магазина на цены — видимо, они действительно были крутоваты. У фонтана меня уже ждали парни. Похвастался покупками, и мы направились в ателье.

Наши фотографии были готовы. Конверты с ними выдала помощница фотографа, предлагая их предварительно посмотреть и проверить. Фотографу удалось сделать действительно качественные снимки. На каждой фотографии, несмотря на схожесть фона и внешнего вида снимавшихся, жили индивидуальности со своими характерами и мыслями. Но все разговоры стихли, когда мы с Сергеем стали смотреть свои снимки.

На фото Сергея жил молодой, лихой краснофлотец времен Гражданской войны, во флотской тужурке, тельняшке и бескозырке. В его глазах светился задор и молодость.

Мне досталось несколько комплектов фото. Те, что были предназначены для документов, и художественное фото в военной форме мне понравились. С них открыто смотрел молодой, симпатичный и улыбчивый лейтенант пехоты. С остальных на мир смотрел аристократ — царский офицер в придворной бальной форме. На лице, одновременно и строгом, и привлекательном, читались скука и пресыщенность жизнью. В его глазах светились ум, власть и жесткость. Но на том комплекте, где у меня была повязка на голове, жил уже совсем другой офицер. Боевой, а не придворный завсегдатель. Здесь на лице уже читалась усталость и стремление к жизни. На всех фото их герой жил своей жизнью, сам того не ведая. Фотограф действительно был мастером своего дела.

Помощница фотографа спросила: «Понравились ли вам снимки?» Мы почти хором это подтвердили. Она улыбнулась: «Совсем оглушили!» и предложила их оплатить. Что мы и сделали.

Время было обеденное. Пора было подкрепиться. Из старых, близко находящихся мест питания я знал только ресторан «Славянский базар», что на Никольской. Ну и пару дешевых пивных и столовых, что были в мое время там же. Еще вариант — рестораны в гостинице «Москва». Кстати, очень перспективный — можно убить сразу несколько зайцев: показаться перед швейцаром и остальным обслуживающим персоналом гостиницы в группе сослуживцев. Вот и предложил пообедать в ресторане при гостинице, где остановился, тем более что совсем рядом. Народ согласился, прогулка на свежем воздухе у всех возбудила аппетит. Дверь нам открыл тот же швейцар, что и утром. В ресторане, заняв и сдвинув несколько столов, мы сделали заказ — много мяса, овощей и водки. Вскоре принесли

заказ, и мы смогли насладиться мастерством поваров.

За обедом, разговором, воспоминаниями учебного процесса, шумно и весело, прекрасно провели время. Мне пришлось молчать, слушая других, иногда вставляя рассказы из своей прошлой жизни. Время текло незаметно, и стрелки часов подошли к 15 часам. Пора было прощаться, у ребят скоро поезд, а им еще добираться на Киевский. Рассчитавшись, мы вышли на свежий воздух. За те несколько часов, что провели вместе, мы сдружились. Особенно с Сергеем Поповым. Он оставил мне адрес своих родителей в Казани и просил писать туда. У входа на станцию метро мы простились, пожав на прощание руки и пообещав друг другу списаться через Сергеевых родителей. После чего ребята скрылись за дверями станции. Я же пошел в гостиницу, мне еще надо было работать. Письменный стол и бумага ждали меня...

**Из записки Л. П. Берии лично И. В. Сталину от 02.06.41 г.
№ 1798/Б**

«...В районах Томашов и Лежайск сосредоточились две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии... и штаб армии в фольварке Усьмеж... командующим которой является генерал Рейхенау (требуется уточнения)... 25 мая из Варшавы... отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью... Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы... Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено в направлениях на Брест и Львов...»

Дорога обратно заняла всего несколько минут. На лифте поднялся к себе на этаж. Первого, кого встретил, была Татьяна. Улыбнувшись, поздравила с покупками, что были у меня в руках. А затем доложила, что все сделала, как я просил. И, подойдя к столу, отдала мне конверт с билетом на поезд и остатком денег. Мой поезд до Минска убывал завтра в 16 часов, вагон купейный, полка нижняя. Подавая ключ от номера, продолжила: «Форму погладила. Я на всякий случай оставила щетку. Вдруг потребуется. Если что еще надо, не стесняйтесь, говорите».

К своему стыду, я понял, что совсем забыл купить презент Тане за ее работу. Но в принципе не все потеряно. Поблагодарив, поинтересовался, сколько должен за работу. На что получил ответ: «Ничего. Все оплачено из остатка денег от переоформления билета. Квитанция в конверте». Мне

осталось еще раз поблагодарить и пригласить девушку заходить в свободное время на коньяк.

В номере выложил на стол купленные письменные принадлежности. В шкафу проверил форму. Она была прекрасно выглажена. О стрелки можно было бы поранить пальцы, так что должен я Тане по самое не хочу. Полюбовавшись формой, разделся.

Решил начать с самого простого — конверта с документами Седова. Достав и положив конверт перед собой на стол, стал рассматривать его. Обычный, склеенный из плотной, коричневатой, оберточной бумаги конверт с сургучной печатью. Как его вскрыть, не повредив, знал. В свое время натренировали. Подогрев электрочайник, принялся за дело. Вскоре конверт дал возможность посмотреть в свое нутро. Там находилась папка в бело-серой матерчатой обложке. Как и ожидалось, это было личное дело лейтенанта Седова Владимира Николаевича, 1921 г.р. Материала для изучения было море — страниц двадцать пять.

Сами корочки чистые с несколькими отметками, но что они означают, не помню. После войны кодировку поменяли, и современные мне знания по ним здесь не прокатят. Раскрыв дело, стал его просматривать. С фотографии, сделанной в марте текущего года, еще в курсантской форме, на меня смотрел Седов. Послужной список, автобиография, аттестация и анкета дополнили мои знания о себе любимом: из крестьян, с четырех лет воспитывался в детдоме недалеко от Тамбова. Родителей не помнит. Доставлен в детдом сотрудниками ОГПУ с ж.д. станции Тамбов, где несколько суток голодал. На «хорошо» и «отлично» окончил десятилетку при детдоме. Член ВЛКСМ, был секретарем комсомольской организации (несколько раз подчеркнуто красным карандашом) школы. После школы, в тридцать девятом, в соответствии с собственным желанием и по комсомольской путевке горкома комсомола направлен для обучения в пехотное училище. Окончил полный курс ТКУ. Приказом НКО № 0170 от 14 мая 1941 г. досрочно выпущен в воинском звании «лейтенант». Не участвовал, не состоял, не привлекался. Не женат. Родственников не имеет. Оценки у курсанта хорошие. Хорошо знает немецкий и может на нем говорить!!! (Вот прокол — я его помню с пятого на десятое. В последний раз учил в институте, но потом практики не было и почти забыл.) Активист, спортсмен-разрядник, «Ворошиловский стрелок», водит автомобиль и мотоцикл. Характеристика положительная. Короче, настоящий «ариец».

Автобиография написана перед выпуском. Кадровики постарались. Почерк мелкий, буквы с крутым, отвесным наклоном — очень похож на мой. В аттестации молодого лейтенанта заинтересовала и отметка особого

отдела. Взысканий по служебной линии не имел. Для чего тогда особист отметку поставил? Обычно хватает подписи непосредственного начальника. Или я что-то пропустил и было такое требование? Ладно, чего голову забивать.

Что ж, теперь хоть немного, но познакомился с прошлым своего Седова. Вообще прекрасно, что он дело вез с собой. Было бы по-другому — не знал бы, что и делать. Надеюсь, и так прокатит.

Достав полученные фотографии, вложил их в личное дело, дополнив старые. Несколько маленьких оставил себе, потребуются поменять удостоверение в части. Подготовив таким образом личное дело, убрал его на место в чемодан.

Теперь можно было заняться главным, для чего остался в Москве, — письмом к Сталину. Раскрыв пачку с бумагой и заправив ручку чернилами, развернул перед собой черновик, сосредоточиваясь. Мое внимание все время отвлекал перстень, мешая своим светом. А потом...

Привычно накатило, освобождая мысли и чувства. Мысль летела через время и пространство. Вспоминались планы немецкого командования, направления ударов, перечень частей и соединений, сосредоточиваемых у нашей границы, их командный состав, места дислокации, схемы и карты приграничных сражений, действия сторон. Слабые и сильные стороны вооружения и техники. Организационная структура СС и СД, партаппарата, вермахта. Уже давно забытые прочитанные книги и материалы, мемуары, персоналии и их характеристики. Ошибки в руководстве войсками. Предательство нашего высшего комсостава (особенно в Западном ОВО). Обсуждения. Фотографии, художественные и документальные фильмы, события, сражения и итоги Великой Отечественной войны. Кроме всего прочего, вспомнились тайные немецкие базы и тайные аэродромы на островах архипелага Земля Франца-Иосифа, Междушарский (архипелаг Новая Земля), на новоземельских мысах Константина и Пинегина, у архангельских деревень Мегра, Верхняя Золотица, Погорелец и в Лешуконском районе, у Окулова озера. Именно на их основе была создана надежная система контроля всей акватории Карского моря, а возможно, и системы дальней разведки рейха. Вспомнилась и организация эвакуации предприятий и организаций с оккупированных территорий, и бардак, творившийся тогда. Предательство ряда народностей — украинцев, прибалтов, чеченцев, крымских татар, калмыков, грузин. В голове всплыло предположение об отравлении Сталина в ночь с 21 на 22 июня 1941 г., прочитанное когда-то на одном из форумов, посвященных Великой Отечественной войне. Там утверждалось, что именно поэтому он не мог

руководить страной в период с 22 по 25 июня. А когда оклемался и 25-го смог приехать в Генштаб, понял, как военные подставили страну и его лично. Не смог сдержать своего гнева. У Жукова по этому поводу в мемуарах частично описано. Не знаю, кому как, но мне это предположение показалось достаточно обоснованным и правдоподобным. Вспомнились месторождения природных ископаемых, которых так будет не хватать стране. Все-таки хорошо нас учили в школе на уроках географии. Конечно, без особой конкретики, но тем не менее. И обо всем этом замалчивать не стоило, хоть этим еще немного помочь Родине. Картинки менялись пулеметной лентой, надолго не задерживаясь в голове и давая возможность другой появиться на свет. Все это формировалось в готовые и чеканные фразы и слова, что ложились на бумагу.

Очнулся в сумерках. Очень сильно хотелось ПИТЬ. Схватил графин с водой, который стоял рядом, и полностью осушил его. Немного полегчало...

Электрический свет лампы освещал стол. На нем лежала большая пачка пронумерованных, исписанных с обеих сторон листов. Флакон с чернилами был фактически пуст, так, совсем чуть-чуть на самом дне. Остаток чистой бумаги составлял всего листов сто, не больше. Неплохо так поработал. Взяв верхний листок, вчитался. Затем еще, еще и еще... Написано, конечно, как курица лапой. Мелко, но главное — можно без труда разобрать и прочитать. Вроде бы все, что хотел сообщить, написал. Еще раз перелистал написанное. Да, все. Больше писать не стоит. Если письмо дойдет до адресата, история может основательно измениться. То, что я знаю и учил, уже не случится. Ну, а если не дойдет, то все было зря. Останется только убить как можно больше врагов, чтобы до конца выполнить свой долг перед РОДИНОЙ. О плохом думать совершенно не хочется, буду надеяться все-таки на лучшее...

Переложил в конверты плоды своего труда. Всего получилось 7 двойных конвертов. На внешних конвертах надписал: «Москва. ЦК ВКП(б). Сталину И. В. «Воздух». Строго конфиденциально. Не вскрывать без адресата. Вручить лично в руки». На внутренних: «Москва. Кремль. Сталину. «Воздух». Особой Государственной Важности. Не вскрывать без адресата. Пакет №__». Между конвертами вложил информационное письмо для охраны Сталина, в котором просил провести проверку без вскрытия внутреннего конверта. Насколько помнил, вся корреспонденция с такими пометками обычно сразу же доставлялась Сталину.

В ящике стола нашелся канцелярский клей, которым и заклеил пакеты. Осталось их опустить в почтовый ящик. Бросать в гостинице посчитал

опасным из-за того, что пакеты увидит куча народа и будет в курсе о письме, пока оно идет к адресату. Надо жить скромнее. Ножками прогуляться до Старой площади и там бросить в ящик для корреспонденции ЦК ВКП(б). Тем более это совсем рядом и идти туда минут двадцать. Если через проходные дворы, то можно быстрее. Надеюсь, на ночь их не перекрывают...

Плотно закрыв дверь в ванной, сжег черновик, спустив с туалет пепел. Дождавшись, когда высохнет клей и выветрится дым, быстро собрался и вышел из номера. Сдавать ключ администратору не стал, все равно скоро вернусь. Выйдя на улицу, двинулся по давно и хорошо знакомому маршруту Охотный ряд — Старая площадь, д. 4. Несмотря на позднее время, на улицах народа прибавилось. Люди прогуливались в сквере у Большого театра, стояли у входа в метро. Работали киоскеры с табаком, лоточницы продавали мороженое и газировку.

До места дошел быстро. Вход в здание освещался лампочкой. Охраны видно не было, но в том, что «наружка» ведет наблюдение, абсолютно не сомневался. Все же это стратегический объект, который и охраняться должен соответственно. Ничего предосудительного я не делал. Так что не думаю, что они сразу же меня станут брать. Вот снимок вполне могут сделать. Ну и поинтересоваться, кто и что бросил в ящик в такое позднее время. Хотя, бог его знает, как сейчас здесь организована охрана. Не спеша раскрыв пакет, побросал конверты в окошко почтового ящика, закрепленного на стене рядом с входом. Спокойно свернул оставшуюся бумагу и медленно пошел назад. Меня никто не преследовал. Бульвар был пуст. «Наружку» так и не заметил.

Вернувшись в гостиницу, поднялся в ресторан. За столиками сидели немногочисленные посетители. Заказал ужин, а также шоколад и коньяк Тане. С удовольствием съев поданный ужин и запив его несколькими бутылками «Боржоми», решил вернуться в номер и как следует выспаться.

Таня меня встретила на этаже. Она поинтересовалась, как мне понравилась ее работа. Поблагодарил ее за сделанное и вручил пакет с шоколадом и коньяком. Девушка засмушалась и сначала отнекивалась, но затем все-таки забрала пакет, пообещав разделить его с подругами. Еще раз поблагодарив, я пошел к себе...

Все запланированное мною выполнено. Опять захотелось пить. Я снова ополовинил кувшин. Кстати, интересно, кто его наполнял? Насколько помню, я этого не делал и оставил пустым на столе. Видимо, в мое отсутствие кто-то из obsługi, или еще кто, был в номере. Вот и позаботился. Чемодан, кстати, тоже досмотрели. Волосок, заранее

укрепленный на нем, отсутствовал. Но это было ожидаемо. Надеюсь, ничего предосудительного там не нашли и не подкинули, а то бы давно ласты скрутили. Глаза слипались, усталость последних дней брала свое. Преодолевая себя, из последних сил разделся. Не помню, как дошел до постели и провалился в сон...

Из беседы, состоявшейся в служебном кабинете на втором этаже гостиницы «Москва»:

— Ты чего к парню привязался? Обычный «лейтеха». Едет после окончания училища к месту службы. Остановился у нас на сутки до поезда. Поезд завтра. Татьяна говорит — спокойный, приятный, культурный. Явно городской — говорит слишком правильно, начитанный, с деньгами. Деньгами не сорит. Что тут такого? Почему к нему надо присмотреться?

— Как тебе сказать... Странный, чужой он какой-то... Вот себя вспомни после окончания курсов. У тебя что, три комплекта формы с кучей нижнего белья с собой было?

— Эка ты взял. Когда это было. У меня, кроме формы, что на мне была, да исподнего, с кое-какой мелочовкой, в чемоданчике не было ничего. Потом уж, когда подъемные получил да обжился, все и приобрел. Но времени то уже 6 лет прошло. Люди лучше жить стали, снабжают лучше.

— Ага, и у нас поселиться могут?! И «самописки» за огромные деньги иметь? И фотоаппарат с кучей фотопленки? Что ни говори — богатыми люди стали! Себе-то не ври! У тебя самого это есть? Вот то-то и оно, что нет! А у молодого, неоперившегося командира есть! А еще у меня и у девчонок сложилось впечатление, что он здесь не первый раз. Когда он от регистратуры к лифту шел, я сам видел. Татьяна заметила, что на этаже хорошо ориентируется. А говоришь не странно!

— Возможно, ты и прав, но у него мы ничего не нашли. Комплекты формы и нижнего белья — это разве предосудительно? Сам знаешь, что нет. Фотоаппарат и фотопленка? Татьяна сказала, что он днем выходил без пакета, а вернулся с объемным пакетом. Возможно, купил здесь. А останавливался, может быть, здесь раньше, ты же не всех мог запомнить. Он молодой, может, с родителями приезжал.

— Все может быть. Но память у меня на лица хорошая и не подводила. Если бы я его раньше видел, то вспомнил бы.

Гостиница не так давно открылась, я тут почитай с первого дня. С памятью проблем раньше никогда не было. Потому и держат здесь. Я уж и так и этак пытался вспомнить, но не получается. Вот и выходит, что не было его у нас. Возникает закономерный вопрос: «Откуда он может знать, что и где находится?» Подозрительно все это. То, что документы у него в порядке, еще ничего не говорит. Сейчас что хочешь могут сделать. А ты говоришь, прицепился! Кстати, когда он пришел с компанией в ресторан, кто их обслуживал?

— Я и обслуживал. О чем говорили? Да ни о чем. Пока все доставлял и расставлял, наслушался... Они все с одного училища, вспоминали учебу, преподавателей. Ничего интересного, обычный треп... Адресами обменивались. Я так понял, что они в разные округа едут. Твой в Белоруссию, а остальные в Киев... Кстати, в училище звонил? Проверял его?

— Через дежурного по управлению пробивал. Все сходится. Приметы совпадают. Номер удостоверения и предписания соответствуют. Следует в Минск за назначением, срок прибытия не нарушает. Вроде бы все в норме, но чувствую что-то. Никак не пойму что. Сам же знаешь, берешь яблоко, снаружи красивое и свежее, а откусишь — внутри гниль. Вот так и тут. Вроде бы все с Седовым понятно — нормальный выпускник, а все равно гложет сомнение. Гнетет что-то в нем. А что, не пойму. Объяснить сложно. Какой-то он не наш, что ли. Ведет себя слишком раскованно, свободно. Так у нас обычно иностранцы себя ведут. Но в то же время он не такой, как они. Чувствую, а сказать и понять не могу. Как тебе его фотокарточки?

— Хорошие снимки. Здесь сделаны. Я, похоже, знаю, кто их делал. Ты когда отчет составлять будешь, не забудь про них указать, так, на всякий случай. Я Татьяну предупредил, она тоже укажет... Ну, а посмотреть — посмотрим и по смене сообщим. И еще. Раз ты настаиваешь, то поручу Татьяне его еще раз проверить и посмотреть за ним...

Глава 4. В Москву

Проснулся рано утром. День обещал быть солнечным и ярким. По небу не спеша плыли облака. Поливальные машины мыли асфальт, а в брызгах воды сверкала радуга. Себя чувствовал отдохнувшим и удовлетворенным выполненными вчера делами. Главное — письмо Сталину было отправлено. О чем можно было предупредить, сделал, остальное в его руках. Как он отнесется к очередному предупреждению и что он предпримет? Насколько я помнил, от нашей разведки постоянно шли данные о датах нападения на СССР в период с 15 по 22 июня. В Кремле прекрасно знали о войне и готовились к ней. Делали все возможное. Но вот почему военные «просрали» начальный период, оставалось так и нераскрытой загадкой, какие бы доводы ни приводились в литературе моего времени. Еще со школьной скамьи у меня сложилось впечатление, что это было предательство со стороны высшего командного состава РККА. Заговор маршалов действительно был, и Сталин вовремя уничтожил пятую колонну в РККА. Но как говаривал мой школьный учитель истории Солозобов М. Н.: «Щуку поймали, да зубы остались». Отсюда и поражения 1941–1942 гг.

За этими размышлениями я прошел в ванную. Открывая кран душа, обратил внимание на то, что перстень поменял свой цвет с насыщенного янтарного на бледно-зеленый. Снимать его с руки я не стал — привык, наверное. Струи воды лились по телу и рукам. Под напором воды камень перстня стал темно-зеленым. Чудны дела твои, Господи!

Что делать до отправления? Имею право на отдых, столько дел переделал. Правда, особо идти некуда. В другое время можно было съездить в Кузьминки и побродить по парку, но там сейчас закрытая зона НКВД. Сокольники мне не нравятся. Да и ехать туда на трамвае долго. Так что сидим в номере и наслаждаемся одиночеством. Заодно подготовимся к боевым действиям. Что я имею в виду? Да хотя бы подготовить рабочий чертеж глушителя на «наган» и другую стрелковку. Зачем «ПБС»? Чтоб было! Конечно, действовать ими в линейном бою не придется, но запас карман не тянет. Неизвестно, куда попаду служить. С учетом того, что придется по-любому с боем выходить из окружения, даже не сомневаюсь в его полезности. Тем более что в «ПБС» особо сложного ничего нет. Кроме уж совсем «накрученных», остальные можно сделать в любой, хорошо оборудованной и укомплектованной мастерской. Сейчас глушители

используются в спецподразделениях НКВД и РККА. Например, БраМит для «наганов» и «мосинок». Но этих БраМитов всего-то пара тысяч штук. И кто мне их выдаст? Так что озаботиться придется самому. Принцип работы и комплектацию знаю — в командировках на Кавказ пришлось насмотреться на разные «ПБС»: и заводские, и самопальные. Не теряя времени, сел за стол и накидал чертеж. Будем надеяться, что в части, куда назначат, будет арт— или автомастерская и там смогу все заказать и собрать. Металл по-любому будет, ну, а каучук вполне заменим резиной. Труднее с патронами, но надеюсь, что на складах найдутся патроны «УС» (уменьшенной скорости).

Еще было бы совсем неплохо накидать «планчик» боевой подготовки для своего подразделения. Какого? Да того, что дадут по прибытии в часть. С учетом того, что Седов — пехотный «Ваня», это будет взвод, максимум стрелковая рота. Плохо, что не помню всех меток на деле. А то можно было более точно определить, на какую должность готовили лейтенанта и в чем он более силен. Ладно, нечего посторонними мыслями голову забивать. Будем считать по минимуму — взвод. Теперь вопрос — где будет расположена часть: в Восточной или Западной Белоруссии? Отсюда и будет решен вопрос с временными рамками на подготовку. Если исходить из того, что в часть я доберусь завтра-послезавтра, то до начала войны остается не более двух недель. День на размещение, знакомство с личным составом, вооружением и техникой. Для подготовки бойцов останется максимум 13 дней. Кроме того, в батальоне уже есть свой план, который, вполне вероятно, не совпадет с моим. Убедить командование, что 22 июня начнется война, будет очень сложно. Тут вся надежда на Иосифа Виссарионовича. На то, что он вовремя даст пинок командованию.

Ну, ладно, на Бога надейся, да сам не плошай. По прибытии будет видно, что к чему. Пока накидаю предварительный план. Что туда включить? В первую очередь то, что умею и смогу донести до бойцов сам.

1. Стрелковая подготовка. Насколько помню, в армии многие страдали от неумения стрелять. Не знали вверенного оружия. Мне с этим проще — почти всю «стрелковку», что сейчас стоит на вооружении что у нас, что в вермахте, знаю. Во всяком случае, уверенным пользователем являюсь. За службу в армии и милиции почти все видел, да и попользоваться пришлось. Особенно мне нравился «ТТ», что носил на Кавказе. Винтовка «СВТ-40», «мосинский» и «маузеровский» карабин, особенно в снайперском варианте, тоже пришлось неоднократно поддержать в руках, да и не только поддержать. Автоматы «ППД», «ППШ», «МР-38», «МР-40» не проблема. С пулеметами «Максим», «МГ» и «Дегтяревыми», что с крупнокалиберным, что с

ручным, разберемся. Правда, приходилось общаться с более поздними моделями, да не боги горшки обжигают. Так что преподавать подчиненным курс обслуживания и использования вооружения вполне смогу. Стрелять тоже подучу, если дадут такую возможность. Были бы патроны и время. Хотя, насколько помню, в Западном ОВО перед войной было подано на склады по два боекомплект на бойца, а в части поступило еще по 1.5. На стрелковую подготовку стали больше внимания обращать. По-моему, в 40-м году Тимошенко был на инспекции в Западном военном округе и очень сильно ругался по этому вопросу. Конечно, за 10–12 дней отличного стрелка не сделаешь, но попытаться можно. Хоть в цель попадать будут, а не палить в белый свет.

2. Техника. Тут можно только строить предположение, точнее все вилами по воде. Неизвестно, куда и в какую часть направят. Что сам знаю и чем смогу управлять? Автотехника и мотоцикл — могу управлять и немного ремонтировать. За что надо особо благодарить систему советского среднего образования. В школе у нас был «Урал ЗИС-5» 1947 г. выпуска — знаменитая «трехтонка». Потом его заменили на более новый «ГАЗ-51А». Сколько же с ними приходилось возиться под руководством учителей по труду, чтобы хотя бы проехать по школьному двору. С гужевым транспортом сложнее. Нет, ездить-то ездил и верхами, и в телеге. Запрягать у бабушки на Волге научился. Но вот ухаживать особо не приходилось. Думаю, найдутся те, кто это сможет.

3. Артиллерия. С минометами разберусь. Как-никак два года «срочки» в Советской Армии даром не прошли. Спасибо командирам, обучили, гоняя до седьмого пота. С орудиями сложнее. Не было у нас в части ствольной артиллерии. Правда, в укрепрайоне немного посмотрел на работу артиллеристов. Так что по стволу наведу и, возможно, даже попаду.

4. Саперное дело. С этим в порядке: и ставить, и снимать умеем. Мины любим и очень уважаем. Леня, невнимательность и глупость научили, когда с ранением в госпитале належался. Инженерную подготовку знаем, и передать подчиненным смогу.

5. Уставы. Тут тоже, думается, не будет сложности. Все-таки наши Уставы писались на крови Великой Отечественной войны и вобрали в себя лучшее из старых Уставов. Но в части надо будет озаботиться повторением.

6. Строевая и физподготовка. За 30 лет Строевой устав выучил. Конечно, не рота почетного караула, но тем не менее. Кто-то считает это анахронизмом. Я так нет. Лучшего места для сплочения коллектива ничего не придумано, а если еще найдется «зверь»-строевик, вообще прекрасно. Я себя, конечно, таким не считаю, но старался им быть. Требования НФП из

памяти не стерлись. Показать и подсказать смогу.

7. Партполитработа. Опыта работы секретарем комитета комсомола батальона хватит.

8. Тактическая подготовка. Опыт есть. Еще не все пропито. Построить оборонительный и наступательный порядок подразделения смогу. Что такое опорный пункт, знаю и, главное, умею его строить. Что еще смогу применить? Тактику действия мелких групп и штурмовых подразделений. Особенно штурмовых подразделений. Еще в детстве у отца в библиотеке попался учебник Шошкловича А. К. «Действие мотострелкового батальона в городе» и, пользуясь отсутствием взрослых, проштудировал его. Все там было четко и, главное, понятно рассказано, даже для такой «мелюзги», как я. Книга врезалась в память. Папа, увидев ее у меня, подарил. В моей библиотеке она заняла почетное место. С начала «перестройки» и «перестрелки» полученные из нее знания очень пригодились.

9. Радио— и телефонная связь. Имеющиеся сейчас в частях радиостанции не знаю. Видеть — видел, но в основном в музеях. Пользоваться ими не умею. Вот с телефонными аппаратами и коммутаторами всегда пожалуйста. Те, что пользовали в мое время, не сильно отличались от тех, что были на войне.

10. Рукопашный бой. Далеко не мастер. Но тем не менее сдачи дам и мало не покажется.

11. Медицина. Обработать и перевязать рану вполне смогу. Опыта хватит. «Лесную» аптеку знаю. При необходимости смогу помочь при ряде заболеваний. Кстати, надо будет озаботиться медпрепаратами и перевязочными материалами. Но это уже в части.

12. Ротное хозяйство. Знаю не понаслышке. Пару лет пробыл старшиной не самой маленькой роты.

Так что теоретический и практический багаж есть. Правда, есть вопрос — а чего я вообще хочу добиться от своих подчиненных? В идеале стойкое, боеготовое подразделение. По типу десантно-штурмовой роты моего времени. С хорошей военной подготовкой. Чтобы не побежали в первом же бою. Было бы совсем неплохо иметь в подразделении как можно больше грамотных и умелых специалистов: механиков, слесарей, охотников-промысловиков, лесовиков и егерей. Тогда готовить личный состав оказалось бы куда проще. Да где же их найдешь? Придется учить тех, кто будет, а не тех, кого хочется. Придется быть «цербером» и гонять всех так, как гоняли меня в «учебке», то есть без зазрения совести и жалости. Постаравшись передать по максимуму имеющиеся знания

подчиненным.

Вскоре черновик плана был готов. Основные вопросы подготовки нашли свое отражение. Если еще что вспомню, всегда есть возможность внести изменения и дополнения. Большую же часть коррективов внесу уже по месту службы. Неплохо было бы иметь топографические карты Белоруссии и возможного района боевых действий, но сейчас их можно получить только в штабе полка, да и то не всем дадут. В большинстве случаев командиры моего уровня обходятся рисунками от руки. Да и пользоваться картой не умеют. Но это все вопрос времени.

День начался очень плодотворно. Что само по себе прекрасно. Мое внимание привлекла форма, которую вчера неаккуратно побросал на спинку кресла. Вообще-то я человек аккуратный, стараюсь за собой следить, а тут такой промах. Подворотничок грязноват. Носки несвежие. Вообще неприятный вы тип, гражданин Седов, или как вас там?

Седов. Конечно, Седов. Ну, а раз так, то принимайтесь за дело. Наведите марафет на свой внешний вид. Подворотничок сменить, сапоги начистить, носки сменить и постирать. Чистота превыше всего.

Итак, что мы имеем в сухом остатке на сегодня: привести форму в порядок, отоспаться впрок и убыть к месту службы.

По первому пункту времени много не потребовалось. Долго ли умеючи.

Оставалось самое тяжелое — отоспаться и поесть. Никому не отдам. А то знаю я эти гарнизоны. Все наряды по прибытии в часть будут моими. У кого семьи, дела и заботы, а ты молодой, тебе еще служить и служить. Так что отработка взаимодействия щеки и подушки с моей стороны будет проведена в полном соответствии с требованиями Устава — в полном объеме и качественно. Тем более что для этого все есть — чистая постель и мягкая подушка. Но выполнить данную программу не удалось. Как только я собирался улечься в кровать, позвонила Таня, предупредившая о скором приходе. Встречать даму голым и с разбросанными по комнате вещами не принято. Поэтому пришлось срочно одеваться и собираться. Успел я почти вовремя и одеться, и вещи сложить аккуратно, только портупею и сапоги не надел.

Открыв на деликатный стук дверь, увидел предмет моих ожиданий. Таня была просто сногшибательна в своей отутюженной форме с белым передником. О чем ей сразу же и сообщил. От сказанного у нее заалели щеки. Она сообщила, что в номере я могу пробыть до отправления на вокзал. Чему я был только рад. Сидеть на вокзале в ожидании поезда не самое интересное и плодотворное дело. Я лучше в номере делами займусь.

— Когда можно у вас убрать? — спросила Таня.

— В любое время. При условии, что вы меня просветите, когда начинает работать ресторан на крыше. Вчера не успел узнать, а есть хочется так, что готов съесть слона.

В ответ меня просветили, что рестораны на крыше и на первом этаже откроются в 9 часов. Буфеты при них работают круглосуточно. Холодные закуски можно заказать прямо в номер, а вот горячее надо будет подождать из-за того, что кухня начинает работать с 10 часов. Чай на вахте есть всегда, и если надо, то она принесет. При этом Таня так мило улыбалась, что можно было съесть ее вместо слона. Целиком, не раздевая. Заманчивое такое предложение. Так и тянет им воспользоваться...

Застегивая портупею и машинально поправляя тяжелую кобуру, поместил ее на положенное место. Тут до меня дошло, что я, по своему зазнайству, не сверил номер револьвера с записанным в удостоверении Седова. Ведь это может быть залетом, и не малым. Расслабился, обрадовался, что стал обладателем стольких «ништяков», а элементарное не проверил. Выпускники военных училищ едут в часть без оружия. Табельное оружие за ними закрепляют уже в части, делают соответствующую запись в документах. Исключение делалось только для наградного оружия, а я, дурак старый, об этом и забыл!

Пока Таня ходила за инструментом, достал удостоверение. Нашел нужную страницу и был неприятно поражен ее белыми, чистыми и, главное, незаполненными графами. Приехали, называется. Хорошо еще, что сейчас обратил внимание, а то бы нашел приключений на свою голову. Так, срочно кобуру с револьвером долой. В сейф подальше от любопытных глаз. Ничего страшного, до части можно и без оружия походить, а там разберемся. Кстати, интересно, а где Седов себе его достал? И ведь не боялся ходить с ним, что довольно странно. Документов на закрепление оружия в личном деле тоже не было. Я бы заметил. Загадка на загадке и ею погоняет. Ладно, оставим их решение на потом. Дела делами, а о себе любимом надо позаботиться. Сначала поест, а дальше посмотрим, что к чему.

В ресторане было пустынно и тихо. Одиноким, средних лет бармен за стойкой и несколько симпатичных официанток под руководством пожилого метрдотеля, раскладывающие на столах приборы, практически ее не нарушали. Кстати, вчерашних официантов, что обслуживали меня, не наблюдалось. Сел за столик и сделал заказ почти сразу же подошедшей миловидной девушке-официантке. Легкий летний ветерок мягко обдувал лицо.

* * *

На столе у дежурного администратора ресторана «Птичий полет» зазвонил телефон. Он снял трубку и, смотря в окно, выходящее в зал, стал отвечать.

— Да, здесь. Обслуживает Марина. Хорошо, все сделаем, — после чего положил трубку и еще раз посмотрел на посетителя — молодого лейтенанта. Затем подозвал официанта.

— Саша, тебе надо подменить Марину. Обслужи вон того лейтенанта. Нужно, чтобы он побыл здесь подольше. И повнимательней! Тебе все понятно?

— Да, Григорий Михайлович.

— Только прошу, очень аккуратно. Не переиграй. Рапорт потом мне отдашь.

— Есть. Все сделаю.

— Вот и умничка. Давай действуй. Только еще раз говорю, аккуратно.

* * *

Через несколько минут молодой официант с приятным и открытым лицом принес кофе со сливками, несколько бутылок минералки и салат. А горячее пообещал принести по готовности. Никто меня не беспокоил, никому я был не нужен. Сторожевая система об опасности не голосила. Ощущения, что за мной наблюдают, не было. Так, иногда, краем сознания ловился мимолетный взгляд в мою сторону от работающих в зале. Понемногу зал стал наполняться посетителями, пришедшими позавтракать. В основном это были гражданские, одетые в полувоенную форму без знаков различия, скорее всего — командиры производства.

Мысли вернулись к составленному плану подготовки. Убедить командование в необходимости именно такого обучения будет сложно. Многие привыкли к тому, что уже давно отработано. Правда, опыт Финской войны изучен и направлен в войска. Но, зная, как все новое тяжело находит себе дорогу, не сомневаюсь, что к отработке новых форм ведения боевых действий так и не приступили. Основной массе всему придется учиться уже во время войны. Тут в первую очередь сказала слабая подготовка командных кадров, отсутствие боевого опыта. Сильно подорвало боеготовность увольнение в запас тех, кто отслужил свое из числа

участвовавших в боях и кто мог помочь в освоении новых реалий войны. Мне придется опираться только на свои знания, умения и силу убеждения, в том числе и командного состава роты, батальона, полка. О дивизионном уровне даже заикаться не стоит. Если на нижних уровнях командование вполне реально уговорить попробовать сделать мною задуманное, то выше вряд ли. Для убеждения потребуется больше чем план боевой подготовки подразделения. Нужно обоснование изменений, расчет личного состава, материалов, вооружения и боеприпасов, расписание занятий, конспекты фактически по всем вопросам подготовки. Задуманный мной отдых накрывался медным тазом. Придется до отъезда использовать время с пользой, занявшись всем перечисленным.

Уходить отсюда совершенно не хотелось. Девушки симпатичные. Тепло, светло, свежий ветерок, классный кофе по первому требованию приносят. Минералка опять же холодная, поесть всегда можно, никто не отвлекает. В принципе, можно и здесь поработать, если, конечно, здесь найдется писчая бумага. Ручка у меня своя есть.

Хотелось пить. Минералка и кофе давно уже закончились. Прямо сушняк какой-то напал. Вчера не так много и выпил, по старым временам так вообще губы помочил, а тут такое бешеное желание водой заправиться. Подошедшему официанту повторил заказ на пару бутылок минералки. Он вошел в мое состояние и предложил свежего холодного пива, но я стойко отказался. Нельзя. Вдруг мое состояние не даст возможности все как следует продумать. Эх, ладно. Гулять так гулять, и я заказал еще пару бутылок воды. Заодно уточнил насчет бумаги. Оказалось, что есть. Тут часто бывают известные поэты и писатели. Вот администрации и пришлось озаботиться, а то они все салфетки переводят на свои произведения. Попросил принести и ее. Что и было сделано.

* * *

- Саша! Ну, как там клиент?
- Похоже, с похмелья мучается, за 20 минут шесть бутылок минералки заказал, а две так просто высосал.
- Понятно. Ты давай посматривай.
- Понял, все сделаю. Он попросил писчую бумагу. Я принес.
- Молодец. Ты посмотри, что он там писать будет.

Быстро проглотив принесенный завтрак, я принялся за работу. Работа спорилась, и к обеду многое из задуманного было перенесено на бумагу.

Вот что интересно, сижу в ресторане, пишу, и никто на меня внимания не обращает. Не считая официанта, конечно. Похоже, их тут очень хорошо выучили. Вот и сейчас, не успел я покончить с завтраком и минералкой, а он тут как тут, и сразу все лишнее со стола убирает. Нравится мне здесь все больше и больше. Вот только напрягают какие-то нереально большие порции. Пару человек ими накормить можно. Вроде бы водохлебом и обжорой никогда не был, а тут прорвало. Будто верблюд после долгого пути в пустыне водой набираюсь или как крокодил мясом на неделю заправляюсь. И в туалет не тянет. Вот ведь сглазил. Положил пилотку на записи, надеюсь, не утащат. Пошел исправляться.

Вернувшись, застал в зале если не столпотворение, то близкое к нему. Все столики были заняты. Еще несколько человек стояли у входа, ожидая своей очереди. Официанты старались всем угодить, подсаживая гостей на свободные места. К моему столику никто не подходил, и его охрану нес официант. Интересно, за кого он меня принял? Наверное, за очередного горе-литератора. Я, конечно, виноват. Захватил с утра целый столик, а за ним, между прочим, четыре человека вполне комфортно могли разместиться. Подойдя к столику, поблагодарил официанта и вернул ему остаток бумаги. Еще попросил собрать на его вкус дорожный набор на сутки. А еще чашечку кофе, рюмочку коньяка и окончательный счет. Уточнив, что бы я хотел видеть в наборе, а также возможность подсадить за столик посетителей, официант ушел. Я же, просмотрев написанное, сложил листы на место и остался ждать обещанного официантом.

Через некоторое время кофе, коньяк и несколько посетителей в штатском практически одновременно оказались рядом со мной. Попросив на ломаном русском языке разрешение, они присели ко мне за столик. Сделав заказ и не стесняясь меня, заговорили между собой. По-немецки они обсуждали Москву, сравнивали ее с Веной, Краковом и Прагой. Периодически достаточно критически отзывались о наших порядках, но в рамках приличия. Как я понял из их разговора, оба были пилотами «Люфтваффе» и только недавно прибыли в Москву.

Я же мелкими глотками пил свой коньяк. Тоже стараясь не обращать на них внимания. У них своя жизнь, свои впечатления, свои заботы. У меня своя, далеко не тихая. И они еще не враги, которых следует убивать. Тут

меня словно пронзило. Немецкий язык я учил в школе, а затем в институте. Учил, как все. На выпускных в школе и экзаменах в институте была твердая «четверка». Мог о себе рассказать, да и других расспросить. Со временем, из-за отсутствия языковой практики, все стало забываться. Нет, при необходимости, со словарем и справочником я мог бы прочитать статью или письмо. Но чтобы вот так, на слух, понимать, о чем говорят природные немцы, — никогда. Во-первых, я учил совсем другой язык (более современный), во-вторых, не так уж и хорошо нас учили. Интересно, что это такое? Неужели перенос или перстень на меня повлиял? Что так хорошо стал врубаться? Похоже, все-таки перстень. Он все время со мной. Вон на пальце светит изумрудным светом. Ай да перстень, ай да сукин сын. Ты, оказывается, еще и переводчик. Интересно, а где же в него вмонтировано устройство? Внешне совершенно не видно. Монокристалл. Без внешних повреждений. Ровные и аккуратные грани. Металл однородный, без признаков вкрапления. Я не специалист, но что-то о таком не слышал. Хотя, может быть, он тут ни при чем, я на него зря наговариваю и все это последствия переноса. Ладно, это все потом, а сейчас о насущном. Если я немецкий понимаю, то, может, на нем и говорить смогу? Когда-то давно говорили, что у меня произношение жителя Саксонии. Проверим? Когда еще это вот так спокойно можно будет сделать? Рискнем. Вспомнив былое и сформулировав в мыслях предложение, обратился к соседям по столику. Не знаю, как с моим произношением, но они меня точно поняли.

Извинившись, что невольно стал свидетелем их разговора и встречаю в него, заговорил с ними о их московских впечатлениях. Немцев смутило мое знание языка и произношение, а главное, то, что я их слушал и понимал. Они достаточно быстро с этим справились. Завязался общий разговор, касавшийся достопримечательностей столицы, русской архитектуры, искусства и еды. Их отличия от западноевропейских. Разговор тек плавно и непринужденно.

Вскоре официант принес летчикам заказ, а мне счет, большой пакет с продуктами и вдобавок корочки скоросшивателя для моих бумаг. За что я ему был особо благодарен. Рассчитавшись и попрощавшись с немцами, пошел к себе в номер.

* * *

— Отто, что ты скажешь насчет этого русского? Мне интересны твои впечатления о нем.

— Что я могу сказать, Карл? Грамотный, наш язык знает очень не плохо. Держится свободно, не то что остальные русские. Говорит, как саксонцы. Пьет кофе и хороший коньяк. Гурман, любит русскую кухню и поест. Возможно, жил у нас или из русских немцев. Не лишен вкуса прекрасного. Мне понравилось, как он рассказывал об архитектурных изысках. Со знанием дела. Насколько я понял, он пехотный офицер. Неужели у них таких готовят? И он точно не комиссар?

— У него в петлицах пехотные знаки. Комиссарских звезд не было. Может, из НКВД? Но фуражка без синего верха, хотя кто его знает. Возможно, у них разрешено ходить в форме других войск. Кстати, ты заметил, что он тут что-то писал. Было бы интересно знать, что именно.

— Наверное, какой-нибудь философский трактат о коммунистических идеалах или построении коммунизма...

* * *

— Что расскажешь, Саша, о своем клиенте?

— Особо рассказывать нечего. Вот копия его заказов. Пока он ходил в туалет, я полистал, что он там писал. Расписывал действие штурмовой группы в населенном пункте, а еще там было про действия в лесистой и горной местности. Довольно подробно так написано, со схемами и рисунками, но я только мельком и смог посмотреть. Он быстро вернулся.

— Все равно молодец, а кто там с ним сидел и разговаривал?

— Летчики из «Люфтваффе» на обед раньше времени пришли. Их столик был занят. Не гнать же. Свободные места были только за столиком лейтенанта. Вот и пришлось к нему подсадить. Хотелось как лучше, тем более что тот заканчивал и собирался уходить. Лейтенант хорошо по-немецки говорит. Куда лучше, чем я. Часть разговора я пропустил, ходил за заказом, а то, что успел услышать, не понял, но что-то об архитектуре.

— С языками не страшно. Поработаешь, подучишь. Будет практика — язык усвоишь. И не только немецкий, у нас тут всякие бывают. Разговор кому надо знают. Рапортишко напиши по-быстрому, и то, что рассказывал, подробно осветить не забудь, — берясь за телефон, сказал хозяин кабинета.

* * *

Жизнь пока преподносит только хорошее. Вот только интересно, когда

она ко мне задом повернется? Я ведь нарушаю все, что только могу. Например, какого черта меня понесло разговаривать с летчиками? Что, ничего не знаю о нездоровом отношении органов к лицам, общающимся с иностранцами? Знаю. Так ведь нет, решил язык проверить. Нашлось бы время. До войны совсем чуть-чуть осталось, там бы и проверил. Если, конечно, до фронта дело дойдет, а то подойдут сейчас товарищи и начнут задавать «китайские» вопросы. Скорее бы поезд, Минск, а потом часть. Личный состав и работа с ним, лучше НКГБ и НКВД мозги прочистят. Там будет попроще и потише, чем обедать по столицам. С такими мыслями я добрался до номера.

Номер сверкал чистотой. Тут поработала хозяйственная женская рука. Оставленные на столе бумаги были на месте, как-то даже в мыслях не было, что они могут пропасть. Если их и прочитали в мое отсутствие, вреда от этого нет. Что в них секретного? Ничего. Черновик плана боевой подготовки. Наверное, и лучше кто-то может составить. Ничего иновременного там нет. Приобщил план к бумагам, написанным в ресторане. Спасибо официанту за бесценный подарок. В корочках гораздо лучше, чем россыпью. Не помнутся, не испачкаются и не потреплются. Полковому начальству приятнее читать будет.

От хорошего настроения почти не осталось, следа. Мысли о моих проколах мешали наслаждаться жизнью. Хотя особых причин для беспокойства вроде бы нет. Не верится мне, что все столики в ресторане оборудованы микрофонами. Да и разговор с немцами был нейтральный. Касался только отраслей искусства и города. Ни о политике, ни о войне не говорили. Никаких тайн я не выдавал. Хотя как посмотреть! У Седова в документах написано, что владеет немецким языком. Вопрос только как? Хотя тут придраться не к чему. Мало ли, что он скрывал от остальных?

Личность Седова меня стала все больше интересовать. Какой-то он странный. Не в плане физическом или моральном. Таких, как он, каждый второй, не считая первого. Программа обучения у всех была одна. А вот несуразностей вокруг него много. Какие?

Начнем с самого простого. Ехал лейтенант до Москвы в двухместном спальном купе. Стоимость билета приличная, и в мое время она была отталкивающей, не всякий мог позволить проехать. Откуда деньги? Ответ — выдали в училище, и он их потратил на билеты. Возможно? Да. Сколько выдают лейтенанту подъемных? Кто его знает. На билет в спальном вагоне точно хватило, и еще осталось на встречу с девушками и магазин. Но почему в чемодане нашлась еще одна пачка? Не слишком ли это круто для простого лейтехе? Не верю в подарок государства или премиальные. Еще

вопрос — почему не поехал по литературе? Ответ — неизвестен. Искал одиночества? Или дорожных приключений? Вот и думай. Непонятно, почему Седова направили за назначением в штаб Западного военного округа. Насколько помню, у нас молодых лейтенантов в основном направляли в Московский или Орловский военные округа. Летчиков — да, тех кидали куда надо, но вот с остальными такого не было. А тут отправили за тридевять земель в Минск. Еще вопрос — а почему именно в штаб? Ладно, я бы понял, если в предписании стоял бы штаб дивизии, корпуса, армии, наконец. А тут штаб округа. Что, если Седов едет по именной заявке штаба округа? И его там хорошо знают? А тут я, с немой мордой.

Следующий вопрос — откуда у него оружие? Знать бы ответ, так нет его! Револьвер выпущен сравнительно недавно, в 1937 г. Патроны свежие, 40-го года. Записей о закреплении оружия за Седовым нет. В боевых действиях он не участвовал. Так что трофеем или заныканным револьвер тоже быть не должен. Тогда откуда он у него? А что, если он вражеский агент?! Да нет, чушь! Какой смысл направлять агента в военное пехотное училище? Что он там узнает? Если только агент с дальним прицелом на будущее, но в это верится с трудом. Вот в то, что Володя где-то его раздобыл, верю. Точнее, у кого-то. По пьяни чего только командный состав не теряет. Вполне мог кто-то из командиров посеять, а Седов нашел и заныкал. С патронами еще проще. Никогда не поверю, что там, где есть воинская часть, никто за «магарыч» не найдет патронов. Правда, в мое время с этим стало похуже, но, помнится, на центральном рынке как-то предлагали ведро винтовочных патронов за пару бутылок водки. Да мне они были не нужны.

Одни вопросы и загадки. И как тут жить спокойно попаданцу? Мне бы до войны продержаться, а там многое на нее спишут. Что будет, то и будет. Пока стволом в спину не толкают. Надо думать о дне насущном.

В принципе, я полностью собран. Подпоясаться — и можно отправляться к поезду. Хорошо бы сейчас, но время до него еще три часа. Вообще, не люблю ждать и догонять. Чем бы себя занять? Поспать точно не удастся. Только измучаюсь. Лучше в поезде, на полочке. В другое время сел бы за компьютер, покопался в инете, телик посмотрел бы. Здесь этого еще нет. Телевидение пока в зачаточном состоянии.

Достал из чемодана есенинский сборник. Попробовал сосредоточиться, почитать. В другое время улетел бы влет, а сейчас не идет и все тут. Мои мучения прервал стук в дверь. Так, а это интересно кто? То, что за мной пришли, не верю. Обычно, когда приходят, стучат более уверенно и значимо. Сколько раз сам так делал. Похоже, Таня.

Так оно и оказалось. Получив разрешение, она зашла в номер. Мне оставалось только поблагодарить ее за сделанное.

— Вы уже готовы к отъезду? Может быть, нужно еще чем помочь? — спросила Таня.

Выставляя ее за дверь и оставаться одному в номере не хотелось. Да и Татьяне, похоже, уходить не хотелось. По поведению было видно, что спешить ей некуда и она не прочь задержаться и поболтать.

— Пока еще не собирался, что нищему собираться — только подпоясаться. Время есть. Кстати, Тань, насколько я знаю, в гостиницах обслуживающий персонал дежурит сутками, а разве у вас не так? Вы же должны быть дома?

— Дежурство закончилось еще утром, но подруга попросила вечером за нее отдежурить. Ехать домой в Малаховку далеко. Туда и обратно уйдет несколько часов, отдохнуть не получится. Вот и осталась. У нас есть служебная комната, где можно отдохнуть и привести себя в порядок. Начальство на это смотрит сквозь пальцы, и иногда так можно поступать.

Я предложил ей составить мне компанию, попить чая, поболтать. Подумав, Таня согласилась, правда, предупредила, что это не поощряется. Если кто узнает, то у нее могут быть неприятности. Из дальнейшего разговора выяснилось, что Таня еще не обедала. Вот я и предложил сделать заказ в ресторане. За мой счет, конечно. Самому есть не хотелось, но за компанию и жид задавится. Таня по телефону сделала заказ. Сказала, что временно оставит меня, а когда обед будет готов, то сама его принесет. Она же предложила мне помощь в прошивке бумаги в корочки.

Оставшись один, принял душ. Упаковал все вещи. Осталось убить в приятной компании пару часов — и на поезд. Вскоре в сопровождении официанта пришла Таня. Они привезли обед и приспособления для сшива документов. Я рассчитался с официантом, и он, оставив нам тележку, ушел. А мы с Таней занялись делом — сшиванием рукописи. Дело продвигалось быстро. Татьяне это было явно не впервой. На вопрос, где она этому научилась, сообщила, что ей часто приходится делать отчеты, вот и напрактиковалась. Таня поинтересовалась, о чем моя рукопись. Ответил, что, готовясь к роли командира подразделения, заранее приготовил конспекты для обучения личного состава.

Покончив с делами, мы сели обедать. Правда, Таня сначала отправила меня мыть руки. Пришлось там ненадолго задержаться, проделать необходимые миссии, чтобы потом не бегать. Когда вернулся, то застал ее сервирующей стол. Она очень сноровисто и умело расставляла приборы в каком-то только ей известном порядке. Никогда не мог такому научиться и

всегда обходился одной ложкой и вилкой, а тут их целая куча, и не знаешь, что из них к чему. Об этом я ей и сказал. Она же только тепло улыбнулась в ответ. Сказала, что это так, для красоты. Можно пользоваться тем, чем умею, а научиться не сложно, было бы желание.

Было такое ощущение, что я участвую в каком-то дурацком кино о жизни на Западе. Красивая женщина. Красивая фарфоровая посуда. Начищенные приборы. Хрустальные стаканы и в качестве украшения бутылка коньяка, которую Таня достала с нижней полки тележки, до этого прикрытой полкой скатерти. За обедом Таня рассказала, что она работает в гостинице уже несколько лет. Сюда попала по комсомольской путевке. Чтобы здесь работать, училась на специальных курсах. Где их очень многому научили, в том числе и такой сервировке стола. Иногда ей это приходится делать, помогая накрывать столы. Живет с мамой в Малаховке и оттуда ездит на работу. Отца нет, погиб на Гражданской войне. Друзья отца их не забывают и помогают по возможности. Учится на вечернем отделении факультета иностранных языков и продемонстрировала свои знания на немецком, а затем французском и испанском языках. Ее вопрос, какие языки знаю я, поставил меня в тупик. Сказал, что учил немецкий, как язык родины классиков марксизма. Со смехом Таня попросила показать свои знания, рассказав о себе на немецком. Что я и сделал, рассказав биографию Седова. Все-таки я огреб огромный бонус, когда смог ее прочитать. Мы мило беседовали. По чуть-чуть пили коньяк. Так, самую малость, обоим нужно быть трезвыми. Мне в дорогу, ей на дежурство. Все было прекрасно. Умная женщина, приятный разговор. Правда, мне казалась, что Таня с очаровательной, скромной улыбкой на устах и озорными чертиками в серых глазах очень грамотно и профессионально ведет допрос. Сразу и не заметишь.

После обеда, сидя в креслах, пили чай с вкуснейшими эклерами, сделанными здесь же, в гостинице. Было хорошо и уютно. Словно дома, а не в чужом городе. В чужом во всех смыслах. Наверное, именно так и должен выглядеть мирный день в приятной компании или семье. Говорили обо всем на свете. Классике. Музыке и музыкальных новинках. Оказывается, Таня музицирует на фортепиано. Разговор перешел на авторов и исполнителей. Тут я чуть не прокололся. Я помнил по пластинкам романсы и песни в исполнении Петра Лещенко, Вадима Козина, Клавдии Шульженко, Леонида Утесова, Изабеллы Юрьевой. Но Татьяна стала называть фамилии и имена исполнителей и актеров, которых я и не слышал. Если и слышал, то не знал, что они еще и популярные исполнители песен. Поэтому пришлось соглашаться с Таней.

Время пролетело быстро. Настала пора собираться на вокзал. Об этом, как заботливая жена, мне напомнила Таня и предложила помощь в сборах. Показав на чемодан и пакеты, сказал, что уже все собрал. Осталось только скоросшиватель уложить. На глаза попался так и не прочитанный сборник стихов. Мелькнула провокационная мысль, что я зря его таскаю с собой. Кто его будет читать в части? Кому он нужен, кроме меня? Через пару недель придется бросить, облегчая свой ранец, ища место для патронов. Жалко, жаба так и давит. Сейчас отношение к книгам не такое, как у нас в начале XXI века. Еще раз бросив взгляд на книгу, решил ее подарить Тане. Радости было море, а поцелуй долгим, многообещающим и горячим. Но, блин, поздно. На вокзал пора, а я тут ляmur развожу. Таня все поняла без слов. На листочке бумаги написала свой домашний адрес и предложила обязательно приезжать и писать. Я пообещал. Поцеловав на прощание Таню, с багажом в руках покинул гостеприимный номер и гостиницу.

У входа в метро, смешавшись с толпой, двинулся на Белорусский вокзал. К новой странице своей еще не прожитой жизни.

* * *

Из беседы, состоявшейся в служебном кабинете на втором этаже гостиницы «Москва»:

— Что ты на это скажешь? — Выключая магнитофонную запись разговора Седова с немцами, сказал хозяин кабинета.

— То же, что и вчера. Парень не тот, за кого себя выдает. Отлично знает немецкий. Вон как с гансами шпрехает. Мы с тобой так не сможем. Хоть и практики хватает. Либо он жил долго за границей, либо немецкий его родной язык. Нашего поля ягода. Точно тебе говорю.

— Ага, и в военное училище специально у нас поступал, чтобы узнать, как готовят командиров в Тамбовском пехотном. Дурью не майся. Не верится, что парень враг. Мы о нем ничего не знаем. Язык мог выучить. Рапорт Татьяны сам читал. Я склонен верить ее оценкам. Мы на Седова внимание обратили, проверили, и все. Нет у нас на него компромата. Он чист. Скажи, что я не прав?

— Прав, конечно. Но все равно не нравится он мне.

— Мне он, может, тоже не нравится, но ничего ему предъявить не можем. Вот скажи мне. Будет враг писать план подготовки штурмового взвода? Описывая действия такого взвода при ведении боевых действий в городе и в лесу? Таких подразделений ни у кого нет. Только у нас и есть

опыт таких действий по Финской. Парень писал явно для себя. Он так и сказал Тане. Готовится к роли командира. Вон возьми распечатки. Из техотдела передали фотокопии с его работы. Татьяна постаралась отснять.

— Что ж, может, ты и прав... Я, видно, погорячился, обвиняя парня. Слишком много несуразностей вокруг него. Твоя правда, ему нечего предъявить. Материал им написан интересный. Воплотить можно? Ты у нас кадровый, из войск пришел и знать должен.

— Теоретически можно. Но на практике едва ли. Времени слишком мало отводит, вопросов много поднимает. В наших частях еще можно, а в армии, если только в разведбатах.

— Почему?

— К нам отбирают лучших. Наиболее подготовленных и грамотных. Потому и можно. Их обучать куда как легче. В армии контингент не тот. Парень, прибыв в часть, столкнется с действительностью, а не теорией. Трудно ему будет. Потратит больше времени и сил. Да еще неизвестно, как к этому командир отнесется. То ли поддержит, то ли пошлет куда подальше. Жаль, если парень перегорит и сопьется. Кстати, это доказывает, что парень тот, за кого себя выдает. Жизни не знает, только на картинке и видел. Знаний нахватался, а и не... понюхал. В части его обломают.

— Парень толковый, со знанием языка. Надо с нашими переговорить, глядишь, возьмут на заметку. Может, пригодится для чего. Сегодня материалы по нему начальству доложу. Пусть оно подумает, если заинтересуется, то поможет парню.

Глава 5. В поезде на Минск

До вокзала добрался быстро, хоть и не так, как в мое время. Скорости не те. Белорусский вокзал мне всегда нравился своей какой-то особенной простотой и в то же время изящностью. Поезд уже был подан и стоял на первом пути. У вагонов толпился народ. Идя по перрону, то и дело автоматически отвечал на воинские приветствия. Сложилось такое ощущение, что это был не обыкновенный пассажирский поезд, а литерный воинский эшелон. Вот и у моего вагона стоял разновозрастный армейский комсостав. В основном это были представители старшего и среднего командного состава. Зелено-синий фон военной формы разбавляли редкие вкрапления цветных платьев их жен и дочерей. Стоял теплый и немного душный вечер. Большинство, разбившись на кучки, курили и о чем-то переговаривались. Здесь собрались представители всех видов и родов войск. Немного в стороне, отделившись от всех, стояло несколько представителей от НКВД.

Наконец проводники предложили проходить на посадку. Предъявляя билеты, пассажиры стали заходить внутрь. Сначала семейные, а затем и все остальные. Мне спешить было некуда. Все равно успею. Вскоре перрон опустел. Только редкие провожающие все еще стояли и ждали отправления поезда. Пора и мне, и так удостоился удивленных взглядов проводников. В вагоне шум и гам размещения еще не прошел, но часть пассажиров уже стояла в проходе и смотрела в окна, непонятно, что пытаясь там рассмотреть.

В нашем купе вместе со мной собралось четыре лейтенанта: три армейских и лейтенант войск НКВД. Лейтенанты, летчик и артиллерист, тихо и как-то смущенно сидели на одной полке, а пехотинец НКВД в одиночку напротив них. Поставил багаж на полку, где сидел представитель НКВД. Представился: «Лейтенант Седов, Владимир, еду в Минск за назначением».

— Если не против, это мое место, — обратился я к энкавдэшнику. Физически хорошо сложенный, в отлично подогнанном обмундировании, тот встал и представился: «Акимов, Сергей, еду в Брест. Мое место над тобой». И протянул руку для рукопожатия. Оно было крепким и сильным. Сергей явно решил показать свою силу, но не на того попал. Уж на такие шуточки давно не покупаюсь. Со своей стороны нажал чуть-чуть посильнее. Парень покраснел, но не поддался. Так мы бодались пару

секунд, а потом дружно рассмеялись. Это сняло напряжение, висевшее в купе. Армейцы тоже представились. Летчик — Несмеянов Андрей — ехал в Пружаны; артиллерист — Чурилов Александр — в Барановичи, в 121-ю стрелковую дивизию. Закончили с формальностями и билетами, разговорились. В принципе, у всех все одинаково — училище, досрочный выпуск, направление в часть.

Не знаю, кому как, но я сторонник традиций. И попробуйте меня в этом осудить. Сел в поезд, он тронулся с места, доставай на стол продукты. Хочешь есть — не хочешь, а достать обязан. Хоть воду или сок, но достань и поставь. Кто сомневается в том, что он эту традицию выполняет, тот явно не ездит в поездах. Ну, может еще, чем болен, а так выполнение этой традиции наверняка заложено в русской душе. Смотрю, парни мнутя, никто первым не решается. Друг на друга посматривают, стесняются. Ну, да нам не привыкать. И так понятно, что поспать сегодня — явно утопическая идея. Переглянувшись с Сергеем, достал свой пакет с продуктами. Тут народ как прорвало, все зашевелились, стали доставать и раскладывать свои запасы. Вскоре столик ломился от продуктов и бутылок с водкой. А проводник снабдил стаканами.

Разливали и пили умеренно — больше стакана за раз не наливали. Ели все, что хочется и на что глаз ляжет. Благо еды хватало. Официант в ресторане расстарался и положил то, что надо для нормальной компании посидеть. Видно, сам так путешествовал. С десяток котлет, палку копченой колбасы, жареную курицу, несколько бутылок «Столичной». У остальных был примерно тот же «малый джентльменский набор».

О чем могут вести разговоры четыре молодых командира в купе поезда, идущего на запад? В первый и, возможно, в последний раз видящие друг друга. Думаете, о службе? Неправда, обо всем на свете. О чем только мысль посетит их светлую голову. Нет, конечно, и о службе тоже, но только когда много выпьют. Традиция, однако.

Разговор то разбивался на части, то снова становился общим. Чего мы только не коснулись. И авиацию разобрали, и об артиллерии поговорили, и о стрелковом оружии слово замолвили. А уж артисток советского кино разобрали. На части и обратно...

Ребята периодически выходили покурить в тамбур или на улицу на остановках. Головные уборы и портупеи давно перекочевали на вешалки, гимнастерки и кителя расстегнуты. Я тоже выходил с ними за компанию, остудиться. В соседних купе происходило примерно то же, что и у нас. Выпивали, закусывали, обсуждали. Лишь семейные наслаждались своим, отгороженным дверями купе счастьем. Если женские лица были

радостными, то мужские явно наоборот. Они были скучающими и печальными. Остальное мужское население им в этом сочувствовало. За вагонным окном белоствольные рощи берез сменялись ельниками. Постепенно смеркалось.

В тамбуре, за перекуром, разговоры продолжались. К ним присоединялись заинтересованные участники. Достигнув консенсуса по тому или иному вопросу, группы растворялись за дверями своих купе, чтобы затем через некоторое время снова возникнуть там же. Иногда через тамбур, в сторону вагона-ресторана, проходили другие пассажиры, и разговор сразу замолкал, чтобы продолжиться, как только закроется дверь вагона.

В купе застолье продолжалось. Пили за здоровье каждого из присутствующих и за гибель врагов нашей страны. За Сталина, Родину и партию, РККА, каждый отдельный род войск, НКВД. Короче, было единство органов и армии.

Меня алкоголь практически не брал, хотя я и пил наравне со всеми. Первым устал и лег отдыхать Чурилов, следом за ним Андрей. Чтобы не мешать отдыхать соседям, уступили им для сна верхние полки. И смотрели, чтобы они случайно не упали с них, а сами сидели и тихо беседовали.

Сергей рассказал о себе. Оказывается, он, как и я, из казаков (правда, я этого не стал афишировать). По призыву попал на службу в пограничные части. Остался на сверхсрочную. Полгода назад был направлен на курсы. Сейчас по окончании курсов едет к новому месту службы.

Я рассказал биографию Седова. Поговорили за казачество. Нашлись общие темы по погранслужбе.

Сергей предложил спеть, я был только за. Он запел сильным и красивым голосом, а я подхватил давно знакомые и душевные слова старой казачьей песни:

Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене...

Сергей с удивлением поглядывал на меня. А мне уже было все равно, что он подумает. Когда песня закончилась, Сергей ничего не сказал и не стал расспрашивать. Мы выпили, закусили, и я затянул «Казачий романс»:

Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разольется.
И сердце девичье забьется
С восторгом чувств — не для меня...

— Вовка, а Вовка? Ты из казаков? Только не ври, ладно?
— Не знаю. Детдомовский я.
— Не хочешь — не говори. Давай еще по чуть-чуть и споем чего?
— А чего не выпить. Давай, — поддержал я. Выпили. Спели пару песен, что знает с детства любой казак. А потом запели:

Как на быстрый Терек, на высокий берег
Вывели казаки сорок тысяч лошадей,
И устлали Терек, и покрылся берег
Сотнями порубанных, пострелянных людей...

Конечно, не Кубанский казачий хор, но тоже ничего. Особенно под храп соседей, раздававшийся с верхних полок. Слаб человек. Стоит ему попасть в хорошую компанию, попеть хороших песен, как он теряет всякую осторожность. Вот и я забыл всякую осторожность, разговорился и распелся. Мне, честно говоря, было на все наплевать. Надоело ожидать неприятностей, накручивать себя изнутри. Что будет, то и будет. Не знаю, что для себя решил Сергей, но, похоже, посчитал меня своим. Он захотел перекурить, и мы пошли в тамбур. Там несколько командиров обсуждали прибывший на сборы личный состав из числа жителей присоединенных областей. Мне было интересно послушать. Одно дело, читать об этом, другое — послушать людей, реально руководивших ими. Отзывы, честно говоря, были далеки от хороших. Если опустить весь мат и эмоциональный настрой, то все плохо. В большинстве своем запасники служили еще в Панской Польше. За редким исключением, боевого опыта не имеют. Стреляют из рук вон плохо. Настроены по отношению к командованию еще хуже. И если что случится, спиной к ним лучше не поворачиваться, убьют. Весело...

Перекурив, командиры ушли, а мы с Сергеем остались переваривать услышанное.

— Неужели все это правда? — спросил я.

— Так и есть. Это они еще мягко. Я срочку в Белоруссии проходил.

Когда границу переносили, там и дослуживал. Всякого насмотрелся. Белорусы при панском режиме были забитыми, малообразованными. Сейчас все меняется — школы и техникумы открылись. Колхозы и МТС создаются, а там и слесарей, и механиков готовят. Поднимают уровень. Но пока еще сложно с ними, когда еще всему научатся. Поляки никак не успокоятся, что панов сейчас нет. Сейчас потише стало. Банды повыбились. Раньше нашим в спину стреляли, через границу к немцам переходили семьями. Порой с боями. Хотя и тише стало, но все равно балуют. Вырезают наших одиночек. Тебя куда назначат, не знаешь?

— Откуда? Предписание дали — и вперед, а чего спрашиваешь?

— Да так. Хороший ты парень, Вовка. Подумал, неплохо было бы рядом служить. В гости друг к другу ходили бы. Ты как, не против?

— Конечно, нет.

— Ну и хорошо. Если будет возможность, просись в Брест. Я там, в 60-м железнодорожном полку служить буду. Так что милости просим заходить. Ну, а не получится, весточку дай. Я тебя разыщу. Наши роты по всей Западной Белоруссии стоят. Найдемся.

— Если получится, то обязательно увидимся.

— Пошли спать, а то поезд в Минск рано утром приходит. Тебе выспаться надо. С запахом в Управление кадров идти нельзя, они этого не любят. Загонят тебя служить куда Макар телят не гонял.

Вернувшись в купе, разделись и быстро уснули.

* * *

Проснулся рано, до прибытия поезда было еще пара часов. Солнце робко и как бы нехотя вставало из-за деревьев. Его первые лучи только начали красить небосвод. Спать совершенно не хотелось. Наверное, это стало входить в привычку — просыпаться до рассвета. Поезд перестукивал колесами на стыках. Мои соседи мирно дрыхли на своих полках. По купе витал кислый запах еды, алкогольного перегара, тел, портянок и начищенных не лучшим обувным кремом сапог. До кондиционером в вагоне еще далеко. Куда тут деваться переселенцу? Только привыкать. Пора вставать и собираться. Что разлеживаться, бока мять?

Стараясь не разбудить парней, сделал разминку. Взяв полотенце с мыльно-рыльными принадлежностями, направился в туалет. Конечно, не СВ, но тоже вполне прилично. Осуществив необходимые гигиенические мероприятия, побрился и помылся. Кстати, бритье оказалось тем еще

удовольствием, даже порезался слегка.

Подходя к купе, столкнулся с проводником. Пожилой, он почти все время был в своем купе. Увидев меня, он расцвел, словно встретил кого-то родного. Улыбаясь, поздоровался и сказал, что как раз собирался меня будить. Поблагодарив за заботу, попросил горячего чая.

— Конечно, сделаю. С лимончиком и покрепче. Не беспокойтесь. Разве я не понимаю? Скоро сорок лет как на дороге работаю. Знаю, что пассажирам надо. Может, что к чаю? У меня пирожки домашние есть — недавно на станции купил. Очень рекомендую. Теплые еще.

— Спасибо. Не надо, только чай. Мы тут вчера не сильно нашумели?

— Что вы! Вы тихие. В прошлом куда громче бывало. Бывало, перепьют и давай стрелять. Прости господи. Портят имущество. А вы спокойно да умеренно так отдыхали. Не мешали никому. Не безобразничали. Все ж умные люди. Насчет пирожков вы зря. Очень они хорошие, жалеть будете, — и, продолжая бубнить что-то себе под нос, пошел дальше по вагону.

В купе ничего не изменилось. Сон-тренаж продолжался. Запах стоял еще тот. После свежего воздуха ощущалось очень остро. Но куда деваться? Не мы такие, жизнь такая. Вообще, что-то меня на философию потянуло. Явно не к добру. Что день грядущий мне готовит? Так, а это уже классика в голову лезет. Все, хватит мандражировать. Будь что будет. Знать бы только что?

Достав чемодан и пакеты с формой, задумался. Таскаться с вещами по Минску не имело смысла. Округ большой, частей много, куда пошлют неизвестно. Так что лучше вещи оставить в камере хранения, а когда определюсь, тогда и заберу. Мне нужны только документы и личное дело. Остальное подождет в чемодане. Достав пакет с личным делом, проверил сохранность печатей, о которых немного переживал. Но вроде все нормально, и незаметно, что их вскрывали. После чего конверт с остальными документами перекачевал в планшетку. Оставалось только надеяться на удачу и того, кто мне ворожит. А что ворожит, это точно.

Пока было время, занялся уборкой со стола всего лишнего. Нет, не подумайте о нас чего плохого — мусор и освободившиеся бутылки мы за собой выносили. Но что-то осталось. Вот я и убирал, нечего грязь и тараканов разводить. В бумагу от продуктового набора все ненужное и поместил. То, что осталось, пойдет парням на опохмелку и завтрак, может, что и на обед с ужином останется. Я не знаю, сколько им еще до места добираться и когда они смогут поесть. Мне же ничего не надо. Пока есть деньги, смогу себе купить. Да и есть не хочется. Хоть и вбили давно в

голову, что есть надо все, что дают и впрок. Так, на всякий случай. Вдруг еды вообще не будет, а так хоть память о ней останется.

Кстати, а ведь и пить не хочется. Не то, что в последние дни чуть ли не ведрами наливался. Видно, тело свое уже набрало.

Чай проводник принес уже после того, как я вынес мусор и собрал постель.

— Вот спасибо, что собрали, — забирая постельное белье, сказал проводник. — Вы пейте спокойно. Как к Минску подъедем, я вас предупрежу.

Выходя, он как нарочно стукнул дверью. От чего проснулся Сергей.

— Здорово, сколько времени? Ты чего так рано? — спросил он, садясь на полку.

— Рано еще, спи. До Минска еще далеко, — ответил я.

— Не. Надо встать, да до ветра сходить, — надевая галифе и сапоги, сказал он и вышел в коридор.

Чай действительно был горячим и очень вкусным. Умеют все же заваривать. Или, может, просто заварку не крадут?

Вскоре вернулся Сергей. Потянувшись, сказал: «Поезд идет по расписанию, так что скоро будем в Минске. Ребят будить будем? Или пусть поспят? А то обидятся, что не прощались с тобой. Ты чай весь выпил? А то я еще нам заказал».

— Да ладно, Серж, не буди. Пусть поспят. Неизвестно, когда им еще так удастся. Ты что так рано вскочил?

— И то правда. У меня поезд придет в Брест только вечером. Так что еще успею отоспаться. Тебе проводник пирожков не предлагал?

— Предлагал. Я отказался.

— Ну и зря. Знаешь, какие тут пирожки пекут? С разной начинкой, на любой вкус: с капустой, мясом, картошкой, рыбой. Просто пальчики оближешь. Я как еду, так всегда себе беру. И к чаю, и так на закуску. Хорошо идут. Проводники это знают и покупают для пассажиров.

— Я что-то не подумал. У нас и так закуски много осталось. Доестся надо, не выбрасывать же. Вам на всех хватит.

— Тоже верно. Но я все равно нам с тобой по паре с мясом и капустой заказал.

Дружно замолчали, когда в купе зашел проводник, принесший несколько стаканов чая и пирожки. После его ухода мы продолжили прерванный разговор.

— Слушай, ты помнишь, о чем вчера говорили? Чтобы попроситься в Брест?

— Помню, но не знаю, можно ли воплотить это. Там у кадровиков свои планы, графики и разнарядки, кого куда направлять.

— Это ты прав, но все равно просись.

— Как получится. Пирожки действительно хорошие, — перевел я разговор на другую тему.

— А я что говорил. Раньше по три штуки за раз съедал. Может, по чуть-чуть? Грамм по пятьдесят для здоровья, а то голова после вчерашнего, наверное, болит?

— Нет, не буду. С запахом приду, не поймут.

— Тоже верно, в штабах они такие...

День набирал силу. Летнее солнце все больше поднималось над горизонтом. За разговорами время пролетело быстро. Парни так и не проснулись, да и мы лишний раз старались не шуметь. Поезд стал замедлять свой бег. В купе заглянул проводник и предупредил: «Подъезжаем, товарищи командиры! Собирайтесь. Очень прошу, вещи не забывайте. Стоянка недолгая».

Быстро собравшись и подхватив багаж, мы направились к выходу. Там уже стояло несколько человек. Что-то на своем языке, приветствуя вокзал, просвистел паровоз, и поезд остановился. Стояло раннее солнечное утро. Поезд прибыл на первый путь. Из раскрытых дверей вагонов на перрон повалил разночинный народ. Прибывшие скомканно прощались с временными попутчиками, ставшими на короткий срок поездки почти родственниками.

Мне спешить было некуда. Рабочий день только начинался. В Управление кадров округа ехать еще рано. Поэтому вышел из вагона последним. На перроне у поезда практически никого не было. Только проводники, словно коты, подставляли свои лица солнечным лучам, жмуря глаза. Выйдя из вагона, мы с Сергеем немного помолчали. Говорить было нечего, да и незачем — все уже было обговорено в вагоне.

— Ну, что, будем прощаться? — спросил я.

— Давай. Может, встретимся еще?

— Встретимся. Земля имеет форму чемодана. На каком-нибудь из ее углов обязательно встретимся, — ответил я. Пожав на прощание друг другу руки, мы расстались. Он закурил папиросу, а я, подхватив вещи, пошел искать камеру хранения.

Сергей стоял у вагона и, мочал папиросу, смотрел вслед удаляющемуся Владимиру. Он пытался решить для себя вопрос: «Что за человек этот Седов?»

Вчера при отправлении поезда Владимир по ходу существенно уязвил Сергея, ответив на рукопожатие сильнее, чем он. Да так, что кисть Сергея побелела и, только благодаря силе духа, удалось не закричать от боли. С другими у Сергея было наоборот. Не только принадлежность к всесильной организации, но и его мужская сила ставили его всегда выше остальных. И все вместе это поднимало его самооценку на непередаваемую высоту. А тут Сергея опустили, сравнивали с остальными и поставили в один строй. Давно такого с ним не было.

Надо отдать должное Седову, тот его больше ничем не задевал, не смеялся над ним. Вел себя с Сергеем и остальными ровно. Смеялся над шутками других и шутил сам. Был таким же, как все. Равный среди равных. Хороший парень Вовка, но странный он какой-то. Чувствовалась в нем некоторая отчужденность. Очень грамотный. Чего так не хватало ему, Сергею. Куда ему с его семилеткой против Седова, у которого за плечами полная средняя школа да кадровое училище, а не краткосрочные курсы оперсостава. Хорошо разбирается в технике и вооружении. Об оружии и особенностях стрельбы рассказывал так, что сам Сергей рассказать не смог бы. Знает авиационную технику, чем поверг в легкое изумление Андрея Несмеянова. И как бы шутя поставил его на место, когда тот немного стал приукрашивать. Да так, что тот и не подумал обижаться. Уже потом, в тамбуре, во время перекура, оставшись с Андреем наедине, Сергей попросил объяснить, на чем летчика подловил Седов. Несмеянов, смеясь, объяснил на пальцах. Андрей еще удивлялся, откуда пехотинец это может знать.

Еще он очень скрытный. Почувствовав родную, близкую себе душу, Сергей рассказал Володе почти все о себе и своей жизни. Тот же отделался только общими словами, словно произносил заученный текст. Говорит, что детдомовский и своих родителей не помнит, а сам казачьего песняка давал почем зря. Об истории казачества говорил правильно. Что, если он из рассказанных? Так на это вот уже несколько лет внимания не обращают. И скрывать не стоит. Может, из несправедливо осужденных или членов семьи изменников Родины? Не похож. Нет той обреченности, загнанности и боязни в глазах, преклонения к органам, что встречается у таких. Чувствует себя очень свободно, уверенно. Словно генерал, а не лейтенант-первогодок. Такое ощущение, что ничего и никого не боится. И не в физической силе тут дело, хотя ею природа его щедро наградила. Во внутренней силе, что

ли. Каком-то стержне, ставившем Седова на одну ступеньку выше любого. Явно городской. Загар хоть и есть, но не деревенский. Ровный, в деревне такого не бывает. Когда раздевались ложиться спать, удалось рассмотреть. Явно из обеспеченной семьи. На это указывали часы и иностранная перьевая письменная ручка. У самого Сергея даже простых часов нет. Были, когда на границе служил, да по залету старшине отдал. Дешево отделался, а то бы под трибунал попал. Там разговор короткий — кайло в руки и пошел пайку отрабатывать.

Документы в порядке. Когда все уснули, Сергей проверил у всех документы. Так, на всякий случай. Кто его знает, с кем едешь в одном купе. Вдруг враг? А мы тут языком наболтали по пьяни. Вот, кстати, о выпивке. Парень молодец. Пил наравне с другими, а ощущение такое, что и не пил совсем. Был грешок, Сергей старался его подпоить, подливал почаще и побольше. Хотел разговорить, но не вышло. Крепкий парень. Чувствуется школа, не всякий так может.

Кто же ты, Седов? Что за птица? Увидимся ли еще? И при каких обстоятельствах? Не придется ли тебя допрашивать и выдергивать твои перышки? Докурив, Сергей выбросил окурок и пошел в купе досыпать.

Глава 6. Назначение

Камеру хранения нашел быстро, ориентируясь по хвосту очереди. Став в конец быстро таявшей группы приезжих, дождался, когда пожилой служащий примет мой багаж. На привокзальной площади в ожидании транспорта толпились сошедшие с поезда. У начальника патруля, проверявшего у меня документы, узнал, как добраться быстрее, не ожидая общественного транспорта, до нужного мне места. Воспользовавшись его советом, скоро был уже у нужного мне здания.

Прибыв в Управление кадров округа, понял, что я зря лелеял надежду быть одним из первых. Таких, как я, было много. Тут были как молодые, только что окончившие училища, так и командиры, призванные из запаса. Получив пропуск, я нашел заветный кабинет, у которого стояла очередь порядка десяти человек. Двигалась она достаточно быстро, и уже где-то через час-полтора я стоял у обитой коричневым дерматином двери. Постучавшись, вошел внутрь.

В небольшой комнате, кроме стола с закрытой зеленым сукном столешницей и черным телефоном, нескольких стульев, сейфа в углу, большого шкафа, из мебели ничего не было. Рядом с входной дверью стояла вешалка, на которой висели командирская фуражка с малиновым околышем и противогазная сумка. На шум открываемой двери от окна ко мне повернулся майор, державший в руках папиросу. На груди у него блеснула медаль «XX лет РККА».

— Товарищ майор, лейтенант Седов для получения назначения к месту дальнейшего прохождения службы прибыл! — представился я.

— Майор Кравцов. Проходите, присаживайтесь. Вот на этот стул. Ничего, если я перекурю? А то все не успеваю, дел много. Предписание у вас с собой? Давайте, — ответил майор, указывая на стул, стоящий у стола, и продолжая курить в открытую форточку.

Достав из планшета предписание, сопроводительные и пакет с личным делом, передал их Кравцову.

— Так точно, — ответил я и продолжил: — Товарищ майор, мне приказано передать пакет с личным делом, а вторую сопроводительную просили вернуть в училище, там на конверте адрес.

— Не беспокойтесь, лейтенант, так и сделаем, — ответил Кравцов. Мельком убедившись в целостности пакета, он его вскрыл и расписался на пакете и в сопроводительных. После чего по телефону вызвал секретаря с

книгой входящих документов. Присев за стол, майор стал быстро листать мое личное дело. Вскоре в кабинет зашла очень симпатичная светловолосая девушка в военной форме без головного убора с сержантскими треугольниками в петлицах. В руках у нее была толстая канцелярская книга.

— Вызывали, товарищ майор?

— Да, Наталья Ивановна. Тут лейтенант привез личное дело из училища. Зарегистрируйте, пожалуйста, его на меня, а сопроводительную направьте в Тамбов по указанному на конверте адресу.

Девушка быстро записала данные дела в свою книгу, дала расписаться в ней майору. Забрав у майора конверт с сопроводительными, спросила: «Это все? Документы сегодня же постараемся отправить. Разрешите идти?» Получив утвердительный кивок майора, она вышла из кабинета.

Заметив мой заинтересованный взгляд на девушку, майор, улыбнувшись, спросил: «Что, понравилась? Ты же не женат?» И, не дожидаясь ответа, продолжил: «Вот какие красавицы у нас служат. Так что все у тебя впереди. Найдешь себе здесь красавицу жену из белорусок, на всю жизнь...».

— Ладно, давайте к делу, — после небольшой паузы снова стал официальным майор. — Где хотели бы служить? Может быть, какие пожелания есть?

— Да нет. Куда Родина прикажет, туда и пойду.

— Замечательно... — задумчиво рассматривая «склейку» и еще какие-то документы у себя на столе, ответил Кравцов. — Тут вот какое дело, Владимир Николаевич. Ранее вас предполагалось назначить порученцем к начальнику штаба округа. Однако обстоятельства сложились так, что эта должность занята и в ближайшее время освобождена не будет. В округе идет формирование ряда новых частей, — продолжил Кравцов. — И у нас большой некомплект в командном составе, так что вакансий хватает. Давайте говорить начистоту. Учились вы хорошо. Аттестация отличная. Согласно характеристикам вас рекомендуется использовать на штабной работе. Но таких вакансий, несмотря на некомплект, у нас нет. Так как они первыми укомплектовываются наиболее опытными и послужившими на командных должностях командирами. Опыт командования подразделением у вас есть, правда маленький. Да и командовали курсантами, а это несколько другое, чем командовать личным составом линейных частей. Направлять вас во вновь формируемую часть, думаю, рано — опыта работы с людьми и техникой нет. А там все надо начинать с нуля. Так что я хочу вам предложить назначение в 6-ю Орловскую Краснознаменную

стрелковую дивизию, а точнее, в ее 333-й стрелковый полк. Командный состав там опытный, грамотный. Подучитесь у знающих людей, наберетесь опыта. Ну, а дальше посмотрим. Как вы на это смотрите?

— Готов служить там, где надо.

— Значит, решено. Дивизия расквартирована в городе Бресте. Рядом с границей. Многие из ее командиров воевали в Финскую кампанию, участвовали в Освободительном походе. Так что о службе знают не понаслышке. Помогут на первых порах, дальше все зависит от вас. Возражения есть? — спросил Кравцов и, увидев мое отрицательное покачивание головой из стороны в сторону, продолжил: — Нет! Я так и думал. Сейчас пойдете к Наталье Ивановне. Это тут рядом — ее кабинет по коридору налево, через три двери по этой стороне. Отдадите ей вот эту записку, и она подготовит документы. Всего хорошего, счастливой службы, — пожав мне руку, попрощался Кравцов.

Найдя Наталью Ивановну и передав ей записку Кравцова, уточнил, когда можно прийти и забрать документы. Немного подумав, она сказала, что не раньше чем часа через три.

Что делать эти три часа в почти незнакомом городе? Сидеть и ждать в здании управления совсем не хотелось. Уж лучше на воздухе побыть. В своем времени мне несколько раз приходилось посещать Минск по делам службы. Так что с городом я знаком, вернее, знаю его таким, каким он станет после войны. Единственное место, которое точно есть сейчас, — это парк им. Горького. Туда я и направил свои бранные кости.

Штаб округа был расположен на улице Советская, дом 18. Рядом с ним в соседнем квартале раскинулся Александровский сад. Так что пришлось идти через сквер, мимо Дома Красной Армии, вниз с горки по улице Карла Маркса (весьма крутая, надо сказать, горка) и по мосту в парк. Заодно в Доме Красной Армии навестил буфет.

Выбрав место на лавочке в тени под старой липой, присел и задумался.

Еще вчера казалось, что жизнь просто так, за красивые глазки, закидала меня бонусами. Разве не так? Одно личное дело Седова чего стоило? Да и вообще, все как в сказке. А сегодня, похоже, судьба решила отыграться и уравновесить шансы. Почему? Потому, что за все хорошее принято платить. Хотя кто его знает, может, я и неправ.

Судьба начальника штаба Западного Особого военного округа генерала Климовских В. Е. мне хорошо известна — по решению трибунала расстрелян в июле 1941 г. Правда, не один, а с кучей «товарищей». Его брали не одного, а с порученцами и так далее. Кого-то из них подержали, да выпустили, а кого-то и к стеночке приставили. Так что очередной бонус

я обрел — не попал в эту команду. Это с одной стороны. А вот с другой, как сказать...

В свое время пришлось полистать исследования по обороне Брестской крепости, которые шли вразрез с тем, что читал и смотрел в детстве...

В школе зачитывался Смирновым. Его «Героическая оборона» была одной из любимых книг. Как хотелось стать в один строй к майору Гаврилову, Матевосяну, комиссару Фомину и многим другим, помочь отстоять крепость и победить врага. Или хотя бы прикоснуться к развалинам крепости и увидеть, как все было. Кто из моего поколения не смотрел: «Бессмертный гарнизон», «Дочь командира», «Я — русский солдат»? Не было таких! А картины Петра Кривоногова, Николая Бута, Ивана Ахремчика, Евгения Грибова с Марком Малютиным, растиражированные по книгам, учебникам, маркам, значкам и открыткам. А разве могла оставить равнодушным картина «Знамя Победы» художника Николая Владимировича Колупаева? С детства сохранилась память о висевшем в рекреации нашей школы стенде с информацией о земляках — защитниках крепости. Более сотни тамбовчан, из состава зенитного дивизиона, под руководством майора Гаврилова сражались на Восточном редюите. Сколько лет прошло с тех пор, а память осталась. Кто это помнит, меня поймет.

С возрастом пыл немного угас, но не потух. Просто стал более взвешенно, критически относиться к написанному в книгах и мемуарах. Научился читать между строк. Слишком много там было недоговоренного, а порой и не совсем правдиво описанного. Списывалось это на секретность и идеологию. Даже у известных лиц, которым вроде и обманывать нельзя.

Настала «дерьмократическая» пора. Пошли всякие инсинуации на тему защиты крепости. Маститые авторы пера, заслуженные деятели бумажных наук захлеб поливали грязью нашу историю. Туда же полилась грязь и с телеэкранов. Документальные сериалы «НТВ» и других каналов... Потом вроде бы остановились и сняли фильм «Брестская крепость». На просторах Интернета стали множиться сайты, обсуждавшие правду и вымысел защиты крепости. На полках книжных развалов появились серьезные, проработанные книги и статьи. Среди них своей взвешенной оценкой выделялись работы Ростислава Алиева.

И вот теперь мне все придется проверить на своей шкуре. Жаль, что все, когда-то прочитанное и просмотренное, не удалось захватить сюда с собой. Но, в принципе, жизнь покажет, что к чему. Да и в памяти кое-что осталось об ошибках обороны. Голова на плечах есть, попробуем их исправить или хоть повлиять на историю. Будем считать это еще одним

бонусом от жизни. А там, бог не выдаст, свинья не съест. Поживем.

В указанное время Наталья Ивановна выдала мне пачку бумаг, главными из которых были выписка из приказа и предписание о явке в полк. Заодно она подсказала, как найти финансиста и получить литер на поезд. Поблагодарив за участие в своей судьбе, пошел искать «финика». Найдя и без проблем решив вопросы с проездными, двинулся на вокзал. Все, больше делать мне в Минске нечего. Время не ждет.

На вокзале выяснилось, что поезд на Брест будет только вечером. И спешить мне некуда. Другого транспорта все равно нет. Поэтому, взяв билет, уселся в зале ожидания вспоминать все известное о боях в крепости. План, составленный мной в Москве, в принципе подходил и для этого случая.

Из воспоминаний адмирала Исакова:

«...За две недели до войны я докладывал Сталину по разным текущим вопросам. Это были действительно текущие вопросы, и некоторые из них даже не были срочные. Я помню это свидание и абсолютно уверен, что Сталин был тогда совершенно убежден в том, что войны не будет, что немцы на нас не нападут. Он был абсолютно в этом убежден. Когда несколькими днями позднее я докладывал своему прямому начальнику о тех сведениях, которые свидетельствовали о совершенно очевидных симптомах подготовки немцев к войне и близком ее начале, и просил его доложить об этом Сталину, то мой прямой начальник сказал:

— Да говорили ему уже, говорили... Все это он знает. Все знает, думаешь, не знает? Знает. Все знает...

...Я несу тоже свою долю ответственности за то, что не перешагнул через это и не предпринял попытки лично доложить Сталину то, что я докладывал своему прямому начальнику. Но, чувствуя на себе бремя этой вины и не снимая ее с себя, должен сказать, что слова эти, что «Сталин все знает», были для меня в сочетании с тем авторитетом, которым пользовался тогда в моих глазах Сталин, убедительными...»

После обеда Поскребышев доложил Сталину о пакетах с пометкой «Воздух», поступивших на его имя в приемную ЦК. Распорядившись доставить их в Кремль, Сталин занялся текущими делами и просмотром документов, принесенных секретарем. Минут через десять с разрешения Сталина в кабинет вошли фельдъегерь и начальник личной охраны

комиссар госбезопасности 3-го ранга Власик. Достав из портфеля семь больших пакетов, фельдъегерь передал их Сталину. После чего он вместе с Власиком вышел, оставив хозяина кабинета наедине с бумагами.

На сегодня было запланировано несколько заседаний и встреч. Но сейчас было немного времени, чтобы изучить присланное ему. Обычно Сталин в день читал по 400 страниц, считая это минимальной нормой. В пакетах же находилось значительно больше листов. Послание было написано чернильной ручкой и далеко не каллиграфическим почерком. Но читать, не сильно напрягая глаза, было можно. Текст письма заинтересовал руководителя страны Советов...

От автора...

Я не считаю для себя возможным писать, о чем думал или не подумал, читая письмо, один из Великих (не побоюсь употребить это слово) людей прошедшего века. Мысли у каждого человека индивидуальны, и в каждый момент своей жизни он думает посвоему. Осмысливает при этом имеющиеся у него знания и сведения. Автор же не Сталин, не Тимошенко, не Жуков и не один из тех, кто может принять решения на уровне страны и ее армии. Поэтому оставляет им их мысли, стремления и возможность принимать те или иные решения.

Его Герой выполнил одно из своих, возможно главное, предназначение — предупредил руководство государства о приближающейся войне и событиях, последующих за этим. Хотя еще в апреле 1941 г. Сталин не сомневался в том, что Германия нападет на СССР. Он знал о возможном германском нападении, знал о концентрации немецких войск на границе. Сведениям разведки вполне доверял. Не знал он того, что точная дата нападения все-таки определена Гитлером, и потому не мог до конца понять, до какой степени авантюризма может он дойти. Но, не зная и не понимая всего этого, Сталин, тем не менее, выдвигал на запад Красную Армию, принимал адекватные меры к противодействию возможной угрозе.

Во всяком случае, доступная сейчас информация говорит об этом.

**Из Записки Наркома Внутренних Дел СССР Л. П. Берия
И. В. Сталину, В. М. Молотову и Наркому Обороны С. К.
Тимошенко о переброске германских войск к советской**

границе и нарушении воздушного пространства СССР, № 1196/Б от 21 апреля 1941 г., гриф «Совершенно секретно»:

«...Пограничными отрядами НКВД Украинской и Молдавской ССР дополнительно добыты следующие данные:

По советско-германской границе

20 мая с. г. в Бяло-Подляска... отмечено расположение штаба пехотной дивизии, 313-го и 314-го пехотных полков, личного полка маршала Геринга и штаба танкового соединения.

В районе Янов-Подляский, 33 км северо-западнее г. Бреста, сосредоточены понтоны и части для двадцати деревянных мостов...

31 мая на ст. Санок прибыл эшелон с танками...

20 мая с аэродрома Модлин в воздух поднималось до ста самолетов.

По советско-венгерской границе

В г. Брустура... располагались два венгерских пехотных полка и в районе Хуста — германские танковые и моторизованные части.

По советско-румынской границе...

В течение 21–24 мая из Бухареста к советско-румынской границе проследовали: через ст. Пашканы — 12 эшелонов германской пехоты с танками; через ст. Крайова — два эшелона с танками; на ст. Дормэнэшти прибыло три эшелона пехоты и на ст. Борщов два эшелона с тяжелыми танками и автомашинами.

На аэродроме в районе Бузеу... отмечено до 250 немецких самолетов...

Генеральный штаб Красной Армии информирован...»

Из Спецсообщения Разведуправления Генштаба Красной Армии о подготовке Румынии к войне, № 660586 от 5 июня 1941 г.:

«...Румынская армия приводится в боевую готовность.

С середины апреля румынское командование приступило к увеличению численного состава армии. Начавшийся 21 апреля призыв резервистов и офицеров запаса на сборы сейчас принял характер скрытой всеобщей мобилизации. Повестки о мобилизации в короткий срок были вручены непосредственно мобилизованным. Повестки вручались специально подготовленными командами. За отправкой мобилизованных

установлено особое наблюдение со стороны полиции.

Общий состав румынских войск на 1 июня 1941 г. следующий:

- Армий — 3
- Армейских корпусов — 7
- Пехотных дивизий — 20
- Гвардейских дивизий — 1
- Мотопехотных дивизий — 1
- Кавалерийских дивизий — 4
- Горнострелковых бригад — 4
- Отдельных кавалерийских бригад — 2
- Мотомеханизированных бригад — 1
- Фортификационных бригад — 2

Из этого состава в Молдавии находится 9 пехотных дивизий, две кавалерийские дивизии, две горнострелковые бригады и, по непроверенным данным, в Пятра отмечается мотомеханизированная бригада.

К этой же группировке можно отнести добруджанскую группировку, состоящую из двух пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады.

Таким образом, против СССР сосредоточено 11 пехотных дивизий, две кавалерийские дивизии, механизированная бригада, две горнострелковые бригады и одна отдельная кавалерийская бригада.

При использовании всех людских ресурсов и при немецком вооружении, румынская армия может быть доведена до 40 пехотных дивизий, общей численностью до 1800 тысяч человек.

За последние полгода румынское командование уделяло особое внимание авиационным, танковым и инженерным частям. Под руководством немецких офицеров при 1-м и 2-м танковых полках, а также и в авиационной школе в г. Текуче, офицерский состав румынской армии проходил и проходит усиленную подготовку. 380 офицеров, окончивших учебу, направлены в части, расположенные в Молдавии.

Отмечается наличие кавалерийского корпуса, тогда как ранее кавалерия в корпуса не сводилась.

Вооружение для румынской армии поступает с заводов

Шкода и Германии.

Офицерам румынской армии в мае выданы топографические карты южной части СССР.

В Молдавии в настоящее время сокращены пассажирские поезда на 10 дней. По официальным сведениям, войска концентрируются в северной части Румынии.

В приграничной полосе с СССР отмечалось занятие окопов первой линии полевыми войсками.

Подтверждается эвакуация государственных учреждений из городов Молдавии, а также местного населения из приграничной зоны. Румынский государственный банк эвакуировал свои архивы из Бухареста в Предеал. Имеется распоряжение о постройке в городах и селах своими средствами каждой семьей траншеи или примитивного бомбоубежища к 15 июня.

Министерство спустило указание о досрочных экзаменах в школах с тем, чтобы здания подготовить под казармы и госпитали. Экзамены должны быть закончены к 10 июня. Отмечен призыв на сборы студентов последних курсов медицинских факультетов, а также студентов других специальностей.

Офицеры румынского генштаба настойчиво утверждают, что, по неофициальному заявлению Антонеску, война между Румынией и СССР должна скоро начаться...

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной Армии
генерал-лейтенант Голиков»

ЦА МО РФ. Оп.7237. Д. 2. Лл. 117–119. Машинопись на типографском бланке, заверенная копия. Имеются пометки. Рассылка: Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Берия, Кузнецову, Жданову, Жукову, Маленкову. (Взято из сборника документов «1941 год», т. 2. Документ № 525.)

При наличии такой информации письмо Седова, может быть, станет маленьким камнем, способным обрушить лавину приведения войск в полную боевую готовность. А может, все будет наоборот. В любом случае еще древние римляне утверждали: «Praemonitus praemunitus!», то есть «Кто

предупрежден, тот вооружен!». Вот и будем следовать древней мудрости.

Автор оставляет читателям право самим додумать и ответить на возникающие вопросы: Какое впечатление письмо произвело на Сталина? Поверил ли он ему или нет? Что будет сделано и какое решение примет Сталин? То, что письмо заинтересовало Сталина, не вызывает сомнения. Подтверждением этому может служить то, что в этот день Сталин никого в своем Кремлевском кабинете не принял.

Думается, что, прочитав письмо, Вождь советского народа даст указание постараться установить, откуда письмо пришло и кто его автор. Обязательно проверит информацию, изложенную в письме. Просто так, скоропалительно, без консультации со специалистами, он никакого решения принимать не будет. И это правильно.

А что тем временем делает наш герой? А он сидит в это время на железнодорожном вокзале г. Минска и ждет свой поезд в г. Брест. Чтобы попытаться немного подвинуть историю в нужное русло.

Из разговора, состоявшегося в здании штаба Западного ОВО:

— Разрешите, товарищ полковник?

— Заходи, Николай Григорьевич, присаживайся, — ответил хозяин кабинета, ставя стакан с чаем на столик. — Чаю хочешь? У меня вот тут сушки есть. Дочка позаботилась.

— Не откажусь. У вас чай всегда вкусный. Сегодня свободного времени совсем не было — прибывших много. Пока с ними прозанимался, пообедать не успел.

— Что, много прибыло? Это хорошо! Даже очень хорошо. Всех успел раскидать?

— В основном прибыла молодежь после училищ и курсов. Но есть и постарше. Из запаса. Командиров с опытом руководства подразделениями мало. Тех, кто имеет опыт боевых действий, практически нет. А так все пока идет по плану. Надеюсь, к 1 июля большую часть ваканта заполним.

— Понятно. Климовских на последнем совещании поднимал вопрос о некомплекте командных кадров. Так что готовься, со мной пойдешь к нему с отчетом и склейку свою возьмешь. Кстати, данные на сегодня в мою занеси, чтоб под рукой была. Что по вновь формируемым частям?

— Надо пойти, так схожу. Всегда готов, как пионер. В 17, 20,

13, 11-м мехкорпусах пока сложно. Командный состав частично прибыл. Остальные должны быть к концу месяца. Закончив с приграничными частями, сразу же займемся ими.

— Хорошо. Тут телеграмма пришла из Орловского военного округа. На посмотри, не прибывал к нам такой? А то они его хотят назад к себе получить. Фамилия знакомая, мы вроде его куда-то сюда в штаб отбирали.

— Был сегодня. Пару часов назад. Приехал раньше срока. Мы его в порученцы к Климовских планировали.

— Куда ты его дел?

— В 333-й стрелковый отправил. Парень понравился. Неплохой — спокойный, характеристики и аттестация отличные. Его личное дело я Наташе сдал на оформление и отправку в полк. Если надо, давайте вернем назад. Должность у нас найдем.

— Говоришь, парень неплохой? Тогда мы его точно не отдадим. Самим пригодится, но спешить не будем. Внеси в резерв на выдвижение. Если не опростоволосится в полку, к себе заберем. Дело у Наташи? Давай я его посмотрю, пусть она его принесет, — ответил хозяин кабинета.

Воспользовавшись телефоном начальника, майор Кравцов вызвал секретаря и попросил принести личное дело лейтенанта Седова.

— Сегодня же подготовишь ответ на телеграмму. Сообщишь, что он прибыл, куда назначен. Нечего с соседями ругаться, вдруг нам что потребуется от них.

Вскоре Наталья Ивановна принесла указанное дело. Хозяин кабинета быстро пролистал папку, иногда задерживаясь на некоторое время на той или иной странице для изучения нанесенных на них отметок.

— Может, зря мы его в полк отпустили? Как думаешь? По документам парень действительно хороший, нам бы пригодился. Может, надо было на кого заменить?

— Может, и надо. Я думаю, пусть в войсках себя покажет, а там посмотрим.

— Чего ты его так далеко засунул? У нас что, ничего поближе нет? Например, в сотой дивизии?

— Тут из шестой дивизии комиссар звонил. Просил подобрать командиров для укрепления дивизии, а то Тимошенко по итогам инспектирования округа во всех отношениях в худшую

сторону выделил дивизию. Думаю, надо уважить и помочь в таком деле.

— Ладно, что сделано, то сделано. Ты его держи на примете. Знаешь, что еще сделай, позвони в полк и предупреди о Седове, пусть к нему присмотрятся. Если есть возможность, пусть нагрузят работой по штабной линии. Так парень и себя покажет, и опыта наберется, а мы при необходимости получим обученного специалиста.

Уже несколько часов я сидел на вокзале. Честно говоря, отвык от таких вот посиделок в ожидании отправления. То ли дело в мое время — сидишь с ноутом, лазишь в Интернете по разным сайтам, общаешься, читаешь. В общем, с чувством, с толком и с расстановкой проводишь время, а тут совершенно нечего делать. Книга, купленная в Тамбове, осталась лежать в чемодане. От нечего делать погулял вокруг привокзальной площади, наблюдая за мирной жизнью минчан. Был остановлен и проверен патрулем, посидел в сквере, почитал местную прессу. Как же медленно тянется время! Скорее бы уже в часть, к делу, а то прохлаждаюсь тут.

Наконец объявили посадку на поезд. Получив багаж, присоединился к большой группе отъезжающих, собравшихся на перроне. Вскоре подали поезд на посадку, и я вошел в свой вагон. Осталось переспать всего одну ночь — и я прибуду на место. Проводник при посадке предупредил, что на старой границе пограничники будут проводить проверку документов. Желательно их дожидаться, чтобы не будили. Купе оказалось занято пожилой семейной парой из Москвы. Они ехали до Березы в отпуск к сыну и радовались скорой встрече с ним. Показывали фотографии, а мне было больно за них. Я прекрасно понимал, что, возможно, они в последний раз увидят его. Если не успеют вовремя уехать, то хлебнут полную чашу прелестей отступления и оккупации. Но говорить им об этом нельзя, не поймут. Стиснул зубы и при дальнейшем общении с соседями старался, чтобы переполнявшие меня эмоции не вырвались наружу.

Поезд шел по расписанию. Стучали колеса на стыках рельсов. На остановках к вагонам подходили жители и предлагали пассажирам свою снедь. За окном вступила в свои права короткая летняя ночь. После проверки документов пограничниками и проводов соседей я остался один. Думать ни о чем не хотелось. Раздевшись, прилег на понравившуюся полку, тем более проводник сказал, что до Бреста вряд ли кто подсядет. Уснул почти что сразу. Спал без сновидений, что называется с чистой совестью.

Глава 7. В Бресте

Было раннее утро, когда наш поезд остановился на железнодорожном вокзале Бреста. Вдоль состава пробежала судорога, сопровождаемая лязганьем сцепок. Подхватив вещи, я вышел из вагона. Ну, что ж, здравствуй, город Брест! Город воинской славы и бессмертного подвига. Стояла отличная летняя погода. Солнечный, ясный день набирал свою силу.

Оправив гимнастерку, я неторопливо зашагал по перрону в сторону привокзальной площади. Проходя мимо здания вокзала, нос к носу встретился с Сергеем Акимовым. В первую минуту даже растерялся. Он тоже, а затем бросился ко мне.

— Здорово, Володя! Удалось уговорить? Я знал.

— Привет, Сереж. Вот видишь, как судьба нас свела вместе. Ты здесь на вокзале служишь?

— Нет, что ты. Мы сейчас с начальником по объектам с проверкой и ознакомлением едем. Вечером вернусь. Тебя куда назначили?

— В крепость, в 333-й стрелковый полк 6-й дивизии.

— Вообще хорошо. Найдемся.

В это время к нам подошел капитан войск НКВД. Поздоровавшись, обратился к Сергею: «Сергей Ильич, вы готовы? Поедем? Сейчас на второй путь дрезину подадут, поторопитесь».

— Всегда готов. Вот, товарищ капитан, знакомого встретил, — ответил Сергей.

— Знакомый это хорошо, но нам пора. Пойдемте, — сухо сказав это, капитан пошел на перрон.

— Володь, не обижайся. Мне пора, сам понимаешь, потом поговорим. Как вернусь, я тебя найду. Если что, то давай или здесь в ресторане, или в «Доме Красной Армии» увидимся, — и, пожав на прощание руку, он бросился догонять капитана.

— Увидимся, конечно, — уже вслед Анохину ответил я.

Все это хорошо, но толпа прибывших на привокзальной площади значительно поредела, как и поредели автомашины и извозчики, ожидавшие пассажиров. В Бресте я раньше никогда не был. Доводилось видеть старые карты города. Знаю, что крепость от вокзала где-то недалеко и можно пешком дойти. Но с багажом в руках искать дорогу, расспрашивая местных, не хотелось. Пошлют куда-нибудь в другую сторону. Проще найти военного и у него спросить. Осмотревшись по сторонам, заметил в

стороне от вокзала грузовик «ЗИС-5». На ступеньке кабины, подставив солнечным лучам лицо, сидел боец. Как раз то, что надо. Надеюсь, это не диверсант. Смеюсь, конечно. Явно наш боец — вид слегка расхристанный и помят, пилотка на затылке. Диверсанты такими не бывают — они форму соблюдают. Видя, что я направляюсь к нему, боец встал, одернул гимнастерку и поправил пилотку. Подойдя к нему, я спросил, как попасть в крепость.

— Красноармеец Карпов, Сергей Александрович, — представился он. — А что вам идти и ноги отбивать, товарищ лейтенант? Сейчас старший машины подойдет. Вы с ним и поговорите, может быть, мы вас подвезем.

— Вот и отлично. Надолго он ушел?

— Уже должен прийти. Он бойцов встречает.

Пока мы разговаривали, со стороны вокзала показалась группа бойцов во главе с младшим воентехником. Видя нас беседующими, он поспешил к машине. Подойдя, представился: «Командир автохозяйственного взвода 31-го автобата — младший воентехник Козлов. Что-то случилось, товарищ лейтенант? Карпов, в чем дело?»

— Да вот, товарищ лейтенант вас спрашивает, — ответил боец.

— Ничего не произошло. Извините, вас по имени-отчеству как? Лейтенант Седов, Владимир Николаевич, еду к новому месту службы, ищу попутку в крепость. Вы меня с собой не подберете?

— Степан Фролович. Подвезти можно. Только документы предъявите. Вам в крепости куда надо? — ответил Козлов.

— В 333-й стрелковый, — доставая предписание и удостоверение, ответил я.

— К нам в дивизию, — читая предписание, сказал Козлов. — Соседями будем. Наш автомобильный батальон расположен как раз рядом с вашим штабом и казармами. Садитесь в кузов, довезем до места с ветерком. У вас вещей много?

— Чемодан и два пакета.

— Вообще прекрасно. Бойцы, заканчиваем перекур. К машине! Место у кабины не занимайте, оставьте товарищу лейтенанту, — сказал воентехник курившим в сторонке бойцам.

Погрузившись в автомашину, мы тронулись в путь по мощенным камнем улицам Бреста и вскоре через Северные ворота въехали в крепость.

Что представляла собой Брестская крепость? Внутренним ядром крепости была ее цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Западным Бугом, а с юга и севера — рукавами реки Мухавец.

Кольцевой стеной цитадели являлась кирпичная двухэтажная казарма с 500 казематами для размещения войск. Под казематами находились складские помещения, а ниже, говорят, есть сеть подземных ходов (которые до сих пор так и не нашли). Двое ворот в виде глубоких тоннелей соединяли цитадель с мостами через реку Мухавец, которые выходили на бастионы крепости. Третьи ворота выходили к мосту через основное русло Западного Буга. Кольцо бастионов с крепостными сооружениями, казармами и складами являлось внешним прикрытием цитадели. С внешней стороны этого кольца более чем на 6 км тянулся массивный земляной вал десятиметровой высоты, который являлся наружной стеной всей крепости. Земляной вал опоясывался рукавами рек Западного Буга и Мухавца, каналами и широкими рвами, заполненными водой. Система рукавов рек и каналов в кольце бастионов образовала три острова — Пограничный, Госпитальный и Северный. В нескольких километрах от земляного вала крепости проходило кольцо фортов, значительная часть которых использовалась для размещения войск и складов.

Проехав через мост и Трехарочные ворота, машина повернула направо, вдоль сложенной из красного кирпича Кольцевой казармы. Все было узнаваемо по фотографиям и виденным в свое время схемам, даже без объяснений. Вот слева остались клуб 84-го полка (бывший католический костел, а до этого православная церковь Св. Николая) и столовая командного состава. Вот артиллерийский и автомобильный парки. Орудия вместе с передками стоят на открытой всем ветрам площадке. Лишь пара часовых обреченно прохаживались у «грибков». Вокруг практически все было в зелени, от деревьев и до формы бойцов и командиров, поодиночке или в составе команд и подразделений,двигающихся по дорогам. На этом фоне достаточно часто мелькали женские и детские платья и костюмчики.

Мы подъезжали к белому, большому, массивному, на высоком фундаменте, двухэтажному зданию Арсенала, отделяющего собой часть цитадели. Он протянулся практически через весь двор — с северной и с южной стороны, проезд между ним и Кольцевой казармой перегораживала белая каменная ограда. В этом здании располагались штаб и почти все подразделения моего полка — три батальона и полковая школа. Окна первого этажа здания были зарешечены. Немного левее от здания Арсенала, ближе к Тереспольской башне, стояло огражденное забором двухэтажное здание 17-го погранотряда. За ним высилась сама башня Тереспольских ворот.

Проехав через ворота между Арсеналом и Кольцевой казармой, мимо очередного артиллерийского парка, наша машина направилась к

Бригитскому проезду и остановилась на стоянке автотранспорта недалеко от здания Круглого туалета. Получив разрешение от вышедшего из кабины воентехника, бойцы попрыгали на землю и словно боялись, что он у них пропадет, полезли в карманы за табаком. Следом за ними из кузова спустился и я. Поблагодарил Козлова за доставку. Тот, улыбаясь в ответ, произнес:

— Как соседу не помочь? Глядишь, когда-нибудь и ты мне поможешь. Куда идти, знаешь?

— Откуда? — ответил я. Не буду же я говорить, что схему крепости и где находится штаб полка, знаю.

В течение нескольких минут Степан Фролович объяснил, где найти в Арсенале дежурного по части. Показал, где в Кольцевой казарме располагались конюшни, склады и мастерские моего полка. Сказал, что помещения полка идут до Тереспольской башни, а в ней живут семьи полковых командиров. Короче говоря, ввел в курс дела. Поблагодарив еще раз, я подхватил вещи и направился по краю большого плаца к зданию Арсенала.

На входе уточнил у бойцов, где найти дежурного по части. Один из них вызвался меня проводить. Едва войдя в помещение, окунулся в амбре, типичное для любой казармы, — смесь ароматов ваксы, мастики и скученности большой группы людей. Длинный коридор с высокими сводчатыми потолками шел в обе стороны от входа. Повернув налево и пройдя по коридору, оказались у комнаты дежурного по части. В помещении за столом с несколькими телефонами сидел старший лейтенант с кумачовой повязкой дежурного на рукаве. На его лице, около виска, был виден старый шрам.

— Дежурный по части старший лейтенант Потапов, Александр Ефремович, — представился он.

Достав свои документы, я представился и спросил, где найти командира полка или начштаба.

Посмотрев мои документы, Потапов вернул их мне. Оказалось, что командования полка на месте нет. Оно в полном составе на совещании в штабе дивизии и будет часа через два. На месте должен быть писарь строевой части Иван Степанов и секретарь комитета комсомола полка замполитрука Осадчий. Им я могу сдать свои документы. Затем, вызвав дежурного по штабу, Потапов поручил позаботиться о моем размещении в общежитии. Заодно предложил мне вместе сходить в столовую на завтрак. Я согласился.

Следом за сержантом по лестнице поднялся на второй этаж. Мой

проводящий рассказал, где расположены необходимые удобства. Пройдя по коридору мимо дневального, оказались в большой комнате, приспособленной под общежитие комсостава. Здесь стояли с десяток железных кроватей без матрасов и постельного белья, большой шкаф, несколько столов и штук восемь табуретов и тумбочек. На крашеных полах и подоконниках лежал тонкий слой пыли. Похоже, что помещение достаточно давно пустовало, что было странно при той скученности войск, находившихся в крепости. Видно, командир заранее обеспокоился сохранением помещений для размещения прибывающего пополнения.

— Товарищ лейтенант, вы пока располагайтесь, я сейчас старшину найду, он вам все обеспечит, — торопливо сказал мой «Вергилий» и исчез за закрытыми дверями.

Окна комнаты выходили на плац, на котором человек сто бойцов, под руководством сержантов, отрабатывали строевые приемы без оружия. Большинство из них показались мне выходцами с Кавказа и Средней Азии. Коль я здесь пока один и есть такая возможность, то почему бы не обеспечить себе комфорт по максимуму? Выбрал себе место у стены и поставил чемодан на кровать. Несколько крупных гвоздей, вбитых наполовину в стену, изображали из себя вешалки. В дверь постучали. Я не успел ничего ответить, как в дверях появилась фигура в военной форме с ведром и шваброй.

— Товарищ лейтенант, дневальный по штабу красноармеец Балюк. Дежурный распорядился тут порядок навести. Разрешите? Или попозже зайти? — спросил он.

— Наводите, — только и смог ответить я, удивляясь такой оперативности дежурного, за несколько минут организовавшего уборку. Мешать бойцу не стал, тем более что меня ждал Потапов. Он был на месте, но просил немного подождать, так как с завтрака еще не вернулся помдеж. И предложил пока отметиться в строевой и у Осадчего, который совсем недавно прошел к себе. Тоже дело. Найти их не составило труда. Показал свои документы Степанову. У Осадчего встал на комсомольский учет, сдав учетную карточку. Оба внимательно рассмотрели и проверили документы. Задали общий вопрос — в каком батальоне и на какой должности я буду служить? Что я мог на это ответить? Сам не знаю, но оба мне понравились своей деловитостью, дружелюбием и предложением заходить на огонек.

У комнаты дежурного по части меня нетерпеливо ждал Потапов: «Все? Пойдем поедим?» Я подтвердил, что все сделал, и мы по коридору, мимо караульного помещения, прошли к центральному выходу из здания. На улице светило солнце, и после полумрака казармы все вокруг казалось

ярким и резким. Давая глазам привыкнуть к свету, несколько минут постояли на ступеньках, а затем, повернув налево, пошли вдоль здания Арсенала в столовую.

По дороге Потапов расспрашивал меня об училище, рассказывал и показывал, что и где находится в цитадели. Я же добросовестно озвучивал ему биографию Седова. За разговором мы очень скоро оказались в одноэтажном помещении столовой. Там было всего несколько командиров, торопливо заканчивающих свой завтрак. Официантка практически тут же накрыла стол. Вопросов ко мне у нее не возникло. Порции были немного поменьше ресторанных, но тоже большие.

Поев, той же дорогой возвращаясь назад, продолжили беседу. Выяснилось, что Потапов в части недавно — раньше проходил службу во 2-м Отдельном Местном стрелковом батальоне города Лосиноостровск. Здесь служит в должности старшего адъютанта 1-го батальона. Разговор коснулся службы, личного состава, бытовых условий, обеспечения. Саша предложил мне на выбор подождать командира в клубе или Ленинской комнате. Оба помещения находились тут же в здании, на первом этаже. Клуб рядом с расположением, 2-го батальона, а Ленинская комната у 1-го батальона, сразу за казармой полковой школы. Но я выбрал свой вариант. Сославшись на то, что надо разобрать вещи, решил вернуться в общежитие. Потапов пообещал, что, как только появится руководство полка, он пришлет за мной дневального. У лестницы на второй этаж мы расстались. Он пошел в дежурку, а я к себе в комнату.

Там было все прибрано, не очень чисто, но тоже нормально.

Полы вымыты, пыль с подоконников вытерта, кровать заправлена постельным бельем и солдатским серым одеялом. На тумбочке уместились мой чемодан и пакеты, а на одном из гвоздей висели двое плечиков, скрученных из толстой проволоки. Как раз то, что надо. Поговорку «Встречают по одежке, а провожают по уму» никто не отменял. За время службы в армии приучили, что представляться начальству надо при полном параде, со всеми наградами. Традиция. Хочешь не хочешь, а выполнять придется. Распаковав вещи, развесил их на плечиках. Отутюженный еще в Москве мундир сохранился в отличном состоянии. В нем и пойдем. Если что, то успею переодеться в повседневное. Сняв гимнастерку, принялся наводить щеткой блеск на сапоги. И они засверкали, как у кота определенные места. Смотреться в них вместо зеркала вполне можно.

Из чемодана в планшетку перекочевала папка с планом боевой подготовки и справочник по германской армии. Если будет такая возможность, попытаюсь переговорить с командиром об этом. Именно

здесь, в крепости, и нужно будет такое подразделение. Очень надеюсь на взаимопонимание со стороны командования. Ну, а если не пойдет, то буду гонять свой взвод, готовя к предстоящим боям. Неподготовленные, они мне не нужны и просто так отдадут свои жизни с минимальным ущербом для противника. Тут до меня дошло, что нужен макет и схема крепости. Даже если 22 июня я встречу вне стен крепости, он может пригодиться другим в качестве наглядного пособия. Стол есть, проволоку найдем, старые газеты тоже. Как примерно выглядит крепость с высоты птичьего полета, помню. Масштаб можно подобрать, он не особо важен. Главное, чтобы наглядно было. Опыт создания макетов у меня есть. Еще раз большое спасибо моему счастливому советскому детству и родителям, покупавшим мне сборные модели военной техники и помогавшим в создании диорам из них.

Кроме того, надо будет наметить о необходимости восстановления колодцев с питьевой водой в казармах и на территории цитадели. А то при обороне жажда была одной из главных проблем. Поднять этот вопрос важно и как противопожарный.

Нужно поднимать вопрос и о стоящих на открытых площадках орудиях и техники. Вообще, надо срочно заняться вопросником по обороне крепости. Неизвестно, что там с письмами к Сталину и что он сделает по ним. Но с началом войны оборона крепости будет однозначно. Я не могу обойти ее стороной, так как, насколько помню, именно подразделения моего полка тут и сражались.

Размышлизмы прервал деликатный стук в дверь. Это оказался дежурный по штабу. Извинившись, сержант протянул мне ключ от комнаты, пояснив, что его надо оставлять, когда буду уходить, у дневального. Поблагодарив за наведение порядка в комнате и заправку постели, уточнил насчет командования полка. Оно еще не вернулось. Пообещав сразу сообщить, как оно появится, дежурный скрылся за дверью, словно я его съесть могу.

Достав несколько чистых листов бумаги и ручку, принялся накидывать вопросы и проблемы, возникшие при обороне крепости в памятной мне истории приближающейся войны. Тут же напротив них стал набрасывать и способы их решения. Надо заводить тетрадь, а то листы могут потеряться. Да и вообще, нужно как минимум еще пару тетрадей потолще для записей на будущее. Кстати, пока не забыл, необходимо что-то придумать с личными номерами для личного состава, чтобы бойцы не пропали без вести. Проще всего сделать их из оловянных ложек. Да только где их найти в таком количестве? Хотя для своего взвода и роты вполне можно отыскать. Должны же они продаваться в магазинах или быть на складе.

Хорошо, что завел знакомство с Козловым из автобата. Там парни грамотные, и, если не удастся решить вопрос с «ПБС» у себя в мастерских полка, обращусь к нему. Думаю, что не откажет в такой малости. Делать надо сразу на винтовку и на «наган», неплохо было бы смастерить еще на «люгер». Чертежи есть. Готовиться надо по максимуму. С собой, конечно, много не унесешь, только то, что смогу сложить в мешок...

Вновь постучали в дверь. Это снова был дежурный, сообщивший, что прибыл командир полка. Поблагодарив и отпустив сержанта, я стал собираться, а то вдруг командир уедет. Лови его потом — у него дорог и забот много, а тут время уходит. Я срочно хочу дорваться до личного состава и начать над ним изгаляться. Сержант ждал меня в коридоре. Проводив до кабинета командира полка, он ушел, а то я уж подумал, что вместе к командиру пойдём. За неплотно прикрытой дверью кабинета слышались голоса. Что ж, придется подождать, пока командир освободится.

Дверь кабинета открылась, и оттуда, что-то обсуждая на ходу, вышло несколько командиров. Продолжая разговор, они двинулись по коридору к выходу. Из неплотно прикрытой двери раздавались голоса еще нескольких человек, остававшихся в кабинете. Пришлось стоять и ждать, когда закончится совещание. Вскоре из кабинета с картонной папкой в руках вышел капитан.

— Ты к кому? — спросил он.

— К командиру.

— А, новенький. Степанов мне о тебе говорил, — и, повернувшись в обратную сторону, обратился к кому-то в глубине кабинета: — Товарищ полковник, тут к вам новый лейтенант на прием рвется. Разрешите?

Получив разрешение, он, пропуская меня вовнутрь, вернулся обратно в кабинет. В кабинете находились три человека: стоящий около открытой двери сейфа полковник лет сорока с орденом Красной Звезды и медалью «XX лет РККА» на груди, батальонный комиссар лет тридцати, сидящий за столом, и знакомый мне уже капитан, так и оставшийся стоять у двери.

Выполняя ритуал, представился и доложил о своем прибытии для прохождения службы.

— Здравствуйте. Полковник Матвеев Дмитрий Иванович, — ответил полковник, затем представил остальных: — Замполит полка — батальонный комиссар Аношкин Николай Иванович. Рядом с вами начштаба полка — капитан Руссак Виталий Павлович. Рад, что прибыли к нам. Виталий Павлович, если не спешишь, присядь, подожди.

Пожав мне руку, он предложил: «Присаживайтесь».

— Спасибо, — ответил я, устраиваясь на недавно покинутое кем-то место.

— Какое училище окончили? — поинтересовался комполка.

— Тамбовское пехотное, товарищ полковник. Срок обучения два года. По приказу Наркома Оборона выпущен досрочно.

— Значит, земляк. Наша дивизия до 1939 года была размещена в Орловском военном округе. Нечасто в наши пенаты от вас поступает пополнение. У нас большинство командиров из запаса и с ускоренных курсов. Как добрались? Где устроились?

— Добрался нормально, меня разместили здесь, в общежитии.

— Это хорошо, когда командир и его подразделение рядом. Расскажите о себе, — попросило мое начальство.

Пришлось рассказывать биографию Седова. Иногда мой рассказ перебивал замполит, задавая уточняющие вопросы. Отвечая, пришлось на ходу что-то выдумывать о жизни и учебе моего тела. Командир с начштабом поинтересовались моими знаниями по тактике. Здесь у меня больших проблем с ответами не было. Рассказал, что знал и с чем приходилось сталкиваться во время службы. Я посчитал нужным поднять вопрос о подготовке младших командиров, создании штурмового подразделения и необходимости их усиленного натаскивания. О чем и стал говорить. Очень вовремя вспомнились прочитанные когда-то строки из приказа Наркома Оборона СССР № 120 от 16 мая 1940 года (по результатам Финской войны):

«...Пехота вышла на войну наименее подготовленной из всех родов войск: она не умела вести ближний бой, борьбу в траншеях, не умела использовать результаты артиллерийского огня и обеспечивать свое наступление огнем станковых пулеметов, минометов, батальонной и полковой артиллерии...

...Подготовка командного состава не отвечала современным боевым требованиям. Командиры не командовали своими подразделениями, не держали крепко в руках подчиненных, теряясь в общей массе бойцов. Авторитет комсостава в среднем и младшем звене невысок. Требовательность комсостава низка. Командиры порой преступно терпимо относились к нарушениям дисциплины, к пререканиям подчиненных, а иногда и к прямым неисполнениям приказов. Наиболее слабым звеном являлись командиры рот, взводов и отделений, не имеющие, как правило, необходимой подготовки, командирских навыков и служебного

опыта...

...Основной причиной плохого взаимодействия между родами войск было слабое знание командным составом боевых свойств и возможностей других родов войск...».

Насколько я понял, мои слова у командования полка отторжения не вызвали. Только начштаба заметил: «Все сказанное вами верно, и приказы Наркома Обороны мы читаем регулярно. Что конкретно можете предложить, или только повторением пройденного материала ограничитесь?» В его словах сквозила неприкрытая ирония и недовольство.

— Почему же, могу, — спокойно ответил я, доставая из планшетки подготовленные материалы. — Здесь план подготовки и конспекты к нему.

На секунду задумался, кому их отдавать — командиру полка или Руссаку. Решил, что командиру лучше, и протянул папку Матвееву. Тот ее взял и стал просматривать.

Возникшую паузу нарушил замполит, ставший мне рассказывать об истории полка и дивизии: «6-я Орловская Краснознаменная стрелковая дивизия является одной из старейших в РККА. Она сформирована 3 мая 1918 года в городе Гдов Петроградской губернии из добровольцев отряда П. Е. Дыбенко, Петроградской Красной Гвардии и рабочих города Нарвы под наименованием Гатчинской пехотной дивизии. С 24 июля 1918 года — 3-я Петроградская пехотная дивизия; со 2 ноября 1918 года — 6-я стрелковая дивизия; с 6 декабря 1921 года — 6-я Орловская стрелковая дивизия. Участвовала в обороне Петрограда на нарвском направлении. В ноябре 1918 — январе 1919 годов участвовала в Освободительном походе Красной Армии в Прибалтику и Белоруссию. С января 1919 года вела бои с белогвардейскими и белоэстонскими войсками при отходе из Эстонии, в мае и июне — с войсками Юденича при обороне Петрограда, освобождала Ямбург, во время отражения второго наступления Юденича заняла Красное Село, участвовала в Нарвской операции. В январе — мае 1920 года охраняла границу с Эстонией. В мае — июне 1920 года участвовала в наступлении против белополяков в районе городов Полоцк и Лепель, в июле — августе в боях в районе Докшицы, Глубокое и в Варшавской операции, в сентябре — в боях под Гродно. В октябре 1920 — феврале 1921 годов ликвидировала белогвардейские банды в районе городов Лепель и Сенно. Награждена Почетным революционным Красным Знаменем. В 1939 году принимала участие в боевых действиях в Западной Белоруссии. После освобождения Западной Белоруссии с октября 1939 года вошла в Белорусский особый военный округ. Почти вся дивизия размещена в

Брестской крепости.

Наш полк часто называют «стрелково-пограничным». Это связано не только с размещением полка в нескольких сотнях метров от границы, но и с тем, что мы решаем задачи оказания помощи пограничным частям в обеспечении охраны границы. В течение 45 минут один из наших батальонов должен поступить в распоряжение пограничников. По результатам боевой и политической подготовки полк считается лучшим в дивизии. В день 23-й годовщины Красной Армии командир полка награжден орденом Красной Звезды. В полку кроме русских много лиц других национальностей: чувашей, казахов, ингушей, чеченцев, грузин, евреев, призванных в армию осенью 1940 года и весной этого года. Многие из них совсем не знают русский язык. Так что на это надо обратить особое внимание и помогать осваивать русский язык личному составу».

Потом Аношкин поинтересовался моими знаниями по организации политработы с личным составом. Ну, я и выдал то, что знал по учебе и службе. Похоже, удивил и заинтересовал. Во всяком случае он задал вопрос — откуда я так хорошо это знаю? И получил абсолютно правдивый ответ: «Изучал, да и поработать пришлось пропагандистом и секретарем комитета комсомола».

В это время Матвеев закончил просматривать материалы и, задумчиво глядя на меня, передал для изучения материалы начштаба.

— Скажите, лейтенант, кто автор этого документа? Откуда он у вас?

— Автор я. Написан по материалам изучения Финской кампании, а также действиям немецких штурмовых подразделений в ходе прошлой мировой войны и Французской кампании вермахта.

— Не знал, что у нас в училищах сейчас это преподают, — скептически сказал Матвеев. — Откуда брали материалы?

— Из периодической печати и справочников. В том числе и из этого, — достал из планшетки и передал командиру «Тактический справочник по германской армии», купленный на вокзале в Тамбове.

— Понятно, — просматривая справочник, ответил командир. — Что еще интересного вы тут вычитали?

— То, что при возникновении вооруженного конфликта с немцами крепость будет мышеловкой для гарнизона, ее обороняющего, — с вызовом ответил я. При этом все присутствующие пристально стали на меня смотреть. Если бы не был готов к той буре чувств, которые вызвали мои слова у сидящих в комнате командиров, наверняка перепугался бы не на шутку.

— Почему так решили? — медленно, старательно проговаривая слова,

спросил Матвеев.

— Согласно данным справочника, немецкая артиллерия своим огнем полностью накроет крепость, город и пригороды. Наиболее приоритетными объектами ее воздействия окажутся казармы, мосты, автомобильные и артиллерийские парки. С 1939 года немцы, бравшие крепость, знают все цели и их координаты. Мы же вселились в те же казармы, где раньше были поляки. Вести огонь по нам не составит труда. Даже если стены казарм выдержат и личный состав не пострадает от обстрела, то выходить из крепости и выводить технику для занятия позиций по боевому расчету придется под огнем противника. Выход частей дивизии может составить 5–7 часов. Это не считая того, что противник будет продолжать обстрел. Насколько я понял из рассказов, с Центрального острова выход на Кобринское укрепление только один — через Трехарочный мост. А выходов из Кобринского укрепления в сторону Бреста три — Северо-западные, Северные и Восточные ворота. Вот при таких условиях и получается, что крепость станет мышеловкой для ее гарнизона и гражданских, проживающих здесь. Как я уже говорил, обстрелу и бомбежке с воздуха подвергнутся и части, расположенные поблизости от города. Лейтенант Седов доклад закончил.

Пока я это говорил, присутствующие внимательно слушали меня. Периодически Руссак кивал головой, соглашаясь со мной.

— Устами младенца... — тихо сказал замполит.

— Все это мы знаем и понимаем. Командование неоднократно поднимало вопрос о выводе ряда частей гарнизона из крепости. Но не хватает казарменного фонда, вот и приходится тесниться. Ладно, с этим все понятно. Давайте вернемся к вопросу о том, что вы говорили о подготовке личного состава и формировании штурмового подразделения. Как вы понимаете задачи и цели штурмового подразделения? Какова его численность и вооружение? Тактика действий? — сказал Матвеев.

— Классические пехотные подразделения выполнять многие специфические задачи попросту неспособны. Именно это послужило толчком к созданию в Германии «панцергренадеров» и реформированию части мотопехоты. Нашей армии в ходе Финской войны пришлось столкнуться с проблемой значительных потерь во время операций по взятию укрепрайонов, а также в уличных боях.

Долговременные огневые точки финнов прикрывали друг друга, а за ними стояли артиллерийские и минометные батареи, противотанковые орудия. Все подходы к дотам опутывались колючей проволокой и густо минировались. В городах в огневые точки превращался каждый

канализационный люк или подвал. Руины превращались в неприступные форты. Для штурма этих укреплений нами использовались обычные линейные пехотные части, не имевшие опыта взятия подобных укреплений. Естественно, они несли при этом большие и неоправданные потери. На амбразуру можно было бросаться грудью — поступок, конечно, героический, но абсолютно бессмысленный.

Идею создания отдельного штурмового подразделения, как я уже говорил, взял из опыта русской и немецкой армий. В русской армии, как и в других армиях мира, имелись специально подготовленные гренадерские, штурмовые и ударные части, использовавшиеся для штурма крепостей и укреплений противника, показывавшие неплохие результаты. Наиболее близкий к нам пример — это действия штурмовых подразделений кайзеровской армии. В 1916 году во время сражения за Верден немцы использовали специальные саперно-штурмовые группы. У них было специальное вооружение — ранцевые огнеметы, ручные пулеметы, и их личный состав прошел спецкурс подготовки. Насколько я знаю, сейчас у немцев таких подразделений нет. Задачи прорывов укрепрайонов решают обычные саперные, гренадерские и танковые части.

В качестве основы для штурмового подразделения требуются, главным образом, технически грамотные и подготовленные специалисты, поскольку спектр ставящихся перед ними задач довольно сложен и широк. Тугодумы, физически слабые и бойцы старше 40 лет сюда не подходят.

— Ну, я туда по возрасту точно не попаду, — с усмешкой перебил меня командир. — Продолжайте.

— Высокие требования объясняются просто: боец-штурмовик несет на себе груз в несколько раз больше, чем простой пехотинец. В стандартный набор бойца должны входить каска и стальной нагрудник, обеспечивающий защиту от мелких осколков и pistolетных пуль. Кроме того, мешок, в котором находится «набор взрывника». Подсумки использовать для переноски увеличенного боекомплекта гранат. Было бы неплохо использовать ранцевые огнеметы. Бойцы должны быть вооружены автоматическим оружием, ручными пулеметами, снайперскими винтовками и противотанковыми ружьями. Противотанковые ружья нужны для подавления огневых точек и поражения танков противника.

— Насчет вооружения понятно. А что за стальной нагрудник? Откуда вы его возьмете? — спросил Руссак.

— В русской и других армиях для тяжелой кавалерии использовались панцирные латы, защищавшие тело кавалериста от ударов, осколков и пуль. Вот по типу их и нужны стальные нагрудники.

— Это какой же вес будет таскать боец! Кроме того, вы представляете себе, что будет с бойцом, если, скажем, пуля или осколок попадет в такой нагрудник? Удар по телу будет очень сильный, да такой, что все тело станет синим. И как вообще должен выглядеть такой нагрудник? Как обоюдосторонний панцирь, надеваемый через голову?

— Зато боец останется живой и в строю. Годным для продолжения боя. Вес нагрудника, если использовать металл толщиной около 2 мм, составит, по моим расчетам, около 3,5 килограмма. Для смягчения удара можно надевать под нагрудник ватник или телогрейку. Защищать нагрудник должен только грудь бойца. Одеваться при помощи ремней на тело. Чертеж я нарисовал, он есть в папке.

— Наверное, я пропустил. Извини, продолжай.

— Необходимо научить личный состав бегать с таким грузом на плечах и минимизировать его возможные потери. Для этого надо бойцам устраивать жесткие тренировки. Бег по полосе препятствий с полной выкладкой. В том числе и обстрел бойцов боевыми патронами, обкатку танками. На крайний случай тракторами. Таким образом, бойцы научатся «не высовываться» еще до первого боя и закрепят это умение на уровне инстинкта. Кроме этого, личный состав должен изучать оружие как нашей армии, так и сопредельной, тренироваться в стрельбе из всех видов оружия, имеющихся в подразделении. Также в программу тренировок нужно включить рукопашный бой, метание топоров, ножей и малых пехотных лопаток.

— Чем тогда они, кроме нагрудников, будут отличаться от разведчиков? И их тренировок? Какой груз должны носить бойцы? — спросил замполит.

— Да, тренировки у тех и других похожи. Но цели разные. У одних — захватить сведения у противника, у других — взять штурмом и удержать до подхода резервов и линейных частей укрепления противника. Тренировки штурмовиков должны быть гораздо труднее, чем у разведчиков. Разведчики идут на задание налегке, и главное для них — не обнаружить себя. В это же время боец-штурмовик не имеет возможности прятаться по кустам, и он не может потихоньку «смыться». Вес груза около 50 килограмм на одного. Что туда входит: 4–6 гранат «Ф-1», «РГД-33», по максимуму боеприпасов, взрывчатка, детонаторы, фляги с водой, перевязочные материалы, веревка метров 6–8, ножи, пехотные лопатки и так далее. Часть груза можно носить на специальных разгрузках, которые можно одевать на нагрудники. На тренировках вместо всего этого носить мешки с песком.

— Это понятно. А как они должны действовать? — спросил Матвеев.

— Тихо пройти через заранее подготовленные проходы в минных полях. Без артподготовки и криков «ура». Отряды автоматчиков и пулеметчиков отрезают от поддержки пехоты доты, а огнеметчики и взрывники должны разобраться с самим вражеским бункером.

— Тогда получается, что в данном подразделении должны быть саперы? — сказал командир.

— Конечно. Или лица, подготовленные как взрывники. Они должны уметь заложить в вентиляционное отверстие заряд или вылить в него несколько канистр керосина, после чего подорвать. Это позволит вывести из строя даже самое мощное укрепление. Ну и для прохода через стены, где это возможно. Например, в городских кварталах использовать тротил для прокладки пути. Еще можно использовать реактивные снаряды, что есть в нашей авиации, для борьбы с дотами, танками и пехотой противника.

— Какие-то у вас, Владимир Николаевич, универсальные бойцы получаются. И разведчики, и автоматчики, и саперы, и ракетчики. Все могут и умеют. И без артподготовки любое укрепление возьмут, — сказал Аношкин.

— Нет, я думаю, что штурмовые подразделения не панацея на поле боя. Без тесного взаимодействия с артиллерией, танками и линейной пехотой они действовать не могут. Если позиции прикрываются артиллерийским и минометным огнем, который предварительно не был подавлен, штурмовые группы будут бессильны. Ведь какую бы подготовку ни прошли бойцы, для снарядов и мин они так же уязвимы, как и остальные.

— Значит, в штурмовые группы нужны еще и связисты, — задумчиво сказал начштаба, что-то черкая у себя в блокноте.

— Да, и связисты. Радисты и телефонисты для обеспечения взаимодействия с подразделениями и штабом части, — ответил я ему.

— Тут вся проблема в том, где взять таких специалистов. Точнее, где и кто их подготовит, — сказал Матвеев, ходя по кабинету со сложенными за спиной руками. И продолжил: — Какова численность одной такой группы — человек 10–12?

— Да. Но в каждом случае надо подходить индивидуально, в зависимости от цели и задачи. Одно дело — взять или уничтожить отдельно стоящий дзот или дот, другое — взломать оборону противника, на которой имеется несколько таких укреплений.

— Это понятно. Я о том, сколько нужно, в общем, иметь человек в подобных штурмовых подразделениях.

— Я думаю от взвода в роте. До роты в батальоне.

— Тогда получается, что нам надо один из батальонов готовить именно по такой программе. Все это хорошо, но где взять людей? Кто их научит? И как будут учить? Если у нас половина полка русского языка не понимает, — задумчиво сказал Матвеев.

— В основном тематика и план подготовки такого подразделения мною описаны. Конспекты по большинству тем тоже есть. То, что связано с подготовкой по взрывному делу, вполне могут преподавать командиры-саперы. Остальное, если разрешите, я сам мог бы им дать. Срок подготовки такого подразделения до полугода. Но можно и уменьшить срок. Если будут бойцы, уже послужившие в армии и имеющие первичную подготовку.

— Правильно, сам предложил, сам и выполняй, — сказал начштаба.

— Задумка у лейтенанта полезная. Сколько можно людских жизней сохранить, используя такие группы, — вставил свое слово замполит.

— Это понятно. С вооружением таких групп решить можно. Скоро на «СВТ» и «ППД» полностью перейдем, а вот где людей найти? Если изъять наиболее подготовленных бойцов и младших командиров из остальных рот, что в них останется? Кто будет руководить отделениями? Ноль без палочки. Так полк имеет более или менее ровные подразделения. С чем останемся? С одними штурмовыми группами. Ты что скажешь, Виталий Павлович? — обратился командир к Руссаку.

— Идея в целом кажется полезной. Надо подумать над ней, как следует. Я бы не спешил от нее отказываться.

— Ладно, Седов. Загрузил ты нас своими мыслями, а у нас своих хватает. Сейчас время обеденное, ты давай в столовую сходи. Пообедай. Знаешь, где столовая? — спросил Матвеев.

— Знаю, — ответил я.

— Так вот сходи, пообедай, а потом подойдешь к начштабу. Он тебе должность подберет. Конспекты и план оставь, мы тут их еще обсудим. Потом вернем. Надеюсь, не против? Счастливой тебе службы, лейтенант, — попрощался со мной командир.

Мне ничего не оставалось, как попрощаться и покинуть кабинет командира. Куда идти? В комнату переодеться. Потом выполнить приказ командира — поесть. Ну, а затем к начштабу за должностью. Что-то нехорошо они на меня смотрели. Может, зря со своим предложением вылез? Служил бы как все — тихо, мирно, незаметно. Нет, надо было себя показать, языком потрепать. Как же, сделать вброс информации. Поторопить будущее. А теперь буду на примете у командования — как слишком умный. Еще неизвестно, на какую должность определят, а то

придется все оставшееся до войны время портянки на складе перебирать. Дело нужное, я это делать умею, но совершенно не хочется. Ладно, чего теперь самого себя корить. Жизнь продолжается. Вперед к свершениям, товарищ трижды лейтенант.

* * *

— Как вам этот прожектор? — спросил после ухода Седова своих сослуживцев командир полка. — Без году неделя в армии, а уже проекты создания нового подразделения в полку предлагает. Куда нам его с такими идеями девать?

— Но идея, согласитесь, товарищ полковник, здравая. Хорошо проработанная и вполне выполнимая, — вступился за лейтенанта Руссак.

— Лично мне Седов понравился. Очень уверенный в себе и своем мнении грамотный и знающий командир, — ответил замполит и продолжил: — Теперь понятно, почему Кравцов вчера по нему звонил.

— Я об этом совсем забыл. Кстати, а чего они его у себя сразу не оставили?

— Кравцов сказал, что вакансия, на которую Седов приехал, пока не освободилась и неизвестно, будет ли освобождена. Вот по моей просьбе о пополнении командного состава полка грамотными специалистами и командирами его к нам и отправили.

— Ох, не верю я, что в штабе округа должностей нет. Ну, и что нам с ним делать? Куда назначать будем?

— Я бы его к себе забрал. Он мне очень понравился. Партиполитработу знает, опыт имеет. О таком только и можно мечтать, а то у нас большинство из запаса или с курсов и совсем без опыта. Делают все формально, знают, что не сегодня завтра форму снимут и по домам разъедутся. А этот полностью наш, армейский, кадровый. На всю оставшуюся жизнь себя армии посвятил и на гражданку не побежит. Завтра из округа выписку из его личного дела привезут. Я ее изучу и могу договориться с Управлением политической пропаганды округа о назначении его политруком роты. Думаю, мое предложение и в дивизии поддержат. Сначала на роту поставим, скажем в третий батальон, а потом, может, и на батальон подойдет.

— Товарищ командир! — вмешался в разговор Руссак. — Седова надо или на командную, или на штабную должность ставить. Лучше всего на штабную работу определять, есть у него штабная жилка. Вдумчивый,

спокойный, уравновешенный, грамотный. Вон какую программу подготовки сделал, со всеми необходимыми выкладками и конспектами. Самое ему место у нас в штабе полка. Жаль, конечно, что опыта мало. Но со временем поднаберется и отличным начштаба будет в батальоне.

— У тебя вроде все должности укомплектованы, или кто уходить собрался? Тогда почему я рапорта не видел?

— Укомплектованы. В ближайшие дни на должность моего помощника прибудет лейтенант Санин. Но я бы Седова подучил и со временем кому на замену подготовил.

— Ага. В полку куча должностей командиров взводов недоукомплектована. А ты лейтенанта, значит, к себе под крыло учить?

— Так ведь для пользы дела, товарищ полковник! Как сказали в дивизии, к нам после 18 июня должны прийти выпускники Смоленского стрелково-пулеметного и Калининковского пехотного училищ. Так что взводных укомплектуем полностью.

— Я и сам вижу, что парень грамотный. С правильными и нужными идеями. Ты прости, Николай Иванович, но политработником Седову не быть. Себе из других подберешь. Он явный командир, и место ему на взводе или роте. Больше даже на ротного тянет. Но у нас все ротные должности заняты, или это не так?

— Все так, и в ближайшее время освободиться не будут.

— Так что назначим его пока на взвод в третий батальон или в полковую школу. Присмотритесь к нему оба. Насчет использования его на штабной должности... Никто не запрещает тебе, Виталий Павлович, привлекать Седова к отработке штабных документов и готовить к штабной работе. Сейчас третий батальон на работах по укрепрайону. До его возвращения в крепость используй Седова в своих целях. И вот еще что...

Идея насчет создания штурмового подразделения в полку правильная и нужная. Отбрасывать ее в сторону не будем. Докладывать свои предложения по этому вопросу в дивизию тоже пока рано. В Финскую войну в основном действовали саперные штурмовые группы. У нас саперов кот наплакал, и они все заняты на решении других задач. Попробуем создать такое подразделение у нас, без внесения изменений в штатную структуру полка. Возьмем один из стрелковых взводов или из полковой школы и подготовим по предложенной лейтенантом программе. Седов пусть и готовит. Время у нас есть. Хуже точно не будет. Заодно и парня в деле проверим. Посмотрим, что к чему, а тогда и решим — выходить на дивизию и корпус или подождем. Ты, Виталий Павлович, вместе с Седовым проработайте вопрос, кого привлечь к подготовке. Прикиньте, что

и как сделать, кого подобрать, где и как использовать. По вооружению и материальному обеспечению взвода решим так — все сделаем в наших полковых мастерских или на складах присмотрим. В мастерских я видел металлические листы нужного размера, что еще от поляков остались. Вот из них и попробуем сделать образец.

Далее. Меня все больше тревожит мысль о проблеме вывода полка и средств усиления в укрепрайон при обстреле крепости с сопредельной стороны. Если человек, пробывший несколько часов в крепости, ее замечает, то нам сам бог и командование велели ее решать. Мы действительно не сможем этого сделать за установленное время.

— Командир! Нас не поймут, если мы выйдем из крепости и сменим место дислокации без разрешения руководства корпуса. Могут обвинить в паникерстве и самоуправстве, — сказал комиссар.

— Тут я с тобой согласен, но решать проблему надо в любом случае. Снова обратить на этот вопрос внимание дивизии, корпуса и армии. Обосновать вывод полка можно ускорением работ на объектах укрепрайона, полевым выходом или стрельбами, наконец. Тем более у нас с 15-го начинаются летние лагеря. С этой целью и вывести все батальоны и полковую школу. Оставить в расположении только подразделения обеспечения, без которых полк может обойтись, а также комендантский взвод, дежурное подразделение, больных и освобожденных от работ, приписников.

— Знамена полка и дивизии? Комендатура крепости и связисты?

— А ты как думаешь?

— Вообще-то, по идее, знамя должно быть постоянно с полком. Связь тем более.

— Правильно. Связисты выйдут вместе со всеми на тренировку. А вот со знаменами проблема. Представь, что будет, когда узнают, что знамена вынесены полком в укрепрайон.

— Может быть, согласовать этот вопрос с дивизией?

— Предложу комдиву согласовать с армией разрешение вывести на строительство укрепрайона с целью ускорения работ не один батальон, а несколько и с ними вынести знамена. Должен же Михаил Антонович войти в наше положение. Ну и ты, комиссар, переговоры по своей линии с полковым комиссаром Бутиным Михаилом Николаевичем. Еще вопросы есть по данной теме?

— А что с артиллерией и складами делать будем? Их же тоже выводить надо, — спросил начштаба.

— Надо склады боепитания частично вывезти в тыл нашего

оборонительного района. Скажем, километрах в шести-семи найти место и оборудовать временный склад. Туда же складировать часть продовольствия. Артиллеристов выведем на стрельбище для тренировки. Здесь оставим одну батарею или будем менять их постоянно. Одна побыла несколько дней и ушла, на ее место пришла другая. Аналогично с остальными подразделениями поступим.

— Вот это правильно, командир. Не будет напряженности в семьях командиров, а то и так жены мужей редко видят, — сказал замполит.

— Виталий, отработай график вывода подразделений так, чтобы со стороны не было особо заметно, что полк фактически отсутствует в крепости.

— Сделаю. Я тогда Седова к этому привлеку.

— Не против. Далее. Николай Иванович, переговоры с особистом, пусть он по своим каналам Седова на всякий случай проверит. Знать хоть будем, что за человек Седов. Ко мне вопросы есть? Тогда не задерживаю. Николай Иванович, после обеда со мной в дивизию проехать не хочешь?

— Конечно, поедем.

— Тогда жду тебя в три часа.

Из мемуаров Главного маршала авиации Голованова А. Е. «Дальняя бомбардировочная»:

«...В тот день я в двенадцать часов явился к командующему округом.

В кабинете за письменным столом сидел довольно массивного телосложения человек с бритой головой, со знаками различия генерала армии.

Павлов поздоровался со мной, спросил, почему так долго не приезжал в Минск, поинтересовался, что мне нужно, и сказал, что давно уже дал распоряжение, чтобы нас всем обеспечивали, так как об этом его просил Сталин. Только я начал отвечать на его вопросы, как он, перебив меня, внес предложение подчинить полк непосредственно ему. Я доложил, что таких вопросов не решаю.

— А мы сейчас позвоним товарищу Сталину, — он снял трубку и заказал Москву.

Через несколько минут он уже разговаривал со Сталиным. Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

— Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо, товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно.

Он положил трубку.

— Не в духе хозяин. Какая-то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредоточивают войска на нашей границе.

Я выжидательно молчал.

— Не хочет хозяин подчинить вас мне. Своих, говорит, дел у вас много. А зря.

На этом мы и расстались. Кто из нас мог тогда подумать, что не пройдет и двух недель, как Гитлер обрушит свои главные силы как раз на тот участок, где во главе руководства войсками стоит Павлов?»

Переодевшись, спустился вниз, к Потапову.

— Был у командира? Куда тебя назначили? — спросил он.

— Был. Только от него. Велено после обеда к Руссаку за должностью зайти.

— А что, даже предварительно ничего не сказали?

— Нет. Сказали, что начштаба определит, куда больше потребен. Кстати, во сколько лучше к нему зайти, не знаешь?

— Часа в два, не раньше. Сейчас сходит на обед и вернется назад. Будет у себя в кабинете. Ты как насчет пообедать?

— Пойдем.

— О чем расспрашивали? — когда вышли на улицу, спросил Потапов.

Я вкратце рассказал, но сообщать о своем предложении ему не стал. Зачем? Как командир решит, так и будет. Меня больше мучил вопрос, правильно ли я говорил с командованием? А то ведь вел себя излишне свободно. Как привык в ХХІ веке. Ну, да ладно, надеюсь, прокатит. В ходе беседы знания показал, на вопросы ответил. Удовлетворил любопытство начальства и не прокололся.

Сразу после обеда я зашел к начштаба. Так, на всякий случай, вдруг на месте.

— Заходи, что стоишь в дверях? — встретил он меня. — Пообедал?

— Так точно.

— Молодец. Устав внутренней службы знаешь. Наверное, гадаешь, какую должность тебе приготовили? И правильно делаешь, что гадаешь.

Помучайся немного. Не все тебе командование своими идеями будоражить. Кто ж так с командованием разговаривает? Кто тебя только учил?

— Да я вроде и не хотел...

— Понятно все с тобой. Не хотел он! На будущее учти, что с командованием надо говорить уважительно. Не сразу лицом в ошибки и недочеты тыкать. Ладно, не буду тебя мурыжить. Назначаешься командиром второго взвода седьмой роты третьего батальона.

— Есть. Разрешите идти?

— Не спеши. Взвода своего пока не увидишь. С мая третий батальон находится на работах в укрепрайоне, вернуться должен к концу месяца. Пока там без тебя обойдутся. Есть кому командовать и руководить строительными работами. Решено тебя временно привлечь к работам в штабе. Твоего комбата капитана Гончара Андрея Федоровича и командира седьмой роты старшего лейтенанта Бокерия Нестора Георгиевича я предупрежу. Но представиться тебе им все равно надо. Завтра я собираюсь съездить в батальон, поедешь со мной. Возражения есть?

— Нет.

— Правильно. Начальство надо слушаться, а не учить. Хотя и это надо иногда делать. У тебя с памятью как?

— Не жалуюсь.

— Это хорошо, что не жалуешься, а то смотрю, ты ничего не записываешь. Фамилии и имя-отчество командиров дважды повторять не буду. Запоминай, а лучше заведи рабочую тетрадь для записей. Пригодится. Не хочешь спросить, а чем конкретно будешь заниматься в штабе?

— Хочу, но, думаю, вы сами все скажете.

— Вот это одобряю. Надо больше слушать начальство. Оно умное, грамотное, все знает и понимает, — со смехом в голосе продолжил Руссак. — Во-первых. Чтобы ты знал, наш командир является комендантом крепости. Поэтому вместе с работниками штаба займешься уточнением планов и графиков вывода полка и гарнизона по боевой тревоге. Они разработаны еще в 1939 году, как только крепость заняли, и постоянно уточняются. Во-вторых, разработаешь график смены подразделений полка в крепости. С твоей подачи, кстати, принято решение держать личный состав полка в укрепрайоне, периодически меняя подразделения здесь, в крепости. Составить график нужно так, чтобы была видимость того, что полк на месте, здесь в Арсенале. Не только для врагов, но и для всех остальных. Понятно?

— Да. А какие подразделения останутся на постоянной основе? Будет же сразу заметно, если сразу все подразделения полка выйдут.

— Правильно мыслишь. Останутся освобожденные от работ на укрепрайоне, санчасть, гауптвахта. Тыловые службы: часть складов продовольственно-фуражного снабжения, вещевики, писаря, мастерские, комендантский взвод, дежурная рота, одна из батарей артиллеристов. Но вот этих надо обязательно сменять, хотя бы раз в неделю. Еще вопросы?

— Нет. Кроме одного — что с боеприпасами? Их ведь тоже надо содержать рядом с полком.

— Правильно. Склад НЗ находится здесь, в Кольцевых казармах, а основной на Восточном форте. Есть временный склад в тылах укрепрайона. Можно часть из форта перебросить туда же, а часть выдать в батальоны.

— Товарищ капитан, а не лучше сделать склад около Жабинки? Он не так будет подвержен обстрелу и с него быстро можно будет доставить боеприпасы батальонам?

— Можно, но кто разрешит? Я попробую по этому поводу поговорить с начштабом дивизии полковником Игнатовым. Однако боюсь, что на это никто не пойдет, но все равно сделаешь все расчеты. Завтра придет твое дело и допуск к секретным документам, так что с завтрашнего дня приступишь. Работать будешь вместе с остальными в соседней комнате. Свои расчеты сначала покажешь мне. О режиме секретности предупреждать, надеюсь, не надо?

— Нет. Приказы знаю.

— Молодец, что знаешь, но у секретчика все оформишь. Я его предупрежу. Это не все. Командование решило поддержать идею насчет штурмового взвода. Предложение твое? Твое. Вот и будешь его претворять в жизнь на базе своего взвода.

— Товарищ капитан, это же несерьезно! Нужны подготовленные люди, специалисты.

— Не перебивай, когда старшие говорят, а то не быть тебе старлеем. Отберешь людей из полковой школы. Начнешь с ними заниматься. Вернется твой взвод в крепость, заменим тех, кто не подойдет на отобранных тобой. По плану в двадцатых числах июня должно быть учение, проводимое штабом армии на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды». На нем посмотрим, какие у командования есть мысли, и, возможно, предложим свои. Теперь тебе все ясно?

— Да.

— Сейчас иди к Степанову — оформляй свои документы и получи оружие на складе. Выписки из приказа должны уже быть готовы. После

чего займись подготовкой предложений по материальному и техническому обеспечению твоего будущего взвода. Как будешь готов, покажешь. Начальник полковой школы капитан Джиджишвили Александр Иванович о тебе знает, задача помочь тебе ему поставлена. Согласуй с ним время и место. Ясно?

— Так точно.

— Иди, выполняй. Часов в пять жду твои предложения.

Выйдя от начштаба, направился к его помощнику. Степанов уже был в курсе решения по мне и заранее подготовил выписки. Забрав мое удостоверение личности, выдал взамен временное удостоверение, отпечатанное на листочке серой бумаги с тусклой печатью полка. Таким же тусклым был и текст, напечатанный на старой печатной машинке. Этот шедевр бюрократической мысли был даже без фотографии, но зато удостоверял мою личность. У меня в руках была «голубая» мечта любого диверсанта и шпиона. Теперь понятно, почему в наших тылах в годы войны они передвигались, как хотели. Пиши от руки любые документы и двигайся куда тебе угодно. Раньше читал, что диверсантов определяли по сделанной из нержавеющей проволоки скрепке в удостоверении. А тут даже и скрепки никакой нет, один полуслепой текст. Каким было мое потрясение, когда в свое время узнал, что до 1943 г. в нашей армии не было единого удостоверения личности. В каждом округе, дивизии, гарнизоне они были свои, из разной бумаги, всевозможного коленкора и размера. Такие документы печатали в типографии, находившейся поблизости от воинской части. Да, непаханое поле деятельности для попаданца...

— Вань, когда корочки удостоверения можно будет нормальные получить?

— У вас фотография есть? Приносите, в ближайшие дни сделаю. Бланки недавно из дивизии получили. Вам удостоверение все равно не к спеху. Пока можете с тем, что выдал, походить. У нас многие командиры еще новых удостоверений по замене не получили. Как прибыли, так и ходят с такими, как у вас, товарищ лейтенант. Все им некогда, дела и заботы замучили. Тем более что вы все равно здесь, в штабе, работать будете. Виталий Павлович сказал, что на уточнении документов будете.

— Да, пока батальон в укрепрайоне.

— Понятно. Рад, что будем служить вместе.

— Спасибо, я тоже.

Наш разговор перешел на вопросы организации уточнения штабных документов, согласования их с другими частями гарнизона — этих вечных проблем работы штабных подразделений и служб. Недопонимания

командирами важности работы штаба, и в частности строевиков. Поговорив еще несколько минут, я откланялся.

На оружейном складе несколько красноармейцев проводили какие-то работы. Руководил процессом старший сержант примерно моего возраста. Вместе с ним этим же занимался еще один военнослужащий без знаков различия на гимнастерке, оказавшийся заведующим складами боепитания Семеновым. Ознакомившись с выпиской из приказа, предложил мне на выбор в качестве личного оружия «ТТ» или «наган». При этом предупредил, что большинство командиров полка предпочитают «ТТ». Завязался разговор об оружии, его характеристиках и особенностях, о перевооружении полка на новые образцы. Присоединившийся к разговору старший сержант, представившийся Майоровым Веницианом Бадмаевичем, оказался очень грамотным специалистом-оружейником. Он раньше учился на Астраханском рабфаке Горьковского института инженеров водного транспорта. Затем поступил в Астраханский мединститут, с первого курса которого в октябре 1939 г. был призван в армию. В прошлом 1940 г., после окончания полковой школы, был назначен помкомвзвода, а в этом году — заведующим складами. Совсем недавно начал сдавать экзамены по программе командирской подготовки и теперь ждал присвоения звания младшего лейтенанта.

Они рассказали, что еще несколько недель назад в полк с окружных артиллерийских складов в Бронна Гура стало поступать новое стрелковое оружие: пулеметы «ДС», автоматы «ППД», автоматические винтовки «СВТ» и «АВС». В ближайшее время ожидалось получение еще одной партии нового оружия, тогда оно и станет поступать в роты на замену старых «мосинок». По приказу командира полка мне, как командиру взвода, и моему помощнику положены были автоматы «ППД». На складе оказалось сразу несколько его модификаций:

- «ППД-34/38» с коробчатым магазином на 25 патронов;
- «ППД-34/38» с дисковым магазином на 73 патрона и горловиной для присоединения этого магазина;
- «ППД-40» с дисковым магазином на 71 патрон.

Патроны к ним стандартные «7,62×25 мм ТТ», он же в прошлой жизни патрон «7,63×25 мм Mauser». Разница у автоматов была не только в количестве патронов, но и в весе. Для моих целей больше подходила модель «ППД-34/38» с коробчатым магазином на 25 патронов. Это была наиболее отработанная версия. К тому же этот пистолет-пулемет был оснащен привычным для меня коробчатым магазином. Если разжиться еще парой дисков с горловиной на 73 патрона, то вообще было бы прекрасно.

Мне лучше всего иметь штук 5 коробчатых магазинов и пару дисков. Разместив их на разгрузке, получил бы дополнительную защиту.

Свои пожелания я высказал Семенову и Майорову. Семенов сообщил, что автомат «ППД-34/38» идет в комплекте с четырьмя коробчатыми магазинами и если так уж надо, то можно подобрать еще несколько штук. Заодно ненавязчиво поинтересовался, зачем мне их столько. Я им и рассказал, что придумал. Показал чертеж глушителя и стального нагрудника. Объяснил, что к чему, зачем и для чего. Заинтересовавшись, Венициан предложил свою помощь. О глушителях «БраМит» для револьверов и винтовок он знал — на курсах рассказывали, но в полку их не было. Изготовить глушитель и нагрудник вполне можно в полковой мастерской, где есть и оборудование, и материалы для изготовления, и толковые мастера. Да и старший сержант готов помочь, но только если на это будет разрешение командования. Я был рад, что нашел себе помощника в этом деле. Пообещав, что такое разрешение будет, предложил вечером встретиться у меня и все обсудить. Переговорив еще на пару тем, вернулись к началу — чем же меня все-таки вооружить?

Для личного пользования я, памятуя о лежащем в моем чемодане револьвере, решил выбрать «наган». Майоров стал меня переубеждать, предлагая взять «ТТ», сославшись на то, что иметь сразу пару типов патронов неразумно. А так одним типом патронов можно снаряжать и пистолет, и автомат. В принципе, верно, но не совсем подходит для меня. Пришлось сослаться на то, что «ТТ» при выстреле сильно лязгает затвором и ни о каком «тихом» его использовании речи быть не может. От револьвера все же меньше шума. Хотя, в принципе, можно попробовать и сделать глушитель на «тэтэшку».

Семенов принес новенький автомат в оружейной смазке и два подсумка с 8 магазинами к нему. Сопровождающий его боец поставил на крышку стола цинк с патронами. Отправив помощника за револьвером и всем необходимым, Семенов стал быстро счищать смазку с автомата. Вскоре из глубины склада появился красноармеец, принесший новенькую кобуру с «наганом» и пачки с патронами. Поручив ему заниматься расконсервацией оружия, Венициан занялся заполнением накладной. С надеждой посмотрев на меня, он спросил:

- Может, все-таки пистолет?
- Револьвер. Работает лучше, надежнее, тише.
- Как хотите. Если передумаете, то всегда можете поменять. Кстати, а почему на него нельзя приспособить глушитель?
- На стволе практически нет посадочного места под глушитель. Был

бы ствол немного длиннее, то можно было бы придумать, как накрутить глушитель. А так...

— Товарищ лейтенант, у нас в мастерской можно заменить ствол в пистолете на более длинный.

— Спасибо, подумаю. Венициан, подскажите, а где я могу пристрелять оружие?

— На стрельбище в Северном городке. Наши подразделения там практически каждый день стреляют. Вот с любым из них и съездите. Свой автомат на хранение сдайте в ротную оружейку, а револьвер всегда с собой носите. У нас тут беспокойно бывает. Люди в городе пропадают.

— Спасибо. Заходите в гости, я в общежитии живу. За стаканом чая обсудим, как лучше сделать глушитель и нагрудник.

— Зайду, сегодня вечером, если вы не против?

— Буду ждать. Я сейчас в роту, а затем к начштаба полка. После него буду у себя. Заходите.

Пока мы переговаривались, помощник сержанта очистил оружие от смазки и снарядил патронами револьвер. Поместив кобуру с револьвером на портупее, я, забрав с собой оружие, направился в расположение роты.

Моя седьмая рота была расположена на первом этаже Арсенала, недалеко от магазина «Военторг». Отметившись у дежурного по батальону, прошел в казарму роты. Там меня встретил дежурный по роте младший сержант Балиев Намаз Зильфугарович. Уточнив о наличии командования в расположении, предъявил дежурному выписку из приказа о своем назначении. В казарме, кроме дежурной смены и нескольких человек, никого не было. Личный состав уже несколько недель находился на работах в укрепрайоне севернее Бреста. Здесь же оставались больные и освобожденные от работ. Они под руководством нескольких сержантов несли службу в расположении и выполняли ремонтные работы. Кроме того, тут находились и те, кто прибыл из отпусков. Из моего взвода тут никого не было. Командиры и старшина иногда приезжают по своим делам. Так что в линейке командования роты я здесь был старшим. В помещении казармы ровными рядами стояли двухъярусные металлические кровати и тумбочки, а на подоконниках в металлических банках зеленели цветы.

Я сдал в оружейку автомат и подсумки. Заодно осмотрел оружие своего взвода. По предвоенному штату, во взводе должно было быть одних «СВТ» около тридцати и еще десяток автоматов. В пирамиде же хранилось всего пять автоматов «ППД», четыре ручных пулемета «ДП-27», столько же пистолетов «ТТ» и «мосинки». Не было ни одной «СВТ» и «АВС». Огневая мощь взвода явно недотягивала до положенной — и как тут воевать? Не

дошло еще перевооружение до моего взвода. Вот и весь разговор. Хорошо еще, что имеющееся оружие содержится в порядке. Странно, что оружие хранится отдельно от личного состава, хотя до границы всего несколько сотен метров. В случае начала боевых действий личный состав будет безоружен и встречать врага придется с саперными лопатами и кирками в качестве оружия. Дежурный сообщил, что оружие выдано только первому взводу с боекомплект по три обоймы патронов на ствол и несколько дисков к пулеметам.

В канцелярии роты уточнил расход личного состава. Если я тут старший, то надо быть в курсе дел роты. Время стремительно утекало, а я еще не сделал кучу запланированного. Рассказав дежурному, где меня в случае чего найти, занялся своими делами.

Полковая школа располагалась рядом с дежурным по части. В очередной раз прошел мимо него, но Потапова там не застал.

В канцелярии школы застал ее начальника — капитана Джиджишвили Александра Ивановича. Он уже был в курсе, что к чему, и мы быстро обо всем договорились. Поинтересовавшись моими планами и пожеланиями, он сообщил, что завтра с утра я могу с личным составом школы провести физзарядку. Всех, кого я отберу, сведут в отдельную учебную группу. После утренней политинформации и до обеда могу провести с ними занятия по изучению оружия, строевой подготовке и Уставам. После обеда запланирована помывка личного состава в бане. План занятий желательно представить на утверждение. Я пообещал все сделать.

У меня осталось около часа до похода к Руссаку, а я еще ничего не приготовил. Вот и пришлось этим срочно заняться, записывая на бумагу свои выкладки и расчеты. Благо сведения из учебника «Приемы и способы действий солдата в бою» (1988 г.), учебника сержанта мотострелковых войск (1989 г.) и пособия «Основы тактической подготовки современного солдата» были в памяти. Успел вовремя.

Из воспоминаний маршала М. В. Захарова (перед войной начальник штаба Одесского Особого военного округа) (РИ):

«...6 июня войсковой разведкой округа были получены данные о телефонных переговорах с румынской стороны. Там говорилось о том, что надвигаются некоторые события. Прямо о нападении не говорилось, но сказанного было достаточно для того, чтобы разведка округа обратила на них внимание командования, как на тревожный симптом. В тот же день около 14 часов по «ВЧ» доложил о полученном донесении начальнику

Генерального штаба генералу армии Г. К. Жукову. В разговоре с Жуковым предложил выдвинуть часть войск к границе, к одному из угрожаемых, слабо прикрытых участков...

...Г. К. Жуков прервал мой доклад словами: «Что вы паникуете!» На это я ответил, что ожидаю все же положительного ответа. После небольшой паузы начальник Генерального штаба сказал, что он доложит народному комиссару обороны и позвонит мне не ранее 16 часов. Действительно, около 16 часов Г. К. Жуков передал по «ВЧ», что народный комиссар обороны согласен с предложением, но обращает внимание на то, чтобы передвижение войск производилось скрытно и в ночное время...»

Постучавшись в кабинет к начштабу, попросил разрешения войти.

— Заходи. Молодец, что вовремя. Смотрю, получил оружие. Вот это правильно. Что за командир, если оружия у него нет? Ладно, это все лирика. Что там у тебя? Давай, выкладывай. Я тут тоже кое-что накидал по своим соображениям. Но сначала давай обсудим тактику действий штурмовых подразделений. Я думаю, что это нам пригодится при разговоре с дивизией, когда будем убеждать их в своей правоте.

Достав из планшетки свои выкладки, передал ему.

— Я исходил из следующего — штурмовые подразделения должны быть из расчета один взвод в роте, одна рота в батальоне и один батальон в полку. Наиболее удачным считаю штурмовую группу в составе роты. Со следующими средствами усиления: два 45-мм орудия, две короткоствольные пехотные 76-мм пушки, взвод 82-мм минометов, взвод станковых пулеметов, взвод или отделение саперов. Было бы совсем неплохо иметь отделение огнеметчиков. Для успешного действия такой штурмовой группы нужна поддержка пушки или гаубицы 122-мм, одного или двух танков. Командиром штурмовой группы является командир стрелковой роты, которая и составляет ее основу.

— Запросы у тебя, лейтенант, прям как у Наполеона! Не успели тебе взвод дать, так ты уже себе и роту, и танки, и артиллерию в придачу просишь. В бою командиру стрелковой роты кроме пехотинцев и минометчиков не приходится иметь в подчинении танкистов и саперов. Чаще происходит наоборот. Он выполняет свою довольно узкую пехотную задачу. Всеми остальными вопросами занимается вышестоящее командование.

— Я это знаю. Только высказываю свои мысли и предложения, как сделать. Вам виднее...

— Понял я. Это так, от чувств. Извини, что перебил, продолжай.

Что я и сделал:

— В рассматриваемых мною боях, распадающихся на отдельные схватки, у командира роты нет времени и возможности запрашивать огневую поддержку у командира батальона, которому к тому же сложно понять, где находится эта рота, и еще сложнее направить к нему огневые средства. Вот поэтому командиру стрелковой роты все средства нужно иметь в кулаке, под рукой.

— Управлять такими сборными силами ротному будет сложно, да и непривычно. Абы кому такое подразделение не поручишь!

— И я о том же! Такие подразделения надо готовить вместе с командирами, которые должны научиться управлять такой солянкой.

— Это понятно. Но кто будет учить? Где взять учителей? Я лично у нас в полку таких не знаю, да и в дивизии тоже.

— Думаю, надо просто наработать опыт применения таких подразделений. Провести совместные занятия с танкистами, саперами, связистами...

— Правильно мыслишь. Когда наберем в твой взвод людей, нужно будет все это запланировать и провести. Да так, чтобы и наши командиры на это посмотрели.

Наш разговор был прерван приходом в кабинет старшего лейтенанта:

— Разреши, Виталий Павлович? Не помешаю?

— Когда ты мешал, Дмитрий Ильич? Проходи. Если срочно, то мы можем прерваться.

— Да нет, не спешу. Мимо проходил. Думаю, надо зайти к тебе, поговорить. Вот и зашел на огонек. А ты тут молодежь воспитываешь.

— Скорее, она меня. Знакомся — наш новый командир взвода 7-й роты лейтенант Седов Владимир Николаевич. Сегодня прибыл к нам и уже учит командование уму-разуму.

— Понятно. Начальник особого отдела полка старший лейтенант Горячих Дмитрий Ильич. Рад знакомству. Как устроились, где разместились?

— Хорошо. Разместился в общежитии, — пожимая руку особисту, ответил я.

— Понятно. Что это вы тут так горячо обсуждаете?

— Понимаешь, лейтенант предложил создать в полку штурмовое подразделение. Мы с командиром решили пойти ему навстречу. Дело, думается, полезное. Вот и сидим, голову ломаем, как лучше это воплотить в жизнь.

— Понятно. Насколько помню, у нас уже были в Финскую саперные штурмовые роты. Ваше подразделение от них чем отличаться будет?

— Решением специфических вопросов захвата, прорыва и удержания укреплений противника, ведением боев в городских кварталах и так далее.

— Интересно. Вы не против, чтобы я тоже послушал? Может, что и для себя нового открою.

— Да сколько угодно. Присоединяйся к нам. На чем мы там остановились? На действиях штурмовых групп?

— Да. По-моему, штурмовая группа должна в свою очередь подразделяться на следующие подгруппы:

а) две атакующие подгруппы по 20–25 автоматчиков, стрелков, пулеметчиков, огнеметчиков и отделение саперов;

б) подгруппа закрепления — 8–10 стрелков, взвод станковых пулеметов без отделения, 1–2 орудия, отделение саперов;

в) резервная подгруппа — 10–15 стрелков, 1–2 орудия, отделение станковых пулеметов, отделение саперов;

г) огневая подгруппа — все остальные орудия и танки.

— Почему именно так? — поинтересовался Горячих.

— В боях за укрепленную полосу, уличных боях наступающие несут особенно большие потери. Они вынуждены драться за каждый метр траншеи, дзот, дот, городской квартал, за каждый дом. Сражение распадается на множество отдельных, часто изолированных друг от друга, боестолкновений уровня именно взвода-роты. В то же время обороняющиеся, хорошо зная город, заранее подготовив пути движения и узловые опорные пункты, легко маневрируют, могут выходить в тыл атакующим, дробить их силы и уничтожать поочередно. Словом, при взятии укрепленных позиций, населенных пунктов обычная полевая тактика наступательных действий непригодна. На первый план выходит хорошо подготовленный одиночный пехотинец, наводчик орудия, младший командир, натренированные мелкие подразделения.

— С этим нельзя не согласиться. Да и младшие командиры, бойцы должны притереться друг к другу, научиться понимать все с полуслова и понимать особенности других родов оружия.

— Считаю, что решающее значение в этих боях приобретают автоматическое оружие, гранаты, огнеметы, средства ближней противотанковой борьбы, тогда как эффективность артиллерии, авиации, танков резко снижается.

— То есть ты хочешь сказать, что бойцов штурмовых групп надо вооружать автоматами?

— Да. По возможности автоматами. Пистолеты-пулеметы типа наших «ППД», «ППШ», немецкого «МР-38» имеют явное преимущество перед винтовкой. Стрельба здесь ведется на короткие расстояния в условиях скоротечного огневого контакта, часто внезапного. У бойца нет времени на тщательное прицеливание и на передергивание затвора. Выигрывает в бою тот, кто раньше откроет огонь и в кратчайшее время выпустит больше пуль. Ошибки в прицеливании легко компенсируются количеством пуль. А малые расстояния обеспечат достаточную кучность автоматного огня.

Кроме автоматов, стрелкам необходимо увеличенное количество гранат — по 4–5 штук против обычных двух, плюс противотанковая граната и 1–2 бутылки с горючей смесью. Эти противотанковые средства могут, в принципе, быть использованы против контратакующих танков, но чаще используются для воздействия на мелкие группы противника, засевшие в блиндажах, дзотах, дотах, подвалах. Также часть стрелков может быть снабжена дымовыми гранатами или дымовыми шашками.

Поэтому и необходимо бросить силы именно на обучение бойцов владением оружием, в том числе и трофейным, рукопашному бою, ведению разведки, умению вести такие бои. Учитывать, чтобы каждый шел не вслепую, а точно знал и умел делать в каждый момент боя именно то, что должно, и там, где нужно.

— Ладно, это, в принципе, понятно и возможно. Будем считать, что действия пехоты мы разобрали. А что должны в твоём понимании делать саперы?

— На них ложится задача проделывания проходов в заграждениях, пробивания проломов в стенах зданий, обезвреживание или уничтожение мин противника. В то же время установка мин и других заграждений для защиты флангов и тыла от вражеских контратак.

— Это и так известно. Я думал, что у них должны быть какие-то ещё специфические задачи. Исходя из сказанного тобой, саперы с собой должны носить целую кучу инженерного снаряжения: миноискатели, щупы, кошки с веревками, тротильные шашки штук так 20, противотанковые мины. Не много ли для них?

— Много, но все это нужно. Иначе штурмовые группы застрянут на преодолении колючей проволоки, барьеров, баррикад и тому подобных заграждений. И надо ещё предусмотреть наличие ножниц для резки проволоки, удлинённых зарядов, зажигательных трубок, указок для обозначения проходов.

— Уговорил, — сказал Руссак и продолжил: — С артиллерией тоже вроде бы все ясно. Её целью является уничтожение долговременных

огневых точек, пулеметных гнезд и поддержка действий штурмовой группы. С этой же целью могут действовать и танки. Они даже выгоднее. Танк по большому счету и есть самоходный носитель орудия, расчет которого прикрыт от огня противника броней. Для уничтожения расчета полевой пушки достаточно пары автоматных очередей или пары ручных гранат. А экипаж танка прикрыт броней и защищен от осколков и пуль. То есть может сделать больше, чем любой другой артиллерийский расчет. И еще у экипажа танка есть пулемет. Пехота, продвигаясь по открытой местности, может прятаться за броней танка, как за щитом. В бою будет прикрывать танк от гранатометчиков врага. Думается, что пехоте предпочтительнее иметь в своих боевых порядках танки, которые оперативно уничтожали бы обнаружившиеся пулеметные гнезда, вражеские пушки, доты, нежели наступать в гордом одиночестве. Да и пехоте второго эшелона куда как комфортнее ехать на броне, чем месить грязь ногами.

— Как тогда должен действовать батальон в наступлении? — спросил Горячих.

— В полном соответствии с Полевым Уставом РККА. Батальону, действующему в первом эшелоне полка, назначается ближайшая задача (обычно на глубину опорного пункта пехотной роты противника), дальнейшая задача (обычно на глубину первой позиции обороны противника) и направление дальнейшего наступления, которое обычно совпадает с ближайшей задачей полка. Он наступает в два эшелона. Батальон идет в бой, имея развернутыми в боевой порядок две роты — две штурмовые группы. Это первый эшелон. Третья рота движется несколько позади, метрах в 300–400 в походном порядке. Это второй эшелон. В ходе боя силы первого эшелона истощаются, и, дойдя до определенного рубежа, они уже не в силах пробиваться дальше. Вот на этом рубеже (его называют «рубеж ввода в бой второго эшелона») эта третья рота разворачивается в боевой порядок и вступает в бой. Таким образом, силы батальона в целом становятся прежними, и он может продолжать наступление. Лучше, конечно, когда у командира кроме второго эшелона есть еще и сильные резервы.

— Конечно, лучше. Можно сказать, голубая мечта любого командира иметь большие резервы, — сказал особист.

— После прорыва первой линии обороны атакующие продолжают наступление. Задача второго эшелона — «зачистить» прорванную первую линию обороны противника, то есть уничтожить сохранившиеся очаги сопротивления, огневые точки, мечущиеся в панике отдельные группы

солдат и танков противника, собрать пленных.

— Может быть, я что-то не понял. Но все, что вы сейчас рассказываете, — это действия обычных стрелковых рот в наступлении.

— Штурмовые группы до этого момента действовали как обычные стрелковые роты, а придаваемые им артиллерия, танки, пушки шли позади. Выйдя же к укрепленному объекту или населенному пункту, занятому противником, они начинают действовать уже как штурмовые подразделения. Одна из штурмовых групп движется по одной улице, а вторая по параллельной. Перед началом движения артиллерии штурмовой группы танки обрабатывают огнем выявленные огневые точки противника, оборонительные сооружения. При этом танкам и артиллерии в первую очередь необходимо бить по верхним этажам, чтобы заставить пехоту противника спуститься вниз на первые этажи и подвалы. Под их прикрытием саперы выдвигаются вперед и зарядами взрывчатки разрушают баррикады, барьеры, проволочные заграждения, снимают мины, пробивают проходы в стенах зданий.

Огневая подготовка длится недолго — 10–20 минут. По ее окончании, а частично и в ходе нее, как только саперы пробьют проломы в стенах, атакующая подгруппа врывается в здание. Вторая атакующая подгруппа в это время по возможности обходит здание и атакует его с флангов и с тыла, отрезая обороняющимся пути отхода и исключая подход подкреплений к обороняющемуся зданию.

Ворвавшаяся в здание подгруппа очищает от противника сначала нижний этаж, а затем по лестничным маршам и через проломы в потолках, используя подручные средства и штурмовые лестницы, очищает второй и последующие этажи.

Закрепляющая подгруппа, двигаясь за атакующими подгруппами, занимает нижний этаж и немедленно готовит здание к обороне, в том числе осматривают трофейное оружие с целью использования в обороне, обращая особое внимание на подвалы, канализационные люки, теплотрассы. Ведь противник обязательно будет стремиться восстановить положение. А это он может сделать только немедленной контратакой, пользуясь тем, что в это время атакующая подгруппа израсходовала большую часть своих боеприпасов, утомлена, понесла потери и управление ею нарушено. И, если атакующие подгруппы не будут надежно прикрыты сзади, рискуют оказаться между противником, обороняющимся в здании и контратакующим с улицы.

Огневая подгруппа все это время ведет огонь по заявкам атакующих подгрупп, уничтожая и подавляя вновь выявленные огневые точки как в

атакуемом здании, так и в соседних, отрезая атакуемое здание от подходящих к противнику пополнений.

Захватив здание, командир организует его оборону, подтягивает к нему резервную роту, эвакуирует раненых и убитых, организует доставку боеприпасов и питания, пополняет штурмовые группы личным составом, организует разведку, дает возможность бойцам отдыхать и принимает решение на штурм следующего объекта. Если противника в ближайших зданиях нет, то штурмовые группы немедленно выдвигаются вперед, оставляя заботу о проверке и зачистке зданий закрепляющим подгруппам.

При движении по улице спереди идет танк. На одном уровне с танком, прижимаясь к стенам домов по левой и правой сторонам одновременно, держа под прицелом окна зданий на противоположной стороне улицы, движутся автоматчики атакующих подгрупп. В этот момент их основная задача — оберегать танк от огня ближних противотанковых средств.

— Я так понял, что вы говорили о действиях штурмового подразделения в наступлении, а как оно будет действовать в обороне? — спросил Горячих.

— Я думаю, что оно будет действовать как контрштурмовое. Его функцией будет блокирование и уничтожение штурмовых и ударных групп противника. По идее, оно должно быть как огневой и ударный резерв командира подразделения.

— Возможно, что так и есть. Скажите, а откуда вы брали материалы для своих наработок? Я так понимаю, что это дело не одного дня?

— Конечно, не одного дня. Данные брал в училище при изучении истории мировой войны, материалов Финской войны, все, что нашло свое отражение в приказах Наркома Оборона по ее итогам, — ответил я.

— Понятно. Что ж, тактика действий тобой проработана правильно и более чем логично, но все это пока теория. Как оно будет смотреться в реальности, пока сложно сказать. Говорить об этом рано, нужно наработать опыт и практику подготовки подразделений и командиров. Поэтому предлагаю поговорить о более приземленных вещах. Давай вернемся к вооружению штурмового взвода.

— В принципе, у командира в кабинете я уже рассказывал о вооружении штурмовой группы. Считаю, что всех бойцов штурмовых групп надо вооружать автоматами, самозарядными и автоматическими винтовками, ручными пулеметами. Кроме того, еще штык-ножами и пехотными лопатками. Стальными нагрудниками. У каждого бойца должны быть гранаты «Ф-1», «РГД-33» — по 4–5 штук, противотанковая граната, 1–2 бутылки с горючей смесью. Часть стрелков может быть снабжена

дымовыми гранатами или дымовыми шашками.

— Это что же, у всех автоматы, в том числе и пулеметчиков?

— Можно их выдать и им, но это не принципиально. По большому счету пулеметчики могут обойтись и пистолетом в качестве личного оружия. Вообще было бы неплохо иметь пистолеты или револьверы на вооружении у всех членов штурмовой группы в качестве личного оружия.

— А что за стальные нагрудники? Что-то я о таких и не слышал? Может быть, это типа немецких, что использовались в мировую войну? — спросил особист.

— Да. Лейтенант предложил сделать похожие для штурмовых подразделений, — вместо меня ответил начштаба. А затем обратился ко мне: — Ты говорил, что у тебя есть его чертеж. Он с собой? Покажи.

— Вот, — я передал чертеж Руссаку. — Как мне сказали, изготовить их можно в полковой мастерской. Кроме того, я вот тут набросал еще чертеж прибора для бесшумной стрельбы на револьвер. Хотя его, наверное, можно использовать и на винтовках. Я думаю, что ничего сложного в нем нет и его тоже можно у нас сделать. Много материалов они не отнимут.

— Это что за новый прибор? — встрепнулся Горячих. — Глушитель, что ли? В НКВД на вооружении есть глушитель братьев Митиных. Нам-то они в полку зачем?

— Такой глушитель позволит штурмовикам по-тихому снимать часовых, наблюдателей и пулеметные расчеты перед началом атаки.

— А вы его уже делали, где-то испытывали?

— Нет. Сравнительно недавно пришло в голову, что такое приспособление может пригодиться в бою бойцам и разведчикам.

— Насколько я понимаю, с таким прибором в значительной степени изменятся и дальность стрельбы, и ее кучность.

— Конечно. Но и стрелять из оружия с таким прибором нужно ведь будет сравнительно недалеко — 15–20 метров для револьвера и пистолета. А для винтовки на 200–300 метров, не более. Но все это надо проверять в действии, пробовать, как оно себя покажет.

— Понятно, в принципе, действительно можно попробовать такие вещи сделать. Провести испытания и посмотреть, что к чему.

— Я еще хотел бы предложить некоторые изменения внести в форму одежды...

— А она-то тебе чем не угодила?

— Всем подходит. Только вот бойцам и командирам придется много двигаться ползком, поэтому на коленях и локтях форма быстро придет в негодность. Я предлагаю сделать на них наколенники и налокотники либо

из плотной ткани, нашиваемые на указанные места, либо из кожи, надеваемые при необходимости на форму.

— Интересное предложение. Старшины и бойцы тебе за это спасибо точно скажут.

— На нагрудник можно также сделать чехол из плотной ткани. В нем предусмотреть карманы под автоматные рожки и гранаты. Думаю, что при необходимости его можно носить, как жилет и без нагрудника, остальным бойцам в качестве разгрузочного.

— Неплохая идея. Наверняка и чертеж приготовил?

— Есть, — и очередной рисунок перекочевал в руки Руссаку.

— Когда только успел? — рассматривая чертежи, сказал начштаба.

— Просто ставил себе задачу и смотрел, что для этого надо. Кроме того, для взвода потребуются маскхалаты и санитарные аптечки или хотя бы индивидуальные пакеты, носимые всегда с собой.

— Все это решаемо. Но мы опять ушли в сторону от основной темы. Сейчас в стрелковой роте по штату 27 автоматов, 27 винтовок и карабинов, 96 самозарядных винтовок, 12 ручных пулеметов, 2 станковых пулемета, 3 50-мм миномета. В большинстве случаев у нас вместо самозарядных винтовок — «мосинки». Автоматов еще нет в необходимых количествах — и ты предлагаешь все автоматы собрать в один взвод?

— В стрелковом взводе по штату на вооружении состоит 8 автоматов, 32 самозарядные винтовки и 4 ручных пулемета. Это достаточно большая огневая мощь, но в тех боях, что я описал, с длинной винтовкой или карабином будет действовать неудобно. Поэтому и требуются автоматы. Я думаю, что, если собрать в один взвод все автоматы роты, мы сможем решить эту проблему.

— То есть ты предлагаешь лишить роту автоматического оружия?

— Нет, зачем же? Я предлагаю сконцентрировать всех автоматчиков вместе. В одном подразделении. В остальных взводах личный состав вооружить самозарядными и автоматическими винтовками. Этим добиваемся однородности вооружения во взводах и достаточной плотности огня.

— Мне все же кажется, что в предложенном тобой варианте очень сильно пострадает огневая мощь и плотность огня роты в целом. Все-таки наличие в цепи почти трех десятков автоматов увеличивает ее плотность. Это во-первых. Во-вторых, у нас не так много красноармейцев, которые смогли как следует освоить самозарядные и автоматические винтовки. Потому мы и сохраняем пока в ротах «мосинки», как более простые и понятные для бойцов. И это несмотря на то, что на складах уже есть новые

образцы.

— Так предлагаемое мною перевооружение внутри роты как раз и позволяет решить эту проблему. Ведь командирам взводов и отделений вместо необходимости обучения личного состава трем различным системам вооружения: автомат, ручной пулемет и самозарядная или автоматическая винтовка можно будет сосредоточиться только на двух: пулемет и винтовка. Что одновременно решает и вопрос унификации поступающих в подразделение боеприпасов.

— В принципе, да, — задумчиво произнес начштаба. — Я думаю, что необходимо оставить автоматы в командной линейке роты от командира роты до командиров отделений. Хотя по штату это и не положено, но тут командир был прав, закрепив автоматы за командирами. С одним «ТТ» в руках много не навоюешь. Они лучше в оружии разбираются, чем вчерашние колхозники. Возвращаясь к твоей идее. Получается, что без изменения штатной численности роты мы не только сохраняем огневую мощь роты, но и создаем ударную группу, вооруженную автоматическим оружием. Это, я думаю, правильно.

— Самозарядные винтовки в штурмовой группе можно оставить у помощников пулеметчиков и у снайперов.

— Откуда снайпера в отделениях? По штату их два на роту, а ты еще четырех просишь?

— Считаю, что в каждом отделении должен быть свой снайпер или хорошо подготовленный стрелок для уничтожения офицеров и унтер-офицеров противников и контрснайперской борьбы.

— Понятно. Сейчас как раз проходят дивизионные сборы по подготовке снайперов. Мы туда людей направляли. По окончании сборов они вернутся, тогда и рассмотрим этот вопрос. Пока поищешь из имеющихся стрелков. Что еще у тебя?

— Еще я бы добавил по расчету противотанкового ружья вместо нескольких стрелков. Расчету оставил бы то же оружие, что и пулеметчикам. И вместо одного из ручных пулеметов хотелось бы иметь станковый пулемет, лучше всего «ДШК», для борьбы с легкобронированными целями и пулеметами.

— «ДШК» у нас нет, есть «ДС-39». Нет и противотанковых ружей. Да и в штате полка они не предусмотрены, — заметил Руссак.

— Возможно, что-то найдется на окружных или армейских складах? После Освободительного похода и Финской войны должны же были нам достаться в качестве трофеев финские и польские противотанковые ружья. Если на них установить снайперский прицел, то получится отличное

оружие против снайперов противника.

— В принципе, да, — задумчиво глядя на меня, сказал особист. — Только вот я не совсем уверен, что их нам дадут. Лучше исходить из того, что есть в части.

— Что получится в итоге, если отбросить фантазии?

— В штатах взвода и отделений остается то же количество личного состава. В отделении в лучшем случае они будут вооружены 6 автоматами, 3 самозарядными и автоматическими винтовками, 2 пистолетами (пулеметчик и пэтээрщик). Соответственно во взводе будет 26 человек вооруженных автоматами, 12 с самозарядными и автоматическими винтовками, 3 пулемета, 1 станковый пулемет и 4 противотанковых ружья.

Если же исходить из наших реалий, то отделение будет выглядеть так: вооружены автоматами — 7, самозарядными винтовками — 2, пистолетами — 1 (пулеметчик). Соответственно, во взводе будет 34 автоматчика, 8 с самозарядными и автоматическими винтовками, 4 ручных пулемета или 3 ручных и 1 станковый. В варианте со станковым пулеметом автоматчиков будет на 2 меньше.

В любом из рассматриваемых вариантов огневая мощь взвода будет высокой для решения практически любых задач.

— Какой-то взвод автоматчиков получается. Мне понравился вариант с большим количеством самозарядных винтовок и станковым пулеметом. Как самый реальный. Хотя если в пределах полка собрать такой взвод штурмовиков-автоматчиков и на его базе обкатать предложенные новинки, то вполне возможно будет в будущем на нем развернуть штурмовую роту, как резерв командира полка. Вопрос только — откуда взять оружие и людей? Ты с Джиджишвили встречался?

— Да, до прихода к вам был у него. Завтра с утра и до обеда проведу занятия и начну отбирать людей.

— Молодец. У тебя еще что есть нам предложить? Нет? Расчеты твои я еще раз изучу и покумекаю над ними. С командиром обсудим. Решение ему принимать. А ты с утра займешься, как и договаривались, отбором бойцов. Надеюсь, что вопрос, кого и как отбирать, уже обдумал?

— Так точно.

— Завтра после занятий зайдешь ко мне за результатом по твоим предложениям. Потом поедem в батальон. Вопросы ко мне или к особисту есть?

— Один. Товарищ капитан, а почему личный состав убыл на работы без оружия? Может, все-таки лучше, чтобы оружие было с личным составом? Граница рядом, а потенциальный противник вон за рекой. Ведь

если что, то бойцы без оружия будут и обороняться не смогут.

— Ты что, Седов, воевать с кем собрался? У нас, чтобы ты знал, вроде бы мир и дружба.

— Да, я понимаю, но только положено порох держать сухим и помнить о войне.

— Ох, и любишь ты, Седов, наступать на больной мозоль! У одного из взводов роты оружие и боеприпасы есть. Этого достаточно. Остальные при необходимости вернутся в крепость за своим оружием, или им его привезут на место. Тем более что они находятся недалеко от крепости. Времени для этого надо мало. Кроме того, утраты и хищение оружия могут быть из полевого лагеря. В крепости оно целее будет. Командирам и соседям спокойнее. Ответил я на твой вопрос?

— Да. Но все равно считаю, что они должны быть с оружием. Его наличие на руках дисциплинирует личный состав.

— Ты, конечно, прав. Но не всегда мы все можем решать. У других тоже свои головы на плечах есть, и поумнее наших с тобой. Хорошо еще, что командирам оружие на руках разрешено держать, а то уже были инциденты со стрельбой по пьяному делу. Ты то сам как по этому делу? Сильно употребляешь?

— Как все. Понемногу, с хорошей закуской и под настроение всегда «за».

— Смотри поаккуратнее с этим делом, не перебарщивай. Еще вопросы есть? Может, у тебя, Дмитрий Ильич, что есть к лейтенанту? Нет? Тогда, Седов, иди ужинай. На построении, после развода караулов, увидимся.

* * *

После ухода лейтенанта Руссак спросил у Горячих:

— Ты что, действительно, просто так пришел? Ни за что не поверю.

— Нет, конечно. Комиссар перед отъездом в дивизию просил присмотреться к этому лейтенанту. К тому же еще информация от людей пришла. Вот и решил на него лично посмотреть. Что он из себя, так сказать, представляет. Интересный парень. Грамотный, даже слишком, не то, что многие из наших «старичков». Просто профессор какой-то. Как он тут заливался соловьем о действиях штурмовых групп! Сказывается образование, что ни говори. Несомненно, должность командира штурмовой роты на себя уже примерил. Чувствует себя уверенно, но себе на уме. Вопросы правильные задавать умеет, да так, чтобы у начальства голова не

болела. Спокойно жить никому не даст. Жаль только, что личного дела его нет. Сведений о нем мало. Это правда, что вы его к штабу решили приписать?

— Пока нет. Побудет временно при штабе, до возвращения батальона с работ. А пока побудет у нас на глазах и будет заниматься своим взводом. Дело, предложенное им, полезное, но его надо обсуждать. Осенью у нас должны уволиться те, кто был призван из запаса. Освободится несколько должностей ротных. Возможно, что и рассмотрим его кандидатуру как ротного.

— Я надеюсь, до прибытия личного дела вы его к секретным документам допускать не будете?

— Конечно, нет. Но мысли такие есть. Тем более что обещали его личное дело незамедлительно прислать из округа. Пока пусть позанимается с личным составом, себя покажет. Мыслителей много, а вот практиков кот наплакал.

— Вот и хорошо...

* * *

До ужина оставалась еще куча времени, и я пошел к себе осмыслить состоявшийся разговор. То, что он был полезен, я уверен полностью. Даже если до войны успею собрать и хоть чуть-чуть обучить, пусть не штурмовую группу, а взвод автоматчиков — уже прекрасно. Для решения моих частных целей и это подойдет. Хотя бы тем, что такие взводы автоматчиков должны появиться в РККА, дай бог памяти, не раньше августа этого года. Сама мысль о создании штурмовых рот и тактика их применений чего-то да стоят. Если удастся выданные мною материалы передать для ознакомления выше и если их смогут реализовать, не ожидая 43-го года, будет вообще прекрасно. Уже только за это можно будет судьбу благодарить, что дала возможность мне все это сделать. В Сталинграде такие подразделения ой как пригодятся. Но это все, конечно, в лучшем случае. Если я оставшиеся дни до войны пробуду на свежем воздухе, а не в комнате с решеткой на окне. Совершенно не верю в то, что особист просто так зашел на огонек к начштаба, когда у него молодой лейтех сидит. Даже если они с Руссаком закадычные друзья. Не верю, и все тут. Весь опыт общения с этой категорией людей об этом говорит, а его, как говорится, не пропьешь. Понятно же, что Горячих пришел по мою душу. Вот только интересно, кто его позвал? Начштаба? Вряд ли, у него самого на лице

появилось своеобразное выражение, когда особиста увидел. Немного напряженнее стало, что ли. Хотя, возможно, все это мне и показалось. Тогда кто? В принципе, кто угодно: от командира до Майорова или его помощников на складе.

В разговоре я вроде бы ничего такого, за что можно зацепиться, не сказал. Хотя было пару моментов — например, с противотанковыми гранатами. Насколько помню, специальные противотанковые гранаты только сейчас в июне приняли на вооружение, но они еще в войска не пошли. Да и с «ППШ» тоже поторопился. Их массовое производство только начало разворачиваться, и знать об этом новоиспеченный лейтенант не может. Интересно, а сами командиры о новых видах вооружения слышали? По идее, должны. Ведь делали же показы оружия для командного состава на всевозможных сборах и учениях. Хотя и не факт. В полку есть «ППД», во всяком случае, на складе мне его выдали, да и во взводной пирамиде стояли. Еще интересно, почему мне автомат выдали, хотя по штату только пистолет положен? В принципе, конечно, правильно — кто лучше справится с таким оружием? Только обученные люди. Сделать такое могли только по решению командира полка. Я и до этого открытия уважал полковника Матвеева хотя бы за то, что спокойно выслушал мои бредни и не послал на три известные любому советскому гражданину буквы. А тут зауважал еще больше. Мужик конкретно заботится о боевой составляющей полка. Ведь известны и противоположные случаи, когда стоит куча молодых лейтенантов в парадной форме, а красная рожа командира части с «удовольствием» оглядывает молодежь и русской «разговорной» речью описывает их прибытие в часть из... военных училищ... Скажите, что такого не было? Было. Случалось и похлеще... Ну, да не об этом разговор. А об адекватности командования. Тут оно присутствует. Во всяком случае, здесь и сейчас готовы выслушать идеи, оценить и попробовать их реализовать. Будем надеяться, что и дальше ничего не изменится.

У меня в комнате появилась обновка — бачок с питьевой водой и эмалированной кружкой. И вода в нем есть, вкусная. Вот спасибо неизвестному за такую заботу о молодых командирах!

С плаца раздались команды, послышался «Встречный марш». Шел развод караулов. Пора и мне на ужин. Потапов в дежурке ждал свою смену и со мной пойти не мог. Пришлось мне в гордом одиночестве, в окружении незнакомых командиров поужинать и вернуться к зданию штаба. На плацу у входа, в ожидании построения, кучковались полковые командиры. Среди них я заметил и Потапова.

— Поужинал? — спросил он меня. — Быстро ты.

— Там народа было мало.

— Ну и ладно, потом поужинаю. Тут видел Нестора Бокерия, твоего командира роты. Он по делам приехал, я ему о тебе рассказал. Сейчас вас познакомлю. Где же он? А вон он стоит. Нестор, иди к нам! — позвал Саша.

На его зов к нам подошел невысокий, лет 30–35, старший лейтенант.

— Саша, что кричишь? Где пожар?

— Никакого пожара нет, Нестор Георгиевич. Я тебе хочу представить твоего нового командира взвода — лейтенанта Седова Владимира Николаевича. Я тебе о нем говорил.

— Владимир, — представился я, протягивая руку. — Рад, что будем служить вместе.

— Приятно познакомиться, — сказал Бокерия, пожимая мне руку. — Тоже рад, что нашего полку прибыло, а то в роте сержанты взводами командуют. Завтра можем в батальон вместе поехать.

— Нестор, не спеши. Завтра вряд ли Вова с тобой поедет. По решению командира, пока батальон не вернется из укрепрайона, он будет при штабе помогать. Виталий Павлович по этому поводу должен был с Гончаром переговорить. Но раз ты здесь, то, видимо, сегодня тебе все и скажет.

— Жаль! А то я обрадовался...

— Увы, увy. Такая наша доля — делать то, что говорят.

— Все равно хорошо, что ты здесь будешь. За теми, кто в казарме остался, присмотришь. Расслабились по самое не могу. Сержанты у нас хорошие, но все равно за ними глаз да глаз нужен. Ты же кадровый?

— Да. Тамбовское пехотное окончил.

— Вообще хорошо! А то, куда ни глянь, одни «запасники». У тебя, Володя, какие планы на вечер?

— Никаких. Я же первый день здесь.

— Тогда давай в канцелярии посидим. Поближе познакомиться. Ты как?

— «За». Только зачем в канцелярии? После построения можем у меня посидеть. Я в общежитии остановился, или можем еще куда сходить.

— Тоже правильно. Тогда после построения решим. Саня, ты к нам не присоединишься?

— Нет. Я с дежурства. Забыл? Надо выспаться. Вот если завтра после бани, — ответил Потапов.

— Завтра так завтра. Слушай, Вов, из нашего батальона тут командир пулеметной роты лейтенант Бородич, может, с собой пригласим? Ты как?

— Конечно.

— Договорились. Я сейчас с ним переговорю, — сказав это, Нестор подошел к лейтенанту, лет так 26, и что-то с ним стал обсуждать. Видимо, это и был Бородич. Через несколько минут Бокерия вернулся, и мы продолжили беседу. Но не успели мы перекинуться несколькими словами, как была дана команда на построение, которое ничем не отличалось от тех, что было в мое время. На нем меня представили комсоставу. После построения народ быстро рассосался в разные стороны, а мы с Нестором направились в канцелярию роты, потом ко мне в комнату.

Что было дальше? Все то же, что и всегда: маленький сабантуй, в котором приняло участие пара человек в военной форме. С обычными разговорами, жалобами и т. д. Правда, без фанатизма, так по чуть-чуть, чтобы утром быть в форме и чтобы голова не болела. Тем более что у Нестора семья здесь, в крепости, и ему надо было домой.

Я рассказал Нестору свою идею насчет штурмового подразделения или взвода автоматчиков. За «рюмкой чая» мы ее пообсуждали и пришли к выводу, что это надо попробовать. Он же мне посоветовал одного портного — еврея, живущего недалеко от крепости, который может мне помочь с пошивом разгрузочного жилета. Затем пожаловался на личный состав и трудности с его обучением. На незнание прибывшим пополнением русского языка. О том, что бойцы не могут как следует освоить более сложное оружие, чем трехлинейка. Стреляют плохо не только бойцы, но и многие командиры. У нас в полку положение вроде бы еще более или менее нормально, а вот в 125-м полку совсем плохо. Пожаловался Бокерия и на невозможность заняться нормальной боевой подготовкой из-за задействования личного состава на строительных работах в укрепрайоне. О том, что дивизионное командование косо смотрит на отправку семей командиров на восток. В мае несколько человек получили за это «распеканц» на партсобрании, и от них потребовали вернуть семьи обратно. А у многих малолетние дети. Рассказал об отношении поляков к «восточникам» — оно было далеко от самого лучшего. Во всяком случае, ожидали большего дружелюбия. Каждый день через границу идут одиночки и группы нарушителей. Хорошо, если это просто спекулянты-несуны, а то ведь и бандиты пробираются, которые нападают на наши посты, пытаются захватить оружие, форму и документы. Например, совсем недавно такое произошло на аэродроме недалеко от места расположения батальона. Особо злобствуют бывшие паны и посадники. Личный состав часто поднимают по тревоге для помощи пограничникам, чтобы все это прекратить, но пока закрыть полностью границу не получается. И так далее и тому подобное.

Все это я уже знал, но тем не менее впитывал информацию.

Закончили мы нашу беседу на дружеской ноге задолго до «вечерней поверки». Нестор пошел отсыпаться, а я словно «дурак» все еще оставался трезвым, ни грамма в глазах. Как тут жить, когда даже с горя не напьешься? До отбоя еще успел побывать в полковой школе, предупредить дежурного насчет утренней физзарядки. Аналогичное указание дал и дежурному по остаткам своей роты. Поприсутствовав на вечерней поверке и посмотрев на наличный состав, направился спать. Утро вечера мудренее, а мне с утра предстоит потрудиться...

По дороге к себе в комнату встретил группу красноармейцев во главе с Майоровым и Степановым. Среди бойцов были и их складские помощники. Вид у всех был донельзя замученный. Майоров, извинившись за то, что не смог прийти, сказал, что пришлось срочно разгружать боеприпасы, поступившие из округа на склад. Мы с ним договорились, что встретимся позже.

Поднявшись к себе, по старой привычке, заложенной еще на срочке, принялся готовить форму на утро. Щеткой вычистил пыль из формы. Поменял подворотничок на гимнастерке. Начистил сапоги. Хозяйственный я, однако, мужик. Все у меня есть. Не зря с собой все вожу, ничего не забыл. Это лирика и к делу не относится.

Заниматься спортом можно, конечно, и в спортивной одежде, но считаю, что командир не может требовать с подчиненных, если сам стоит в трениках, а его бойцы одеты по форме. Он должен быть одет, как все, по полной выкладке. Красив, чисто побрит, ну и т. д., кому что нравится по списку. Бегать в повседневной командирской форме накладно — вдруг где порвешь или испачкаешь. Потом ищи себе новую или отремонтируй старую. Вот и пришлось на комплект лежавшего в чемодане солдатского обмундирования подшивать воротничок и крепить в петлицы кубики полевого цвета. Кстати, сегодня на построении обратил внимание, что у многих командиров в петличках не было пехотных эмблем. Интересно почему? Обычно так вообще-то политруки ходили, но угольники явно показывали на командные должности. У Седова в петлицах эмблема была, а у этих нет. Почему? Как тут без бутылки разобраться? Хорошо, хоть не пьянею от выпитого, а то совсем можно спиться на фиг, пока разберешься со всеми премудростями военной формы РККА. Короче, черт-те что и сбоку бантик.

Закончив с формой, уснул спокойным сном ребенка.

Из разговора, состоявшегося между полковником Матвеевым и батальонным комиссаром Аношкиным:

— Я сегодня зашел к саперам. Переговорил с ними о предложении Седова по штурмовым группам. Оказывается, к ним приходила методичка с опытом действий саперных штурмовых групп и там описано многое из рассказанного лейтенантом. Есть там и о стальных нагрудниках. Точнее, о стальном нагруднике СН-38 «Кираса». Выпускает их Лысвенский металлургический завод. Предполагалось, что такой нагрудник будет защищать атакующих в пешем строю бойцов от пуль на начальном этапе атаки и снижать потери при сближении от собственных позиций до рубежа, с которого можно достичь противника решительным броском вперед. Однако боевое применение во время Финской войны показало их малую эффективность, так как нагрудник прикрывает недостаточно большую площадь и не обеспечивает полную защиту жизненно важных органов. Если нагрудник достаточно хорошо держал пистолетную пулю, то винтовочная пуля на дистанции 400–500 м, не пробивая нагрудник, наносила тяжелые повреждения телу бойца ударом по стальной пластине. Винтовочные пули со стальным сердечником и бронебойные пули пробивают нагрудник на дальности до 600 м. Таким образом, как средство бронирования пехоты нагрудник СН-38 (СН-1) оказался неэффективным, а его большая масса (свыше 7 кг) заметно снижает маневренность на поле боя.

— То есть наш умник нас просто обдурил? Ну, я ему задам, как приедем! Он у меня света белого не увидит!

— Не спеши. Не думаю, что Седов нас хотел обмануть. Я сначала сам так решил, но потом показал его чертеж нагрудника. Посмотрев на него, инженеры сказали что СН-38 пятисекционный, а не двухсекционный, как на рисунке. У них там есть один товарищ, который среди оставленных поляками книг нашел брошюру «Каталог панцирей, изобретенных подполковником А. А. Чемерзиным». Так вот, рисунок Седова немного напоминает один из разработанных Чемерзиным панцирей для полиции. Более того, такой панцирь в 1905 году прошел испытание и был принят на вооружение. Кроме того, нагрудник Седова напоминает стрелковый панцирь, с 1915 года выпускавшийся для императорской армии на Сормовском заводе. Мне пообещали посмотреть по складам, что достались от поляков. Может, чего-то найдут среди хлама.

— Похоже, я немного погорячился, обвиняя лейтенанта.

— Есть такое дело. Я вот что думаю, надо нам свои склады тряхнуть. Пусть тоже посмотрят. В нашем здании располагался польский саперный батальон. У них вполне могли оказаться и наши, оставшиеся от царской армии, да и немецкие, что остались от кайзеровской армии после расформирования их штурмовых батальонов в 1918 году. У нас в подвале куча немецких касок валяется, что от поляков остались, может, еще что полезное найдется.

— Верно. Что с лейтенантом будем делать?

— Что и обговаривали. Попробуем на деле. Пусть продолжит заниматься своим нагрудником, в мастерских сталь посмотрит. Как подберет, сделаем пробный экземпляр. Поэкспериментируем, если результат будет хороший, дадим разработке парня ход. Я тут у саперов под честное слово, что верну, взял их опыт по действиям штурмовых групп. Изучим у себя с командирами батальонов, подумаем, как у себя применить.

— И то дело...

Глава 8. Первый день на службе

Утро для меня началось задолго до рассвета. Вроде выспался, а все равно какая-то усталость чувствовалась, словно что-то давило на меня. Но угрозы своему здоровью не ощущал. Ну да бог с ним, пройдет. Сходил умыться и привел себя в порядок. Напился воды из-под крана. Заметно полегчало. С чего бы это? Вчера не так много и выпили, водка тут не паленая.

До подъема личного состава еще есть время. На листке накидал планы занятий с курсантами полковой школы. Вроде и время с пользой убил, а его еще полно... В одной из тумбочек я видел старую газету. Раз уж есть свободное время, то почему бы не сделать выкройку под нагрудник? С этим я и провозился до самого подъема, вроде неплохо получилось. Грубо, конечно, но главное — похоже на СН-42.

Как провести зарядку с личным составом, наверняка знает каждый, кто служил в армии хотя бы пару недель и не отлынивал от зарядки. Комплекс упражнений навсегда въедается в память. Возможно, комплекс упражнений по НФП-78 и отличается от НФП-38, что действует сейчас в РККА, но, надеюсь, не намного. Как-то не было у меня необходимости их сравнивать. Если у кого и возникнет по данному поводу вопрос, пусть считает моим новаторством.

За пару минут до подъема сержантов я был в казарме полковой школы. Там меня уже ждал еще один лейтенант, представившийся командиром взвода полковой школы Нагановым Алексеем Федоровичем. Он сегодня был ответственным по школе. Договорились, что Алексей возьмет на себя освобожденных от физо, а с остальными я проведу зарядку и кросс. Напомнив дежурному насчет формы одежды личного состава, мы с Алексеем вышли на еще совершенно пустынный внутренний плац.

Новый летний день вступал в свои законные права. Слегка влажноватый воздух бодрил. Мы с Алексеем немного переговорили, пока из здания не посыпался личный состав и не стал выстраиваться перед нами. Большинство из них было с голым торсом. Лишь несколько десятков человек были в гимнастерках — освобожденные от физподготовки. Передал их Наганову, а с остальными занялся подготовкой к кроссу. Застроил несколько раз строй, пока не добился единого, на мой взгляд, выполнения команд. Пересчитал оставшихся в строю, заставил перемотать портянки. Еще не хватало, чтобы кто-то натер себе ноги, поленившись

намотать, как следует. Так хоть обезопасят себя. Надеюсь, пара километров бегом вокруг крепости никого равнодушными не оставит.

В это время на плацу уже всю занимали зарядкой бойцы разных подразделений, вышедших из соседних казарм.

Разогрев комплексом упражнений личный состав, мы вышли на кросс. Маршрут, выбранный мной для бега, пролегал с внешней стороны Кольцевых казарм и был протяженностью около трех километров. Выбрав средний темп бега, колонной по четыре, мы бежали, постепенно наращивая темп. Свежий ветерок с Буга играл в зелени растущих вдоль берега ив. Моя задача была выделить наиболее подготовленных, сильных и, главное, упорных. Вот на них ориентируясь, я и выбирал темп бега. Особо загонять народ не собирался, но и бежать черепашьям шагом тоже. Вообще хорошо, что я попал почти в тепличные условия и командование пошло у меня на поводу в отношении отбора людей в штурмовой взвод.

Колонна растянулась на несколько сотен метров. Ждать и собирать я никого не собирался. Не видел в этом смысла. Наиболее подготовленные постепенно выдвигались в группу лидеров, обгоняя ослабших и отстающих. Часть не выдержавших темпа безнадежно отстала, а наиболее «умные» через Тереспольские и Бригитские ворота вернулись к зданию Арсенала. Совершив круг вокруг цитадели, через Трехарочные ворота остатки нашей колонны вернулась к Арсеналу. В строю осталось почти восемьдесят человек, уставших, запыхавшихся и блестящих от пота. По сравнению с ними я чувствовал себя просто прекрасно. Усталость не чувствовалась, наоборот, адреналин играл в жилах, и я готов был пробежать еще столько же. Проведя упражнения на восстановление дыхания и дождавшись отставших, наконец нагнавших колонну, переписал наиболее мне понравившихся бойцов. Подошедший Наганов подсказывал фамилии красноармейцев. Отпустив личный состав в казарму готовиться к завтраку, поднялся к себе в комнату.

Приведя себя в порядок, спустился в канцелярию роты. Там уже находился Бокерия с грустной миной на лице, просматривающий какие-то ведомости. Свежий подворотничок и резкий запах одеколона «Шипр» показывали, что Нестор после вчерашнего не хочет ударить в грязь лицом перед личным составом.

— Здорово. Ты как? — спросил он.

— И тебе не хворать. Я нормально, а ты? Как семья?

— Спасибо, в норме, но как-то не сильно здорово. Вроде и выпили немного, а чувство как после сильного перепоя.

— Понятно все с тобой. Может, чуть-чуть для здоровья?

— Не, ты что?! Нельзя. Дежурный сказал, что командир к себе после построения вызывает. Ты, может, со мной поедешь?

— Я с Руссаком после обеда должен подъехать. До обеда мне занятия проводить в полковой школе. Кстати, у тебя наставлений по стрелковому делу нет? А то мне кое-что вспомнить желательно.

— Как не быть, — ответил Нестор и, достав из сейфа небольшой фибровый чемоданчик, показал целую библиотеку. Чего там только не было под грифом «Для служебного пользования»!

— Тебе что надо? Я тут собрал для себя практически все.

— Мне, я думаю, нужно по «ППД», «АВС», «СВТ», пулеметам, гранатам.

— Губа не дура. Что, сразу все? Ты вчера не догадался узнать, что они изучили?

А ведь он полностью прав! Я со своим завышенным самомнением, что все знаю и могу, до такой мелочи не додумался.

— Эх, молодо-зелено! Не расстраивайся, — видя мою огорченную мину, сказал Нестор. — По идее, они «трехлинейку», «Максим» и «Дегтярь» уже прошли. Так что если ты им расскажешь о «СВТ» или «АВС», хуже не будет.

С этими словами, покопавшись среди книг, он достал и передал мне «Описание. 7,62-мм автоматическая винтовка («АВС») обр. 1936 г.», изданное в 1937 г., а затем «Наставление по стрелковому делу (НСД-38). Самозарядная винтовка обр. 1940 г.».

— Держи, учи. Пригодится.

— Вот спасибо, отец родной! — ответил я, просматривая наставления и делая заметки себе в блокнот.

— Не юродствуй. С тебя магарыч. Слушай, Саня вчера предлагал собраться после бани. Может, и вправду гульнем?

— Я «за», а ты успеешь вернуться?

— Конечно. С комбатом договорюсь. Часам к восьми, если ничего не случится, буду. Ты только без меня в баню не ходи и Саню предупреди. Вместе сходим, а потом в город пройдемся. В Дом Красной армии или парк «КИМ» на танцы.

— Давай. Слушай, а что, по телефону или по рации с комбатом связаться нельзя? И все вопросы отсюда порешать?

— Можно, но очень сложно. Пока дозвонишься, семь потов сойдет. С «маркони» еще хуже. Нет, считай, связи с батальоном. Проще и быстрее самому до места добраться и вопросы решить. Внутри цитадели телефонную связь наладили, а вот с фортами пока не могут. Связисты,

правда, обещают к понедельнику все сделать. Но им верить...

— Ладно, тогда буду ждать тебя вечером у себя.

Видя мои потуги по изучению наставлений, Нестор вышел из кабинета. Вскоре из казармы раздался его голос, распекающий дежурного за беспорядок в спальном помещении. Из казармы он вернулся как раз тогда, когда я закончил подготовку к занятиям.

— Ты как? Скоро?

— Я уже все, — отдавая книги, сказал я.

— Пошли, позавтракаем. С бойцами политрук политинформацию проведет, а мне надо будет к тыловикам после построения зайти. И поеду в Козловичи. У нас там знаешь как хорошо...

Все время до обеда прошло под знаком подготовки курсантов полковой школы. Мои потуги в обучении курсантов были встречены ими, в общем-то, благожелательно.

На своих прошлых занятиях они уже изучали материальную часть «СВТ», и мне оставалось лишь проверить и закрепить полученные ими знания. Занятия проходили организованно и спокойно, без особых эксцессов. Правда, пришлось некоторых самых «умных» помучить выполнением отжиманий от пола, когда они не смогли по команде разобрать и собрать винтовку. Сам провел показательную разборку и сборку винтовки по разделениям. Затем заставил курсантов сделать по моей команде то же самое. Умные люди были в царской армии, что разработали этот простой и эффективный принцип обучения. Потратив несколько часов, я добился того, что бойцы уверенно разбирали и вновь собирали винтовку. Если мне дадут такую возможность, то в течение недели вполне можно будет научить бойцов делать все как надо. Хотя бы по несколько часов в день на изучение оружия тратить.

На строевой показал себя чистым «зверем». Солнце, выложенный камнем плац и юный барабанщик из музыкального взвода мне в этом очень помогли. Поймав волну, гонял строй по плацу от души — что называется, «и в хвост, и в гриву». Чувствовалось, что парни не первогодки, но спуску я им не давал, добиваясь четкого и правильного исполнения строевых приемов. Да так, что у бойцов пот заливал лицо и промокли спины и подмышки гимнастеров. Интересно, какое прозвище они мне после этих занятий дали?

С Уставами было попроще. Бойцы отдыхали и наслаждались жизнью. Статьи Уставов у них отлетали от зубов и на вопросы отвечали влет.

Закончив занятия, отпустил их на обед. Блокнот пополнился плюсами напротив фамилий отобранных бойцов. После занятий зашел к начальнику

школы доложить о проведенных мероприятиях и получить замечания. Капитан Джиджишвили, внимательно ознакомившись с моим планом проведения занятий, сделал мне ряд замечаний по форме его составления.

— Методикой обучения вы владеете. Чувствуется, что вас какой-то старый служака готовил. Особенно с оружием. Меня самого так бывший унтер-офицер царской армии с «мосинкой» обучал. Я уж думал, что так и не готовят больше. Сколько времени прошло! Как вам наши бойцы? — поинтересовался моими наблюдениями Александр Иванович.

Достав блокнот, под одобрительный взгляд капитана, стал рассказывать о своих впечатлениях и тех бойцах, что меня заинтересовали. Договорившись о продолжении занятий на завтра, мы простились.

После обеда мы с начштаба поехали в с. Козловичи, где на работах в укрепрайоне находился мой 3-й батальон.

* * *

— Разрешите, товарищ полковник?

— Заходи, Виталий Павлович. Что это ты сегодня припозднился? Как съездил? Чай будешь? Мы вот с комиссаром как раз сил набираемся.

— Спасибо, не хочу. Съездил нормально. Работы ведутся по графику, даже с некоторым опережением, но дел там еще море. Личный состав жалоб не заявлял. Тяжелых больных нет, а простывших я сегодня в санчасть привез. Седов их сейчас как раз оформляет.

— Как он там? Входит в курс дела? — спросил Матвеев.

— Старается. Сегодня проводил зарядку и занятия в полковой школе.

— Ну и как? — спросил батальонный комиссар.

— По отзывам Александра Ивановича очень даже не плохо. С утра с бойцами устроил кросс вокруг цитадели. Провел его грамотно и, похоже, сам даже не устал.

— Так это я их утром видел, когда к Трехарочному мосту подходил! То-то мне показались лица знакомыми. Я, к своему стыду, еще не всех в лицо знаю, — признался Аношкин.

— Не расстраивайся. Ты же у нас совсем недавно. Это в своем 75-м разведбате всех знал. У нас народа как-никак побольше будет. Со временем со всеми познакомишься. Ну и что там еще насчет Седова?

— Днем провел с бойцами занятия по изучению «СВТ». Всех, кто не ответил на его вопросы, заставил отжиматься от пола. Пока не добивался правильного ответа, так и мучил бойцов, — с улыбкой ответил Руссак. — А

строевые занятия с бойцами это вообще отдельная песня! Достал всех своими придирками — то ногу не так подняли, не так поставили, то нет единообразия в выполнении команд и так далее. Главное, ведь все правильно требовал! Сам личным примером показывал, как делать надо. Строй просто загонял, пока не добился своего. Ногу поднимали и печатали, словно на параде шли. Я это сам видел. Честное слово, меня так не застраивали. Наша «полковая молодежь» просто диву давалась. Я им пообещал, что для разнообразия Седов в следующий раз проведет с ними строевую подготовку.

— И как они к этому отнеслись?

— Если одним словом, то — впечатлились! Вот кому я бы доверил парадную коробочку тренировать, так это Седову. Пока падать не начнут или ходить как следует, он мучить будет. Потом вместе съездили в его батальон. Там он мне пару ценных советов дал.

— Это какие же?

— Увидел, что бойцы ячейки и щели роют, и на пальцах доказал, что это вредительство.

— Прямо так и вредительство? — со скептицизмом в голосе уточнил батальонный комиссар.

— Я сначала точно так же к этому отнесся. А он предложил имитировать танковую атаку — взять трактор (вместо танка) и проехать по такой ячейке. А вместо бойца посадить туда любого командира с камнем в руках, вроде как с гранатой. Да так, чтобы после проезда трактора гранатой, то есть камнем, в него бросить. Чтобы жизнь медом не казалась, предложил бойцам щебенкой в сторону ячейки кидать. Типа полет осколков и пуль изображать. Ну, а потом спросить мнение командира, как ему в ячейке было удобно и сможет ли он командовать своим подразделением в такой ситуации.

— Ну и что? Провели эксперимент? — поинтересовался Матвеев.

— Сделали. Договорились со строителями насчет нескольких тракторов. Выбрали участок поровнее, чтобы те могли проехать. И провели... Лейтенант заставил всех каски надеть, от греха подальше. Сначала Седов сам лично показал, как надо действовать. Потом комбат и остальные командиры посидели. Впечатлились. Поодиночке и хором. Затем и я сподобился.

— Как впечатления?

— Хреновые! Прав оказался лейтенант... Я вроде бы и не трус, но честно говоря, меня пробрало. Страшновато... Особенно когда трактор надо мной ехал. Сначала все нормально было, меня не покидало желание

выглянуть из ячейки и посмотреть, что к чему. Но когда бойцы стали щепенкой в мою сторону кидаться, пришлось в ячейку поглубже нырнуть. Когда трактор приблизился и надо мной ехал, страх пришел, что тракторист ошибется и засыпет меня землей в этой щели. Так заровняет, что не надо хоронить... Главное, ведь если, спасаясь от танка, в тыл податься, то надо 2–3 метра по щели проползти, чтобы в соединительный ход между ячейками попасть. И тут возник вопрос: «А вот успею ли я это сделать?» Ну и сил, чтобы еще камнем в трактор попасть, осталось совсем мало. И это у меня, уже послужившего свое, а что уже про бойцов говорить?! Командовать бойцами в такой обстановке совершенно невозможно. Противник свободно может прорвать при таком построении обороны наши позиции. Тут я и понял, что понимает Седов под словом «вредительство». Ведь и правда вредительством пахнет!

— Ты, Виталий, не торопись ярлыки вешать! Вчера вон комиссар тоже поторопился, а тебе сам бог велел сначала все обдумать, лишь потом что-то решать. Неужели все так серьезно? — спросил командир.

— Думаю, да. Такого же мнения и остальные командиры, кто был в ячейке. В теории ячеечная оборона смотрится красиво, но на практике все как раз наоборот.

— И какой выход из сложившегося положения? Надеюсь, наш «умник» уже нашел решение?

— А его искать не надо, оно на поверхности есть. Обычная траншея. Та, что нам досталась от царской армии. Боец по ней может отойти в сторону от надвигающегося танка и бросить в него гранату. С учетом обзора из танка это вполне возможно. Да и, кроме того, в случае промаха кто-то другой из той же траншеи сможет это повторить. Я тут подумал над словами Седова, что боец в той же ячейке даже стрелять особо не сможет. Будет все время озиаться по сторонам на соседей. Враг, найдя его позицию, сосредоточит на ней огонь и гарантированно уничтожит или подавит бойца, так что тот даже головы не поднимет из ячейки. Я уже не говорю про пулеметный расчет. Накроют из орудий, а тому деваться некуда, сменить позицию не сможет. Он же все время в одном месте находится. Вот был бы в траншее, тогда мог бы перемещаться в любую сторону.

— В том числе и в тыл?! — спросил Аношкин.

— В том числе и в тыл. Если надо будет отступить. Но я думаю, что в траншее любому подразделению обороняться будет куда проще и надежнее. Потери личного состава будут меньше, раненых вынести из траншеи удобнее и боеприпасами обеспечить. Воссоздать систему траншей не сложно. У нас вон командиров из запаса полно, как ее оборудовать —

они должны помнить. Да и книга Гербановского «Развитие и оборудование окопов» в библиотеке должна быть.

— Наверняка это тоже мысли Седова?

— Не буду скрывать, он меня на эти размышления натолкнул. И еще одну мысль высказал. Кстати, я ее считаю тоже правильной. В укрепрайоне строятся доты, а вооружение на готовые еще не установлено. Личного состава в них нет, боеприпасов тоже. Вот и стоят пустые коробки. Ладно бы это были ложные, а то боевые! Наш полк как раз их и должен прикрывать, а они нас соответственно. Не дай бог, провокация со стороны немцев, а тут такое дело. Надо бы этот вопрос поднять перед штабами дивизии и армии.

— Понятно. Ты, Виталий Павлович, уже дал команду все переделывать на траншеи?

— Нет! Как я без консультации с вами могу принять такое решение?

— Вот это правильно. Пока не будем спешить. Надо проконсультироваться с умными людьми, подумать. Хотя мне кажется, решение с траншеей более чем разумное.

— Объем работы вырастет в несколько раз, — заметил комиссар. — Люди ведь не семижилые.

— Не надорвутся. Для себя строить будут. Возможно, это их спасет, если что случится, — ответил командир полка. — Что там еще нового? Как питаются бойцы?

— Питаются хорошо. Мы им как раз на кухню продукты завезли. На завтра у них баня после обеда запланирована. Командный состав на месте, но уже чувствуется у них усталость. С середины мая ведь там находятся!

— Надо бы им дать отдохнуть, Дмитрий Иванович, — вступил в разговор батальонный комиссар Аношкин. — Хоть люди у нас крепкие, вкалывают, как стахановцы, в три смены с полным напряжением сил. Но с таким графиком работ могут и не выдержать, а ведь им еще и границу прикрывать приходится. Четвертая застава у них постоянно помощи просит, своих сил им не хватает.

— Понимаю и знаю это не хуже вас, — ответил Матвеев. — Что конкретно мы можем сделать? Предлагайте. С нас ведь никто план строительства не снимет. Да и граница рядом. Вдруг что случится, а мы не готовы в очередной раз. Немцы вон через Буг за нами во все глаза наблюдают. Вроде и мир с ними... С японцами тоже мир был... Результат нашей с тобой поездки в дивизию прекрасно знаешь. Выслушать выслушали, обещали переговорить со штабом армии. Но результатов нет, когда будет, неизвестно. За самоуправство могут по шапке надавать по

самое не хочу.

— Да не виним мы тебя, Дмитрий Иванович. Просто как командиру плачемся в жилетку. Все равно больше некому, отец ты наш родной! — разрядил обстановку комиссар.

— Все бы тебе смеяться над старым человеком, — ответил командир. — По третьему батальону давайте поступим так. На днях ему на смену отправим второй батальон. Третий пусть здесь в казарме немного отдохнет. Разрядится. К девушкам сходит. Приведет себя в порядок, подготовится к лагерям, а там, может, округ или армия разродится.

— Вы, может, не заметили, но меня беспокоит один вопрос, — задумчиво глядя на стену с портретом Сталина, сказал комиссар. — Вот жили мы тут спокойно и, в общем-то, размеренно. Занимались своими делами. Допускали недостатки и просчеты. Пытались их исправлять, как умели. Были как все, а тут нас за несколько дней будто встряхнуло от спячки.

— Правильно ты говоришь, Николай Иванович.

— Неужели мы стали болотом? Если так, то гнать нас надо поганой метлой, что мы очевидного не видели за своей ежедневной суетой. Ведь Седов нам указал на то, что лежало на поверхности. Кто нам мешал провести, например, такую же обкатку тракторами бойцов и командиров? Или додуматься до штурмовых взводов? Ведь был же приказ Тимошенко по опыту Финской войны. Но мы все это проспали, а если говорить точнее, просрали! А ведь лучшие во всей дивизии и корпусе!

— Ты, комиссар, горячку не пори. Ничего мы еще не проспали. Лейтенант молодец. Идеи высказал правильные и своевременные. А мы как отцы-командиры их поддержали. Разве не так?

— Так-то оно так, Дмитрий Иванович. Но все равно надо самим себе признаться, что глаза у нас замылились.

— Хорошо. Считай, что мы себе голову посыпали пеплом и вынесли партийное взыскание. Если тебя это устроит. Я о том, что надо продолжить поддерживать Седова. Может, у него еще что светлое проявится. Кстати, его дело пришло?

— В почте сегодня не было. Возможно, завтра доставят.

— Понятно. Виталий, вы с Седовым к чему вчера пришли?

— Вот его расчеты, — передавая исписанные листы командиру, сказал начштаба. — Вчера в присутствии особиста все предложения по штурмовому взводу обсудили. Есть вариант без изменения штатной численности и вооружения собрать такой взвод на базе любой из стрелковых рот, отобрав туда наиболее подготовленных бойцов,

вооруженных автоматическим оружием.

— Вот это весьма хорошо! Думаю, это можно попробовать. А там, если опыт получится, перенесем в остальные роты или соберем одну такую роту. Седов пусть пока продолжает отбирать себе людей и пусть натаскивает по своей методике. На учениях, возможно, будет чем дивизию удивить. Он там чего себе еще хочет?

— В принципе, не очень много. Снайперов, станковый пулемет, маскхалаты, боеприпасов побольше, чтобы обучить бойцов. На форму небольшие изменения — нашить наколенники и налокотники, чтобы форму не пачкать. Вот список всего.

— С оружием и боеприпасами проблем нет. Тут вон еще полтора боекомплекта на полк привезли и еще должны подвезти. Скоро совсем хранить негде будет, и так все склады забиты. Так что пусть учит. Со всем остальным надо разобраться и посмотреть, что есть на складе. Если есть, выдадим. Мелочиться не будем. Отчитаться всегда сможем. Что еще?

— Больше ничего, — ответил Руссак.

— Дмитрий Иванович, а что по стальному нагруднику, что мы обсуждали?

— Я со знающим народом по этому вопросу проконсультировался. В нашей мастерской опытный образец вполне можно сделать. Лист стальной есть. Правда, толщиной 3 мм. Ну да разница, я думаю, не такая уж большая. Вот только для изготовления такой кирасы эти листы надо отжечь, выкроить, отформовать выпуклость и заново закалить. В нашей мастерской такое сделать сложно, но можно. Точнее, хороший кузнец может сделать одну-две максимум.

— Пусть Седов со Жмакиным на эту тему переговорит. Я думаю, Карп ему поможет в этом деле. Вот еще что. Все занятия со штурмовым взводом пусть проводит в присутствии кого-нибудь из наших командиров. С обязательным отчетом о проведенных занятиях: как, что и почему. Глядишь, кто из наших командиров и начальников тоже чему научатся. Есть у меня чувство, что лейтенант у нас надолго не задержится, а вот его методика и наработки останутся у нас, так что доделывать начатое нам придется.

— Может, пусть он занятия штурмовиков совместит с занятиями разведчиков?

— Правильно. Тем более что Седов говорил о схожести в их подготовке. Знаешь что? Предложи Горячих с ним вместе позаниматься или кого из своих пусть привлечет. Так, на всякий случай. Граница все же рядом.

— Полностью с этим согласен. Лишним точно не будет...

* * *

С батальонного узла обороны мы вернулись около двадцати часов. Нестор с нами не поехал — его комбат не отпустил, замотивировав это тем, что остальным командирам тоже хочется отдохнуть и прикоснуться к цивилизации. Заодно поручил мне сдать в санчасть заболевших бойцов.

Поездкой я был очень доволен. Контакт с комбатом, капитаном Гончаром, установился сразу. Андрей Федорович показался мне очень грамотным командиром. Что называется, с военной косточкой. Узнав от Нестора о моем предложении по штурмовому взводу, полностью его поддержал. Мы с ним даже более-менее подробно обсудили эту идею, пока Руссак беседовал с бойцами и осматривал выполненный объем работ.

Побывав у себя в роте и изучив положение в своем взводе, я понял, почему он так горячо поддержал мою идею. Начну с того, что большинство командиров взводов были сержантами второго года службы. Должности ротных политруков исполняли тоже младшие командиры, прошедшие подготовку в полковой школе. На каждую роту приходилось всего по несколько лейтенантов, стоявших на должностях командиров рот или командиров пулеметных взводов. Роты не имели полной штатной численности. Так, мой взвод насчитывал всего 30 человек при трех сержантах. Личный состав в основном был призван весной этого года из южных республик СССР. В военном отношении мало подготовленный и обученный в основном работать киркой и лопатой. Просто какое-то строительное управление, а не воинская часть. Видимо, именно за это батальон и был направлен сюда. Какому нормальному командиру стрелкового батальона понравится такое положение дел? И какой командир батальона не обрадуется тому, что у него, пусть в будущем, но будет реальная ударная сила? Я думаю — таких не найдется в любой армии мира. Вот и Андрей Федорович, быстро разобравшись, что к чему, был рад такому событию. Как рад и тому, что в течение десяти дней в его батальон на смену сержантам придут молодые лейтенанты. Так что он был открыт моим предложениям. Кроме того, мы договорились о моем вливании в коллектив вечером 15 июня. Ответственным за данное мероприятие был назначен Нестор.

Батальонный узел обороны строился по принципу ячеечной обороны с опорой на доты и старые форты крепости. Сооружение дотов велось

строителями и пульбатором. Самое главное было в том, что строились доты практически в прямой видимости немцев, до которых было не более километра. И они с высоких вышек спокойно наблюдали за этим действием со своей стороны Буга с помощью биноклей и фотоаппаратов.

Вот я и решил сработать на опережение, высказавшись в присутствии командования батальона и, главное, Руссака о вредительстве такого строительства. Окружающий народ явно охренел от моего заявления, посчитав меня либо «слишком умным», либо совершенно наоборот. Барометр отношения ко мне со стороны комбата явно упал с «ясно» на «пасмурно». Пришлось на пальцах и «слабо» пояснять свою мысль. А затем провести наглядное обоснование своих высказываний, выпросив у строителей на час несколько тракторов и пообещав в скором времени это компенсировать «жидкой валютой». Демонстрация прошла очень неплохо и ярко. Особенно, когда Руссаку, комбату и еще нескольким командирам бойцы щебенкой заехали по каскам. А затем трактора их слегка засыпали землей. Каюсь, по моей личной просьбе трактористы слегка подвигали тракторами из стороны в сторону над ячейкой. «Русский разговорный язык» очень богат, и не всегда цензура пропускает его в текст. Поэтому приводить высказанные испытуемыми слова в порыве объяснения всей полноты своих впечатлений не берусь...

Вроде простой штрих — переделать оборону из ячеек в нормальную траншею, сократив аппендиксы из ячейки в общую траншею, но насколько он выигрышной. Сколько душ он может спасти! Может, мне где зачтется? Пусть и не в этой жизни...

Но главное, это итог. Был он однозначно в пользу моей идеи с траншеями. Начштаба клятвенно пообещал донести командованию результаты проведенного эксперимента и изменить решение по строительству обороны. Тем более что это ничего не стоит, кроме как мозолей у личного состава. Барометр комбата в отношении меня снова вернулся в позицию «солнечно».

Так что буду считать, что локально, в пределах моего полка, история немного поменялась. Останавливаться на достигнутом я не собирался — у меня еще пару тузов в рукаве припрятано. Ну, шулер я, куда от этого деваться. Все равно ведь не поверят, если все сразу выложу.

После сдачи больных в санчасть мы с Потаповым пошли мыться в баню. Она находилась на Западном (Пограничном) острове, почти сразу за Тереспольским мостом справа. Баня размещалась в одноэтажном длинном здании, разделенном на две части. В одной было отделение для бойцов, а в другом парилось командное население крепости. Найти ее, особенно

«шпионам», не составляло труда, по куче бойцов в свежем нательном белье и табачному дыму, таявшему в зарослях ивняка.

Мы успели вовремя. Пар был хорош, веник — березовый, компания по парной — отличная, а вода в душе — холодная. То, что и надо служивому человеку после тяжелой и напряженной недели. Расслабившись душой и телом, мы решили на танцы в город не идти, а просто и без затей зайти и посидеть ко мне. Благо у Саши все, что нужно, было припасено. Летний вечер полностью вступил в свои права. Нам никто не мешал, и мы нормально так посидели, поговорили, употребили, обсудили. Где-то в стороне Трехарочных ворот на танцплощадке играл духовой оркестр, и в распахнутое окно доносились звуки веселой музыки. В клубе нашего полка шел художественный фильм. Приятно вот так спокойно посидеть. И если бы не приближающаяся война, то было бы вообще ХОРОШО.

Вскоре Саша откланялся и пошел к себе отдыхать. Семейный человек. Мне же спать не хотелось. До отбоя времени еще много — фильм и танцы еще не кончились... Вот я и решил заняться макетом крепости. Благо еще вчера выданное дежурному по роте задание бойцы выполнили и принесли лотки из-под хлеба (видно, пекарню грабнули), несколько кусков фанеры, гвозди, деревянные бруски, подшивку старых польских газет и куски тонкой проволоки. Что можно на это сказать — молодцы! Ценят своего командира. Честь им и хвала. Сдвинув столы вместе и разложив на них заготовленные материалы, занялся делом. Но поработать толком не успел.

В дверь постучали, и знакомый голос попросил разрешения войти. На огонек, так сказать, зашел Майоров. Зачем обижать отказом хорошего и нужного человека? Благо оставалось что выпить и закусить. Да и Бадмаевич с собой принес. Все повторилось вновь. Разговоры, обсуждения, ну, а дальше сами продолжите — не маленькие и все понимаете. Венициан был в курсе событий в полку. Он нашел в нашей мастерской хорошего токаря из бойцов, который готов сделать детали для глушителя за небольшой магарыч. Ну, это дело известное и порой необходимое, тем более что я не собирался ограничиваться только одним экземпляром. Для себя старший сержант выпросил разрешение поучаствовать в испытаниях продукта творчества. Тем более что он обещал патроны для этого, а я что, разве против? Как пионер, всегда готов и только «за»! Так что вечер был не только приятен, но и продуктивен. На отбой я так и не попал.

Глава 9. Начало подготовки

Чем запомнилась и была занята эта неделя? Наверное, тем, что сработали мои «закладки». Но все по порядку.

Во-первых. 8 июня после завершения утреннего кросса ко мне подошел капитан Джиджишвили и ознакомил с выпиской из приказа по части о временном прикомандировании меня к полковой школе. И с уже утвержденным командиром полка планом занятий на ближайшую неделю (и когда только успел?). В нем черным по белому были внесены мои предложения по распорядку дня для курсантов. А именно — ежедневные трехкилометровые кроссы по три раза в день (некоторым, не буду показывать пальцем, показалось, что трехразовая политинформация требует осмысления путем давления на мышцу). Естественно, под моим чутким руководством. Добавлены часы на изучение оружия — ежедневно по два часа (за счет изучения Уставов). Кроме того, Александр Иванович предупредил, что обязанности по формированию взвода автоматчиков (так пока будет называться предложенный мной штурмовой взвод) из числа курсантов полковой школы и моего штатного взвода с меня никто не снимает. А чтобы жизнь медом не казалась, добавил, что заодно со мной будут заниматься бойцы конной и пешей разведки полка. Свой график занятий они сегодня тоже предоставят. Весело? Вот и я о том же. Не было хлопот, купила баба поросю. Но не боги горшки обжигают, прорвемся! Так что по утрам в колонне полковой школы теперь можно было увидеть еще человек сто бойцов-разведчиков и примерно столько же из моей роты. За что мы заслужили почетное прозвище — «лоси». То ли еще будет!

Во-вторых. Я отобрал себе людей в штурмовой взвод. Пусть не обижаются представители других национальностей СССР, но у меня оказались представители только славян: русские, чуваша (не считаю я их инородцами, хоть убей), украинцы и белорусы. Среди них были и казаки, что меня не могло не радовать. Именно их фамилии появились в списке вечерней поверки роты вместо убывших на доукомплектование остальных взводов бойцов. Правда, не обошлось без небольшого скандала в тихом семействе. Узнав о переводе бойцов в другое подразделение, их бывшие «несознательные командиры» пытались качать права. По-хорошему их можно было понять — отбираешь, растишь, готовишь, а тут бац и забрали к другим. Они на них рассчитывали, как на младших командиров. Я бы и сам возмущался. Но, увы, против задействованного командного ресурса не

попрешь. Нашлись и снайпера. Двое ротных и еще двое выделенных из числа прошедших обучение на сборах в дивизии.

Сам взвод был мною разделен на шесть отделений. Четыре стрелковых отделения по 9 человек — командир отделения, шесть автоматчиков плюс расчет пулемета. Снайперское отделение, состоящее из снайперов и их помощников. Отделение тяжелого вооружения — расчет станкового пулемета и минометчики с двумя 50-мм минометами.

С согласия капитана Гончара, взводная пирамида была освобождена от имевшихся там трехлинеек. Их место заняли автоматы, самозарядные и автоматические винтовки, собранные с остальных пирамид роты. А также свое место занял станковый пулемет «ДС-39». На всех бойцов нашлись штык-ножи от трофейных маузеровских карабинов (как они оказались на складе, история умалчивает). Взвод ежедневно занимался со своим оружием. Изучал и обслуживал, а поводом для этого была почти ежедневная подготовка в полевых условиях.

Она велась на базе фортов литер «А» и № 1, порохового погреба № 1, построенных в конце XIX века и помещения которых мало чем отличались от крепостных. Лучшей штурмовой полосы все равно не найдешь, как ни старайся. Все необходимое здесь есть, выдумывать ничего не надо. Туда и обратно мы добирались на автомашинах автобата, с которым наладились очень хорошие и дружеские отношения. Можно было и пешком, но выдвижение взвода автоматчиков в полной выкладке с оружием вызвало бы бурное обсуждение. Убывали мы из крепости утром сразу после завтрака и находились там до ужина, обедая во втором батальоне. По возвращении в казарму занятия продолжались до самого отбоя. Частенько с нами занимались и разведчики. Ну, а присутствие на наших занятиях особиста, старшего лейтенанта Горячих или кого-нибудь еще из офицеров штаба полка даже не вызывало удивления. Несколько раз с Горячих приезжали еще несколько неизвестных командиров. Заглядывали и пограничники, так, на всякий случай и по обмену опытом. На занятиях велась фотосъемка, на мой, между прочим, фотоаппарат. Правда, фотопленку на это дали в политотделе.

Сначала у нас с Горячих было некоторое недопонимание, связанное с тематикой и местом проведения занятий. Но оно было снято, когда я объяснил, что на той стороне Буга стоят аналогичные укрепления, построенные одновременно и по одному проекту с нашими. А конструкции дотов, в принципе, что у нас, что у немцев, похожи. Он сначала не поверил, но через день, молча, снова присоединился к нам. Видимо, проверил информацию по своим каналам и кое в чем даже помог. По моей просьбе

провел занятия по изучению немецкого оружия.

Я старался как можно быстрее провести боевое слаживание взвода — нам судьбой слишком мало было отпущено времени. Требовал с бойцов много и строго, наверное, даже излишне. Учил жестко, как самого учили, война ведь никого не пожалеет. А так, может, повезет и полученные знания помогут выжить. Были ранения, но, слава богу, легкие, по касательной, не причиняющие большого вреда здоровью.

Что мы изучали?

Медицинскую подготовку с бойцами провела симпатичная военврач. После первого же ранения бойцы стали носить с собой индивидуальный пакет, а у назначенного санинструктором бойца (учился на первом курсе медицинского училища) была укомплектованная медицинская сумка (огромное спасибо начмеду).

Табельное оружие и приемы стрельбы из него. Для этого несколько дней провели на дивизионном стрельбище, учились стрелять. Благо с патронами проблем не было и выдавалось их столько, сколько запросишь. Майоров по секрету сказал, что склады боеприпасами забиты, скоро складывать будет некуда.

Учились бросать гранаты из окопа и из окна здания. Первого раненого именно там и получили — немного посеколо осколками гранаты. Хорошо еще, что все обошлось. Зато все стали носить каски.

Рукопашный бой, в том числе малой пехотной лопаткой, штык-ножами и вообще любыми предметами, что могут попасть в руки.

Учили тактику действий в парах и тройках при проведении штурмов и отражении атак.

Плохо было то, что нам осталось так мало времени. Еще хотя бы месяцев пять на подготовку! А так мы еще сырые, хотя на фоне остальных выглядим получше. Это заслуга не моя, а бойцов. Без их желания и упорства ничего бы не получилось.

В-третьих. После обеда 8 июня второй батальон убыл на замену моего. С напутствием оборудовать батальонный узел обороны траншеями вместо ячеек. Кстати, это не вызвало возмущения ни у кого: ни у командования дивизии, ни у остальных командиров. А девятого пришло распоряжение от штаба армии о выделении еще одного батальона на строительство укрепрайона. И первый батальон тоже покинул теплые казармы, переместившись в Козловичи.

В-четвертых. Мой батальон, прибыв на место постоянной дислокации, наконец-то занялся боевой подготовкой с личным составом. В этом мне тоже пришлось принять активное участие, путем проведения

занятий по строевой, огневой и физической подготовке в роте.

В-пятых. 8 июня ко мне подошел начальник службы снабжения полка воентехник 1-го ранга товарищ Жмакин. Солидный и великой душевной доброты человек, который помог решить целую кучу вопросов, связанных с изготовлением нагрудников, подкладки под них и с вещевым снабжением взвода. Через него на армейском складе в Бресте удалось выбить столь дефицитные новые снайперские винтовки с хорошей оптикой, маскхалаты. Для изготовления нагрудников нашлась необходимая сталь и несколько кузнецов. За три дня они смогли сделать всего два опытных образца, но зато внешне очень похожих на свой прототип «СН-42». 12 июня на дивизионном полигоне в Северном городке мы провели их испытание. В том числе сравнили с где-то найденным Grabenpanzer M16 — немецким нагрудником времен Первой мировой войны.

В этом занимательном деле приняло участие командование полка в лице его командира, комиссара, начштаба, снабженца и особиста. Демонстрацией нагрудников занимались мои бойцы. Они надели их на себя и по указанию комиссара подвигались в них. Потом предоставили возможность командованию лично примерить и испытать нагрудники на себе. Высокая комиссия отметила, что при весе около 5 килограммов кираса хорошо прикрывает грудь бойца и не мешает пользоваться оружием. А затем занялись более увлекательным делом — стрельбой по ним. Звон от попаданий стоял на весть полигон. Нагрудник достойно выдержал обстрел из револьвера, пистолета и автомата на дистанции 50–100 метров. Ни одного пробития, только несколько вмятин. На дистанции 20 метров задержал осколки гранат — пробития нет, остались только царапины. Винтовочные и пулеметные выстрелы держал на дистанции до 300 метров. Что всеми было отмечено положительно. Проверять на человеке, как он будет себя чувствовать при попадании пули в нагрудник, не стали. Посчитали, что изготовленная подкладка в достаточной мере погасит удар. Ход испытаний снимался на фотоаппарат. В общем, о нагруднике говорили положительно, правда, указывали и на недостатки — большой вес и то, что не прикрыта спина. Что я мог им ответить на это? Только правду о том, что нужно искать другие сплавы стали и снова пробовать. И лучше боец будет иметь нагрудник, чем находиться без него. Это уже никто не стал оспаривать.

Итоги эксперимента после совещания с комиссаром подвел командир. Он сказал, что опыт получился положительный. Такой нагрудник действительно будет востребован для штурмовых подразделений. Но еще нужно провести более массовые испытания. Было решено сделать такие

кирасы на весь взвод, точнее, насколько хватит металла в мастерской. Кроме того, Жмакину было дано поручение поискать еще металл.

В этот же день командование полка посмотрело, чему научился и что может взвод. Были проведены контрольные стрельбы. Они меня откровенно порадовали. Хотя бы тем, что все бойцы попали в цель. Бойцы действовали слаженно, но и грубых ошибок хватало. Правда, начальство этого не заметило и оценило достигнутые успехи положительно. Всем объявили благодарности, а снайперам и первым номерам пулеметных расчетов присвоили воинское звание «ефрейтор». Я-то наивный думал, что это специально сделали, чтобы отметить моих людей. Оказалось, все намного проще. Приказ о присвоении званий был заготовлен на них по окончании сборов в дивизии. А тут такой повод подвернулся. Вот и совместили приятное с полезным.

Пока бойцы обедали, были проведены еще одни испытания. На сей раз пробовали изготовленные по моим чертежам в полковой мастерской глушители для пистолета, револьвера и винтовки. Всего было изготовлено шесть экземпляров глушителей, по два на каждый тип оружия. На испытаниях, как я и обещал, присутствовал Майоров. Пробные стрельбы прошли неплохо. Глушители работали штатно, хорошо гасили звук, но не долго, выдерживали всего по 30–40 выстрелов. Эффективная дистанция огня сократилась более чем наполовину. Но все равно это был очень хороший результат. Меня хвалили и предлагали продолжить работу в этом направлении. По одному образцу глушителей после испытаний себе забрал Горячих, для демонстрации своему начальству. Мне для хорошего человека и нужного дела не жалко. Тем более что запчастей еще наделали, так, на всякий случай.

По результатам всех испытаний были составлены соответствующие акты. По экземпляру актов направили в штаб дивизии. Туда же были направлены и фоторепортажи с места событий.

В-шестых. По прибытии в расположение Нестор познакомил меня с очень интересным человеком — Самуилом Абрамовичем. Это был уважаемый всеми соседями пожилой еврей, живший со своей большой семьей недалеко от крепости в собственном доме на ул. Каштановой. Сей муж был прекрасным портным. Именно ему я заказал изготовить разгрузку и рюкзак по моему эскизу. Умнейший человек, выслушав все мои пожелания, он уже через два дня продемонстрировал мне готовые к использованию вещи. Выполненные из парусины, они были очень похожи на те, что я носил в свое время. Все было сделано как надо, нигде ничего не мешало. Практично и удобно. Объем менялся регулировкой

ремешков. Магазины отлично входили в кармашки. Мастерством Самуила Абрамовича я был очень доволен. Не дорого и качественно. Ему же я сделал еще несколько заказов для нужд своего взвода. На пошив разгрузок и маскхалатов по типу «Кикимора» и «Леший», тем более что особо сложного там ничего нет. Он же мне достал десяток отличных цейсовских биноклей, а то в полку их мало. Я не спрашивал, откуда он взял необходимые материалы и вещи. Меня устраивало то, что он их сделал или достал. Поэтому молча доставал деньги и платил. С ним же мы провели небольшой гешефт. Я сбыв свои зимние вещи. Все равно пропадут в крепости, а так я вырубил вполне приличные деньги.

Самуил Абрамович оказался очень гостеприимным и радушным хозяином. Мы с ним много разговаривали о жизни и музыке. Я даже побывал на домашнем концерте, который давали его домочадцы. Не знаю, как соседям, но мне понравилось. Говорили мы и о приближающейся войне. У многих остались родственники на той стороне Буга, которые сообщали интересные сведения. Очень осторожно и не уточняя, откуда узнал, он сообщил, что на той стороне к немцам прибывает пополнение. Что на старых крепостных фортах тренируются солдаты. А в Тересполе начато выселение людей из их домов. Что местное население боится войны и с апреля потихоньку скупает продукты и запасается самым необходимым. И спрашивал у меня, что делать. Что ждал от меня этот человек, беспокоящийся о своей семье? Каких откровений? Разводить панику в городе я не собирался. Поэтому отвечал, что мог. Единственное, о чем я ему сказал, так это то, что война действительно скоро будет и лучший выход уехать куда-нибудь подальше отсюда. Через несколько дней после нашего разговора Самуил Абрамович сообщил, что отправляет детей и внуков в гости к дальним родственникам в Смоленск. Сам же он решил никуда не выезжать и остаться здесь. Кроме того, некоторые семьи тоже решили отправить своих детей навестить родственников, живущих в центре страны.

Сведения, сообщенные Самуилом Абрамовичем, я сразу же докладывал Горячих.

В-седьмых. Я закончил свой макет крепости. Сделанный из проволоки, дерева, старых газет, клея, гречки, он красовался на столе посреди комнаты. Зашедший как-то ко мне Горячих, увидев его, по-русски высказался в том смысле, что классно сделано. Я старался. Даже красками раскрасил. Конечно, до шедевра он недотягивал, но основные объекты на нем были отображены. По нему вполне можно было ориентироваться, что и где находится. Простояв у меня несколько дней, макет перекочевал в клуб

полка на всеобщее обозрение, дополнив собой выставку произведений самодеятельного искусства бойцов части.

В-восьмых. Благодаря ежедневным пробежкам увеличилось количество ящиков с песком, расставленных в целях противопожарной безопасности в самых неожиданных местах Арсенала. Спросите почему? Ответ очень прост. Все уклоняющиеся от кросса стали носить, под руководством нескольких сержантов, песок в носилках. Этим одновременно решалось несколько проблем: отрабатывалась переноска раненых и улучшалась противопожарная безопасность. Чтобы песок не носить назад, были изготовлены и расставлены во всех отсеках и коридорах ящики для его хранения. Однако количество уклоняющихся от кросса сокращалось слабо. Поэтому лишний песок складировался в мешках и ящиках у забора ближайшего к Тереспольским воротам проезда. Благо рядом был пост и часовой мог контролировать его сохранность. А то были любители на халяву утащить чужое к себе.

В-девятых. Наши почти ежедневные встречи с воентехником 1-го ранга Жмакиным дали еще один положительный результат. От берега Буга в конюшни полка, расположенные в Кольцевой казарме, был проложен пожарный рукав, укрытый от чужих взглядов слоем земли и дерева. Недалеко от стоянки пограничных катеров на реке в бочке был размещен один конец рукава, а второй был соединен с ручным насосом, стоящим в каземате недалеко от входа в конюшни.

В-десятых. На совещании у командира полка по итогам контрольных стрельб моего взвода было принято решение о создании взводов автоматчиков во всех стрелковых ротах. Тогда же было принято решение о немедленном начале перевооружения во всех батальонах. Тем более что оружия на складах для этого скопилось достаточно. Кроме того, указывалось на необходимость ежедневного изучения оружия и для этого дополнительно выделялось время.

Что еще? Если говорить о служебных делах, то, наверное, стоит отметить, что с 10 июня весь личный состав спал одетым. А большинство командиров ночевало в казармах. Объяснялось это усилением боевой готовности в связи с напряженностью международной обстановки. Правда, Степанов мне по секрету сказал, что это было связано еще и с распоряжением штаба корпуса об отработке минимального времени для сборов частей по тревоге.

А тревожиться было от чего.

Сообщение НКГБ СССР Наркому Обороне СССР

Тимошенко с препровождением записи наблюдений

№ 2173/м 9 июня 1941 г. Совершенно секретно

Направляем запись наблюдений сотрудника НКГБ СССР, произведенных им во время проезда через территорию Генерал-Губернаторства и Германии днем 5 июня 1941 г.

Зам. народного комиссара
государственной безопасности Союза ССР
Кобулов

Сообщение из Берлина:

1. В прилегающей к советской границе полосе, с обеих сторон железной дороги от ст. Малкия расположены крупные германские воинские части, в том числе кавалерийские. Значительная часть из них расположена в лесу.

2. На протяжении 200 километров вглубь от советской границы идет спешная работа по строительству новых железнодорожных веток и стратегических шоссе, реконструкция старых железнодорожных магистралей и устройство новых развязок.

3. Все мосты охраняются зенитными пулеметами и зенитной артиллерией мелкого калибра. Обслуживающий персонал находится тут же в полной боевой готовности.

4. На пути до Кутно встретили 25–30 эшелонов, направлявшихся на восток с моторизованными войсками с полным вооружением: зенитные пулеметы, мелкого и среднего калибра зенитная артиллерия, минометы, противотанковые пушки, мелкие и средние танки и пр.

5. На всем протяжении от нашей границы вплоть до Познани с небольшими интервалами на восток движутся по шоссе колонны моторизованные воинские колонны. Зафиксировано несколько десятков колонн с количеством от 20 до 100 машин в каждой и несколько крупных колонн:

а) между станциями Коло и Канин — колонна длиной около 20 километров, состоявшая из больших грузовиков на равных дистанциях — 10–15 метров друг от друга;

б) за Кутно справа по шоссе двигалась колонна артиллерии среднего калибра в составе нескольких сотен грузовиков и пушек;

в) колонна моторизованных войск на 5-тонных и более военных грузовиках. Эта колонна растянулась от станции Врашен до Познани. Часть колонны грузится на станциях Кутно, Лович и под Варшавой.

6. В Кутно заправлялись два состава зенитной артиллерии (один из них крупной артиллерии).

За Кутно встретились еще два состава зенитной артиллерии.

На всех воинских поездах установлены зенитные пулеметы и зенитная артиллерия в полной боевой готовности.

7. Войска состоят из молодежи в основном в возрасте от 20 до 30 лет. Хорошо одеты, откормлены. Производят впечатление ударных частей, уже побывавших в боях.

ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 2. Лл. 372–375. Машинопись. Имеются пометы. Незаверенная копия. Сохранены орфография и особенности стиля. (Взято из сборника документов «1941 год», т. 2. Документ № 533.)

**Директива НКГБ СССР Наркому Госбезопасности УССР
Мешику по проведению разведдеятельности в связи с
военными приготовлениями Германии**

№ 2177/м 9 июня 1941 г. Совершенно секретно

Условия современной обстановки выдвигают перед всеми разведывательными органами Советского Союза, в качестве главной задачи, выяснение всех вопросов, связанных с подготовкой войны против СССР и в первую очередь со стороны Германии.

Поэтому в Вашей разведывательной работе, в качестве задачи на ближайшее время, должно быть выяснение следующих вопросов:

1. Общая численность взятого в германскую армию контингента и его возрастной состав с распределением по сухопутным войскам, войскам СС и СА, воздушным силам, резервной сухопутной армии и морскому флоту.

2. Организационно-штатная структура отдельных германских войсковых соединений: пехотных дивизий, танковых дивизий, тяжелых танковых дивизий, моторизованных дивизий,

горнострелковых дивизий, дивизий воздушной пехоты, парашютных дивизий, корпусной артиллерии, артчастей резерва главного командования, зенитных корпусов и зенитных дивизий, авиационных корпусов и авиационных дивизий, химических частей.

3. Среднемесячная производительность и производственная мощность отдельных германских заводов, выпускающих танки, броневики, боевые самолеты, орудия (по типам — полевые, противотанковые, тяжелые и зенитные), пулеметы (ручные, станковые и для ВВС), порох, взрывчатые и отравляющие вещества.

4. Какие новые образцы приняты за вторую половину 1940 г. и в 1941 г. на вооружение в германской армии; танки, авиационное и артиллерийское вооружение. Особенно важно выявить по танкам: максимальную толщину и силу сопротивления брони, типы танков с максимальным весом и вооружением и количество танков весом от 45 тонн и выше.

По ВВС особенно важно выяснить: максимальную скорость новых и модернизированных истребителей и бомбардировщиков, максимальные мощности моторов, максимальные дальности истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, максимальную бомбовую нагрузку и самолеты с наиболее мощным пушечным вооружением.

5. Дислокация штабов немецких армий и штабов армейских групп на всех театрах военных действий Германии против СССР, в частности проверить наличие штабов армий и их нумерацию в Варшаве, Люблине; в районе Замостье — Красностав — Янов; в районе Тарнов — Лембица, Бохня; в районе Закопане — южнее Кракова 75 км; в районе Лодзь — Спала (быв. резиденция Мосдицкого), Краков.

6. Установить количество немецких дивизий и корпусов к востоку от реки Одер, т. е. от линии Моравская — Острава — Бреслау — Штеттин. При этом особенно важно выявить состав войск в районах Ченстохов, Катовице, Краков, Лодзь, Познань, Бреслау; Познань, Франкфурт (на Одере), Бреслау.

7. Детальные данные по строительству укрепленных районов против СССР и аэродромных узлов, особенно подземных ангаров к востоку от реки Одер до нашей границы, на территории Словакии, Венгрии и Румынии. При этом особенно важно

получить данные по состоянию укрепленных районов в пограничной полосе по реке Висле (Варшавский УР, Демблинский УР) и по рекам Прут и Серет (Молдавия).

8. Планы военных операций против СССР (в любой форме: документальной, в высказываниях и т. д.).

9. Суточная пропускная способность железных дорог к востоку от р. Одер до нашей границы от Мемеля до Карпатской Украины.

При даче заданий агентуре необходимо учитывать район, в который агент направляется или находится, и его возможности по сбору разведданных.

Во избежание провала агентуры и расшифровки нашего интереса к упомянутым вопросам, следует избегать давать одновременно одинаковые задания нескольким агентам.

Все добытые разведывательные данные по этим вопросам направлять в 1-е Управление НКГБ СССР.

Зам. народного комиссара
государственной безопасности СССР
Кобулов

*ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Пор. 373. Лл. 133–135.
Машинопись, незаверенная копия. Имеются пометы.
(Взято из сборника документов «1941 год», т. 2.
Документ № 531.)*

Из Приказа Наркома Оборона СССР № 0035 от 10 июня 1941 г. «О факте беспрепятственного пропуска через границу самолета «Ю-52» 15 мая 1941 г.» (РИ):

«...15 мая 1941 г. германский внерейсовый самолет «Ю-52» совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было.

Посты ВНОС 4-й отд. бригады ПВО Западного особого военного округа, вследствие плохой организации службы ВНОС, обнаружили нарушивший границу самолет лишь тогда, когда он

углубился на советскую территорию на 29 км, но, не зная силуэтов германских самолетов, приняли его за 277-й рейсовый самолет «ДС-3» и никого о появлении внерейсового «Ю-52» не оповестили.

Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета «Ю-52», также не поставил в известность командиров 4-й бригады ПВО и 9-й смешанной авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана военными. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничало с Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь...»

(сборник приказов НКО СССР за 1937–1941 гг.)

Распоряжение Главнокомандующего сухопутными войсками Германии о назначении срока нападения на Советский Союз

10 июня 1941 г.

На основе предложения, представленного Главным командованием сухопутных войск, Верховное главнокомандование вооруженных сил назначило для приготовления к военным действиям следующие сроки:

1. Днем «Д» операции «Барбаросса» предлагается считать 22 июня.

2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне.

3. В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов:

а) сигнал «Дортмунд». Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и что можно приступать к открытому выполнению приказов;

б) сигнал «Альтона». Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае уже придется пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких

войск, так как последние будут уже находиться в полной боевой готовности.

4. 22 июня, 3 часа 30 минут: начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление самостоятельно.

По поручению: Гальдер

Перевод с немецкого из: DMA Potsdam, H 02.02/10/43, VI.689.» (Взято из сборника документов «1941 год», т. 2. Документ № 536.)

12 июня 1941 г. британские газеты вышли под сенсационными заголовками «Гесс в Великобритании и предлагает мир» («Таймс» от 12.06.1941 г., первая страница).

12 июня в адрес командующих войсковыми группировками вермахта, сосредоточенными на границе с СССР, уходит шифротелеграмма, в которой доводится содержание распоряжения главнокомандующего сухопутными войсками Германии от 10 июня, в котором назначен срок начала наступления на 22 июня. Она перехватывается и расшифровывается английской службой радиоперехвата, и через несколько дней Сталин узнает о ее содержании из донесения по линии «кембриджской пятерки».

В тот же день, 12 июня, Сталин разрешил дополнительное выдвижение значительного числа соединений сухопутных войск ближе к государственной границе. Решение было оформлено директивой за подписью наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова. И 13 июня Тимошенко и Жуков подписывают Директивы о введении в действие плана прикрытия для западных округов. Соответствующие Директивы поступили в западные округа 15 июня.

* * *

13 июня 1941 г. Британское правительство официально подтвердило факт пребывания Гесса на территории Великобритании. Но вопрос о возможности подписания мирного соглашения с Германией

комментировать отказывается.

В этот же день разведка погранвойск зафиксировала начало выдвижения германских войск на исходные для наступления позиции, но к концу дня выдвижение войск было приостановлено.

На основе полученных сведений в этот же день в Москве заседали ЦК ВКП(б) и Правительство СССР.

* * *

Вечером 13-го в казармы с укрепрайона неожиданно вернулись оба батальона, оставив там по роте. Впервые на моей памяти полк собрался практически полностью. Особенно, если учитывать прибытие на сборы приписного состава из близлежащих областей.

Коридоры первого этажа Арсенала снова наполнились гулом голосов, шагов и отдаваемых команд. Они и до этого особо не пустовали, несмотря на убытие батальонов в Козловичи — в отсеках все еще оставалось не так уж и мало бойцов и командиров моего батальона и тыловых подразделений, приписников. Второй этаж здания жил своей отдельной жизнью, наполненный детскими и женскими голосами членов семей командиров, обитавших в общежитии. Нет, не подумайте чего такого. Например, о том, что, решая свои жилищные проблемы, командиры только для себя заняли второй этаж. Здесь тоже были размещены службы полка, например музыкальный взвод или особый отдел. Но из-за переполненности крепости частями квартир на всех командиров катастрофически не хватало. Вот и пришлось занять часть этажа для размещения семей. Не жить же им на улице. Но, несмотря на это, здесь все подчинялось армейскому распорядку и правилам — так же, как и в любой воинской части, несли службу дежурные и дневальные, проводились уборки помещений и люди поднимались по тревоге. В общем, текла обычная армейская жизнь.

Из записки бывшего работника аппарата ЦК КПСС В. Г. Толстикова от 20.09.2004 г. к составителям полного собрания сочинений И. В. Сталина:

«...В середине 60-х годов для подготовки документов к 50-летию Октября была создана группа, в которую вошел и я, а также главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения» Я. С. Хавинсон (он часто

публиковался в «Правде» под псевдонимом Маринин)... Как-то в ходе беседы зашел разговор о начале Великой Отечественной войны и, в частности, о Заявлении ТАСС от 14 июня 1941 г. И Я. С. Хавинсон рассказал, насколько я запомнил, следующее:

«...Перед началом войны я работал ответственным руководителем ТАСС. 13 июня мне позвонили от товарища Сталина и сказали, чтобы я срочно приехал к нему на Кунцевскую дачу. Я сразу же выехал. У ворот меня встретил офицер, машину мы оставили, и он проводил меня к даче.

Когда я вошел, товарищ Сталин встретил меня, мы поздоровались, и он усадил меня за стол в зале. Передо мной лежали бумага, ручка, стояли чернила.

Товарищ Сталин сказал: «Пишите, товарищ Хавинсон». Он прохаживался по дорожке вдоль зала, попыхивал трубкой и диктовал. По ходу он заглядывал в текст, сделал две или три поправки. Закончив диктовать, он сказал: «Прочитайте вслух». Я встал и прочитал. Содержание Заявления вызвало у меня, естественно, большое удивление, но я старался этого не выдать. Он как-то или уловил мое удивление, или догадывался о нем, остановился напротив меня, внимательно посмотрел и спросил: «Вы понимаете, товарищ Хавинсон, зачем нам нужно такое Заявление?» Я откровенно ответил: «Нет, товарищ Сталин, не понимаю». Тогда он сказал: «Давайте скажем Гитлеру: подумай еще раз, прежде чем начинать!» Попрощались, и я быстро уехал...»

Взято из сборника «Сталин И. В. Сочинения». — Т. 18. — Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 221–223.

Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.

Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали мушкетироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам:

1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового,

более тесного соглашения между ними;

2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР;

3) Советский Союз, в свою очередь, стал усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границы последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что:

1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места;

2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям;

3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными;

4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемое, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия как враждебные Германии по меньшей мере нелепо.

13 июня 1941 г. НКВД СССР передал Заявление германскому

послу в Москве. Затем в 18.00 по московскому времени текст Сообщения ТАСС был озвучен и передан в открытый эфир московским радио. В советской прессе Сообщение было опубликовано 14 июня 1941 г.

Этим Сталин провоцировал Гитлера на ответ по поводу накопления немецких войск у границы с СССР. А также доводил до Гитлера и «мировой общественности», что слухи, исходящие от англичан о скором нападении Гитлера на СССР, не более чем слухи и провокации, направленные на «разжигание мировой войны» и войны между СССР и Германией. И то, что ни Сталин, ни Гитлер «не намерены нарушать» действующих Договоров «О ненападении» и «О дружбе и границах».

Согласно международному «этикету» Гитлер обязан был также рассыпаться в любезностях перед Сталиным и заверить, что никаких коварных планов в отношении СССР не строит и нападать вовсе не собирается. Однако Гитлер ушел в глухое молчание, официального ответа от немецкой стороны не последовало.

И только в дневнике рейхсминистра народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса через день появилась запись: «... Опровержение ТАСС оказалось более сильным, чем можно было предположить по первым сообщениям. Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнуто дружественного тона и утверждений, что ничего не происходит, снять с себя все возможные поводы для обвинения в развязывании войны...»

А накапливание немецких войск после на границе с СССР все продолжалось и продолжалось...

14 июня нашу дивизию подняли по тревоге. Что она показала? Показала нереальность планов вывода частей из крепости в районы сосредоточения. Согласно планам оперативного развертывания первого эшелона войск Западного Особого округа и прикрытия ими границы в случае начала боевых действий, части 6-й и 42-й стрелковых дивизий должны были выйти из крепости и занять предусмотренные рубежи севернее, восточнее и южнее Бреста. Прикрыв тем самым укрепрайон. Как уже говорилось, основная часть гарнизона крепости размещалась в цитадели в Кольцевой казарме, которая шла по периметру острова, и выход был только лишь через узкие Брестские (Трехарочные) ворота, а затем

предстояло преодолеть еще Кобринское укрепление. Для прикрытия в крепости должны были оставаться стрелковый батальон и артиллерийский дивизион. Все передвижение войск находилось в зоне непосредственного воздействия артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня противника. Крепость оказалась каменной ловушкой для людей, находящихся на ее территории. Это понимали не только командиры, но и рядовой состав.

Из воспоминаний начальника оперативного отдела штаба 28-го стрелкового корпуса Е. М. Синьковского:

«...Вскоре после сообщения ТАСС от 14 июня я был в крепости в 333-м стрелковом полку. Вместе с командиром полка полковником Д. И. Матвеевым были в подразделениях. Шла обычная боевая учеба. Во время перерыва нас окружили бойцы, задавали вопросы. Один из них, обращаясь к Матвееву, спросил:

— Скажите, товарищ полковник, когда нас выведут из этой мышеловки?

Матвеев что-то отвечал, но чувствовалось, что бойцы не были удовлетворены ответом, они имели свое мнение о целесообразности размещения их полка в крепости...»

Из воспоминаний Л. М. Сандалова «Пережитое» (в июне 1941 г. — полковник, начальник штаба 4-й армии):

«...Осмотр крепости оставил у нас не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Ведь на оборону самой крепости по окружному плану предназначался лишь один стрелковый батальон с артдивизионом. Остальной гарнизон должен был быстро покинуть крепость и занять подготавливаемые позиции вдоль границы в полосе армии. Но пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось, по меньшей мере, три часа.

Мы решили ходатайствовать о немедленном выводе из крепости окружного госпиталя и хотя бы одной дивизии. Кстати, это диктовалось и чисто бытовыми потребностями: войска в крепостных помещениях испытывали тесноту, бойцы спали на

многоярусных нарах...

...За несколько дней до войны по просьбе генерала Попова я еще раз предложил командующему армией поставить перед округом вопрос о выводе из крепости 42-й стрелковой дивизии, но это только вызвало у него раздражение.

— Мы уже писали об этом, — возразил Коробков. Не поддержал меня и находившийся при этом Ф. И. Шлыков.

— О бесполезности еще раз ставить этот вопрос можете судить по аналогии, — заявил он. — Несколько дней тому назад начальник отдела политпропаганды шестой стрелковой дивизии полковой комиссар Пименов послал в Военный совет округа письмо, в котором просил разрешить дивизии занять оборонительные позиции, а семьям начсостава отправиться из Бреста на Восток. И что же? Пименова заклеили как паникера.

— И с сооружением запасных выходов из крепости ничего не выйдет, — продолжал Коробков. — Работа эта слишком сложна и трудоемка. Ведь вопрос не только в том, чтобы пробить толстые крепостные стены. Запасные выходы из крепости потребуют постройки новых мостов через каналы и крепостные рвы, наполненные водой. Такая работа по плечу лишь саперному батальону, а снять сейчас батальон со строительства укрепрайона никто нам не разрешит. Да и взрывчатых веществ, необходимых для такого дела, у нас, кажется, нет. Давайте спросим у Прошлякова.

Вызванный к командарму армейский инженер-полковник А. И. Прошляков подтвердил, что действительно в армии взрывчатки чрезвычайно мало...»

14 июня 1941 г. вышел Приказ НКО о дополнительном направлении в Красную Армию 500 тыс. резервистов. Войска внутренних округов начинают в спешном порядке перебрасываться к западной границе СССР.

Из воспоминаний адмирала Н. Г. Кузнецова, тогдашнего Наркома Военно-Морского Флота СССР:

«...В те дни, когда сведения о приготовлениях фашистской Германии к войне поступали из самых различных источников, я получил телеграмму военно-морского атташе в Берлине М. А. Воронцова. Он не только сообщал о приготовлениях немцев, но и называл почти точную дату начала войны. Среди множества

аналогичных материалов такое донесение уже не являлось чем-то исключительным. Однако это был документ, присланный официальным и ответственным лицом. По существующему тогда порядку подобные донесения автоматически направлялись в несколько адресов. Я приказал проверить, получил ли телеграмму И. В. Сталин. Мне доложили: да, получил.

Признаться, в ту пору я, видимо, тоже брал под сомнение эту телеграмму, поэтому приказал вызвать Воронцова в Москву для личного доклада. Однако это не мешало проводить проверки готовности флотов работниками Главного морского штаба. Я еще раз обсудил с адмиралом И. С. Исаковым положение на флотах и решил принять дополнительные меры предосторожности...»

По завершении проверки все в крепости вернулось на круги своя. После бани 1-й батальон убыл на строительство укрепрайона. Вместе с ним уходил и мой взвод. Утром остальные батальоны полка покинут крепость. 2-й батальон отправится следом за нами в сторону укрепрайона, а 3-й — в летние лагеря, что в Северном городке. Но в этот раз батальоны убывали полностью вооруженные, с полным боекомплектom и со всеми средствами усиления.

С 1-м батальоном все было просто и понятно — им предстояло продолжить свои оборонительные работы. А вот у нас была совсем другая цель. Нам предстояло совершить марш-бросок в район реки Лесной, где найти место для стоянки, развернуть и обустроить лагерь. К тому же с утра было необходимо подготовить все для моего вливания в батальонный коллектив. Правда, место мне заранее подсказали, и тыловики туда уже переместили некоторое количество стройматериалов. А с утра пораньше подвезут и необходимые для сабантуя продукты. Но личный состав об этом пока не знает и с полной выкладкой и боекомплектom дружно шагает по дороге. С каждым своим шагом все ближе приближаясь к заветной цели марша. Уверенный только в том, что командир у них известный чудака на букву «м», самодур и садюга — в субботний вечер сорвал с места и ведет в леса на занятия. А в крепости сегодня танцы, симпатичные девушки и кино...

Не знает взвод о том, что его злой командир завтра после обеда даст им отдохнуть. Служба службой, а отдых тоже нужен. Парни и так почти волком смотрят. Тем более что завтра последнее мирное воскресенье, а Самуил Абрамович меня в делах пока не подводил.

Пришлось подготовить и утвердить целый план мероприятий на

завтрашний день, расписывая, что, кого, куда и почему. Посильную помощь в разработке и реализации задуманного мне оказали Жмакин и Бокерия. Получилась почти войсковая операция батальонного уровня. А во всем я виноват со своим неумеренным желанием пригласить кроме батальонных сослуживцев еще нескольких знакомых. Не так и много, но все же. Кого? Ну, командование полка само собой. В том числе командира, комиссара, Жмакина, особиста. Еще Потапова, Джиджишвили, Наганова, несколько человек с автобата, пограничников и Сергея Акимова.

С командованием все было понятно. Командир с начштаба были не против. Комиссар тоже был только «за», но с условием — брать с собой и семьи. А вы как хотели? Они неделями не видели своих кормильцев, а тут какой-то зеленый лейтенант их благоверных забирает на целый выходной. Если честно, то и не выходной, и не полный, но все равно важен сам факт. Утром пораньше намечается выход батальонов, посему командиры должны быть со своими подразделениями. Но надеюсь, что они успеют вовремя прибыть к столу, как и члены их семей.

Не позвать Горячих тоже было нельзя. За неделю он прижился настолько, что можно было считать своим в роте и батальоне. Без начальника снабжения полка сабантуя я даже не мог представить. Человек так много сделал для взвода, роты и батальона в целом, что словами даже не передать. А я его не позову? Смешно даже. Джиджишвили и Наганова позвать тоже было нужно, так как оба помогали мне в отборе людей во взвод.

Составив список, подошел с ним к комбату. Тот, посмотрев и выслушав мои пояснения, полностью с ним согласился.

Возник вопрос с транспортом — как все и всех доставить на место? Не везти же женщин и детей в полуторках. По совету Руссака пришлось идти на поклон в автобат и просить автобусы. И соответственно звать с собой. Они взяли и не отказались. Выделили два штабных автобуса и полуторку под материалы, посуду, палатки и все остальное.

Погранцов позвать велел сам бог. Когда мы отрабатывали штурмовые мероприятия на полуразрушенном форте № 1, они к нам пришли поинтересоваться, что вообще у нас происходит. А то граница рядом, а мы тут не пойми чем занимаемся. Посмотрели, поговорили, уточнили, обсудили. Сошлись во мнении и договорились встретиться еще раз в неформальной обстановке. Чем не повод? Тем более что мы все равно «стрелково-пограничный» полк и службу несем рядом.

А что про Акимова говорить? Он нашел меня сам. Хотя у меня и были на него планы, но он меня опередил. Произошло это так.

В воскресенье, девятого, взвод вернулся с занятий около восемнадцати часов. Оставив на сержантов личный состав готовиться к ужину, сам поднялся к себе приводиться в порядок. Не успел все с себя снять, как в дверь постучался дежурный по штабу и сообщил, что меня разыскивает сотрудник НКВД. После этих слов у меня душа в пятки ушла. Думаете, у вас она то же самое не сделала бы? Вот и у меня так же. Свернулась, скатилась на самое дно и там притаилась. Ну, думаю, пришел за мной северный пушистый зверек. Похоже, что я где-то прокололся. Судя по всему, не слабо так. И ведь не скрыться из комнаты. Прыгать со второго этажа высоко, разобьешься, к чертям собачим. Стреляться тоже не выход — не за тем сюда ехал, мог бы и раньше это сделать. Устраивать тут бои местного значения не вариант. И надо ли? А, где наша не пропадала! Сказав дежурному, что я буду здесь, стал быстро одеваться, заодно сунул нештатный наган к себе в карман брюк. Так, на всякий случай, чтобы было. Каково же было мое удивление, когда через несколько минут ко мне ввалился Акимов.

Вот кто бы мог подумать, что ему больше делать было нечего, как пугать меня? Явно ведь специально заслал ко мне дежурного, чтобы меня взбудоражить. Гад такой. Так и дал бы по морде лица за такие шуточки. А довольный-то какой, так и светится от счастья. Как нажравшийся сметаны кот.

Отпустив дежурного, мы слегка пообщались. Сергей рассказал, что он служит здесь, в Бресте, при штабе 60-го железнодорожного полка. Что они осуществляют охрану железнодорожных станций, сооружений и всех мостов в округе. Что у него отличный командир подполковник Филиппов. А в прошлый раз они ездили по делам на станцию Колодищи, там стоит их бронепоезд № 60. Что он снимает квартиру в городе и он рад меня видеть вообще и в частности. Я рассказал свои новости, а затем мы вырвались обмывать нашу встречу в город. Правда, пришлось сначала зайти в роту сдать табельное оружие в оружейку — начальник гарнизона запретил командному составу с оружием по городу шляться. Во избежание, так сказать, последствий конфликтов с мирным населением. А то некоторые неосознательные командиры по ним стрелять начинают с пьяных глаз...

Взяв извозчика, мы быстро и комфортно добрались до ресторана на железнодорожном вокзале. Разместившись за столиком, сделали заказ. Рассказывать, что мы пили и ели, вряд ли стоит. Все было, как у всех при встрече знакомых. Посидели, поглазели, выпили, поговорили, обсудили. Пили, кстати, очень умеренно, не то что некоторые сидевшие за соседними столиками и одетые в такую же форму. В общем, отлично провели время.

Даже немцы, сидевшие через пару столиков, нам не мешали и не смущали. Тем более что о службе мы не говорили, а обсуждали такие животрепещущие темы, как женщины, коньяк, музыку и мясо. Между прочим, они, в смысле женщины, были очень даже ничего. Особенно две молоденькие польки, сидевшие за столиком недалеко от нас и строившие нам глазки. Обе симпатичные, стройные, худенькие, невысокие и русоволосые, с красивыми и большими глазами, одетые в однотонные приталенные платья. Похоже, что не только они нам понравились, но и мы им. Поняв, что тянуть нечего, а то другие заберут, мы бросились в атаку. Пригласили девушек потанцевать, а затем пригласили их за наш столик. Девушки не отказали. Их звали Ира и Софья, они были учительницами. Жили по соседству, вместе учились в школе, а затем в Варшаве. С началом войны вернулись домой к родителям в Брест. Сегодня решили отдохнуть и пришли сюда, а тут мы, красивые.

Мы были в ударе. Шутили, осыпали комплиментами, смеялись, угощали дам шампанским и конфетами. Ухаживали за ними напропалую, и не без успеха. Девушки не очень хорошо говорили по-русски, но я их понимал практически с полуслова. Пришлось осваивать работу переводчика, у меня вроде бы получалось, причем очень даже прилично. Так что вечер обещал быть с продолжением.

Общую картину веселья в зале портили постные лица немецких то ли железнодорожников, то ли таможенников, то ли вообще почтарей. Я не силен в знании их формы. Если в военной форме еще разбираюсь и могу спокойно сказать звание и род войск, то в остальных плаваю. Не понимаю я таких людей! Пришел в ресторан отдыхать — отдыхай, а не делай пасмурное лицо и не порть людям праздник и хорошее настроение. Хоть мы еще и не враги, но все равно могли бы вести себя приличнее и не так явно демонстрировать свою к нам нелюбовь. А то ведь можете и нарваться. Так что сделайте лицо попроще, ешьте свой ужин, попейте коньяку и дайте людям отдохнуть в приятной обстановке.

У нас все было просто прекрасно. Вечер явно удавался. Мы часто танцевали. И порой ловили завистливые взгляды не нашедших себе спутниц на этот вечер. Особенно от нескольких молодцов в штатском, сидевших за отдельным столиком и достаточно сильно набравшихся алкоголем. Но они реально оценивали свои шансы на успех в общении с нами. Так как упускать своих девушек мы не собирались.

Закончился вечер на квартире у Сергея ожидаемо. Комнатка, что он снимал, была небольшая и чистая. Места для нас четырех вполне хватило. Очень надеюсь, что квартирная хозяйка с утра его не выставит на улицу.

Сергея предлагал нам остаться у него до утра. Но у меня был запланирован кросс с личным составом и надо было успеть до подъема прибыть в часть. А Ире утром нужно было на работу. Я проводил ее домой, мы договорились еще встретиться и на этом тепло расстались.

Дорога до крепости была не близкая — почти через весь город. Хорошо, что запомнил, как добираться. Извозчики на глаза не попадались, и я пешочком шел по мощеным улицам ночного города. Благо ночь была достаточно светлая и все прекрасно видел. Несколько раз меня останавливал патруль для проверки документов. Обидеть меня никто не пытался, редкие прохожие, наоборот, шарахались в сторону. Вскоре я был у себя. А утром меня затянуло в водоворот рабочей недели.

После таких приключений и не пригласить Сергея? Да ни в жизнь! Так что он был одним из первых в числе приглашенных.

Мои воспоминания прервал помкомвзвода сержант Новиков, сообщивший, что головной дозор встретил выставленный тыловиками «маяк». Марш-бросок удался. Отставших и потерявшихся среди взвода не было. Больных и натерших ноги тоже. На точке тыловики успели приготовить ужин и ночлег. Поужинав, бойцы быстро успокоились и уснули.

Глава 10. В лесном лагере

Утром, после пробежки и завтрака, личный состав приступил к организации полевого лагеря и места проведения сабантуя. Оно было расположено в нескольких сотнях метров от лагеря взвода на большой и светлой поляне рядом с излучиной реки. Тут же был очень неплохой пляж, а чуть в стороне бил ключ с чистой и очень вкусной водой. Кухня разместилась между лагерем и поляной, как бы разделяя их.

Если с оборудованием взводного лагеря все было просто и понятно — поставить еще несколько палаток, дооборудовать нужные места, то на поляне пришлось приложить усилия и делать все вышеперечисленное с нуля. А еще скосить густую траву, натянуть маскировочную и волейбольную сети, расставить столы и т. д. и т. п. И главное, начать подготовку еды и запастись дров.

В обговоренное время прибыла машина от Самуила Абрамовича. Старшей в ней была его жена Фаина Моисеевна. Отчитавшись за привезенные продукты и потраченные деньги, она поинтересовалась: «Вова, может, чего не хватает?» Зачем обижать хорошего человека? Тем более что она привезла все свежее и хорошего качества. Я ей рассказал, что мною задумано и как планируется сделать. Осмотрев поляну и другие объекты хозяйским взглядом, она нашла к чему придраться. Подумав, я понял, что она права, и заставил бойцов переделать.

Как хозяин сего безобразия пригласил ее попить со мной чаю. Усевшись за стол и получив в руки большую кружку, Фаина Моисеевна стала делиться со мной новостями, словно я ее родственник или старый знакомый. Периодически переходя с русского на польский и идиш. Судя по тому, что я ее, похоже, очень даже хорошо понимал, перстень продолжал свое влияние на меня. Она рассказала, что ее дети и внуки благополучно добрались до Смоленска и что там их хорошо встретили. И что в Бресте тревожно ходят слухи о близкой войне, а в городе и пригородах появилось много людей в русской офицерской форме, но не знающих по-русски ни единого слова. Ходят группами по несколько человек, что-то пишут и рисуют. Их видели у железнодорожного вокзала, водокачки, мостов через Мухавец, складов и электростанции. Где квартируют эти люди, никто не знает. Немцы, что ездят по окрестностям и якобы ищут могилы погибших, говорят, что скоро вернутся и выбросят Советы отсюда.

Новости были очень важные. Но Фаина Моисеевна говорить об этом с

кем-либо, кроме меня, категорически отказалась. Пристально глядя мне в глаза, она спросила: «Вова, а почему вы скрываете, что вы еврей?» Честно говоря, я был ошарашен таким поворотом событий.

— С чего вы это взяли? — ответил я вопросом на вопрос. — Я вроде на него не похож.

— Вова! Я прожила столько лет и таки знаю за жизнь. А вы меня хотите уверить в обратном? Что, я не могу определить еврея от других? Вы не такой, как все окружающие. Есть в вас что-то не русское. Жили бы вы в Польше, я бы сказала, что вы приехали из-за границы. Но вы и не из НКВД. Вы другой. И не говорите, что это не так! А то я не видела ваших «восточников»! Слишком сильно выделяетесь на их фоне. Единственное, что может быть, — это то, что вы один из нас. И ваши родители долго были за рубежом. И не смешите меня, говоря, что это не так. А то могу здесь умереть. И вам же будет хуже. И еще, кто, как не еврей, может понять идиш?!

Мне пришлось пояснять ей, что я детдомовский и своих родителей не видел и имею склонность к языкам. Поверила она мне или нет, я не знаю. Но больше к этому вопросу мы не возвращались, а снова начали вести разговор о ее детях и их дальнейшей судьбе. Узнав, что у них есть еще родственники, живущие за Волгой, посоветовал им переехать туда. Да и остальным с этим не затягивать. Поблагодарив, Фаина Моисеевна стала собираться домой. Уже садясь в кабину грузовичка, она сказала, что знает о том, что я встречаюсь с Ирой.

— Вова, вы знаете, у нас очень маленький город? Это таки не Варшава, и скрыться в нем от посторонних глаз тяжело. Тем более такому симпатичному молодому человеку, как вы. Вас заметили. И это, с одной стороны, хорошо, а с другой — плохо. Очень многие местные девочки хотели бы вас иметь своим мужем. Я бы очень хотела, чтобы вы таки были счастливы. Если бы не это проклятое время, я бы за вас сосватала свою Казю, но, увы. Вы, Володя, еще очень молодой и, главное, неглупый человек. Послушайте совет пожилой женщины, будьте осторожны и не спешите. Ира — красивая девушка, но она полька. Сегодня для вас она хорошая, а завтра будет стрелять вам в спину. Поляки по отдельности приличные люди, но когда их собирается много — хуже не бывает. Я пожила достаточно на этом свете, чтобы так говорить. Мы это по себе знаем. Я вам желаю только добра. И еще напоследок... Посоветуйте своим людям не сдавать часы в ремонт. Обратно они их уже не получают... Заходите к нам, не забывайте, мы вам всегда будем рады.

Захлопнув дверцу кабины, она уехала. А я еще некоторое время

раздумывал над всем сказанным. Но долго размышлять мне не дали. Подошедший Новиков доложил о выполненном задании — сразу после завтрака я поручил ему взять несколько человек и провести разведку местности вокруг лагеря. И составить примерную карту района. А то, несмотря на все мои попытки, получить карту в свое пользование я так и не смог. Даже трофейную.

Посмотрев сделанное бойцами, я их поблагодарил и отправил отдыхать. Тем более что поляну уже в основном оборудовали. Вместе с Николаем мы стали обходить объекты работ и заодно проверять охрану лагеря. Все было в порядке, и можно было спокойно принимать гостей. До их появления оставалось еще время. А пока в лагерь прибыли третий взвод моей роты и радисты.

Несколько дней назад на совещании у комбата было решено подготовить по нашей программе еще один стрелковый взвод роты, для того чтобы постепенно сформировать в батальоне роту автоматчиков. Ответственным за подготовку назначили меня, раз это у меня так хорошо получается и я автор этой идеи. Так что теперь в моем распоряжении было больше сотни человек. Расту не по дням, а по часам! Глядишь, так скоро и ротным стану.

Прибывшие стали заниматься своим размещением, а «маркони» установили связь с батальоном. Он уже прибыл на место и разбивал лагерь. Кодированными фразами доложил комбату. Тот подтвердил, что все остается, как запланировали, и они будут вовремя. Аналогичный ответ поступил и из крепости.

Повара в белоснежных халатах, стараясь изо всех сил, варганили праздничный обед. Запах от готовившихся блюд заполнил все пространство вокруг. Поверьте, было от чего сойти с ума! Над костром жарились небольшие поросята и пяток кур, а в казане млел плов. Часть мяса, укрытая от насекомых мешковиной, лежала в теньке и ждала своей очереди. В большой кастрюле мариновалось мясо для шашлыка. Здесь же рядом, в нескольких ящиках со льдом, дожидались своего звездного часа сливочное мороженое и большой торт для детей, а также водка и коньяк для их родителей. Кроме того, стояло несколько бочек с квасом, часть из которых бойцы усиленно старались осушить. И пусть — все равно все не выпьют. Ну, а выпьют — не беда. В ведерном медном самоваре закипала вода для чая. Несколько бойцов делали нарезку сыра и колбасы. Столы, покрытые белой тканью, застыли в ожидании гостей и посуды. Вмешиваться в действия кухонных колдунов я не стал. Зачем мешать специалистам? Каждый должен отвечать за свой участок деятельности.

Вызвав к себе сержантов, сообщил о дальнейшем распорядке дня. Объявил бойцам моего взвода на оставшуюся половину дня выходной. Они это заслужили. Ну, а прибывшие займутся своим размещением и усилят охрану лагеря. Достав из рюкзака пакет с фотографиями бойцов взвода, раздал их с наказом сегодня же всем написать письма и отправить домой. После чего распустил строй.

Вернулся к себе в палатку. Пологи были приподняты и не мешали свежему воздуху приносить с собой ароматы леса. Здесь, в лагере, я собирался пробыть всю неделю, что оставалась до войны. Надо было продолжить подготовку бойцов, в том числе научить двигаться в лесу, форсировать реки и иные преграды. Было еще несколько мыслей, требовавших своей реализации. Таких как, например, создать здесь временный склад боеприпасов и имущества, пока есть такая возможность. Неизвестно, как сложится дальнейшая судьба и где мы будем встречать войну — здесь или в крепости, но лишняя захоронка не помешает. Николай уже подобрал несколько мест, и завтра мы займемся их оборудованием.

Хорошо, что большинство бойцов раньше жили в лесистой местности. Тот же Николай Новиков, например, призван осенью прошлого года из Воронежской области, что такое лес, знает не понаслышке. Или командир второго отделения младший сержант Ерофеев. Петр из уральских казаков, охотник. Лес знает и понимает. Да и остальные тоже подобрались не пальцем деланные — многое умеют. Так что слегка подшлифую остальных, добавлю немного знаний и умений от себя — и можно в бой.

Из головы все никак не выходил разговор с Фаиной Моисеевной. Даже она, человек, с которым мы встречались всего несколько раз, смогла угадать во мне чужака. А что говорить об остальных? Для них я ведь тоже чужой. Что для командиров, что для подчиненных. Нормальных дружеских отношений практически ни с кем не установил. Даже написать некому. Слишком я тут одинок. Ни семьи, ни детей. И все мои вещи уместились в ранце. Помру — и никому не буду нужен...

Черт, откуда меланхолия у меня появилась? Вроде и повода для этого нет. А мелкие гнусные мыслишки стали показывать свой характер и вылезать из небытия. Расслабился, что называется. Нюни распустил. А ну, лейтенант, быстро прекратите комплексовать и мандражировать! Возьмите себя в руки. Все будет хорошо. Жизнь продолжается. История благодаря вам начала меняться. Немного, но все движется вперед. А одиночество... Так это дело поправимое. Вон московский адрес Татьяны столько дней лежит в кармане гимнастерки. Возьми и напиши. Она девушка приятная и умная. Глядишь, и ответит. Или Вале. Или Ирине в Тамбов посылку с

отснятыми материалами о бойцах крепости отправить? Тем более что предупреждал ее об этом. И дело это очень важное и нужное для сохранения исторической памяти. Так что возьмите себя в руки и сделайте это нужное дело.

И как после этой команды себя не послушать? Пришлось достать письменные принадлежности и написать письма сразу трем дамам. И заодно подготовить к пересылке пакет с проявленной фотопленкой и готовыми фотоснимками.

Время приближалось к обеду. Пора было запрашивать крепость и батальон. Меня опередили. Ко мне зашел связист и доложил, что из цитадели выехали автобусы и уже скоро они будут у нас. Личный состав расслаблялся — кто купался в реке, кто загорал на бережке. Только огорченные часовые и дневальные по кухне прятались в тенишке. Но что поделать? Не я такой, а жизнь такая. Вызвав сержантов и старшего из поваров, выслушал доклад о готовности к встрече. Все уже были наготове. Оставив за себя Новикова, пошел встречать гостей.

Первым приехал Жмакин. Осмотрев все, он одобрил сделанное. Мы с ним по чуть-чуть употребили под легкую закуску. Переодевшись, он пошел купаться, а я направился встречать остальных гостей.

Автобусы с членами семей и командование батальона прибыли практически одновременно. Да и сложно им было разминуться — дорога-то к лагерю шла одна. Я был рад, что так получилось. Забота по развлечению своих жен и детей пала на глав семейств. Выбранное место всем понравилось. Дети сразу бросились к воде купаться и загорать. А взрослые, осмотревшись, принялись выгружать из машин какие-то коробки и пакеты. Хотя я и предупреждал, что все заготовил и ничего не надо. Но человеческую натуру не изменишь. Дамы захватили с собой еще своих блюд и солений.

На поляне играл патефон, горел костер, накладываясь дымком на запахи леса. Легкий ветерок играл в деревьях, разнося во все стороны запах жареного мяса, еды и пряностей. Река манила своей прохладой и золотом песка. Летнее солнышко весело играло в медленно текущей воде. Посреди поляны возвышался стог свежескошенной травы. Был просто сказочный летний день.

Сняв с себя форму и разбившись на группы, прибывшие стали заниматься кому чем нравится и кто к чему склонен. Одни накрывали на стол, другие присоединились к купающимся или гоняли мяч. Третьи, во главе с Джиджишвили и остальными грузинами, стали готовить шашлык, обещая угостить всех настоящим ШАШЛЫКОМ, а не просто жареным

мясом. Им можно было верить, судя по тому, как они шустро управлялись с мясом, приправами и шампурами.

Народ развлекался и наслаждался отдыхом.

Из всех находившихся здесь командиров только я один оставался в военной форме. Мне еще рано было присоединяться к отдыхающим — нужно встречать остальных. И они не заставили себя долго ждать. На «Эмке» прикатили командир и начштаба, а почти следом за ними подъехал и Сергей с незнакомым мне старшим лейтенантом.

Сергей, извинившись за то, что заранее не предупредил о дополнительном госте, представил своего спутника: «Михаил, командир взвода в моем полку». Оказалось, что его взвод охраняет в Бресте мосты через Мухавец — «Ковель» и «Вулька». Я был только «за» присутствие парня здесь. Подошедшему Нестору представил новых гостей и попросил их развлечь.

Вскоре появились и оставшиеся гости. На машине погранотряда приехали комиссар с Горячих и погранцы: политрук комендатуры Жуков и начальник 9-й заставы лейтенант Кижеватов. Их семьи вместе с семьями старшего лейтенанта Михайлова и начштаба комендатуры Перова приехали раньше на автобусах.

Тут как раз повара пригласили всех за стол.

Потом был «сабантуй» с его застольными речами, пожеланиями, тостами, игрой в мяч, купанием. Шашлык, плов, мясо на вертеле удались на славу — все уплетали за обе щеки, только за ушами трещало. Был концерт художественной самодеятельности, пели песни хором и индивидуально, играли на гармонии и гитаре. Всем было хорошо и весело. Особенно детям, наевшимся торта и мороженого, напившимся лимонада и кваса, накупавшимся и набегавшимся на свежем воздухе. От них не отставали и взрослые. Запас спиртного быстро сокращался. Хотя многие пили вино и пиво.

* * *

Лежа на песке и наблюдая, как в воде развлекаются их подчиненные и члены семей, командир и комиссар полка не спеша разговаривали.

— Хорошо, что мы сегодня такой праздник устроили! И сюда своих вывезли. А то «женсовет» уже ругаться приходил.

— И к тебе тоже?!

— А ты как хотел, чтобы только ты один с ними разбирался? И мне

приходится. У меня вон дома свой женсовет сидит. Все сразу высказывает. И о хорошем, и о плохом. О плохом почему-то чаще. Ты случаем не знаешь почему?

— Устали наши женщины по казематам в одиночестве сидеть. На волю захотели. Сюда вон с какой радостью поехали, все свои вещи и домашние дела побросали. Да и детям тут куда вольготнее, чем по коридорам и казармам бегать.

— Гончар тебе ничего не говорил, насколько он тут лагерь расположил?

— Пока Седов со своими здесь будет. А вообще-то, закидывал мысль, что, пока батальон в лагерях, неплохо было бы и семьи здесь держать. До лагеря рукой подать. Да и спокойнее тут. Свежий воздух, река. Бытовые условия очень неплохие. Кормежка тоже, дай бог.

— Это ты прав. Молодцы тыловики! Хорошо все сделали!

— А они то тут при чем? Это Седов с Бокерия все сделали. А Карп с Гончаром им помогали.

— Ага, вот в чем дело. Все равно молодцы.

В это время к ним, блестя капельками воды, подошли Жмакин и секретарь партбюро полка старший политрук Почерников.

— Вы чего это тут просто так лежите, косточки на песке греете, словно старые коты? Нет, чтобы, как все, в воде плескаться! Вода просто парное молоко. Дети вон даже не вылезают из нее, — обратился к командиру Жмакин.

— Да вот лежим, наслаждаемся спокойствием, — ответил Аношкин. — Получаем удовольствие, глядя на вас. Думаем, кого поощрить за организацию такого вот мероприятия.

— Я как раз это хотел предложить. Жены вон от счастья млеют. Дети не нарадуются. Народ расслабляется и по-тихому водку пьет, — поддержал разговор Почерников. — Главное, что без шума и мордобоя.

— Вот мы и думаем, Иван Михайлович, кому спасибо сказать, что нашу с тобой работу на себя взял, — сказал Аношкин. — Ты как думаешь, Карп Степанович?

— А что тут думать? Седова и Бокерия. Они все и организовали. Особо лейтенант, — ответил воентехник 1-го ранга, — с людьми общаться умеет, со всеми контакт наладил. Все выбил, а для этого талант нужен. Мне бы его к себе в службу. Тогда бы полк как сыр в масле катался. Верно вам говорю!

— Ну, вот, еще один губы на него раскатал! Парень на месте. Вот пусть и служит. У нас тут с комиссаром на него виды есть. В августе у нас

рота освобождается, на нее и пойдет.

— Тоже дело. Вы по лагерю не ходили?

— А что? Что-то не так? Я так, только одним взглядом и осмотрел. Жена с детьми задержали — расскажи да покажи им все.

— Да нет, все отлично оборудовано. Я с Владимиром тут все обошел и посмотрел. Лагерь разбит правильно. Все, что необходимо, есть. К организации охраны вообще вопросов нет. Со всех сторон посты. Да так, что сразу и не заметишь.

— Это хорошо, Карп. Правильно. Безопасность превыше всего, — сказал Почерников. — Я тут вот что хочу сказать, товарищи командиры. Может, нам сюда и остальные семьи привезти? Место хорошее. До мужей рядом. Пусть они тут на свежем воздухе, как в санатории, отдохнут.

— А что, правильная мысль! — поддержал секретаря парторганизации Жмакин. — Все, что надо, тут есть. А что не хватает, подвезем.

— Думали мы с командиром уже над этим. Пока еще не решили. Тут же сколько проблем сразу возникнет! Не задумывались? Размещение, питание, снабжение, медпомощь. И это еще далеко не все.

— С размещением проблем нет — палатки у нас в резерве есть. Нужно будет, можем еще дополучить. С питанием вопрос тоже решаемый. По котловой норме обеспечим всех. С вопросом снабжения — проблем нет. Сделаем все, что надо. Постельное белье, подушки и матрасы есть. Столовые приборы, тарелки, кружки свои пусть возьмут. Нет, так со склада выдадим. Тут надо-то человек на сто всего. Договорюсь с «Военторгом», они сюда автолавку будут присылать. Медпомощь здесь есть.

— Все ты уже продумал, Степанович, — сказал командир. — Тогда ответь мне на вопрос — как ты в случае чего их отсюда вывозить будешь? И чем?

— Вот и я о том же! Хотя, с другой стороны, в крепости они куда в большей угрозе, чем здесь, в лесу. Командиры меньше нервничать насчет семей будут, — поддержал командира комиссар.

— Лучше всего было бы сделать здесь или рядом полевой склад, скажем боепитания. При складе часть транспортной роты разместить. Они в случае чего и семьи эвакуировать смогут. Заодно и охрану усилят, — ответил Жмакин.

— Если так, то я не против, — согласился Матвеев. — Надо только с Руссаком и Гончаром это обсудить и внести изменения в планы. Я так понимаю, что все выполнение ляжет на плечи Гончара и его батальона?

— Почему же. У нас второй батальон должен отправиться на лесозаготовки. Вот пусть заодно и здесь поработает. Да и полковую школу

надо вывести в поле. Давно пора казарму у них подремонтировать. Думаю, они тоже не откажутся помочь здесь все организовать. А Седов, раз у него все так хорошо получилось, за всем присмотрит. Заодно здесь пока за коменданта побудет, — предложил Почерников.

— Правильно! Карп, давай завтра начинай завозить сюда все необходимое. Я дам команду Гончару, чтобы тут сделали как надо. А ты, Николай Иванович, возьми на себя разговор с женсоветом. Да подумайте с Иван Михайловичем о программе развлечений для женщин и детей.

— Сделаем, — ответил Аношкин.

Обсудив еще несколько вопросов, Жмакин и Почерников пошли к своим уже заждавшимся семьям.

— Хорошие у нас люди, комиссар, — сказал командир полка. — Не успели мы с тобой задуматься, как они приходят сразу с готовым решением.

— Что верно, то верно. Скоро дойдет до того, что мы дома будем сидеть пиво пить, а в полку все без нас будет решаться. Тут ко мне с провокационным вопросом подходили.

— Это с каким же?

— Как насчет эвакуации семей в связи с угрозой войны?

— Давно это было? И что ты им ответил?

— Вчера. После политинформации по заявлению ТАСС. Ответил, что вопрос правильный и своевременный. И что мы не хотим войны с немцами. А если что, то мы их... А по семьям сам знаешь. Это категорически запрещено обкомом партии — вдруг самовольное действие может быть неправильно истолковано местным населением.

— Так мы ведь фактически это и сделаем. Не боишься прослыть паникером?

— Нет. Черт не выдаст, парткомиссия не съест. Да и разве это эвакуация? Это коллективный выезд на природу. Именно так и буду отвечать, если спросят. Завтра в политотделе дивизии расскажу о проведенном мероприятии, заодно предупрежу о следующем. Думаю, что за это ругать не будут. И паникерами нас с тобой, Дмитрий Иванович, никто не объявит. Главное — наши люди успокоятся. И нам с тобой спокойнее будет. Ну, а дальше посмотрим. Ты как считаешь, я прав?

— Прав. Я с тобой полностью согласен. Случись что, отсюда эвакуировать на восток людей куда легче будет, чем из крепости. Так что я с тобой, комиссар. Одной мы веревочкой связаны.

— Раз такое дело, может, и вправду по пивку? И искупаться не грех. И нашим женщинам надо внимание уделить, а то они совсем заскучали в

теньке, смотря на остальных.

— Верно. Я вот что думаю, надо будет ориентировать народ на выезд после обеда 20-го. Как раз будет пятница. Женщины без спешки соберут с собой необходимое, в том числе тревожные чемоданчики. Да и тут все организуют.

* * *

15 июня 1941 г. реакции на заявление ТАСС от Британского и Германского правительств не последовало...

* * *

С наступлением темноты никто из присутствующих ехать в крепость не захотел. К тому же еды и алкоголя оставалось еще более чем достаточно. Детей уложили спать в палатках и устроили танцы под светом керосиновых ламп и яркой луны. Затем пили чай с вареньем и пирогами. Спать легли поздно.

Бойцам тоже достался кусочек веселья — праздничный обед и ужин с большим количеством жареного мяса. Зря я им, что ли, брал свиную тушу? А также бочку кваса и немного пива.

Если коротко подводить итоги дня, то всем понравилось. Были неоднократные пожелания командованию проводить такие выезды регулярно. А то жить в полутемных, с вечно горящими лампочками казематах всем надоело. Командование обещало подумать над этим вопросом. Постепенно народ стал расходиться по палаткам, и вскоре на поляне никого не осталось. Лишь парные патрули периодически обходили ее, контролируя периметр.

Когда все уgomонились, ко мне подошел Сергей. Его сослуживец Михаил сильно устал и лег в моей палатке, а вот нам спать совершенно не хотелось. Днем хоть и сидели рядом, особо поговорить не удалось — приходилось постоянно прерываться то на одно, то на другое. Выпивали понемногу и оба были, в общем-то, трезвыми. Потом, когда пошли гонять мяч и купаться, стало совсем не до беседы. И только сейчас настало время поговорить.

Достав из ранца припасенную бутылочку коньяка и подхватив на кухне немного закуски, мы пошли к реке. Сев на одну из поставленных на

берегу лавочек, стали периодически прикладываться к принесенному с собой, продолжая начатый ранее разговор. Говорили в основном о девушках, об обстановке в городе и слухах о возможной войне. Оба были людьми военными и достаточно трезво оценивали происходящее вокруг. Слишком много циркулировало слухов в городе среди жителей о войне и скором приходе немцев. Сошлись на том, что это все неспроста и что-то будет. И, похоже, в ближайшее время. Не мог же я ему в открытую сказать, что через неделю начнется война! Я еще со своей головой дружу. Вот и сидели, играли в «мозговой штурм». Вопрос был еще интересен тем, что касался непосредственно нас и нашей службы. Сергей знал, чем я занимаюсь. А вот мне так и осталось непонятным, что, собственно, он делает у себя в части и какую должность занимает. Но уточнять я не стал. Зачем? Захочет, сам расскажет.

В ходе беседы я рассказал о возможных действиях немецкой стороны в случае конфликта или их провокации. Что одной из главных задач немцев будет захват неповрежденными мостов и железнодорожной станции для организации переброски войск и тяжелой техники на нашу сторону и дальше.

— Я это знаю. Мы для того и существуем. Чтобы этому помешать.

— То-то я смотрю у вас один взвод на два моста...

— Ты о Мише, что ли? Так они рядом. И одного взвода для охраны вполне хватает. Кроме того, мосты от границы находятся далеко.

— Далеко? Я бы так не сказал.

И я рассказал о том, как мосты можно захватить диверсионной группой, переодетой в нашу форму, и не допустить их уничтожения. Заодно поделился информацией Фаины Моисеевны.

— И какой из этого выход? — спросил Сергей.

— Усилить и ужесточить охрану. Другого выхода не вижу. И уничтожить их при первой же возможности.

— Это все так. Но вот сделать это вряд ли получится. Людей не хватает.

— У всех такое положение. Но согласись, что это надо сделать. И еще, помнишь, когда мы с тобой в ресторане были, рядом немцы сидели?

— Помню. По-моему, железнодорожники. И что?

— Так вот. Я их не очень хорошо понял, но они говорили про какие-то провода, что наши тянули к мосту через Буг. Слышно было не очень хорошо, но достаточно разборчиво. Это, случаем, не о вашей системе подрыва говорили?

— Кто его знает? — пожимая плечами, ответил Сергей. Видно было,

что информация его заинтересовала. — Там, насколько я знаю, телефон в дот проводили, могли видеть.

— Прости, тут я тебе не помощник. Что слышал, то и сказал, а вот решать уже вашему командованию. Если ты это ему передашь.

— Передам, так, на всякий случай. А то вдруг что. Мы уже давно за ними смотрим. Эти «железнодорожники» от шпионов совсем не отличаются. Идет такой по перрону, а ногу словно на плацу ставит. Немцы они чистюли известные. Но все равно рабочего человека всегда видно, а у этих руки другие. Пальцы чистые. Да и выправка военная, словно лом проглотил. Даже и не прячут ее. Рабочие так не ходят, я-то уже присмотрелся к ним. Среди них тоже бывших хватает, но эти явно не из рабочих. И взгляд такой оценивающий. За информацию спасибо. Я командиру доложу, может, что придумает. Ты Ирину давно видел?

— Давно. Как с тобой были в ресторане, так больше и не встречал...

Так, разговаривая, мы допили коньяк и отправились спать. Утро оно, конечно, добрым бывает редко, но дело надо делать...

Глава 11. Первый бой

Утро понедельника для меня началось, как всегда, кроссом. Только в этот день он был по пересеченной местности и со всей необходимой выкладкой. По маршруту нас вел Новиков, который проложил его так, как я и просил. Через лес, буераки, овраги и ручьи. Несмотря на все тяготы, никто не отстал и не сломался. Похоже, втянулись. Новиков показал мне длинный и широкий овраг, в котором вполне можно было организовать стрельбище, а на поляне рядом с ним штурмовую полосу.

По возвращении в лагерь меня ждал разговор с командованием полка в лице комиссара. Оказывается, позавидовав членам семей нашего батальона, командование решило здесь сделать временный лагерь и для остальных семей, чтобы они могли отдохнуть с детьми на свежем воздухе. Я назначался комендантом этого «цирка». Мне поручалось все здесь подготовить и обеспечить необходимым к 20 июня. После чего мы с ним сели составлять список этого самого необходимого. Перечень получился объемным, но вполне реальным. Комиссар обещал все предоставить. Мне же оставалось только взять под козырек и пообещать сделать все в лучшем виде.

Спросите, какая польза от этого? Отвечу — посмотрите, ради интереса, фильм «Брестская крепость». Там есть кадры гибели членов семей командиров в своих домах и казематах крепости. Только туда не вошло то, что выжившие в крепости в дни обороны позже были расстреляны немцами. А тут есть такая возможность спасти людей! Когда мы обговаривали выезд на природу, была такая мысль. Но как ее озвучить? А тут само командование пришло к варианту — вывезти семьи подальше от крепости. Надо будет только продумать, как и куда их эвакуировать. А то, похоже, это ляжет на мои хрупкие плечи. Но я даже готов доплатить из своего кармана, чтобы вывезли всех гражданских из крепости.

Дальше были разговоры с Гончаром, Руссаком и Жмакиным о том же. Мы быстро пришли к взаимопониманию. Затем был завтрак и отъезд гостей. Все тепло друг с другом прощались — кто до вечера, а кто и до конца недели. В семейном лагере оставалось десяток женщин и примерно столько же детей. Вечером к ним вернутся мужья. А пока они собирались загорать и купаться.

Выделив команду для подготовки мест под установку новых палаток и дежурную смену по лагерю, направился с остальными на занятия к

облюбованному оврагу. Там мы провели весь день. Оборудовали стрельбище и штурмовую полосу. Учились движению по лесу, действиям групп снайперов, ориентированию на местности, изучению оружия, преодолению препятствий. Вроде бы знания неплохо усваивались под товарищеский смех и шутки над неудачниками. Нам бы иметь еще с пяток раций — было бы вообще класс. Но где их взять?

В лагерь вернулись к ужину. Поручив личный состав сержантам, обошел лагерь и с дежурным обошел «женский городок». Там все было хорошо и сделано на совесть. Места под палатки подготовлены. От бурьяна и веток освобождено и выровнено еще несколько площадок. Все палатки окопаны. Заготовлены дрова для кухни и лагеря. Выкопаны ямы под туалеты, мусор и душ. Сделаны коновязи, лавочки и столы. На это ушли остатки стройматериалов. А новых еще не привезли. Жалоб и просьб пока не поступало, и всего хватало. Но долго так продолжаться не сможет. Дети есть дети, а только купания и прогрева на солнышке для них мало. Нужны подвижные игры, занятия и «веселуха». С этими мыслями я вернулся к себе в палатку.

Вызвав сержантов, обсудили сложившуюся ситуацию. Пришлось выделить несколько бойцов, ранее учившихся в педучилищах, для «хороводов» с детьми. Заодно пусть займут детей подготовкой к эвакуации. Научат через лес маршрут прокладывать, санитарии соблюдать и в лесу выживать. А девочкам, что постарше, организовать курсы медсестер. И обязательно их матерей к этому привлечь. Такие знания по жизни всегда пригодятся.

Наше совещание прервал дежурный, доложивший о прибытии повозок транспортной роты.

Командир транспортной роты старший лейтенант Семен Марков сообщил, что на подводах доставили боеприпасы для склада боепитания и продукты. Пришлось выделять людей для разгрузки. Пока она шла, Семен сказал, что часть подвод с ездовыми оставит в моем распоряжении для организации эвакуации семей и просто на всякий случай. Так что моего полку прибыло. Был просто цирк, а стал цирк с конями!

Но это был не последний сюрприз на сегодня. Прибывшие к своим семьям командиры сообщили, что к женам нашего батальона хотят присоединиться семьи из погранкомендатуры и автобата. Виной этому был рассказ женщин, побывавших здесь. Остальных он впечатлил, ну те и насели на своих мужей с просьбой договориться о поездке к нам в лагерь. Нашему командованию отбиться от этого не удалось, а может, оно и не хотело, прекрасно понимая подоплеку. По большому счету это была

скрытая эвакуация семей из зоны возможного конфликта.

Неужели такая малость, как поездка в лес на пьянку, уже меняет историю? Или просто нужен был повод, а его не было? Или никто не догадался его придумать? Или просто боялись прослыть паникерами? В крепости на начало войны жило около 300 членов семей командиров. С началом войны командиры первым делом пытались спасти их, а уж затем бежали в свои части. И попадали под огонь немцев, прорвавшихся в крепость. Они массово гибли, а бойцы, оставшись одни, не могли оказать достойного сопротивления. Если все получится, как задумано, то командиры отсюда напрямик рванут в батальоны, выведенные из крепости, не беспокоясь о судьбе своих родных. А вот это было уже интересно.

Ладно, это все в будущем. Поживем, увидим. И вообще, может быть, я не в своей реальности. И война здесь не начнется утром 22 июня? Хотя пока никаких крупных изменений в истории я не вижу. Что толку сейчас определять, та или не та реальность? Скоро сам все увижу. Сейчас у нас есть настоящее, и мое дело — подготовиться к приему кучи женщин и детей. Да заодно заняться подготовкой к их эвакуации. Кроме этого, мне еще нужно решить вопрос о том, кто и как их будет развлекать. Лучший выход из этого — найти, чьим заботам их поручить. Выделенным парням и с той кучей детей, что сейчас в лагере, работы выше головы хватит. А когда придут остальные, то вообще заплачут от горя. Так что срочно нужен инженер человеческих душ в ранге батальонного комиссара или хотя бы политрука. Пусть они этим профессионально занимаются. У меня своих задач много, и я их до войны решить не смогу. Личный состав только притирается, стреляет из рук вон плохо, в лесу ходят, как стадо медведей, — слышно за пару километров. Хорошо, хоть тактику действия малыми группами более или менее освоили, а то бы вообще дело дрянь. Да научились друг друга прикрывать. Да чуть-чуть стало получаться действовать в помещении. Сначала граната по низу, а затем, после ее взрыва, сами. Но все равно еще работать и работать. А тут еще чужие женщины на мою голову. Нашел себе головную боль.

Чем? Хотя бы тем, как я их всех отсюда эвакуировать буду. Имеющихся повозок, что здесь есть, мне на всех не хватит. Все равно их заберут для доставки припасов в батальоны. С учетом действия авиации и артиллерии противника неизвестно, сколько из них вернется обратно. Пешком женщины и дети далеко не уйдут и попадут под раздачу. Нужен любой автотранспорт, но лучше приспособленный для перевозки людей. А с этим вопросом надо идти к командиру или начштаба. Ведь должна же быть запланирована техника для эвакуации семей. Так что сюда ее, ко мне,

и желательно с большим запасом топлива. Да таким, чтобы хватило до Минска или еще дальше. Нечего ей в крепости без толку гореть, экологию нарушать или на немцев работать.

Вообще-то заниматься эвакуацией людей мне бы не хотелось. Безусловно, сохранить семьи — задача важная. Вывести в безопасное место и обеспечить эвакуацию мы, конечно, сможем... Но я же ведь совсем не для этого готовил своих бойцов! Муторное это дело, я вам скажу. И главное, далеко не самое простое. Нужны документы для вывозимых людей, заверенные командиром, документы на транспорт и сопровождающих. Продукты на время в пути, теплые вещи, постельные принадлежности, медикаменты, горючее, да и еще многое другое. Наконец, кто-то вообще должен определить район эвакуации, где потом семьи искать. Нет, пусть этим кто другой занимается и голову ломает. Думаю, такой найдется, если хорошо поискать. Я же помогу, чем смогу, подскажу и покажу. Если к печатной машинке доступ дадут, напечатаю нужные документы и вручу каждому. Вот только большего не просите. Не хочу! Может, я соскучился по свежему запаху напалма по утрам, ласкающему ухо свисту мин, густым басам артобстрела! А то попасть в 41-й год и не повоевать... Неправильно это. Наше дело — здесь стоять и врага бить, а не в тыл дам и детей сопровождать. С этими мыслями я и уснул.

* * *

16 июня 1941 г. Британскому правительству передано официальное заявление МИД СССР с просьбой прокомментировать сообщение прессы Великобритании от 12 мая 1941 г.

НКО СССР направило в войска Приказ не поддаваться на провокации.

* * *

Следующий день почти ничем не отличался от предыдущего. Были те же пробежки, стрельбы, занятия по тактике и оружию, метание гранат, отработка действий в лесу, в помещении и по преодолению преград, тренировка работы в составе пар. Мне показалось, что у бойцов стало получаться значительно лучше. Мы оборудовали стрельбище, сделали штурмовую полосу. Все как обычно.

Было и отличие. Утром, до нашего убытия на занятия, меня успел

перехватить Самуил Абрамович, приехавший на машине с молодым человеком, представившимся Михаилом. Кстати, внешностью Михаил больше смахивал на немца, чем на еврея. Они привезли первую партию нагрудников, изготовленных по моему образцу, и сумки для их переноски. Остальные должны были быть готовы к концу недели. Внешне нагрудники практически не отличались от образца. Правда, надо отдать должное, сделаны были культурнее или аккуратнее, что ли. Боевые свойства нагрудников мы проверили на стрельбище. Показатели меня вполне устроили, да и бойцов тоже. Многие прониклись идеей о необходимости нагрудников в бою.

Кроме этого, Самуил Абрамович привез маскхалаты. Их как раз хватило на все снайперское отделение, ну и у меня в запасе осталось несколько на всякий случай. Позднее должны привезти еще. А самое вкусное Абрамович оставил напоследок. То, что я так долго искал и чего мне так не хватало. Карту. Отличного качества, подробную, польскую, чистую, цветную, масштабом 1:300 000, изготовленную польским военным институтом географии в 1937 г. Листы карты охватывали всю территорию до старой границы. Короче, мечты сбываются. Заплаченных денег она стоила. Теперь хоть будет понятно, куда и как двигаться и где что находится.

Рассматривая полученную карту, ради интереса поинтересовался, можно ли еще найти пару таких экземпляров. И получил положительный ответ. Только вот за них просили не деньги, а продукты питания длительного хранения: тушенку и крупы. В реальных количествах. Поторговавшись для вида и немного сбив цену, я согласился. И уже в качестве прикола спросил: «А нельзя ли достать карты до Москвы?» Вам надо бы было видеть лицо Самуила Абрамовича. Это было что-то с чем-то! Оно несколько раз поменяло свой цвет с нормального на бледный, потом на красный и затем в обратном порядке. То, что он при этом говорил себе под нос, можно перевести примерно так — чего я молчал раньше? По его словам, за деньги и продукты в Бресте можно достать все. Было бы только желание. Не все было захвачено немцами и русскими, кое-что еще приватизировано другими и хранится от чужих глаз. И они не прочь сделать гешефт. В общем, о цене мы договорились довольно быстро, заодно решив вопрос с заказом на продукты для личного состава. Я отдавал свой «тушняк», а вместо него мне должны привезти свежее мясо, закупленное на мои деньги. Консервы — это неплохо, но свежее все же лучше. Да и немцам меньше достанется. Обо всем договорившись, я отправил Самуила Абрамовича с Новиковым грузить продукты. И остался с

Михаилом один на один, уж слишком явно он этого хотел.

Михаил меня предупредил, что обратился ко мне только из-за рекомендации Самуила Абрамовича. Но он не в курсе темы нашего разговора, так как считает, что Михаил мне хочет предложить сделать небольшой гешефт. И уже запросил для себя процент за участие. Бизнес, ничего больше. Почему именно ко мне? Из-за характеристики, что мне дали. А она, по сравнению с другими, достойная. Затем он рассказал мне немного о себе.

Он житель Варшавы, учился в университете на юридическом факультете. Уехал оттуда, когда началась война и немцы подошли к городу. Там у него остались родители и любимая девушка. Слава богу, они живы. Его родители раньше были русскими подданными и были активными членами «Бунда». Он сам член молодежной организации «Цукунфт» и был в отряде самообороны. Застрял в Бресте по болезни, квартирует у знакомых. Возвращаться назад в Варшаву после оккупации города немцами не стал, посчитав, что под «советами» будет спокойнее. Сейчас, когда уже всем ясно, что скоро будет война, он хотел бы посоветоваться со мной: «Куда бежать и на что рассчитывать?»

На столь откровенный вопрос я ему дал такой же ответ. Врать не имело смысла. Иначе очень многих из них вместе с нашими пленными потом расстреляют здесь же, неподалеку, в старых фортах. Он меня понял и поблагодарил. Сообщил, что часть общины, точнее те, кто помоложе, уже покидает свои дома и уезжает на восток и Украину якобы на учебу. А он является руководителем небольшой группы молодых евреев, что хотят сражаться с немцами. И если война начнется, то они уйдут в леса и будут их бить. Место, где мы находимся, — это одна из площадок для сбора отряда. И именно он ее посоветовал для нас. Затем, попросив у меня карту, нанес на нее несколько точек, сказав, что это базы поляков из «Союза Возмездия», руководимых правительством из Лондона. Что это они нападают на наших бойцов и командиров. В последнее время они запасаются оружием, боеприпасами и советской формой. А также описал, как к ним добраться, и назвал ориентиры. Одна из таких баз находилась всего в пяти километрах от нас. Данные о базах точные и неоднократно проверенные из надежных источников. Часть поляков находится там, а остальные живут в поселках поблизости от баз или в окрестностях Бреста. Пояснил при этом, что он сам не против поляков. В Польше до войны евреи составляли до 40 % всего населения страны. В принципе, их народы жили мирно, но поляки сейчас считают евреев просоветскими. И, если будет такая возможность, уничтожат их. Кроме того, поляки ненавидят русских

больше, чем немцев. Они пойдут на союз с ними и будут делать все, чтобы напакостить нам. А это чревато для всех. Так, местные националисты, узнав про лагерь для семей командиров, с началом войны непременно попробуют его захватить или уничтожить. Немцам такой рычаг давления на гарнизон крайне желателен. В этом я с Михаилом был согласен полностью.

Общаться с представителями органов НКВД Михаил категорически отказался, сказав, что знает о судьбе тех, кто ранее был в «Бунде». Тем более, зная евреев-командиров, служивших в крепости. Интересно, чем они ему не угодили?

Еще раз, повторив и записав в блокнот ориентиры польских баз, договорившись продолжить знакомство, мы простились на дружеской ноге. Михаил пообещал через пару дней приехать еще раз для обсуждения возможных совместных действий и привезти еще новостей.

Проводив гостей, я засел за карту. Только тут я понял, что меня смущало в нашем разговоре. Мы говорили по-польски, а я этого не заметил. Порой перстень меня напрягает и пугает. Так и инфаркт заработать можно. Не дай бог, кто из бойцов слышал наш разговор и стукнет особисту. Весело будет всем, а особенно мне. Интересно, за кого меня принял Михаил? Неужели за английского шпиона? Вот будет прикольно, если он попадет к ребятам из НКГБ и сдаст меня как агента иностранной разведки! Тогда меня точно раскусят. Хотя бы потому, что я не знаю многого из жизни реального Седова. Ну, да будем надеяться на лучшее. Так говорите, у вас, Михаил, есть отряд, готовый сражаться с врагом? Это, конечно, хорошо, но как им воспользоваться? Над этим надо подумать, и очень хорошо.

Новости, принесенные Михаилом, были далеко не такими однозначными, какими казались на первый взгляд. О «Союзе Возмездия» (Związek Odwetu) мне приходилось читать. Это польская организация, занимающаяся разведкой и диверсиями. И входила эта контора в состав «Союза вооруженной борьбы», того, что потом превратится в Армию Крайову (Armia Krajowa). То есть в вооруженные формирования польского подполья, действовавшего в пределах довоенной территории Польши. С нами у них отношения неоднозначные. В той истории, что я знаю, мы с ними то дружили, то воевали. Здесь и сейчас они против нас. До 1943 г. такими и останутся. Будут наши и еврейские партизанские отряды бить и под раздачу немцам подводить. После освобождения территории Белоруссии от захватчиков вернутся к прежнему — наших убивать. Я лично не хочу, чтобы это повторилось. Сейчас органы НКГБ — НКВД их гоняют везде, где только получится. Поляков, уличенных в участии и

помощи «Союзу вооруженной борьбы», этапами в Сибирь гонят. Вон только в «Бригитках», тюрьме, что в крепости, их больше двух тысяч должно сидеть. И до войны всех отсюда отправить не удастся. Даже расстрелять не успеют — охрана с немцами сражаться будет. Немцы, с захватом Кобринского укрепления, их из крепости выведут. В Брестской тюрьме поляки на охрану нападут и разбегутся по городу «восточников» убивать и грабить. Потом часть из этих поляков наравне с немцами в вермахте против нас воевать будет.

Что я в этой ситуации могу предпринять? Самое простое — сообщить особисту и погранцам. Вот только кто мне эти сведения в клювике принес? Сослаться на Самуила Абрамовича? Можно, тем более что Горячих инфу от него уже представлял. Но первая же проверка принесет мне еще одну головную боль, и уже не вымышленную. Тогда что предпринять? Сообщить все равно придется. Сами же с теми силами, что у меня есть, эту базу вряд ли возьмем. Спросите почему? Отчет очевиден, если слегка пораскинуть мозгами.

Основной боевой единицей у поляков был взвод. Значит, на базе, если она там есть, может находиться по максимуму до пятидесяти человек. Или ненамного меньше. В большинстве своем офицеры и унтер-офицеры старой польской армии, с неплохой воинской подготовкой, имеющие опыт боевых действий как с немцами, так и с нашими. Во всяком случае, стрелять точно умеют. На вооружении у них в основном стрелковое вооружение, натасканное и заныканное еще из польских складов, собранное на полях боев и отобранное у наших. Да и англичане им оружие сбрасывали. Возможно, готовясь к нападению, немцы тоже отметились, подбросив полякам оружия и боеприпасов. Есть ли у них тяжелое вооружение? Буду считать, что есть. Думается, что парочка пулеметов по минимуму в загашнике найдется. И минометы тоже. По идее, там все должно быть подготовлено к обороне и организованному отступлению. Значит, возможны и минные поля. Просто так они не сдадутся, огрызаться будут не по-детски. Без лишней спешки покинут базу через запасной выход, предварительно уничтожив десяток-другой, а то и больше, атакующих. Уйдут и даже рукой не помашут. Потом начнут еще больше наших резать, упиваясь своей безнаказанностью. Для блокировки района нахождения базы нужно не менее батальона, хорошо подготовленного и натасканного на ловлю бандитов. И где его взять? Наличие в Бресте такого подразделения сомнительно. Если только 132-й отдельный конвойный батальон НКВД. Но он должен быть в разъездах и караулах. Значит, привлекут ближайшее воинское соединение. Из таковых в округе только

мы. А у меня тут необстрелянные и неподготовленные пацаны. Кидать их в бой в таких условиях не имеет смысла. Проще здесь пристрелить, хоть мучиться, ожидая медпомощи, не будут.

Что тогда, с учетом всего вышесказанного, делать мне?

Для начала немедленно усилить охрану лагеря, удвоив посты, и иметь под рукой дежурное отделение в штурмовой форме, постоянно готовое к бою. Сделать это надо так, чтобы об этом никто не догадался. Ни наши польские соседи, ни в семейном лагере.

Во-вторых, нужно сообщить информацию Горячих. Дмитрий Ильич, надеюсь, не затянёт с ответом. Самодеятельность мне тут разводить тоже ни к чему. Она приведет лишь к потерям личного состава и свертыванию лагеря для семейных. А этого не надо, пусть лучше до войны здесь, на свежем воздухе, побудут, себя поберегут. Возможно, в Управлении НКГБ по Брестской области есть свое штурмовое подразделение. Тогда мы в сторонке постоим, поможем мальчика, поучимся, как надо делать. А если такого нет, то постараемся реализовать все то, чему учились прошедшие дни.

Ну, а в-третьих, надо организовать разведку в направлении базы поляков. Там обязательно кто-то должен ее охранять, и следы своего пребывания они оставили по-любому. Вот их мы и поищем, изучим систему охраны и безопасности. Я сам с удовольствием пробежусь, разомну косточки. Заодно потренируемся. Вдруг там пустышка и эта информация Михаила просто ложь для поднятия своей ценности? Правда, непонятно зачем ему тогда все это? Глупость. Не об этом думаю. Раз ее указали, значит, она там есть.

Кого взять в рейд? Пару человек, наиболее подготовленных, из числа бывших охотников с собой любимым во главе. В придачу прихватить еще отделение снайперов для огневой поддержки. Заодно посмотрим, как парни себя поведут, чему научились. А то всякое может быть. Неизвестно, как они себя покажут в реальной обстановке. Учеба учебой, а бой — это совсем другое. Времени на все про все у нас не более суток. Почему столько? Здесь мы с учетом прибытия тыловиков четвертые сутки. Это значит, что местные уже все знают и если задумали напасть, то их можно ждать в ближайшие сутки-двое. От своей базы им сюда двигаться часа два максимум. Днем нападать не будут — охрана заметит. А вот в сумерках или ночью следует ждать гостей. Поэтому и надо их опередить, пока не поздно. Наведаться к ним самим в гости.

Вызвал к себе Новикова, Ерофеева, командира снайперского отделения сержанта Пряхина и помкомвзвода 3-го взвода старшего сержанта

Кожанова. Пока они собирались, составил подробное донесение Горячих и отправил с посыльным в крепость.

Собравшимся сержантам рассказал о польских диверсантах в нашем тылу и возможной угрозе нападения. Мне было важно оценить их реакцию на это. И они меня не подвели.

— Товарищ лейтенант, когда выходим? — спросил Николай Новиков.

— Тут, Коля, спешить нельзя. Волну поднимать тоже не следует. Все надо делать тихо и осторожно. Поступим так. Ты, Петр, отберешь с собой еще пару-тройку человек из нашего взвода. В том числе расчет пулемета. Из тех, кто лучше лес знает и двигается потише. Тебя это тоже касается, Михаил. Готовь свое отделение с нами на выход. Пойдем вместе. При необходимости поддержите огнем отход нашей группы. Наша с Ерофеевым группа проведет разведку. До вечера понаблюдаем со стороны, пока точно не узнаем, что это враги. Ничего другого предпринимать не будем. Возьмите на всех пайки, боеприпасы, индпакеты, штык-ножи, веревки и маскхалаты. О цели и задачах группы ни слова. Остальным не надо ничего знать. Просто я веду вас в тренировочный рейд. Все ясно?

— Так точно, товарищ лейтенант! — почти хором ответили Пряхин и Ерофеев.

— Молодцы. Вбейте себе в голову, что это не учения. Возможно, в нас будут стрелять, стараясь убить. Если в ком нет полной уверенности, пусть останется здесь. Тут тоже работа найдется. Пойдут в следующий раз. Давайте бегом к себе собираться. Построение на выезде из лагеря через полчаса. Вопросы? Раз нет, то выполняйте.

— Ты, Николай, останешься здесь на хозяйстве за меня, — обратился я к Новикову. — Основной задачей для тебя будет организация его охраны и обороны. Не грусти ты так. На тебе задача сложнее, чем у нас. Женщин и детей от врага защитить. И это надо так сделать, чтобы они наших приготовлений не заметили. Одно из отделений в полной боевой готовности в качестве резерва здесь держи. Часовых и секреты удвой. Сообщение в полк я отправил. Когда придет Горячих, ему все расскажешь и покажешь. Всех, кто вокруг лагеря появится, аккуратно задерживать и доставлять в лагерь для разбирательства. Содержать здесь под охраной. Ими я или Горячих будем потом заниматься. Лучше перебдеть, чем пропустить врага. Радиосвязью пользоваться в крайнем случае. Если будут вызывать — я на занятиях. Что еще надо сделать, я тебе попозже объясню. Вопросы у тебя ко мне есть?

— А что с остальными бойцами и женщинами делать? — спросил Новиков.

— С остальными бойцами, не занятыми в охране, старший сержант Кожанов Николай Тимофеевич выйдет на занятия. Внешне все должно идти по распорядку. По пути туда и обратно усильте бдительность. Делать так, как учил. На стрельбище тоже усильте охрану. Бдительности и организованности побольше. Вам понятно?

— Так точно.

— Кожанов, если вопросов нет, можете быть свободны. А ты, Николай, слушай внимательно. Женщинам ничего рассказывать не надо. Нечего панику разводить раньше времени. Просто культурно попроси без лишней надобности с территории лагеря не выходить. Мы вчера говорили насчет занятий по медицинской подготовке, вот пусть на них и посидят. Или изучите с ними оружие — сборку и разборку. Пообещай для желающих устроить в ближайшие дни стрельбы. Если возникающие вопросы сам решить не сможешь, жди меня или Горячих. Я думаю, он к обеду появится. В рейде мы будем до вечера. Связь держим через посыльных. Вот тебе примерная схема нашего движения.

— А может, я с вами, Владимир Николаевич? В лагере младший сержант Малов вполне справится. Василий парень грамотный. Все сделает в лучшем виде.

— Нет, Коля, ты здесь нужен. Я только тебе могу тут все доверить и не дергаться, зная, что ты здесь. Так что останешься ты здесь. Это решено. Давай иди, отправляй ребят на занятия. Мне еще самому собраться надо.

Хотя что собираться? Форма на мне, автомат и бинокль вон висят, револьвер на месте, ременная сбруя с подсумками тоже. Ненужные листы карты спрятать в ранец, а нужный лист с собой в планшетку. Что еще? Глушители и маскхалат. Хотя войну устраивать я и не планировал, но случаи всякие бывают. Вот и все. Посидел еще немного в палатке, рассматривая карту и собираясь с мыслями. Затем пошел к месту сбора группы.

Лагерь жил своей жизнью. Часовые грустили на своих местах. Повара отмывали котлы, а Кожанов уже увел своих на стрельбище. Светило солнце, тихо текла вода, день обещал быть жарким.

У шлагбаума, что перекрывал дорогу на выходе из лагеря, меня ждали бойцы, отобранные в рейд. Построив личный состав, Ерофеев доложил о готовности к маршу. Передо мной стояли четырнадцать человек, отобранных командирами отделений. Проверять, все ли бойцы взяли с собой, не стал. Зачем? Для этого есть сержанты. Надеюсь, мелочная опека с моей стороны им не нужна. Не могу же я их контролировать все время. Не маленькие. Опыт какой-никакой у них есть. Научатся со временем

собираться как надо. А забыли, так что ж, теперь в рейд не идти? Определив порядок движения, мы тронулись в путь. Вполне вероятно, что поляки следят за нами. И выход нашей группы могли срисовать. Поэтому решил не идти сразу к базе. Сначала двинемся по дороге в сторону крепости, а потом свернем в лес. Есть там один неплохой для этого поворот. Заодно проверим несколько точек, где я бы сам разместил наблюдателей, беря лагерь и дорогу к нему под контроль. Таких я наметил пять.

Метров в пятистах от лагеря мы нырнули с дороги в лес. У большой поваленной сосны встали на стоянку. Выставив охранение, надели маскхалаты и снарядили магазины. Собрав сержантов, рассказал о своей задумке и показал на карте предполагаемые места расположения наблюдателей. Чтобы не таскаться всем кагалом и не тратить попусту времени, решили направить к ним для проверки по несколько человек во главе с сержантами и снайперами. Тем более что такие пары уже есть и в достаточной мере сработались друг с другом. Проведя инструктаж личного состава и поставив задачи каждой паре, вручил им маршрут движения. А отправил их на разведку. Со мной в резерве остались расчет пулемета и одна из снайперских пар.

Время тянулось медленно, словно застыло на месте. Вообще тяжелая это ноша ждать возвращения отправленных тобой, возможно на смерть, людей. Вроде бы и волноваться особо незачем. Ну, сбегают, посмотрят, потренируются. По большому счету точки только на карте и есть. Может, и нет там никого, все ведь делается так, на всякий пожарный случай. А все равно... Ждешь, накручиваешь себя, тратишь кучу нервов. Вдруг они там что не так сделают? А если там кто есть? Не дай бог, вспугнут. Или, еще хуже, влипнут во что-нибудь. Погибнуть не должны. Но кто его знает? Эх, лучше бы сам пошел.

Все сомнения и тревоги пропали, когда стали возвращаться назад первые пары.

С первых трех точек вернулись достаточно быстро. На них никого не было, и следов присутствия людей ни на точке, ни вокруг нее не нашлось. В принципе, я так и думал. Меня больше интересовали точки, расположенные на перекрестке дорог, что на съезде в лес, и та, что находится недалеко от семейного лагеря. Туда пошли «лесники» Ерофеева. И именно оттуда пока не было сообщений. Чтобы занять своих парней, достал карту, и мы стали уточнять маршруты движения групп и ориентиры.

Наконец прибыла пара от перекрестка дорог. Красноармейцы Максимов и Одинцов оправдали мои ожидания. Хотя доклад их и не

принес мне особой радости. Там обнаружили следы пребывания группы людей в течение нескольких дней. Более точно сказать было невозможно. Парни там все перепахали носом и глазами. Нашли припрятанную кучу окурков и отходов жизнедеятельности. Окурки свежие, максимум день прошел. Место хорошее и для наблюдения, и для засады. Рейд прекращал быть томным. Значит, мои выводы были правильными и за нами кто-то следил в эти дни! Весело...

Отсутствие наблюдателей на перекрестке говорит лишь о том, что они вычислили время проезда наших командиров в лагерь и обратно. Выставляться пост будет ближе к вечеру или рано утром. Вполне вероятно, что именно там планируется нападение на командиров для захвата оружия. Оставлять сейчас там засаду на поляков не имело смысла. Лучше поближе к вечеру проверим еще раз. Попросил ребят накидать план местности и ориентиры для остальных. Кто его знает, как все дальше пойдет. Наша сеть дала первые результаты. Рыбка еще не поймана, но уже известно, где она бывает.

От Ерофеева все еще не было вестей. Время как резина тянется и тянется. Скорее бы они появились... Сомнения опять начали поднимать свою голову. Мелькнула мысль свернуть стоянку и идти к ним навстречу. Но я ее отогнал. Можем банально разминуться в лесу. Пусть он и не такой густой, но все же лучше не рисковать и дожидаться их здесь на месте. Неизвестно, какой дорогой они будут возвращаться. Так что дожидаться их надо по-любому. Результат у них должен быть. Хоть какой, но должен. Они лучшие, кто есть у меня, и у них все должно получиться. Так медитируя, успокаивал себя. Когда терпение подошло к концу и я собирался уже дать команду на сборы, появился запыхавшийся от бега красноармеец Метелкин Дмитрий Александрович. Напарник Ерофеева.

— Товарищ лейтенант, нашли, — задыхаясь, доложил он. — Трое их там, все с оружием. Совсем рядом с тем местом, что вы на карте показывали. Сержант Ерофеев за ними остался смотреть, а меня за вами послал.

— Понятно, молодцы. Отдышись пока, только воды не пей, — видя, как Метелкин тянется к фляге, сказал я. — Походи лучше, успокойся. Так, бойцы, собираемся. Автомат и вещмешок вон у Дмитрия возьмите — пусть отдышится.

— Не, товарищ лейтенант. Я сам. Сейчас отдышусь.

Бойцы подскочили со своих мест и, не дожидаясь команды, построились. Порядок движения остался прежним. Только Ерофеева в головном дозоре сменила пара снайперов. Метелкин шел вместе с ними и

показывал направление. Замыкали нашу колонну Пряхин и пулеметчики. По лесу двигались быстро, стараясь не шуметь. В небольшом заросшем кустарником овраге Дмитрий остановился и, дождавшись меня, пояснил, что скоро место, где нас должен ждать Петр.

— Тут рядышком тропочка есть, а потом высотка с соснами, а ниже по склону кустарник. Вот там он должен быть. Поляки подальше будут. Хорошо спрятались. Там холмик небольшой весь в кустарнике. Вот они на склоне и залегли, — сказал он. — Мы их сразу-то и не нашли. Тут на тропке след от велосипеда есть, вот по нему мы на них и вышли. По оврагу дальше метров через двести они по нужде ходят.

Дождавшись Пряхина, оставил его за себя. Дал команду его отделению рассредоточиться, занять круговую оборону и приготовиться к бою. А сам, взяв с собой Метелкина, Максимова и Одинцова, перебегая от укрытия к укрытию и максимально стараясь не нарушать спокойствие леса, двинулся к Ерофееву. Петр ждал нас там, где его оставил Дмитрий. Видя нас, он пальцами показал направление на позицию поляков. Осторожно, ползком приблизившись к нему, посмотрел в указанном направлении.

Около невысокого, заросшего кустарником холмика вольготно расположились трое. И мирно отдыхающими на свежем лесном воздухе они точно не были. Одеты кто во что горазд, но с явно милитаристским уклоном. У двоих были поношенные польские военные мундиры при гражданских брюках, заправленных в сапоги. Третий был в гражданском костюме и в неизменных сапогах. Из головных уборов — пилотки. На портупеях закреплены подсумки, а у того, что в гражданском, еще присутствовала и пистолетная кобура. Рядом с ними лежали винтовки. Гранат и ножей видно не было. Но это еще ни о чем не говорило, могли лежать в карманах или вещмешках. Один из поляков, накрывшись пологом плащ-палатки, прислонившись к сосне спиной, дремал. Второй несколько в стороне от остальных, разобрав винтовку, чистил ее. Третий, тот, что в гражданке, лежа на плащ-палатке, что-то рассматривал через бинокль. Короче, картина маслом — «охотники на привале». Это, без сомнения, были те, кого мы искали.

От нас до них было метров десять — двенадцать. Приблизиться ближе можно, но пришлось бы очень постараться — была высокая вероятность того, что наше присутствие обнаружат. Самое простое было их просто перестрелять и не заморачиваться с «языком». Но он нужен по-любому. А тут их сразу три. Молодые, спортивные, внешне подтянутые. Возможно, тренированные. Не сказать, что сильно здоровые, хотя и не хилаки. Наибольшую для нас угрозу представлял только наблюдатель. Остальные

расслабились, вон даже поспать решились, нападения не ждут. Тянуть время, наблюдая эту идиллию, смысла нет. Вдруг кто еще появится со стороны и нас обнаружит. Закрепил глушитель на «нагане». Аккуратно достав из кармана блокнот, задал своим парням только один письменный вопрос: «Возьмем?» Хотя можно было его и не задавать, видя азартные огоньки в глазах парней. Те согласно закивали головой. Жестами распределили по бойцам, кто кого будет брать. И молча, бросились на врага...

Нам все удалось. Схватка длилась не больше минуты. Боем это назвать было сложно. Тот, что чистил винтовку, бросил ее на землю и попытался скрыться в зарослях, но был остановлен моим выстрелом из «нагана» в бедро. А затем, получив от Метелкина удар в спину прикладом автомата, свалился на землю и тонко стал подвывать. «Гражданский» попытался одновременно вскочить, подхватить с земли винтовку и дослать патрон в патронник. И это у него почти получилось, но Максимов подсечкой и ударом автомата уложил его обратно. Третий, поняв, что дело пахнет керосином, схватив винтовку, попытался откатиться в сторону и скрыться за стволом сосны. Но получил удар ногой по телу и стволом автомата по лицу от Ерофеева. Мы с Одинцовым контролировали обстановку вокруг. Через пару минут потревоженные нашим появлением и шумом свалки птицы успокоились и снова стали порхать с ветки на ветку.

Обыскав, связали руки пленным и забили им рты их же пилотками. Пусть помучаются. Максимов хозяйственно собрал оружие и накладки. А Метелкин выкатил из кустов велосипед. Не пропадать же добру, в хозяйстве пригодится. В качестве трофеев нам досталось три маузеровских карабина, несколько гранат «Ф-1», два пистолета — «ТТ» и «вальтер», пара штык-ножей, три немецкие металлические фляги, немного патронов, старенький бинокль и три вещмешка с разной бытовой мелочовкой и продуктами. В бинокль с места, где лежал «гражданский», было отлично видно расположение гражданского лагеря. В том числе и полевая кухня.

* * *

17 июня 1941 г. Великобритания от комментариев сообщений прессы от 12 мая 1941 г. воздерживается.

Сообщение НКГБ СССР И. В. Сталину и И. В. Молотову
№ 2279/м 17 июня 1941 г. Совершенно секретно

Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

Народный комиссар
государственной безопасности СССР
В. Меркулов

Сообщение из Берлина:

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены: в Кенигсберге, Гдыне, Грауденц, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича в Польше, в Варшаве — Очачи и особо важные в Хейлигенкейль.

Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа — назначен АМОНН, один из руководящих работников национал-социалистической партии в Дюссельдорфе, для Киева — БУРАНДТ — бывший сотрудник министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции, для Москвы — БУРГЕР, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и

выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом.

Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен ШЛОТЕРЕР — начальник иностранного отдела министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине.

В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступал также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

Верно: Начальник 1-го Управления НКГБ Союза ССР Фитин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Лл. 50–52. Имеется резолюция: «Т[овари]щу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба герм[анской] авиации к..... матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст[алин]». Подлинник». (Взято из сборника документов «1941 год», т. 2. Документ № 570.)

Отослав за остальными Метелкина и выставив охрану, занялся предварительным допросом пленных. Помогали мне в этом Ерофеев и Максимов. Разведя пленных в разные стороны, начал с раненого. Жалеть я никого не собирался. Чем меньше останется в живых, тем лучше — реже в спину будут стрелять. О чем и сообщил ему на нормальном русском языке. Пленный сделал вид, что ничего не понял. Но мой русский шовинизм совершенно не впечатлился его непониманием, а занялся делом. И свершилось чудо! Оказывается, среди поляков много знающих русский язык, если не в совершенстве, то во всяком случае понимать и, главное, говорить на нем могут. Сначала пленный кричал что-то об ошибке, о том, что он вообще тут ни при чем, а честный местный пейзажник, пошедший на охоту, и т. п. и т. д. Я его послушал пару минут, так, для интереса. В другое время, возможно, даже поговорил с ним о славянской взаимопомощи и вопросах гуманизма, но сегодня как-то совершенно на это не был настроен. Вместо слов слегка надавил на болезное место. Это помогло, и болезный начал «петь». Причем хорошо так «пел», что я еле успевал записывать. Обо всем, что знал, о том и рассказывал: о базе, связниках, членах и командовании группы. К возвращению Метелкина и остальных в блокноте

появилось немало заполненных мелким почерком страниц. Оставалось только проверить сведения у остальных.

Легко ли это мне далось? Да как вам сказать... Особо не вспотел, несмотря на яркое солнце и теплую погоду. Записи пополнились и уточнились. Запирающихся не было. Нет, некоторые несознательные пытались, конечно, показать свой великопольский гонор, но быстро сдулись. Боль, она ведь отрезвляет, а обещание лишить некой важнейшей части мужского достоинства с прикосновением к этому самому достоинству остро заточенной стали быстро прочищает мозги и улучшает память.

Сведения были очень интересными и ценными. В районе стрельбища находилась еще одна группа наблюдателей, переместившаяся туда утром с перекрестка дорог. Именно их следы нашли Максимов и Одинцов. На базе оставалось еще шесть человек во главе с командиром, остальные жили по домам. Связь с ними поддерживали связные. В принципе, на этом можно было бы и закончить наши похождения. Но мое беспокойство вызывала вторая группа и ее нахождение у нашего учебного места. Ведь большой сложности устройство минной ловушки не имеет. А установка на маршруте движения взвода нескольких растяжек или немецких прыгающих мин много времени не займет. Не знаю, как у поляков со шрингминами, но гранаты у них точно есть. Так что придется по горячим следам брать и вторую группу. Тем более что до вечера их никто не хватится и с проверкой не придет.

Собрав сержантов и старших пар, обрисовал им сложившуюся обстановку. Решение было, думаю, вам понятным. Парни словили кураж и останавливаться на достигнутом не собирались. Брать, и точка. Выслав вперед для разведки две пары наших «егерей» — Ерофеева, Максимова, Одинцова и Метелкина. С остальными занялись пленными и подготовкой засады. Сделали из поляков подобие бабочек и положили их в кустиках дышать свежим воздухом через тряпочку, под надзором оставшихся в засаде четырех человек. Затем мы двинулись к стрельбищу. Идти было недалеко.

Шли мы неторопливым размеренным шагом, с соблюдением всех мер предосторожностей, давая возможность разведке найти поляков. Тем более что, как их искать, пленные рассказали.

На полпути нас перехватил Метелкин. Поляков нашли, было их пять человек. Нашли случайно, заметив сидящего на дереве человека с биноклем. Второй в качестве часового контролировал окружающую обстановку. А остальные, расположившись в сторонке среди подлеска,

развлекались игрой в карты. На вооружении у них винтовки и ручной пулемет «MG-34». Оставив группу на месте, в сопровождении Дмитрия передвинулся к разведке.

«Егеря» разместились среди молоденьких сосенок. Ерофеев подсказал, куда смотреть. До поляков было не более пятидесяти метров. В бинокль было хорошо видно картежников, залегшего на высотке часового, а среди ветвей наблюдателя. Со стрельбища доносились редкие выстрелы. Брать еще пленных, в общем-то, не имело смысла. Все, что надо, мы узнали. Да, поляки нас слегка обманули с количеством находящихся здесь, но, возможно, они сами всего не знали. Так что можно дать возможность потрудиться снайперам. Послав Метелкина за остальными, остался наблюдать за поляками.

На четверых у нас было три бинокля. Захваченный у поляков я отдал Максиму. А у Ерофеева был свой, один из тех, которыми нас снабдил Самуил Абрамович. Наблюдая за поляками, я все больше убеждался в своем решении просто исполнить их. Взять, как первых трех, не получится. Эти парни не чета первым. Постарше, организованнее, боевитее, что ли. Форма хоть и поношена, но содержится в порядке. Оружие отложено в сторону, но в пределах досягаемости. Пулемет в любой момент готов открыть огонь. Да и организацию несения службы построили правильно. Раньше, чем мы успеем подняться в рывке, часовой на высотке откроет огонь, давая возможность остальным занять оборону. У того, что на дереве, хоть и не видно оружия, но никто не гарантирует, что оно у него отсутствует и не закреплено на ветвях. Чувствуется опытная рука. Побеседовать бы с их командиром. Ну, да ладно, не получится переговорить и бог с ним, потом на небе побеседуем. Лучше не рисковать. Не настолько мы круты, чтобы в открытую бороться с такими волками.

С прибытием снайперов приступили к выполнению плана. Раздав ребятам глушители, распределили цели. Говорят, хороший снайпер может в течение часа удерживать батальон, но сейчас нам требовалось просто подавить возможные огневые точки.

Парни и глушители не подвели. Выстрелы были не слышны. Вот на высотке дернулась и опала голова часового, а затем обвис на ветке наблюдатель. А парни уже били картежников. Промахов я не заметил. Настала и наша очередь поработать ногами. Под прикрытием снайперов и пулеметчиков мы бросились вперед. Одинцов с Метелкиным к высотке, Максимов к наблюдателю, а мы с Петром к картежникам. Ни на высотке, ни у дерева правки не потребовалось. Кстати, у наблюдателя на ветке была закреплена снайперская винтовка. Из трех картежников еще живыми были

двое. Третий — тот, что был рядом с пулеметом, — не жилец. На всякий случай проконтролировал его, а то вдруг очнется из небытия, кто их, поляков, знает. Отбросив от раненых оружие, обыскали. О сопротивлении речи не шло, слишком тяжелы были раны.

По месту боя бродили мои парни, собиравшие трофеи и сносившие в одну кучу убитых. Снайпера контролировали все вокруг. А я занялся допросом пленных. Допрос длился недолго. Они лишь подтвердили ранее узнанное. В принципе, они мне были больше не нужны, да и особистам тоже. И я отпустил их на дальние дороги. Занятые своими делами бойцы вроде бы этого не заметили.

Вскоре ко мне с докладом подошел Ерофеев. Мы стали богаче на четыре маузеровские винтовки, в том числе одна снайперская, три пистолета, десяток гранат, мешок тротила, взрыватели, пулемет, ранцы с барахлом, металлические фляжки.

Что ж, улов неплохой. Правда, делиться придется. Это святое. Что покажем особисту? Маузеровские карабины, часть патронов и гранат. «ТТ» придется сдать, номерной как-никак, понятно, что с нашего сняли. А вот пулемет я вам, ребята, не отдам... Чем больше пулеметов будет у меня, тем лучше. И патронов побольше к нему оставить. «Снайперка» во взводе пригодится, ее вроде никто и не видел, кроме «егерей», а они молчать будут. Тротил и взрыватели нам тоже пригодятся. Оставшиеся пистолеты, штык-ножи и фляги пойдут сержантам и снайперам, что участвовали в рейде. Да и остальное барахло во взводе применение найдет. А чтобы никто лишних вопросов не задавал, придется «вальтер» сплавить особисту. Себе еще найду. Надеюсь, на базе у поляков будет чем поживиться. Есть у меня уверенность, что мы туда пойдем.

Здесь нам больше делать было нечего. Собрав личный состав, предупредил всех о неразглашении наших подвигов. Незачем раньше времени шум поднимать. Разделил трофеи среди бойцов. Оставив в засаде пару Максимова, двинулись на стрельбище. На подходе нас встретил Кожанов, оповещенный часовыми. Успокоив его, послал в лагерь за подводой Метелкина. Он парень шустрый, быстро все сделает. А с остальными продолжили занятия. Прерваны они были лишь возвращением Метелкина с подводой. Вместе с ним прибыл и особист с несколькими бойцами без знаков различия, вооруженными автоматами.

Идя следом за подводой, я доложил Дмитрию Ильичу о наших успехах и добытых сведениях. На месте польской засады он воочию увидел результаты. Здесь же я передал предназначенные особисту трофеи, трупы и блокнот с показаниями пленных, за которыми были посланы бойцы

Горячих и сержант Пряхин в качестве проводника. Заодно Пряхин должен снять засаду и вернуть своих людей в лагерь.

Тут до меня дошло, какую глупость сотворил! Надо было заставить бойцов подготовить показания вместо того, чтобы проводить занятия. А теперь их тряс особист, допрашивая в теньке по одному. Хотя, может, оно и к лучшему? Ведь любому ясно, что мы ни о чем не договаривались, и, по идее, это должно сильно повысить доверие к моим показаниям. Пока опрашивали остальных, я, прислонившись спиной к сосне, тоже занимался литературным творчеством — составлял рапорт и схемы. Закончив с бойцами, Горячих принялся за допрос поляков. Помогали особисту его бойцы. Точнее, все наоборот. Это Дмитрий Ильич помогал им с допросом пленных, перепроверяя записи в моем блокноте. И они явно с этим преуспевали, работая четко, точно, слаженно и предельно жестко. Что сказать о них? Грамотные люди, есть чему поучиться. Очень не хотел бы я оказаться у них в руках! Закончив с поляками, Горячих прочитал мою писанину. А затем улыбнулся и сказал:

— Молодец! Все правильно сделал. Я, честно говоря, не ожидал таких результатов. Когда твою записку получил, думал, что ты ограничишься только разведкой. А вы не только ценные сведения добыли, но и бандитов уничтожили. Эта группа причастна к нападениям на наших бойцов и командиров в городе. На будущее, постарайся без самостоятельности. Лучше меня дождись!

— Тянуть нельзя было. Они, похоже, за нами несколько дней уже следили. Могли в любой момент напасть.

— Я тебя не виню. Знаешь такую поговорку: «победителей не судят»?

— Знаю.

— Вот ты и есть победитель. Кстати, а где ты так допросы вести научился?

— Я и не учился. Просто пошел по пути наименьшего сопротивления. Смотрю, ваши ребята тоже не церемонятся.

— Твоя правда. Тем более что это бандиты, взятые с оружием в руках. Ты зачем раненых пленных добил? Я посмотрел — они бы и так не выжили.

— В бою добил. Решил не рисковать. Кто его знает, что бы они сделали? Вдруг у них гранаты с собой были и они решили бы себя вместе с нами подорвать.

— Эти могли. Польские националисты, диверсанты хреновы. Крови нашим товарищам они много попортили, стреляя из-за угла и совершая диверсии. Им еще в сентябре 1939 года их генерал Ровецкий предписывал:

«...исполнять специальный приказ по проведению массовых диверсий и организации партизанского движения в тылу у Советов». А вы молодцы, прикрыли эту лавочку!

— Так ведь не всех же! Там у них еще люди остались.

— Да, пока не всех. Но это дело времени. Как себя чувствуешь? Как бойцы? Что дальше делать собираешься?

— Все в порядке. Парни боевые. Что Родина прикажет — выполним. Хотелось бы принять участие в ликвидации бандитов.

— Вот и я о том же. Пленные показали, что сегодня ночью на базе должен собраться весь их взвод. Порядка сорока человек. Есть задумка одним ударом там всех накрыть. И твой взвод к этому делу привлечь. Тем более что вы как раз к штурмовым действиям готовились. Так что для вас это будет работа по профилю.

— А как же семейный лагерь? Сил для охраны останется мало.

— Не беспокойся об этом. К ночи сюда придут остатки вашей роты. Вот они и займутся охраной. Готовь людей. Убитых здесь закопайте, везти в город не имеет смысла. Пленные их опознали. Трофеи я с собой заберу. За подарок отдельное спасибо. То, что во взводе себе из трофеев оставил, пока не свети. Потом, чтобы все, как следует, через склад оформил! Понял? Мы сейчас пленных забирать не будем. Пусть здесь под охраной побудут, а то вдруг кто их по дороге увидит и опознает. Вечером вернемся, тогда и заберем с собой.

В это время к нам подошел, вытирая руки платком, один из бойцов Горячих.

— Дим, там раненый концы отдал. Так что его можно ко всем остальным. В город повезем?

— Нет, я лейтенанту уже дал команду их здесь похоронить. Познакомьтесь — сержант Государственной Безопасности Шаров Виктор Григорьевич, старший группы из Управления НКГБ по Брестской области. А это командир взвода моего полка лейтенант Седов Владимир Николаевич. Вечером вместе работать будете по банде, — представил нас друг другу особист.

— Ясно. Тогда мы здесь закончили. Надо бы к их базе разведку выслать. Посмотреть там все.

— Надо. Вы сами пойдете, или Владимир своих пошлет? У него ребята неплохие.

— Лучше объединим силы. Ты скольких можешь отправить?

— Четверых «егерей», две пары.

— Что за «егеря»? Почему не знаю?

— Это я тех, кто у меня раньше охотниками были, зову. Пары сработаны. Вон стоят. Они первыми поляков нашли, да и пленных вместе брали.

— Понял. Раз такое дело, нам подойдут. Мои бойцы с ними старшими групп пойдут. Возражений, надеюсь, нет?

— Нет, — ответил я.

Подозвав своих бойцов, мы с Виктором распределили людей, провели инструктаж и отправили их в рейд. Пришлось отдать «чекистам» маскхалаты снайперов — уж очень они им понравились. В том числе наличием сетки на лице и перчаток, в отличие от тех, что были у них. Заодно обеспечив себя наколенниками и налокотниками. Не жалко, еще должны привезти. Тем более что все одно дело делаем.

— Дим, ты в крепость поедешь? Мой рапорт начальству передашь? Я здесь до вечера останусь и подожду результатов разведки. Надеюсь, лейтенант не прогонит?

— Вить, не выгонит тебя лейтенант, не беспокойся. Давай свои бумаги. Так и быть, завезу по дороге в Управление. А ты, Володя, товарища разместить и помощи, чем сможешь.

— Сделаем. Дмитрий Ильич, вы, может, и мои бумаги на списание боеприпасов завезете?

— Давайте уж свои бумаги. Эксплуататоры. Нет чтобы все самим сделать, так все хотят на чужом горбу прокатиться! — со смехом в голосе сказал Горячих.

Взяв бумаги и погрузив трофеи на повозку, Горячих уехал в Брест. Идти в лагерь Шаров отказался, решив посмотреть на наши занятия, которые шли по распорядку — рукопашный бой, огневая подготовка, преодоление штурмовой полосы. Виктор тоже не остался в стороне, продемонстрировав свое умение стрелять из «нагана». И попробовал свои силы на полосе. Около 16 часов закончив занятия, мы вернулись в лагерь. Там все было в порядке: посты усилены, день шел по расписанию. Занятия с женщинами и детьми провели.

Шарова разместили в свободной палатке. Я предупредил Новикова о ночном выходе взвода и скором воссоединении с ротой. Видя, как Николай изнывает от желания узнать подробности рейда, не решаясь меня об этом спросить, кратко рассказал о наших похождениях. А потом отправил отдыхать и готовить людей к выходу. Сам же, не раздеваясь, тоже завалился спать.

Часа через два меня разбудил дежурный по лагерю. Он доложил о прибытии роты и повозок, доставивших палатки, боеприпасы и продукты.

Почти сразу за ним ко мне заглянул Бокерия. Мы тепло поздоровались и поговорили. Он уже дал указание о размещении вновь прибывших и организации разгрузки повозок. Пояснил, что роту после обеда сняли с занятий и без объяснения отправили сюда на усиление, пообещав, что потом все разъяснится. Что бы там ни было, ему это решение откровенно нравилось. Мы с ним обошли лагерь, посмотрели, как обустраиваются люди, и проверили несение службы. Все было в порядке, и придирааться было не к чему. О чем Нестор и поспешил сообщить. Задерживаться в расположении он не стал. Оно и понятно — спешил к семье, за день успел соскучиться.

В лагере на правах старого жителя распоряжался старший сержант Кожанов. От его взвода в ночь заступал караул, и он гонял их на знание Устава и обязанностей часового. Повозки транспортников были разгружены и отправлены назад в крепость. Личный состав накормлен, продукты на завтра получены. Можно не беспокоиться. Мой взвод уже оприходовал трофеи, заныкав излишки военного имущества по палаткам и ранцам. И теперь, расстелив плащ-палатки, усиленно чистил оружие.

Позвав Пряхина, поинтересовался, как обстоят дела с освоением трофейного «маузера». Тот доложил, что все в норме. Снайперка досталась ефрейтору Егорову, его второму номеру. Винтовку пристреляли, бой отличный, патроны отобрали. Оптика так хороша, что вообще не поддается описанию. Пряхин даже начал подумывать о замене своей оптики на «егоровскую». Видя, как он из-за этого расстроился, пообещал достать ему такую же. Михаил поверил. Придется выполнять свое обещание, а то разочарую сержанта.

К двадцати часам в лагерь вернулись командиры батальона, а практически следом за ними на двух крытых полуторках прибыл Горячих с двумя десятками пограничников и лейтенантом, командовавшим ими. Взяв Пряхина в качестве проводника, они ушли в лес устраивать засады на местах лежек поляков. Вдруг их кто решит посетить? Хотя пленные утверждали, что этого не должно произойти.

Следом за пограничниками вышли и мы. Шли со всем штатным вооружением. Рядом со стрельбищем нас ждал Метелкин. Он доложил результаты разведки и передал Шарову записку от «чекистов». Сведения, изложенные в ней, были более чем актуальными.

База поляков располагалась на отдельно стоящем хуторе. Это несколько жилых домов и хозяйственных построек посреди леса в окружении болот. Все подходы контролируются охраной, состоящей из нескольких часовых на самом хуторе и секретов в лесу рядом с дорогой.

Пройти с хутора в нашу сторону можно по гати, проложенной среди болота, или по дороге через лес. С хутора есть выходы по полю в сторону леса и по тропе через болото. Сейчас на базе около сорока человек, но подходят и подъезжают еще. Прячась от посторонних глаз, размещаются в хозяйственных постройках. Их присутствие выдают пасущиеся лошади и повозки. Посчитать людей удалось только при посещении ими «нужного места». Из оружия видели только стрелковое. На чердаке одного из домов установлен станковый пулемет, прикрывающий дорогу из леса. Есть ли еще замаскированные огневые точки — не установлено. Разведчики продолжают наблюдение.

Изучив полученные данные, мы собрались на военный совет. Обсуждать было что. От штурма хутора в лоб отказались сразу — только людей напрасно положим. Нашими минометами много не сделаешь. Нужна артиллерия, а скрытно ее доставить не получится. Если бы были «ПНВ», тогда можно было бы рассмотреть и другие варианты. А так единственный выход — засада. Нас, если считать вместе с «чекистами» и пограничниками, семьдесят шесть человек. На нашей стороне большая огневая мощь, техническое обеспечение и неожиданность. На их — лучшее знание местности. В наших силах это переломить. Скрытно приблизиться, снять часовых, а дальше действовать по обстановке. Лучше всего постараться по-тихому брать бандитов на выходе из хутора. А не получится — уничтожать на месте. Если не удастся по-тихому, то огнем пулеметов и минометов отрезать бандитам путь к лесу и болотам. И брать хутор штурмом с двух направлений: от дороги и через гать. Те, кто пойдет со стороны дороги, будут в нагрудниках. Сюда же выдвинем и станковый пулемет для подавления огневых точек.

Рассмотрели и вариант встречного боя. В итоге, перебрав все возможные варианты, разделили отряд на две части и с наступлением темноты стали выдвигаться на позиции. Пограничники остались в качестве мобильного резерва. Вся ночь прошла в ожидании и борьбе с комарами.

Глава 12. Штурм хутора

Около полуночи разведчикам удалось захватить несколько человек, направлявшихся на хутор. Оттащив их подальше в лес, провели допрос. Он дал неожиданный результат. Оказалось, что на хуторе для проведения акции собирались бойцы сразу нескольких польских подразделений. Выход намечался около трех часов утра, именно к этому времени все должны были собраться на хуторе. Менять планы мы уже не успевали и поэтому решили действовать по обстановке. Считая основными целями уничтожение банды и захват с последующей зачисткой хутора.

Не зря говорят, что если хочешь насмешить бога, то Расскажи ему свои планы. Так и получилось — далеко не все, что задумывали, удалось осуществить.

Вначале четвертого поляки двумя примерно равными колоннами вышли из хутора и направились каждый в свою сторону — одни двинулись к гати, а вторые к дороге. И было их куда больше, чем мы рассчитывали. Хорошо еще, что удалось взять в ножи часовых вместе с разводящими во время пересмены. Хоть это и неправильно. По-хорошему, разводящего с подменой надо было отпустить назад живыми — ведь их длительное отсутствие дает серьезный повод насторожиться тем, кто находился на хуторе. Но был сильный повод усомниться в исполнении поляками Устава достаточным образом. Какой? Те, кто соблюдает параграфы Устава, не будет громко разговаривать на посту и курить вместе с разводящим.

Мы с Шаровым были с теми, кто ждал их у дороги, а Горячих с лейтенантом-пограничником вместе с остальными заняли позицию у гати.

В бой первыми вступили мы. Поляки шли колонной по трое, без разведки и дозоров, надеясь на охрану и уверенные в своей полной безопасности. Во главе колонны двигались несколько командиров или проводников. Грех был не наказать их за нарушение Уставов. Когда они вышли на поле, мы открыли огонь. С расстояния нескольких десятков метров три пулемета и два десятка автоматов стали расстреливать поляков. Страшное это дело, я вам скажу... Следом за нами нешуточный бой начался и на гати — оттуда часто взлетали осветительные ракеты и доносились пулеметные очереди.

С чердака дома залаял пулемет. Пули с противным стуком впивались в деревья и землю рядом с нами. В сумерках, не видя перед собой цели, поляки, неверно взяв прицел, били на вспышки оружия. Не найдя себе

достойного противника на поле, ему ответили наши пулеметчики и быстро заставили замолчать. Минометчики тоже не зевали и забросали хутор минами. Под их прикрытием мы бросились вперед, стараясь как можно быстрее преодолеть открытое пространство.

Первыми широкой цепью неслись «панцирники». С удовлетворением заметил, что бойцы двигались, прикрывая друг друга. Не зря я их гонял! Несколько поляков из числа тех, кто шел в колонне, все же уцелели и попытались отстреливаться. Но это у них плохо получалось — каждое поползновение открыть огонь тут же прекращали автоматные очереди как из первой, так и из второй линии. А наши пулеметы короткими очередями продолжали кромсать дерево построек, не давая возможности полякам оказать сопротивление. Им это удалось — пока мы двигались по полю, по нам никто не выстрелил.

Прорвавшись к хутору, мы принялись его зачищать. Спросите как? Обычно. Впереди бойца по полу катится граната, а после ее взрыва он сам под прикрытием второго номера. Благо, что мы это тоже не раз отрабатывали. Спасибо полякам за то, что снабдили «лимонками»! А то с «РГД-33» особо не повоюешь — пока приведешь ее в действие, тебя пару раз убьют. Нет, использовали и их, но с «лимонками» гораздо проще и удобнее. В то время как одни зачищали постройку, другие снаружи их прикрывали, блокируя окна, двери и соседние постройки. Действовали достаточно слаженно, хотя и допускали ошибки. Тьфу-тьфу, но пока без последствий. Так что зачистка долго не затянулась. В помещениях и дворах нас встречали в основном только трупы. Всего их насчитывалось полтора десятка. Были среди них и женские, но вот детских не было вообще. На чердаке за «Максимом» оказалась как раз юная дама, а вторым номером у нее был парнишка лет пятнадцати. Заняв здания, мы сразу развернули оборону. Так что если ушедшие в сторону гати вернутся, нас миновать они, по идее, не должны. Кстати, оттуда все еще слышались выстрелы и взрывы гранат. Закрепившись на хуторе, ракетой красного цвета сообщили об этом остальным.

Шаров, видя, что здесь все закончилось, взял с собой группу пограничников и бросился к гати на помощь.

Ну, а мы продолжили зачистку помещений и, главное, подвалов. Конечно, не самый эстетичный способ швырять гранаты «РГД-33» без оборонительного чехла в подвал, но зато уж очень эффективный — никто после такого точно стрелять не будет. Из подвалов вытащили еще двенадцать трупов. Больше никого не нашли.

Бой у гати тоже стал затихать. Пришло время собирать трофеи. А они

оказались очень и очень неплохими! Только в сарае под стогом сена было найдено несколько ящиков с новенькими «наганами». Я, конечно, за социалистическую законность и отчетность, но мне нужно обеспечить боеготовность подразделения. А она складывается в том числе и из вооружения. Когда еще такая халява будет? Вот я и дал команду всем получить по револьверу. Да и на остальных взять с собой, не забыв запастись патронами. Благо ранцы у всех с собой. Так что уже через пару минут все мои бойцы щеголяли новенькими кобурами с револьверами. И это были не последние находки.

В подполе дома нашлось с десяток винтовок, карабины и ручные пулеметы «Browning wz.28». Про патроны можно было и не говорить — хоть заешься. И это мы еще не все здания осмотрели и на поле трупы поляков не обыскали. Но до них потом дело дойдет. К тому же там «егеря» и отделение тяжелого оружия службу несут. Присмотрят.

Вызвав Новикова, показал на ручные пулеметы:

— Коля, как думаешь, нам пригодятся?

— А то, товарищ лейтенант! Нам бы таких штук пять, — беря в руки и рассматривая оружие, сказал помкомвзвода.

— Вот и я о том же. Значит, так, давай организуй вынос отсюда всего оружия. Эти пулеметы и боеприпасы к ним спрячь где-нибудь так, чтобы никто не видел. И еще осмотри все вокруг — к ним должны идти специальные ящики для боеприпасов, ранцы или ящики с оптическими приборами, инструментами для чистки пулемета, а также запасные части. И, насколько помню, тренога для стрельбы по воздушным целям. Главное, чтобы наши поменьше видели, а то скажут кому. А так может, удастся договориться и оставить во взводе. Патронов побольше оставь. Понял?

— Конечно, товарищ лейтенант. Владимир Николаевич, а что с продуктами делать?

— Сам определи. Неплохо было бы себе запас оставить. А что вообще нашли?

— Да так, понемногу всего: тушенка, засолка, сало, мясо копченое, картофель и овощи есть. Нам бы на кухне пригодилось. Все приварок к пайку. Еще тут есть несколько коров и козы. Пропадут же! А это молоко детям...

— Понятно. Надо подумать. Горячих придет, с ним поговорю.

— Тут вон на поле кони бегают. Тоже бы себе прибрать, пригодятся.

— Согласен. Действуй пока тут. Я пойду по комнатам посмотрю, может, что еще найдется.

Получив ЦУ, Николай принялся его активно исполнять. Взяв с собой

пару человек, они начали таскать найденное оружие из подвала во двор и укладывать его на несколько найденных плащ-палаток.

В комнатах царил разгром. Несмотря на распахнутые окна, стоял запах пороховой гари. Уличного света хватало, чтобы рассмотреть все внутри комнат. Всюду виделись следы недавнего боя: пол засыпан осколками стекла, щепками, искромсанной пулями и осколками мебелью. Тут и там темнели лужи крови, лежали трупы, брошенное оружие и снаряжение. У окна, выходящего на дорогу, прислонившись к стене, остывал труп пожилого, крепкого мужчины в расстегнутом кителе без знаков различия. В руках у него был ручной пулемет. Видимо, смерть наступила в тот момент, когда он пытался из окна открыть огонь. Дальше по комнате у бельевого шкафа сидела женщина с закрытыми глазами. Смерть застигла ее в момент набивки патронами обоймы к пулемету. В соседней комнате находились трое погибших. Один свисал в раскрытом окне. Осколок мины попал ему в голову. Еще двое с искаженными ужасом лицами погибли уже от осколков гранаты. В третьей комнате труп лежал под окном. Он был одет в польскую военную форму со знаками различия. Тут же рядом лежала конфедератка с лакированным козырьком. В руках у поляка был зажат пистолет. Похоже, кольтовский клон «ВИС-35», хорошая и надежная машинка. Ну, что ж, пора заняться делом. Позвав несколько бойцов, показал им на трупы и дал команду вынести на улицу.

— Товарищ лейтенант, а может, поляков заставим? — спросил красноармеец Егоров, бледнея от вида комнаты.

— Не понял, откуда живые поляки?

— Да мы тут в сарае трех поляков нашли. Они в подпол залезли и ховались там. Да следы оставили. Вот их оттуда и достали. Вам не успели доложить.

— Понятно. Давайте их сюда, только оружие соберите. И с чердака пулемет тоже вниз спустите. И еще, пленным не давайте друг с другом разговаривать.

Со стороны гати все еще слышался шум продолжающегося боя. Похоже, попавшая в засаду группа поляков никак не хотела сдаваться, а нашим не удавалось их погасить. Пока бойцы собирали и выносили оружие из комнат, я досмотрел трупы и комнаты. Выложил на стол найденные документы, деньги и ценные вещи. Нам все пригодится.

Бойцы с удивлением посматривали на мои действия. Привели пленных — парней лет по двадцать — двадцать пять, в перепачканной гражданской одежде. В принципе, можно было сразу же их допросить, но я не закончил разбираться в комнатах. Так что пусть пока потаскают трупы, измажутся в

чужой крови, погрузят на свежем воздухе. Может, быстрее заговорят.

Осмотр комнат ничего особо не дал. Так, немного фотографий и документов и денег. А вот в планшете, что нашлась в комнате с «воякой», оказалось кое-что более интересное. Несколько карт. В том числе карта Западной Белоруссии с нанесенными на ней обозначениями наших воинских частей, складов, аэродромов, штабов и иных объектов. И что самое интересное, в месте, где располагался наш лагерь, тоже стояла отметка. А еще в планшете было несколько десятков страниц с рукописным текстом на польском языке. По виду то ли списки, то ли отчет. Если понимать и говорить по-польски я могу, то вот разобрать написанное, увы. Нет, конечно, если постараться, то можно было бы и прочитать, языки не сильно отличаются, но не хотелось терять времени. Ладно, пусть «чекисты» с ними разбираются. А вот карта меня заинтересовала на будущее. Достал из планшета свою и аккуратно стал переносить на нее данные поляков. В распахнутое окно было слышно, как кого-то очень сильно тошнило.

Закончив с одной картой, занялся остальными. Среди них нашлась подробная карта Бреста с очень интересными значками. Как я понял, на ней были отмечены военные объекты и дома, где проживали «восточники». Почему так решил? Отвечу. На ней был отмечен дом, где снимал квартиру Сергей Анохин. Возможно, я и ошибаюсь, но не намного, так как там было отмечено еще несколько объектов, о которых приходилось слышать. Жаль, что «вояка» убит и допросить его нельзя! А вот воспользоваться его картой можно и даже нужно. Спросите, для чего? Да хотя бы для того, чтобы обозначить направления ударов немцев. Нужные карандаши нашлись в планшете. В доме никого не было. Трупы и оружие бойцы уже вынесли и что-то обсуждали на улице. Раз так, то почему не воспользоваться моментом? Для того чтобы нанести на карту все задуманное, времени хватило с избытком. Главное, показаны удары на мосты, острова крепости, близлежащие районы. Если и это не поможет изменить историю, то я не знаю, что еще надо сделать. Вроде бы теперь все ясно и понятно. Только готовься и делай, как надо.

Убрав все обратно в планшеты, я осмотрелся. Вроде бы больше ничего, что может заинтересовать, я не увидел. Надо что-то оставить и «чекистам», чтобы жизнь медом не казалась. Мне уже давно пора к бойцам, тем более что бой вроде начал стихать. А у нас недосмотренными осталась куча построек, вдруг, что еще найдем. Пистолет поляка я, кстати, прибрал от греха подальше. В качестве подарка пойдет.

На улице утро вступало в свои права. Наш бой и последующая

зачистка хутора заняли всего около получаса. Больше мы провозились, повторно осматривая помещения и вытаскивая найденное на божий свет. Дав команду бойцам собрать оставшиеся трупы поляков, прошелся по зданиям. Везде примерно одно и то же — следы короткого боя, крови и торопливого обыска в поисках оружия. Подошедший Новиков доложил о выполненном и о захваченных трофеях.

У дома, прикрытые тряпками, рядом лежали трупы, с некоторых были сняты сапоги. Чуть в стороне от них, под наблюдением нескольких бойцов, с понурыми и бледными лицами сидели пленные. По двору сноровисто двигались мои бойцы, вынося из построек трофеи. Найдя «вояку», положил к нему его планшетку. Нечего создавать лишние вопросы на пустом месте. Пусть «чекисты» сами со всем разберутся. Бой на гати окончательно затих. И вскоре с той стороны появилась цепь бойцов, прочесывающих местность от гати в сторону леса и болота. Вот только их количество и форма меня слегка удивили и озадачили — число бойцов выросло раза в три-четыре, и у большинства были пограничные и васильковые фуражки. В бинокль удалось рассмотреть несколько незнакомых командиров. Похоже, к нам прибыло подкрепление из числа специалистов.

Вскоре к нам подошла группа командиров, среди которых оказались и Горячих с Шаровым. Там же присутствовали эксперты-криминалисты и опера, сразу приступившие к документированию произошедшего. Старшими по воинскому званию в этой группе были майор-пограничник и капитан ГБ. Представившись, доложил о захвате хутора, пленных и трофеев. Командирами оказались начальник погранотряда и заместитель начальника Управления НКГБ. Поблагодарив за сделанное, начальство ушло осматривать хутор. А мы с Шаровым и Горячих, отойдя в сторону, стали обмениваться мнениями о ночных событиях.

Еще ночью в наш лагерь пришло пополнение, выделенное УНКВД и пограничниками из числа курсантов, что находились на окружных сборах водителей и пулеметчиков. Из лагеря проводники их привели к группе Горячих, а к нам не успели из-за того, что наблюдатели обнаружили выдвижение поляков. Бой сразу пошел не по плану. Поляки шли с головным дозором, убрать который по-тихому не получилось. Открыли огонь по колонне, но поляки быстро очухались и ответили огнем нескольких ручных пулеметов. Пытались сбить засаду, а когда поняли, что этого сделать не получится, начали отход под прикрытием огня пулеметов. Тут как раз подоспел Шаров, ударивший с тыла. В результате зажали поляков посреди гати с двух сторон и уничтожили. Среди пограничников

есть несколько раненых. Сейчас идет прочесывание, есть возможность, что кто-то ушел болотом. Вообще все довольны и радуются, что так все хорошо прошло. Я в свою очередь рассказал о зачистке здесь и, подойдя к трупам, отдал планшет «вояки».

Виктор, рассмотрев находившиеся там документы, сразу позвал капитана. Уединившись в сторонке, они стали их обсуждать. Кажется, сработало! Мы же с Дмитрием Ильичом прошли к месту боя у дороги. Ненавязчиво рядом с нами постоянно находились бойцы Шарова. Оружие и снаряжение погибших уже было собрано, а пленные поляки копали большую могилу. Всего мы насчитали 63 трупа. В ходе разговора я спросил о судьбе трофеев.

— Что, много собрали? — спросил Дмитрий Ильич. — И уже успели оприходовать? Ох, хомяки. Наверное, уже все закрома трофеями забили?

— Есть чуть-чуть. Там в сарае револьверы были, вот я их своим парням и приказал разобрать в качестве дополнительного вооружения. Автоматчикам они не нужны — пусть лучше таскают побольше патронов. Револьверы нужны бойцам с тяжелым вооружением: пулеметчикам, вторым номерам, минометчикам, снайперам, санинструктору, ну и «егерям». Короче, тем, у кого есть необходимость самообороны на ближней дистанции из-за неповоротливости основного вооружения либо специфики действий. И еще кое-что себе присмотрел. Там пара пулеметов «Browning» есть, они нам, ой, как не помешают. Да и боеприпасы тоже.

— Понятно, я не против. Думаю, Виктор тоже меня поддержит оставить вам часть трофеев. Только вот зачем тебе столько пулеметов? Чем тебе наши не угодили?

— «Browning wz.28» весит почти в два раза меньше «дегтяря». С ними мотаться легче и рукоять штурмовая есть. Я бы вообще все «дегтяри» на «Browning» заменил. А то бойцам в кирасах и «дегтярем» в руках совсем тяжело двигаться.

— К «Browning», по-моему, маузеровские патроны подходят? Как снабжаться будешь? Или как кончатся патроны, опять обмен произведешь?

— Мы тут нашли чуток. С десятков ящиков, да на складе должны быть. Если вы договоритесь, чтобы мы в проверке и остальных точек поучаствовали, то еще наберем.

— Наш пострел везде успел. Ладно. Моя вина. Вчера в суматохе забыл сказать, что твой взвод с группой Шарова будет взаимодействовать и дальше. Выписку из приказа сегодня получишь. Так что будет у вас еще возможность набрать трофеев. На охране лагеря останется ваша рота. Пулеметы небось уже присмотрел?

— Да, здесь вон два лежат и там, в хуторе, еще один.
— Подарков тоже командованию заготовил?
— Есть мальчика. Ребята тут пять «ВИС-35» подобрали. Вот и хочу их вручить.

— Правильно. Пистолет хороший и удачный. Отличным будет подарком. Только смотри, остальным их не свети. А то тут собрались парни ушлые. Для себя уведут. Пойдем, вон Шаров уже машет.

Забрав с собой собранные бойцами документы погибших, мы вернулись на хутор. Пока мы отсутствовали, прочесывание закончилось и подразделения собрались на хуторе. Мои бойцы чувствовали здесь себя хозяевами и не подпускали никого к постройкам и трофеям. Несколько человек во главе с Егоровым охраняли лошадей и повозки. И правильно делали. У нас в хозяйстве все сгодится.

Собравшись в хозяйском доме, командование обсуждало планы дальнейших действий. Руководил процессом так и не представившийся капитан ГБ. Мы тоже приняли в нем участие. В итоге пограничники и бойцы НКВД убывали к себе в распоряжение. А мой взвод вместе с группой Шарова оставался здесь на хуторе для следственных мероприятий и организации засады. Пленных и трофеи должны были сопровождать в город сотрудники НКВД.

Получив указания, командиры ушли к своим подразделениям. Капитан ГБ нас еще раз похвалил, сообщил, что нашими общими усилиями уничтожено до 130 польских бандитов. Пообещал всем награды и всевозможные блага. Потребовал не расслабляться и быть готовыми к новым подвигам. Тут мы подняли вопрос о трофеях и возможности их частичной приватизации. Обсудив и слегка поспорив, было принято решение о сдаче не нужного нам вооружения — винтовок, карабинов и станкового пулемета. А остальное вооружение и боеприпасы сдавались нам под охрану и во временное пользование. С обязательным отчетом о расходовании в УНКГБ. Больше всего мне понравилось то, что никто не поднял вопрос о живности и продуктах. То ли забыли, то ли не обратили внимания.

Раздав ЦУ, начальство, предварительно заперевшись наедине с Шаровым, убыло восвояси. Где-то за гатью его ждал транспорт. Следом за ними ушли и пограничники. Вызвав Новикова, приказал подготовить повозки и загрузить на них трофеи, лежащие на улице. Понятное дело, что ни лошадей, ни повозок мы больше не увидим. Их, похоже, прихватизируют себе другие. Но и нам немало оставалось: пять крепких телег и десяток лошадей, в том числе строевых. На одной из телег пленные

свозили в могилу трупы.

Наконец все было готово, и хутор опустел. О том, что здесь произошло ночью, напоминали только разбитые окна и большая могила на краю леса. За ночь все вымотались и устали, но найдя в себе силы, вычистили оружие и пополнили боекомплект. Перекусив найденными на хуторе продуктами и выставив часовых, личный состав уснул на сеновале. Спать в помещениях все отказались.

Подготовив рапорта и проводив следственную группу и Горячих, убывающего в сопровождении охраны в лагерь и крепость, мы с Виктором тоже решили отдохнуть. Приведя себя в порядок и хлопнув по стопарику французского коньяка, найденного в запасах хозяев, улеглись со всеми удобствами в доме. Проспали почти до обеда. Разбудил нас посыльный, явившийся из Управления к Виктору. Начиналась новая карусель.

Из разговора, состоявшегося 18.06.1941 г. в здании УНКГБ по Брестской области на ул. Советской, д. 14, г. Брест:

— Андрей, ты понимаешь, что вы нашли??? Этому же цены нет! — рассматривая разложенные на столе трофейные карты и документы, сказал хозяин кабинета. — Если это правда, то вообще бесценно! Как думаешь, не может это быть дезинформацией? Слишком тут все выглядит достоверно и логично, что поверишь во все что угодно. Это же бомба! Да какая!

— Может быть и дезой. Вполне себе вариант. Но тогда поляки заранее все просчитали и пошли на огромные для них жертвы — одних только убитых мы насчитали 128, а еще пленные и трофеи. Зачем им это? Могли все сделать значительно проще и без потерь со своей стороны. Нет, я все же думаю, что это подлинный отчет о проведенных разведывательных мероприятиях на нашей территории и план действий на случай войны. А списки не что иное, как список их агентуры на нашей территории.

— Да все это я понимаю! Но никак не могу поверить в такую удачу — одним разом накрыть сеть врага у нас в тылу! Вроде бы все в руку, но сомнения остаются. Хотя бы по указанным направлениям ударов на карте. У тебя разве нет такого чувства?

— Сначала были. А вот потом, при изучении остальных документов, отпали. Карты тут не более чем рабочий документ — основа отчета. Вообще было бы отлично найти инструкции,

дававшиеся им. Но, в принципе, их можно отследить по тем разведсводкам и сообщениям, что нашлись в планшете. Больше удивляет то, что данный офицер все носил с собой, а не прятал где-нибудь в тайнике.

— Тут я с тобой согласен. Хотя, с другой стороны, он мог там, на месте, и собирать эти данные у командиров и разведчиков. Работал с картой. А вот уйти с этими данными не успел. По количеству убитых это в пределах численности их трех взводов, которые, судя по всему, собирались со всей округи... Так что, скорее всего, так оно и было... Давай еще раз пройдемся с самого начала, а то мне еще Цанаве докладывать. Где были найдены документы?

— Они были в планшете, что сняли с убитого польского офицера. Офицер, по словам бойцов, лежал в доме у разбитого окна, выходящего во двор. Эксперты дали заключение, что смерть наступила в результате осколочного ранения в голову. Сразу же после боя планшетку снял и передал нам лейтенант, что командовал штурмом хутора.

— Что за лейтенант?

— Лейтенант Седов Владимир Николаевич, командир 2-го взвода 7-й роты 333-го полка. Именно его взвод привлекался к захвату хутора. Вот тут его личное дело. Я по старой памяти через Диму Горячих их из части взял. Если о Седове кратко — умный, толковый командир, талантливый изобретатель-рационализатор. Разработал несколько интересных образцов вооружения. В полку с начала июня, но уже ходит в любимчиках у начальства. Готовит свой взвод по какой-то им самим созданной программе и за короткое время добился неплохих результатов. Установил связь с еврейской диаспорой. Именно от них получил информацию о поляках, которую сразу же сообщил через Дмитрия нам. Сам же принял меры к проверке полученных сведений. При этом со своими бойцами захватил пленных и уничтожил засаду польских диверсантов. И все это до нашего прибытия.

— Молодец. Если он такой хороший и перспективный, то почему не у нас?

— Да, тут у нас кое-какой материал на него есть — и присланный из Москвы, и наш собственный, собранный уже здесь. Сначала разбирались, что к чему, потом начали

присматриваться. Дмитрий с ним имел разговор. А тут эти события...

— Ясно, не оправдывайся. Что там за материал из Москвы? Почему не видел?

— Вы как раз в Минске, в Наркомате были. Ничего срочного и важного. Лейтенант там отметился в связи со своей программой подготовки штурмового подразделения. Вот наших и заинтересовало. Просили присмотреть за результатами разработки. Мы все держим под контролем. Есть интересные моменты.

— Понятно. Что было дальше?

— Допрос пленных подтвердил сведения «Бунда» о подготовке диверсантами польской дефензивы акции против семей наших командиров. Совместными силами взвода Седова и пограничников была организована засада, где Седов со своими бойцами выступили основной ударной силой. Проявили себя очень хорошо и действовали максимально жестко по отношению к бандитам. Итог операции вам известен. Сейчас работаем с пленными и отрабатываем захваченные документы.

— Что сделано для установления личностей бандитов?

— У большинства были с собой документы, удостоверяющие личности как наши, так и польские. Есть и выданные немцами бумаги. Оpozнание трупов проведено. Неопознанными остаются несколько лиц, по которым работаем в нашей картотеке. Не идентифицирован и офицер, у которого нашли планшет.

— Надо продолжать работу с пленными. И все тщательно проверять! Посмотреть их связи и участие в акциях. Делать придется очень быстро. Особенно в свете этого отчета...

— Только своими силами мы со всем объемом информации не справимся. Тут сведения сразу по трем округам «Союза Возмездия»: Новогрудскому, Полесскому и Виленскому.

— Этот вопрос через Минск решим. Заодно попросим дополнительно нас усилить для ускорения процесса расследования. А пока надо будет привлечь всех наших сотрудников, попросить помощь у соседей и армейских особистов. Надеюсь, по старой памяти ни те, ни другие нам в помощи не откажут.

— Я тоже так думаю. Лучше всего нам быгодились

пограничники с их опытом работы.

— Предстоят массовые аресты и обыски. Нужны будут еще люди и транспорт, дополнительные места для размещения задержанных. А у нас и так все корпуса переполнены поляками! Надо будет согласовать отправку спецконтингента подальше отсюда.

— Для групп захвата можно привлекать тех же погранцов и соседей. Но тут может возникнуть проблема. У них завтра-послезавтра закончатся окружные сборы, что проходят в крепости, и личный состав разъедется по своим местам службы. Если брать с линейных застав, то границу оголим. Из 60-го полка НКВД тоже много людей брать нельзя — с учетом данных карты и отчета им самим надо сейчас срочно решать вопросы усиления охраны своих объектов. И в первую очередь мостов через Буг и Мухавец. Мы тоже должны там все посмотреть.

— Ты прав. Сегодня же надо будет собрать совещание по этому вопросу. А если конвойцев привлечь?

— Насколько я знаю, 132-й конвойный батальон загружен работой по самое не хочу. Все время в караулах. Личного состава не хватает, сержанты в тюремные корпуса начкарами ходят. Единственный выход — договариваться с армейскими. Хотя могут заочевряться. Им сейчас не до нас. Бегают задержанные. У них на субботу и воскресенье учения на полигоне запланированы с привлечением большой массы народа и техники. Готовятся. Часть личного состава привлечена к строительству в укрепрайонах, там тоже сроки поджимают.

— И какой тут выход? Портить отношения с армейцами лишний раз не стоит. Но сами не справимся — нужен одновременный захват массы фигурантов. Иначе можем многих недосчитать. Потом ищи ветер в поле... Вообще нужно иметь в штате специализированное подразделение по захвату, чтобы не отвлекать других от основной работы. На будущее надо будет обговорить с руководством.

— У меня все этот Седов со своим штурмовым взводом из головы не выходит. На самом деле хорошо действовали. Оружие и снаряжение у них есть свое, причем специально подобранное под такие задачи. Тактику действий тоже отработали. Опыта им, правда, не хватает, но если натаскать, вполне для нас сгодятся. Их командир полка, полковник Матвеев, нам навстречу сразу пошел.

Думаю, он и дальше не откажет в помощи. Горячих будет по своей линии контролировать, а мы по своей.

— Давай решай этот вопрос с полком. И еще. За успешные действия по захвату и уничтожению базы бандитов надо бы ребят поощрить. Поэтому, Андрей, надо согласовать вопрос с командованием полка и соседями насчет награждения бойцов, что участвовали в захвате и уничтожении бандитов. У нас в Управлении на всех представления подготовить и по нашей линии направить. Лейтенанта, группу Шарова к орденам, остальных отличившихся к медалям. Думаю, Цанава и нарком нас поддержат.

Виктор с его группой срочно потребовались в Бресте, нас же пока оставили на хуторе. Так что пришлось выделить группе Шарова лошадей. Надо было видеть печальное лицо Егорова, когда он их отдавал. Переживал на всю катушку.

После отъезда «чекистов» собрал сержантов — надо было решить вопрос по трофеям и занять личный состав делом. То, что бойцы расслабились, отдохнули и слегка пригубили парного молока, хорошо, но незанятый боец — «угроза миру, Уставу и спокойствию командира». А у нас и так дел с заботами полно. Например, излишки спрятать до лучших времен или определить оставшуюся от погибших хозяев живность. Следить за ней — дело приятное, но отрывать для этого личный состав от боевой подготовки мне совсем не нужно.

По итогам разбора полетов Новиков с несколькими бойцами ушел оборудовать схрон для излишков оружия и боеприпасов. Егоров, как старший по хозяйству, с отделением бойцов был направлен в лагерь, куда повел нескольких коров и лишних лошадей. С указанием коров сдать на кухню для обеспечения лесных жителей свежим молоком, а лошадиный состав содержать для взвода. Думаю, оттуда чужим их будет трудно выцепить. Для себя мы оставили на хуторе несколько лошадей и две подводы.

«Егеря» были направлены в лес искать польские схроны. Не верю я, что они все держали здесь, на хуторе. У таких подразделений, что мы разгромили, должны были быть на вооружении минометы и станковые пулеметы. Мы же не нашли здесь тяжелого вооружения. А «Browning wz.28», как ни крути, но на полноценный пулемет не тянет. Да и обнаруженный запас боеприпасов маловат. Значит, где-то рядом, на расстоянии дневного перехода от хутора, должны быть еще схроны. Так что

работа искать следы поляков парням есть. Оставшийся личный состав, не занятый в охране, засел за изучение нового оружия. Я же в сопровождении Никитина отправился в лагерь роты. Посмотреть, что там к чему, и узнать последние новости.

В лагере меня встретил Нестор. Личный состав под руководством сержантов был на занятиях и стрельбище. Приехало еще несколько семей, основной наплыв ожидался через несколько дней. Других новостей не было, он сам ждал их от меня. О том, что мой взвод временно прикомандировали к УНКГБ, он уже знал. Горячих сообщил ему и то, что мы пока будем располагаться на хуторе. Я рассказал о событиях прошедшей ночи, захваченных трофеях. А потом достал из ранца «ВИС-35» и вручил Нестору в качестве подарка. Радости было океан, как и обещаний обмыть подарок в самое ближайшее время. Под это дело я рассказал о том, что у нас во взводе теперь есть лишние пулеметы. Но сразу предупредил, что сдавать их на склад пока я не буду, так как в свете поставленных перед нами задач наличие еще одного пулемета в отделении может оказаться решающим. В принципе, против этого ротный не возражал. Тут к его неожиданной радости прибыл Егоров со своей командой и живностью. Сдав все ротному и договорившись о связи, мы к ужину вернулись на хутор. Там нас уже ждал Шаров. И не только со своей группой, выросшей на несколько бойцов, но и радистами.

Виктор рассказал о своей поездке в Управление. Допросы пленных, карты и сведения, добытые нами, показали наличие значительных польских подрывных сил на территории Западной Белоруссии. Поляки совместно с немцами собираются в ближайшее время провести масштабную провокацию на нашей границе. Одной из фаз этой операции был захват семейного лагеря и уничтожение командиров, приезжающих туда. Так что своими действиями мы нарушили их планы, о чем доложено на самый верх. Руководство довольно нашими действиями. Так что без наград точно не останемся. Но пребывать на лаврах нельзя. Сейчас ведется проверка полученной информации и нам надо быть готовыми выехать по первому требованию. Для этого нам выделяют несколько автомашин и радиостанцию. Сам же Виктор со своей группой будет встречаться с нами на операциях и иногда останавливаться на хуторе. Затем он представил мне сержанта-пограничника, прикомандированного к нам для организации радиосвязи. Тот доложил, что связь и дежурство на рации установлено. Задержавшись еще нанемного в лагере, Шаров с группой убыл по своим делам. Так начались наши последние мирные дни.

18 июня 1941 г. Москва обращается к Гитлеру о срочном направлении в Берлин заместителя Председателя Совнаркома Молотова для взаимных консультаций. Позже, 20 июня 1941 г., начальник ОКВ Франц Гальдер в своем дневнике сделал об этом запись: «...Молотов хотел 18.6 говорить с фюрером...»

Так что же делает фюрер германской нации? А Гитлер отказывает. Даже если бы он начал тянуть с ответом, это было бы для Кремля доказательством близости войны. Но Гитлер вообще отказал.

Из книги «Я — истребитель» генерал-майора авиации Захарова (перед войной командовал 43-й ИАД ЗапОВО в звании полковника):

«...Где-то в середине последней предвоенной недели... я получил приказ командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Протяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север — до Белостока.

Я вылетел на «У-2» вместе со штурманом. Все забито войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и совсем не замаскированные танки, бронемашины, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, штабные автомобили...

...Все, что я видел во время полета, наслаивалось на мой прежний военный опыт, и вывод, который я для себя сделал, можно сформулировать в четырех словах: со дня на день.

Мы летали тогда немногим более трех часов. Я часто сажал самолет на любой подходящей площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник.

Пограничник возникал бесшумно, молча, брал под козырек и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух и, пройдя 30–50 километров, снова садились. И я снова писал донесение, а другой пограничник молча ждал и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру, таким образом, мы долетели до Белостока...»

Там Захаров доложил зам. командующего ЗапОВО Болдину, который проводил разбор учений. Генерал Болдин информацию Захарова учел. Реакция Павлова в Минске была, по словам Захарова, совершенно иной: «...Генерал армии... поглядывал на меня так, словно видел впервые... В конце сообщения он спросил, не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно заменяла слово «преувеличивать» на «паниковать»...».

Из записки Наркома Госбезопасности СССР И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берия о массовом отъезде из СССР сотрудников Германского посольства и членов их семей и об уничтожении архивов Посольства

№ 2294/М 18 июня 1941 г. Совершенно секретно

По имеющимся в НКГБ СССР данным, за последние дни среди сотрудников Германского посольства в Москве наблюдаются большая нервозность и беспокойство в связи с тем, что, по общему убеждению этих сотрудников, взаимоотношения между Германией и СССР настолько обострились, что в ближайшие дни должна начаться война между ними.

Наблюдается массовый отъезд в Германию сотрудников посольства, их жен и детей с вещами.

Так, за время с 10 по 17 июня в Германию выехало 34 человека:

10 июня с. г.

1. Шлиффен — жена пом. авиационного атташе.

2. Хобуд — секретарь авиационного атташе.

3. Госстах — сотрудник германского консульства в Ленинграде.

12 июня с. г.

1. Рейхенау — секретарь военного атташе.

2. Заамфельд — сотрудница посольства с дочерью.

13 июня с. г.

1. Нейман — помощник военного атташе.

2. Эрдтман — машинистка посольства.

3. Гильгер — сотрудница военного атташата.

4. Латус — машинистка посольства.

5. Базенер — секретарь пресс-атташе Штарке.

6. Арнсвальд — лесной атташе с женой и сыном.

14 июня с. г.

1. Вальтер — советник посольства.

2. Ашенбреннер — авиационный атташе.

3. Рихтер — машинистка посольства.

4. Ангерсбах — стенографистка посольства.

5. Кирстейн — жена шофера посла Шуленбурга.

6. Ритцель — мать сотрудника посольства.

15 июня с. г.

1. Бенедикс — инспектор военно-морского атташата.

16 июня с. г.

1. Нагель — пом. военного атташе с женой.

2. Швиндт — помощник канцлера посольства.

3. Шуле — представитель германского информационного бюро.

4. Штарке — жена пресс-атташе.

5. Кейтингер — сотрудник посольства.

6. Ангерсбах — зав. школой при посольстве.

7. Кемпфе — жена референта посольства.

17 июня с. г.

1. Бретшнейдер — жена сотрудника посольства.

2. Пача — дочь сотрудника посольства.

3. Аурих — жена секретаря консульского отдела.

4. Харрен — жена сотрудника посольства.

Получили визы и заказали на 18 июня с. г. билеты на выезд в Германию:

1. Бауэр — сотрудница посольства.

2. Фишер — жена сотрудника посольства.

3. Штреккер — секретарь консульства в Ленинграде с женой.

Среди низшего персонала посольства из числа германских подданных проявлялось открытое недовольство тем обстоятельством, что ответственные сотрудники посольства отправляют свои семьи и имущество в Германию, но не дают указаний низшим служащим, как должны поступить последние.

В связи с этим 12 июня с. г. состоялось собрание обслуживающего персонала, на котором было объявлено о необходимости приготовиться к отъезду.

Сообщение ТАСС от 13 июня с. г. было встречено многими

сотрудниками посольства с удовлетворением и расценивалось как признак урегулирования взаимоотношений между СССР и Германией. Однако наступившее кратковременное успокоение 14 июня с. г. вновь сменилось возбужденностью и растерянностью и поспешными сборами к отъезду в Германию.

14 июня с. г. в Германию выехал германский авиационный атташе Ашенбрэннер, забрав с собой все имущество, в том числе легковой автомобиль.

В тот же день в Берлин выехал советник посольства Вальтер с каким-то специальным поручением.

Наряду со сборами к отъезду сотрудников посольства производятся спешная отправка в Германию служебных бумаг и сжигание части их на месте.

15 июня с. г. германский военный атташе Кестринг и его помощник Шубут в течение всего дня разбирали свои дела и сжигали документы. Сжиганием документов уже в течение нескольких дней заняты инспектор авиационного атташата Тадтке и секретарь этого атташата Радазевская.

10 июня с. г. НКГБ СССР ____ следующие разговоры между ____ и ____

____: Эти дела подлежат уничтожению?

____: Нет, в них говорится только о погоде. Они смогут спокойно оставаться здесь. Шеф сказал, что эти дела известны русским. Их мы оставили лежать в этой папке.

13 июня с. г. ____ следующие разговоры между ____ и его помощником ____:

____ А вообще-то вы сожгли все вещи?

____ Конечно.

____ Значит, у вас больше ничего нет?

____ Да.

16 июня с. г. всем сотрудникам военного, авиационного и военно-морского атташатов было объявлено распоряжение быть на своих квартирах не позднее 2 часов ночи.

Народный комиссар

государственной безопасности Союза ССР Меркулов

ЦА ФСБ. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 58. Лл. 1945–1948. В тексте

имеются пропуски. (Взято из сборника документов «1941 год», т. 2. Документ № 573.)

Из журнала учета посещений И. В. Сталина 18 июня 1941 г.:

1. Молотов 20.00–0.30 — заместитель Председателя Совнаркома, нарком иностранных дел
  2. Тимошенко 20.25–0.30 — Маршал Советского Союза. Народный Комиссар Обороны Союза ССР
  3. Жуков 20.25–0.30 — генерал армии. Начальник Генерального штаба
  4. Маленков 20.45–0.30 — секретарь ЦК и член Главного Военного Совета
  5. Кобулов 22.25–23.00 — заместитель народного комиссара государственной безопасности Союза ССР
  6. Жигарев 23.10–0.30 — генерал. Командующий ВВС
  7. Петров 23.10–0.30
  8. Шахурин 23.10–0.30 — народный комиссар авиационной промышленности Союза ССР
  9. Яковлев 23.10–0.30 — авиаконструктор
  10. Ворошилов 23.10–0.30
- Последние вышли в 0.30

К вечеру 18 июня 1941 г. Москва знала точно: война близка. Поняв, что Гитлер решился-таки на войну, Сталин не позднее вечера 18 июня 1941 г. начал отдавать соответствующие распоряжения руководству НКО. Директивой Генерального штаба РККА был отдан приказ о приведении войск в полную боевую готовность.

Из протокола допроса Павлова — бывшего командующего ЗапОВО и Григорьева — нач. связи штаба ЗапОВО:

«№ 5. Протокол закрытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по делу Павлова Д. Г., Климовских В. Е., Григорьева А. Т. и Коробкова А. А.

Москва, 22 июля 1941 г. Совершенно секретно

Отп. 1 экз.

Председательствующий — армвоенюрист В. В. Ульрих

Члены — диввоенюрист А. М. Орлов и диввоенюрист Д. Я. Кандыбин

Секретарь — военный юрист А. С. Мазур

В 0 часов 20 мин председательствующий открыл судебное заседание и объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича, бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских Владимира Ефимовича, — обоих в преступлениях, предусмотренных ст. 63-2 и 76 УК БССР; бывшего начальника связи штаба Западного фронта генерал-майора Григорьева Андрея Терентьевича и бывшего командующего 4-й армией генерал-майора Коробкова Александра Андреевича, — обоих в преступлении, предусмотренном ст. 180 п. «б» УК БССР...

1. Подсудимый Павлов.

«Предъявленное мне обвинение понятно...

...Я признаю себя виновным в том, что директиву Генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника. Я знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать...»

Подсудимый Григорьев.

Член суда т. Орлов. На л.д. 79, том 4, вы дали такие показания:

«Выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ, и полк имеет только караульную норму по 15 штук патронов на бойца, а обозно-вещевой отдел не разрешил взять из НЗ полевые кухни. Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отделы штаба не были ориентированы, что война близка.... И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность».

Подсудимый.

«Все это верно...»

Глава 13. Последние мирные дни

Эти дни я запомню надолго. По указанию руководства УНКГБ мы, словно пожарная команда, мотались по Брестской области, участвуя в разгроме польского подполья. По несколько раз в сутки на закрепленных автомашинах выезжали для ликвидации очередного схрона или базы поляков. Без боя обходилось редко, но мы выходили победителями. Пока нас бог миловал и потерь взвод не нес. Больше всего доставалось привлеченным пограничникам и бойцам из железнодорожного полка НКВД. Вот у тех были и раненые, и погибшие в скоротечных боях — все-таки не для этого их готовили. А нас от ранений спасали нагрудники и каски. У многих бойцов на них остались отметины от попавших пуль и осколков гранат. В итоге, видя, с каким интересом «чекисты» смотрели на наше снаряжение, пришлось часть нагрудников подарить Конторе, благо нам еще привезли.

Постепенно у моих бойцов накопился опыт взаимодействия друг с другом, с сотрудниками НКГБ и пограничниками. Те нам обеспечивали предварительную разведку объектов, а мы штурмовали или брали под свой контроль территорию. Особо при этом не церемонились. И нас за это не ругали. То ли посчитали отморозками и мясниками, то ли поняли, что так проще поступать с бандитами. Шаров мне рассказал, что после присоединения Западной Белоруссии в 1939 г. органы государственной безопасности вели активную борьбу с польским подпольем. И наши действия особо не выходили за рамки этой борьбы. В период с октября 1939 г. по июль 1940 г. в западных областях БССР было выявлено и устранено 109 различных повстанческих организаций, объединявших 3221 участника — 2904 поляков, 184 белорусов, 37 литовцев и 106 человек других национальностей. Одновременно из западных областей Белоруссии проводилось выселение в отдаленные районы страны осадников, служащих лесной охраны, польских офицеров, полицейских, служащих государственных учреждений, помещиков, предпринимателей.

Бывая в городе, я видел усиление патрулей и охраны важных объектов. В первую очередь это касалось мостов вокруг города. То ли мои слова были тому причиной, то ли что еще, не знаю. Но считаю это правильным.

По словам Виктора, в городе прошли аресты целого ряда активистов польского подполья. Кроме всего прочего, задержали еще и несколько диверсионных групп немцев. Корпуса Брестской тюрьмы были забиты до

отказа. Хорошо еще, что начали перемещать из Бреста в глубь страны тех, в отношении кого уже были приняты решения. Так стали вывозить бывших польских солдат и офицеров, ранее содержавшихся в «Бригитках». Следователи и оперативный состав работали практически без сна, сутками напролет. Для помощи сюда были дополнительно направлены специалисты из Минска. Кроме того, привлекли сотрудников особых отделов частей гарнизона. Среди них был и Сергей Акимов. По просьбе Шарова его дали к нему в группу.

Виктор Шаров остался при нас куратором от Конторы, практически ежедневно бывая во взводе. А вот с хутором пришлось распрощаться и вернуться в лагерь. Для этого было несколько причин.

Во-первых, транспорт не мог по лесу близко подъехать к нам, а пользоваться имеющейся дорогой к хутору посчитали неправильным из-за опасений привлечь к месту ненужное внимание. А то и так уже слухи пошли. Но там по-прежнему оставалось одно из наших отделений для охраны и присмотра за округой.

Во-вторых, я оказался прав — «егеря» в нескольких километрах от хутора нашли еще одну базу поляков. И если хутор был, скажем так, визитной карточкой, то вот лесной лагерь оказался задним двором, куда посторонних не приглашают. Нашли его Одинцов с Максимовым случайно. Почему случайно, спросите вы. А как по-другому это назвать, когда, возвращаясь обратно на хутор с обследования очередного квадрата леса, они напоролись на запах табака. Проверили и нашли пост охраны из трех человек с пулеметом «МГ-34», которые приятно проводили время за курением на свежем воздухе. Судя по надетым на них камуфлированным комбинезонам, которыми сейчас могли похвастаться только немецкие десантники, ребята были очень и очень непростыми, но почему-то вели себя абсолютно беспечно. Срочно пришлось поднимать всех снайперов с «егерями» и брать базу.

Как брали? Сняли из бесшумок пулеметчиков, а соню в унтер-офицерском звании пеленать и допрашивать. Запирался он недолго. Вот и верь после этого в несгибаемых польских патриотов. Поплыл практически сразу, а рассказывал о схеме обороны и устройстве лагеря так быстро, что не успевал записывать. Охраняло лагерь три поста, с четвертой стороны к лагерю близко подступала река, и туда на день выставлялся наблюдатель. Все посты были оборудованы телефонной связью и вооружены пулеметами. Лагерь построен был еще до войны, для нужд Корпуса охраны пограничья и дефензивы — польской разведки, поэтому в его охране использовались сотрудники этих организаций. Имеется радиосвязь с

подпольем в Варшаве, рация в одном из бункеров. В лагере шесть бункеров: три для личного состава, склад, кухня и офицерский бункер, где и расположена рация. Всего на базе может одновременно находиться до сотни человек, но сейчас там было двадцать пять человек тех, кого оставили для охраны. Остальные должны были вернуться через сутки. Продукты доставляли с хутора, на котором живет родственник командира. В принципе мне этого хватило. Охрану сняли быстро, а остальных во время их похода на завтрак — кушать изволили на свежем воздухе. Пленные нам были не нужны, а снайперам и «егерям» требуется постоянная практика. В итоге получили отличную операционную базу с богатыми трофеями. Особенно обрадовался новеньким пулеметам «MG-34» и рации. Трупы поляков сдали Виктору как уничтоженные засадой у хутора. Вроде прошло, особо не копались. Лесное кладбище увеличилось на еще одну могилу.

На охрану базы пришлось выделить одно отделение, зато отпала необходимость в подготовке схрона — получили сразу готовый. Но с хутором не прощались. Зачем привлекать лишнее внимание? Хотя на нем и осталось пять бойцов во главе с Егоровым для пригляда за строениями и животными. Ну, и так на всякий случай — вдруг еще кто пожалует.

Людей просто не хватало. Считай, половину взвода пришлось растащить по объектам, но оно этого стоило. На операции приходилось выезжать неполным составом. Основную работу делали снайпера и «панцирники» из первого отделения. Привлекали и бойцов 3-го взвода.

Участие в операциях позволило довооружиться, обеспечить взвод всем необходимым, легализовать трофеи. В стрелковых отделениях прибавилось по несколько ручных пулеметов «MG-34», заменивших «Браунинги» и «дегтяри». Те сдали в роту. Тем более Бог ведь велел делиться с ближним, вот мы и поступили по его заветам, отдали ненужное. Нестор был этому только рад.

В штаб полка поступил приказ о сдаче на склады всех видов оружия старых образцов, боеприпасов и даже патронов НЗ, а также личного оружия командиров для проверки его технического состояния. Из роты и батальона пришлось сдать на склад «мосинки» и «максимы». Командный состав вообще без личного оружия остался. При других обстоятельствах, считай, разоружили бы части. Но у нас, благодаря решению командира полка, перевооружение проходило более или менее нормально, в отличие от остальных частей, где была полная задница. Приезжавшие на побывку к семьям командиры рассказали, что на партсобрании в одной из частей задали вопрос: «Почему мы сдаем оружие и патроны НЗ? Логичнее получить вначале новое: ведь мы находимся в нескольких сотнях метров от

границы». Ответ был лаконичен: «Приказы не обсуждаются, а исполняются...». Вот и исполняли, оставшись без оружия и боеприпасов. У нас с этим все же было полегче — хоть новое вооружение было. Рота получила большое количество винтовок «СВТ», но многие бойцы оставались не обученными к обращению с ней. Да и с остальным вооружением были проблемы — на всех не хватало. Например, тыловому составу и писарям вообще ничего не выдали. А тут такая неучтенка! Сразу восемь нештатных ручных пулеметов на роту.

Мои бойцы преобразились. В них появилась уверенность в себе. Как-никак побывали под огнем врага, самим пришлось убивать. Двигались как на пружинах, все исполняли быстро и четко. Мне стали больше доверять. Во взводе сложилась своя собственная внутренняя структура. От сержантов все чаще приходили дельные мысли и предложения. Было чувство, что мои бойцы стали для многих элитой, одним своим внешним видом отличаясь от других. Подтянутые, спортивные, в ухоженной и чистой форме, они смотрелись лучше остальных. И это была головная боль ротного и старшины. Комиссар уже не раз указывал на отличие моих от остальных бойцов. Да и по вооружению мы заметно выделялись. У вторых номеров снайперов появились свои снайперские винтовки и оптика. Бойцы ходили с трофейными «наганами», с металлическими флягами и немецкими котелками. «Наганами» тоже пришлось делиться, отбирая у автоматчиков для командиров батальона, а то с перевооружением они совсем без оружия остались. В моем рюкзаке ждал своего часа «Зауэр» с глушителем.

Затариваясь на выездах трофеями, не нагнали. Все лишнее сдавали чекистам по акту. На то, что мы затариваемся внештатным оружием, Шаров смотрел сквозь пальцы, видя в наших действиях не корысть, а необходимость. Особенно когда при штурме одной из баз огнем наших пулеметов удалось загасить сразу несколько огневых точек поляков, прижавших к земле «чекистов». Тем более что все остальное нами сдавалось безукоризненно, в том числе деньги и драгоценности. Захваченное продовольствие делилось на три неравные части: большая часть поступала на кухню в общий котел, одна сдавалась в ХОЗО УНКГБ, а последняя шла в наш схрон. Туда же складывались и лишние боеприпасы. О его местонахождении знали только Новиков, снайпера и «егеря».

Наши частые отлучки огорчали Нестора, так как срывали график боевой подготовки. Но он все прекрасно понимал, видя измученные лица бойцов после их возвращения из очередного выезда. Мы много и часто с ним разговаривали в свободное время. О чем говорили? О будущей войне. О том, что она будет со дня на день, уже никто не сомневался. Вот я и

пытался донести до Нестора свои взгляды на возможные проблемы с семейным лагерем и действиями роты. Одним из итогов наших разговоров можно считать то, что он, взяв у меня кроки карты, в сопровождении нескольких сержантов на лошадях проехался по предполагаемому маршруту эвакуации, ища наиболее безопасные и быстрые. К этому его подвигло и участие в одной из таких бесед комиссара полка и секретаря парторганизации. Кстати, наши женщины активно участвовали в военной подготовке — каждый день ходили вместе со всеми на стрельбище и жгли патроны, учась стрелять из револьверов и винтовок. Получалось это у них очень хорошо, лучше некоторых бойцов, чем и пользовались в воспитательных целях. Хорошо у женщин шла и медицинская подготовка: перевязки они накладывали превосходно, небольшие раны лечили тоже отлично. Дети, не отставая от взрослых, постигали науку выживания в лесу. Отличным учителем оказался Петр Ерофеев, в свободную минуту приходящий к детям и рассказывавший им о лесе. В связи с этим удалось протолкнуть мысль о военизированном походе-прогулке по лесу вечером 21 июня с ночевкой на хуторе, костром, шашлыками и рыбалкой. Народ купился и согласился.... Под это дело заказали на всех вещмешки и маленькие размеры военной формы и сапог.

Из приказа НКО от 19 июня 1941 г. за № 0042 (РИ):

«...по маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано...

...Аналогичную беспечность к маскировке проявляют артиллерийские и мотомеханизированные части: скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели. Танки, бронемашины, командирские и другие спецмашины мотомеханизированных и других войск окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемы не только с воздуха, но и с земли. Ничего не сделано по маскировке складов и других важных военных объектов...»

19 июня 1941 г. управления Западного и Киевского особых округов были преобразованы во фронтовые. Под Барановичами, в районе станции Обуз-Лесная, разворачивался фронтовой командный пункт ЗапОВО.

Как и обещали, утром 20-го к нам в лагерь приехали Самуил Абрамович и Михаил. Им сильно повезло — мы только что вернулись с очередного выезда. Я был рад их приезду, вернее тому, что они доставили заказ. Нагрудники сразу пошли в дело, а карты легли ко мне в рюкзак. Он, кстати, значительно потяжелел, хотя я туда вроде бы не так много и положил...

Помявшись, Самуил Абрамович денег за заказ с меня брать не стал, попросил рассчитаться продуктами, предложив очень приличный курс обмена. Я согласился, тем более что был запас продуктов, захваченный у поляков. Стоило мне согласиться, как тут же последовало предложение продать по хорошей цене еще. Да и список требуемого продовольствия значительно расширился. Подумав и прикинув, сколько мы сможем скинуть из наших запасов, я согласился.

Вызвав Новикова, поручил Самуила Абрамовича его заботам. Спросите, почему согласился? А зачем оставлять немцам запасы советских дензнаков? Им и так в городском банке 25 миллионов рублей достанется из-за того, что деньги не успеют вывести. Да и нам во время путешествия по тылам пригодятся — люди ведь разные попадают: одни просто так покормят, а другие денег за еду попросят.

Михаил стоял в сторонке и не вмешивался в наши переговоры с Самуилом Абрамовичем. У каждого свой «бизнес». Как только Самуил Абрамович скрылся за Новиковым, Михаил подошел ко мне:

— И говоришь, что ты не еврей??? Так торговаться, что ободрал бедного Самуил Абрамовича! Но все равно продешевил. Можно было раза в два цену поднять!

— Что так?

— А ты не в курсе?

— Смотря чего?

— Понятно все с тобой. Тут недавно в городе были учения по светомаскировке. Так народ перепугался и теперь скупает все, что есть: спички, крупу, соль, муку. Сбрасывает советские деньги. Сейчас немецкие марки в ходу. Вот Самуил Абрамович и поторопился на этом заработать. У тебя случайно марок нет? А то бы приобрел.

— Согласен. Действительно упустил свою прибыль. Ну, да что было, не вернешь. А марок нет. Хотя кто его знает...

Дальше разговор пошел о разгроме польского подполья, арестах и поисках диверсантов, захвате у них оружия и боеприпасов. Вот интересно, откуда они все знают? Ведь явно кто-то сливает им инфу — всего несколько суток прошло, а они уже в курсе! И сидит этот информатор в

УНКГБ или УНКВД. Ну, да это сейчас не мое дело. Михаил просил для себя оружия и боеприпасов из числа трофеев, типа они тоже поучаствовали — поделились данными. Пообещал подумать о том, как решить этот вопрос. Была у меня в памяти одна зацепка, но для этого мне нужно было попасть в город и посмотреть своими глазами. Рассказал мне Михаил и о настроении среди диаспоры. Часть ее готовилась встречать немцев как своих освободителей шампанским и музыкой. Идиоты!!! Ну, да они сами себе выбрали путь. Остальные, что помоложе, в субботу вечером уйдут в леса. Для этого все готово — есть где укрыться, но нет оружия, чтобы сражаться. В случае чего помогут нашим. Кто сможет, будет пробираться на восток, остальные будут сражаться с общим врагом. Кстати, билетов на поезда, идущие на восток, уже нет. Все раскуплены, и скупают их не спекулянты. С информацией о возможной дате войны было послано сообщение в представительства Конторы в Бресте и Минске. Но, похоже, там и не думают чесаться. Так что дело пахнет керосином, и очень большим. Весело будет всем....

Договорился с Михаилом о связи в Бресте сейчас и с началом войны. На мою карту он нанес несколько точек расквартирования их партизанских отрядов и объяснил, где расположены почтовые ящики для связи. Обговорили пароли и явки. И после этого пожадничать с трофеями? Я же не жмот, мы себе еще найдем. Пришлось по такому поводу достать из рюкзака трофейный «наган», припасенный на всякий случай, и подарить Михаилу. Наш разговор был прерван возвращением Самуила Абрамовича с радостной улыбкой на лице. Все, что ему было нужно, выдали и даже загрузили, и он готов был приехать еще. Я всегда рад их видеть. Попрощавшись, они уехали, оставив меня один на один со своими мыслями.

А мысли бежали, цепляясь одна за другую. Какие? Ох и разные... Начиная от «Что еще сделать, чтобы наши вывели войска из мышеловки или хотя бы были в состоянии боевой готовности к началу войны?» до вопросов типа «Где достать оружие для «наших парней»?». То, что среди них достаточно мужественных и храбрых ребят, известно, но как они будут воевать с немцами? Как будут взаимодействовать с советским командованием и партизанами? Тут ведь нужен большой политик с реальной и холодной головой. Чтобы после войны решить вопрос, кто будет создавать и возглавлять ЦАХАЛ и, главное, с кем будет Израиль. Не думаю, что Иосиф Виссарионович откажется от создания Социалистической Республики Израиль на подмандатной англичанам территории в Палестине. Но вот где мне искать такого специалиста? Так

что вопрос на вопросе и им же погоняет. А пока все данные надо на листочек бумаги, ибо лучшая память — это карандаш.

О том, что я провожу макли с евреями, кто-то обязательно донесет особисту. Хотя я и довожу ему полученные от них данные. Но ведь все равно настучат! И ничего тут не поделать — служба у них такая. Вычислять, кто стучит ему, я принципиально не стал. Зачем? Мне скрывать от органов нечего. Пусть они об этом знают и будут уверены. Интересно, кто на меня дело ведет: Горячих или уже контора Шарова? Или оба сразу стараются, бумагу переводят? Пусть делают, лишь бы уничтожили при отступлении. А то в моей истории все, что делали, немцам досталось. Какой-то бывший русский полковник утром 22 июня в пустом здании Управления все дела собрал себе в мешок, а потом при немцах перебирал и сдавал нашу агентуру. Немцы ему отдельный кабинет в здании СД для этого выделили.

Вообще, блин, как реализовать всю имеющуюся информацию и не загреметь? Кто бы подсказал? Как же жить без компа тяжело! Взял бы с народом посоветовался, а то варюсь в собственном соку, использую только свои мозги и остатки знаний. Там, в мире цифровых технологий, задал вопрос — и тут же получаю виртуальные ответы: как лучше сделать, что для этого надо и где все это добыть. Хорошо! А тут сидишь в лесу и даже коньяк выпить с шоколадкой некогда.

* * *

Около обеда ко мне в палатку ворвался сержант Малышев и с ходу заявил: «Товарищ лейтенант, тут распоряжение из Управления — вас с группой на вызов требуют. Сопровождающий будет ждать у 3-го форта».

— Раз требуют, так, значит, выполним. Собери сержантов и водителей. И доложи в Управление, что выезжаем через полчаса...

Домой в лагерь мы вернулись уже ночью. Была очередная ликвидация опорной точки поляков. Так слегка пришлось побуяннить, благо никого рядом из гражданских не было и обошлось только парой очередей в потолок, да гранатой в окно. Правда, оружия собрали много. Но все сдали под роспись. Старшим группы был незнакомый лейтенант ГБ из Минска. С пронзительным, внимательным взглядом и накачанной тренированной фигурой. Зачем лишний раз нарываться и создавать себе проблемы? Взяли себе из польских трофеев в качестве контрибуции ящик патронов к «ТТ», и все.

Потом почти два часа описывали, что и как делали, кто кого прикрывал и почему именно так, а не иначе. Чертил схемы действий групп и пар при штурме объектов, что мы брали за все эти дни. Почему именно это оружие использовали, а не другое и т. д. и т. п. Вдумчиво нас так всех поспрашивали, со знанием дела. Короче, писанина и никаких тебе постреляшек.

Одна радость — Серегу Акимова повстречал и плотно пообщался за стаканом чая в столовой Управления. Договорились на завтрашний вечер, по возможности, встретиться в ресторане на железнодорожном вокзале.

В лагере нас ждали новости. Очередное усиление охраны. Прибыла куча семей командиров с детьми, домочадцами и чемоданами. Всего здесь собралось около 50 семей военного люда соседних с нами частей. Хорошо, что для их размещения было заготовлено нужное количество палаток, а полевая кухня наготовила еды.

Наши «лесные жительницы» радостно встречали своих товарок, знакомых по совместной жизни в крепости. Помогали с размещением и обустройством, рассказывали, что где находится и чем тут можно заниматься. Дети радостно купались в реке. Отцы семейств привычно кучковались, обсуждая вопросы военной жизни и звякая захваченной посудой. Нестор и несколько молоденьких политруков, замученные свалившимися на них заботами, еле передвигали ногами. Вовремя я от этого отмазался! Так что крепитесь, ребята, вам еще многое предстоит пережить, особенно завтра и послезавтра.

Меня эти заботы практически не касались. Все, что было связано с выходом к хутору и проведением там ночи, уже было сделано руками группы Егорова. Заготовлены дрова, убраны и отмыты помещения, площадки под палатки подготовлены, продукты ждут, когда их подадут на стол. С одной стороны, можно было бы и не заморачиваться с этим выходом, но слишком была большой вероятность, что наш лагерь засвечен. И, не добившись его захвата поляками, немцы просто проведут бомбометание по нему. А оно мне надо? Так что пусть народ прогуляется, посмотрит окрестности и подышит свежим воздухом, поест вкусной еды. Когда еще получится? И до лагеря сравнительно недалеко. Надеюсь, коновязь у гати уже соорудили. Так что в части товарищи командиры к завершению обстрела немцами успеют. Ну, а у моих бойцов на все случаи жизни есть конкретные инструкции, которые они в любом случае должны выполнить. Надеюсь, что они это сделают, если меня с ними рядом не будет. Ну, да это случится послезавтра утром, а пока меня ждали заслуженный ужин, рюмка коньяка и мягкая подушка. И от женщины я бы

не отказался. Да где же ее взять посреди леса?

**Из приказа Начальника погранвойск НКВД
Белорусского округа об усилении охраны границы(РИ):
б/н 20 июня 1941 г.**

В целях усиления охраны границы ПРИКАЗЫВАЮ:

1. До 30 июня 1941 г. плановых занятий с личным составом не проводить.

2. Личный состав, находящийся на сборах, на учебных заставах, немедленно вернуть на линейные заставы и впредь до особого распоряжения не вызывать.

3. Весь личный состав ручных пулеметчиков пропустить через трехдневные сборы на учебных заставах, вызывая по два пулеметчика с каждой линейной заставы.

4. Выходных дней личному составу до 30 июня 1941 г. не предоставлять.

5. Пограннаряды в ночное время (с 23.00 до 5.00) высылать в составе трех человек каждый. Все ручные пулеметы использовать в ночных нарядах в наиболее важных направлениях.

6. Срок пребывания в наряде в ночное время — 6 часов, в дневное — 4 часа.

7. Расчет людей для несения службы строить так, чтобы с 23.00 до 5.00 службу несли на границе все люди, за исключением возвращающихся из нарядов к 23.00 и часовых заставы.

8. На отдельных, наиболее уязвимых фланговых направлениях выставить на десять дней посты под командой помощника начальника заставы.

9. Контрольную полосу днем проверять кавалеристами в составе двух человек каждый наряд, срок службы — 8–9 часов непрерывного движения влево и вправо по участку.

10. Ночью проверку КП и каждой точки проводить не реже, чем через полтора часа. КП каждой заставы разбить на два-три участка.

11. Пограннаряды располагать не ближе 300 м от линии границы...

Печатается по сборнику документов «Пограничные

войска СССР. 1939 — июнь 1941 г.», с. 402, Документ № 591.

20 июня 1941 г. МИД Великобритании делает официальное заявление о невозможности мира с Германией и официальном аресте Гесса. Также Форин-офис предлагает правительству СССР возобновить переговоры о подписании мирного договора на приемлемых для обеих стран условиях. С этой целью в Москву 23 июня 1941 г. должна прибыть делегация правительства Великобритании, наделенная всеми необходимыми официальными полномочиями.

Из журнала учета посещений И. В. Сталина 20 июня 1941 г.:

1. Молотов 19.55–0.45 — заместитель Председателя Совнаркома, нарком иностранных дел
  2. Каганович Л. 19.55–0.45
  3. Ворошилов 19.55–0.45 — Маршал Советского Союза
  4. Микоян 20.15–0.15 — нарком внешней торговли
  5. Берия 20.20–0.45 — заместитель Председателя Совнаркома Союза ССР, нарком внутренних дел
  6. Меркулов 20.45–21.15 — нарком государственной безопасности
  7. Вышинский 22.00–23.20
  8. Маленков 23.45–0.45 — секретарь ЦК и член Главного Военного Совета
  9. Микоян 23.20–0.45 — авиаконструктор
  10. Третьяков 23.20–0.45
  11. Петров 23.45–0.45
  12. Жигарев 23.45–0.45 — генерал, Главком ВВС
  13. Шахурин 23.20–0.45 — народный комиссар авиационной промышленности Союза ССР
- Последние вышли в 0.45 21/VI 41

Из воспоминаний П. А. Судоплатова:

«...20 июня Эйтингон позвонил давнему знакомцу по Испании, командующему ЗапОВО Павлову, и по-дружески поинтересовался, на какие приграничные районы стоит обратить особое внимание в случае начала войны, но Павлов в ответ «заявил нечто... невразумительное»...»

Глава 14. Накануне

Отоспаться нам не дали, снова подняв ни свет ни заря на срочный вызов. И в этот раз чуть не влипли по самое не хочу...

А начиналось все так хорошо! На выезд выдвинулось два отделения: одно автоматчиков-«егерей» и снайпера. Добрались до места без приключений, выгрузились, выслушали указания от того самого лейтенанта ГБ (он так и не представился), изучили карту и объяснения разведчиков в штатском, что проверили подходы к очередному хутору. Построившись в походную колонну с головным и боковыми дозорами, двинулись к месту назначения.

Лейтенант ГБ стал возмущаться из-за выдвижения боковых дозоров: «Зачем они нужны, и так все ясно! Время только зря тратим!» Но я его высказывания пропустил мимо ушей — мне моя и моих подчиненных жизни все-таки важнее будут. Идти надо было около километра по наезженной в перелеске дороге. Впереди шли проводники, за ними на расстоянии метров пятнадцати головной дозор, а еще метров через тридцать основная группа. Замыкал наше построение тыловой дозор. Метров через триста от места выгрузки нас накрыли из пулемета. Он бил из кустарника, расположенного метрах в ста правее дороги, и работал там спец. Стрелял пулеметчик короткими и экономичными очередями по три-пять патронов. Первой же очередью он причесал наших проводников, потом перенес огонь на основную колонну, посчитав за таковую головной дозор. А затем снова вернулся к проводникам, добивая их. Мог бы и не стараться — им первой очереди хватило. Не знаю, что было бы с моими парнями из дозора, если бы я не заставлял носить на операциях нагрудники. Именно они их и спасли, остановив предназначенные бойцам пули. Раскатившись по сторонам от места падения, парни открыли ответный огонь. Пулеметчику сменить бы позицию и рвануть от места засады, но он этого не сделал, чем и подписал себе приговор. Ребята из бокового дозора быстро сориентировались, зашли с тыла и подавили огнем своего пулемета, а затем закидали пулеметчика гранатами.

На позиции остались лежать два трупа: пулеметчика — мужика лет сорока и его второго номера, парня лет двадцати. Документов при них не было. Нам этот бой обошелся погибшими проводниками и четырьмя пробитыми нагрудниками. Металл нагрудников и подкладка остановили пули. Так что мои парни отделались лишь сильными ушибами грудной

клетки, да у двоих оказались касательные пулевые ранения. В общем, легко, можно считать, отделались. Пулеметчикам бы еще немного подождать и уже тогда накрыть всю группу, но, видимо, они посчитали лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небе.

Посоветовавшись, решили продолжить операцию. На хуторе выстрелы и взрывы должны были услышать. Раз так, то остальные бандиты могут скрыться, но все с собой унести не смогут. А нам и этот вариант тоже подойдет. Оставив раненых на месте засады, отправили вперед разведку и усилили наблюдение по сторонам.

На хуторе нас ждала торжественная встреча. Правда, торжественный оркестр заменил праздничный салют из нескольких винтовок и пулемета, прикрывавших отход в лес группы боевиков. В бинокль я насчитал шесть человек. За отходившими в лес направил «егерей», а снайпера стали гасить огневые точки и отвлекать на себя «хуторян». «Светка» для этого очень хорошо подошла. С оставшимися бойцами стали подбираться к хутору.

Если бы знал, что поляки такие раздолбай, сделали все куда быстрее. Во дворе нашелся всего один «защитник демократии» со старой винтовкой, изображавший боевое охранение. Он остался лежать под телегой с пулей в голове, так и не обнаружив нас. Те, что были в доме, из окон продолжали стрелять в сторону наших позиций.

Вообще, какие-то неправильные поляки нам попались. Давно ведь известно — задержал своим огнем наступающих, дал возможность остальным уйти, сам ноги в руки и отходи. Вырвись из помещения на свежий воздух на свободу. А эти как засели в доме, так там и сидели. Даже за своим тылом не присматривали, отстреливаясь от снайперов. Ну, да и бог им судья. За нарушения Уставов наказывает прокурор, вот мы им и стали. Закинув в окошки гранаты, а затем, прикрывая друг друга огнем, ворвались внутрь. Положили всех, особо править не пришлось. Самое противное было в том, что стрелками оказались женщины. Молодые и симпатичные. Я сначала не поверил и обошел все комнаты. Везде были следы поспешного бегства. На полу, среди разбросанных вещей, лежали гильзы и патроны. Мужиков, как и детей, нигде не было. Этих-то куда подевали, амазонки недоделанные? Или они тут одни и были? Так в бинокль я видел явно мужские фигуры. Прочесав дома и постройки, дали сигнал нашим. Те появились из леса и перебежками бросились к нам. Со стороны, куда отступили поляки, раздались несколько винтовочных выстрелов. Наверное, это кто-то особо храбрый пытался прикрыть отход «хуторян». Но тут же в ответ раздалась короткие рыки автоматов — «егеря» нашли своих «браконьеров» и отпускать их не собирались. Вскоре

там все стихло.

Минут через десять с той стороны появилась небольшая колонна пленных с носилками в руках под охраной Максимова и Одинцова. Потом вернулась и вторая пара «егерей» с трофеями в руках. Целыми и здоровыми, а то я уже волноваться начал.

Из остальных членов нашей группы пострадал только «Чекист», по своей глупости схлопотавший пару пуль в руку, когда пытался из пистолета достать засевших в доме. Прибывшие с нами опера стали заниматься своими делами, осматривать трупы, документировать и допрашивать пленных. Мы помогали, как могли, стараясь не мешать спецам, и пополняли свой боекомплект за счет трофеев. «Чекист», после перевязки, снова стал нас пытаться о наших действиях. Все никак не угомонится. К часу дня на хуторе все закончили, и мы дружной толпой вернулись в город.

Обедали в столовой Управления, где нас уже знали и вопросов не задавали. Кормили сытно и плотно — кому не хватало, повара давали добавки, не жадничали. Здесь я встретился с Сергеем, который тоже только что вернулся с выезда. Наши с ним договоренности оставались в силе. Тем более что на завтра для военных в гарнизоне был объявлен первый в этом месяце выходной. Кроме того, сообщили, что отменен запрет на отпуска, введенный недавно. И в школах сегодня выпускной. Будет море красивых и нарядных девушек.

**Из разговора, состоявшегося в обед 21.06.1941 г. в здании
УНКГБ по Брестской области на ул. Советской, д. 14, г. Брест:**

— Что с ликвидацией польского подполья?

— Все нормально. Аресты выявленной агентуры практически завершены. Остальных постараемся взять в ближайшее время. Продолжаем работу с арестованными, уточняем детали и связи. Недавно привезли еще одну партию. Лейтенант Седов со своим взводом снова отличился — сегодня сумели в бою ликвидировать еще одно гнездо бандитов и захватить пленных.

— Понятно. Как у них с потерями?

— Есть и потери. Сегодня при операции двое наших оперативников погибли. Тогда же в руку ранен Сергей.

— Что-то серьезное? Как же так?

— Две пули поймал во время перестрелки. Наш врач осмотрел. Кости не задеты. Пули прошли через мягкие ткани навылет. Рану почистили и обработали на месте,

квалифицированно и вовремя. У лейтенанта во взводе потерь нет. Легкие ранения получили двое, нагрудники спасли — приняли на себя предназначенные им пули. Бойцы отделались синяками и испугом. После оказания медпомощи остались в строю.

— Молодцы. Надо их будет тоже представить к награждению.

— Уже готово. Сергей, как вернулся с операции, так сразу же засел за бумаги и все приготовил. Скоро принесет на подпись.

— Я вот что думаю, Андрей. С учетом имеющейся информации нам надо принять меры к срочной эвакуации отсюда архивов и ненужных здесь материалов.

— Это правильно. Я боюсь, что мы не успеем все быстро собрать и эвакуировать. Придется это делать под огнем немцев, бегом. Точно что-нибудь оставим или не успеем уничтожить. Затягивать с этим нельзя, начинать надо сегодня. Штаб корпуса уже все приготовил к своему бегству.

— Это точно?

— Да. Со вчерашнего дня все пакуют, готовят к вывозу.

— Тогда вот что. Всех, кто свободен, брось на подготовку материалов к эвакуации. Лично проследи, чтобы ничего не забыли. Ненужные бумаги уничтожить здесь, на месте. Оставить только необходимое для работы.

— Вывозить когда и чем будем? Поезд на Минск только утром будет.

— Сегодня автотранспортом. Машины возьмем в автобате. Охрану организуй из своих — человек пять с пулеметом. Старшим колонны пусть Сергей поедет. С его ранением ему все равно здесь больше делать нечего. Вот пусть и возвращается в Минск. Свое поручение он выполнил: на взвод Седова посмотрел, в деле его видел. Если ему еще какие материалы потребуются, то сами соберем и вышлем.

— Охрана не маловата? Вдруг что в дороге случится? Не сносить нам тогда головы. Может, попросить еще людей или пару броневигов для усиления охраны?

— Правильно. В 22-й танковой пару «БА-10» можно взять на усиление. С нашей колонной за городом встретятся и сопровождают до Минска. Возьми согласования на себя. Если не будет получаться, скажешь мне.

— С заключенными что будем делать? Мы всех сразу

эвакуировать не сможем.

— Что делать? Поступим, как и положено поступать с врагами народа и предателями. Закончите с архивами, займетесь ими. Всех, в отношении кого есть решение, надо будет привести в исполнение. Транспорт и конвой 132-й конвойный батальон предоставит.

— А они смогут? Насколько я знаю, у них одна рота занимается конвоированием эшелона, одна на охране тюрем. В казарме сейчас должна находиться только третья рота. А она не полного состава — только суточный наряд и отдыхающая смена. Может, взвод Седова привлечь? Для ускорения процесса, так сказать?

— Не надо. Не будем нарушать приказы, своими силами обойдемся. Скоро нам здесь, в Управлении, этот взвод потребуется. А пока пусть побудет в резерве. Сегодня суббота, вот пусть Шаров и отправит их для отдыха в крепость, помогут в бане, расслабятся. Если потребуется, вызовем. И еще, надо будет аккуратно предупредить наших сотрудников о возможной эвакуации. Пусть подготовятся, но так, чтобы никто не знал. Надо еще предупредить слухачей из 474-го отдельного радиодивизиона о готовности свернуть свою работу и максимально быстро эвакуироваться в Минск. Если им в этом нужна будет помощь и дополнительная охрана, попросим в погранотряде...

Дневное донесение I.R.130 от 21.06.1941 (РИ) 130-й пехотный полк. Полковой командный пункт 21.06.41. Отдел 1а 14.15

Дневное донесение

...В 12.30 ч. полевой караул Набера (I батальон) обнаружил русскую моторную лодку, прошедшую вверх и затем вниз по Бугу. Пассажиры не носили никаких кителей. Судя по брюкам и головным уборам, это были солдаты. Немецкий берег наблюдался с биноклями...

Подпись(Гипп)

Дневное донесение I.R.135 от 21.06.1941 (РИ) 135-й пехотный полк. Полковой командный пункт 21.06.41

Отдел Ia

Дневное донесение

1) 20.6.41, 22.20 ч. обер-лейтенант фон Фуметти (наблюдательная вышка) сообщал:

«На укреплении Центральной цитадели рядом с мостом цитадели находятся 6 моторных лодок. В дальнейшем 3 надувные лодки от укрепления Центральной цитадели плыли к Западному острову. Возможно, боевая разведка».

Затем было предписано:

1) III/I.R. 135 выставляет 2 следующих полевых караула в силе минимум 1 отделения:

а) между фланкирующей батареей и серединой,

б) непосредственно в нижнем течении к северу от пробивки реки Буг.

Пребывание полевых караулов до 1/25 часа после рассвета.

2) Необходимо немедленно предоставить штурмовую группу в силе взвода восточнее дома у центральной дороги для немедленного вмешательства.

На русской стороне не происходило никаких действий.

Подпись(неразборчиво)

Источник: BA-MA RH 26–45 28 «Tagesmeldungen der Truppenteile».

Нарком Г. Б. Меркулов в записке, направленной 21 июня 1941 г. Сталину, Молотову и Берии, приводит текст беседы двух иностранных дипломатов, состоявшейся 20 июня: «— Здесь все беспокоятся — война, война. — Да, да. Русские узнали».

21 июня Молотов через советское посольство в Берлине пытался связаться с германским правительством, однако безуспешно. Ответы Деканозову (послу СССР в Германии) немецких чиновников о том, что Риббентропа нет в Берлине, где он и когда будет — неизвестно, не могли не насторожить Сталина и Молотова.

Из книги «Через три войны» Тюленева И. В., в 1941 г.

командующий Московским военным округом:

«...В полдень мне позвонил из Кремля Поскребышев:

— С вами будет говорить товарищ Сталин...

В трубке я услышал глуховатый голос:

— Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?

Я коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня.

В ответ услышал:

— Учтите, положение беспокойное, и вам следует довести боевую готовность войск противовоздушной обороны Москвы до семидесяти пяти процентов.

В результате этого короткого разговора у меня сложилось впечатление, что Сталин получил новые тревожные сведения о планах гитлеровской Германии. Я тут же отдал соответствующие распоряжения своему помощнику по ПВО генерал-майору М. С. Громадину...»

Как оказалось, все дороги в Управлении вели в столовую — именно там меня нашел Шаров. Он сообщил, что начальство отпускает взвод на отдых в крепость. Можно расслабиться, сходить в баню и город, но мы можем потребоваться. Поэтому дежурный по полку должен знать, где кто находится.

Когда я довел это своему личному составу, он просто ликовал. Полноценный отдых в казарме на чистом и свежем белье, баня, вечерние танцы с девушками! Кого это не обрадует в неполные двадцать лет, когда ты только что вышел из боя?

А вот меня это совершенно не устраивало. То, чего я стремился избежать, случилось — войну мы встретим в крепости. В самой ее заднице. Весело, прямо хохочу во все горло... Парни вон улыбаются, предвкушая сладости жизни, не понимая, что завтра начнется война и мы будем топливом для костра истории. Мне же так совершенно не до смеха. Готовились, делал что мог, а вот избежать своей участи не удалось. Все же надеялся на лучшее. Кто-то там, наверху, явно решил сыграть от противоположного и подсунул свинью. Чтобы не расслаблялся. Ну, да ладно, не из таких переделок выбирались. Я кое-что по истории обороны крепости помню, попробуем сыграть с судьбой краплеными картами.

По дороге в крепость попросил остановиться у дома Самуила Абрамовича. Надо было взять остатки своего заказа и договориться о

встрече с Мишей. Переговорив несколько минут, рассчитавшись и забрав заказ, я уже собирался идти к машине, когда меня остановил хозяин дома. Взяв за руку, Самуил Абрамович отвел меня немного в сторону и попросил еще немного задержаться.

— Вова, скажите, вы в курсе, что завтра утром все начнется?

Я был шокирован этим заявлением старого еврея. А он не успокаивался и продолжал:

— Вова, вы не обижайтесь на старого еврея. Я так много прожил, что мне уже не страшно. Можете не скрывать. О том, что война начнется завтра, знают все, кроме ваших умников, твердящих, что ее не будет.

— Да, я в курсе.

— Вы хороший человек. И не боитесь этого скрывать. Порой мне хочется быть моложе, но, увы, время берет свое, и я уже не так молод, как хотелось бы. Хочется побыть искренним и чистым. Я к чему веду. Вы будете стрелять в немцев, они будут стрелять в вас из своих больших пушек. В итоге, как всегда, пострадают евреи. Знаете, на войне убивают, и мне страшно, как и любому человеку, расстаться с жизнью. Но на все воля господа. Нам немцы, я думаю, уже ничего не сделают. Мы уже старые и больные, прожившие свое. Жалко молодых, здоровых и красивых, таких, как вы. Мы бы хотели вам помочь и предложить свою помощь. Вы можете спрятаться у нас. Есть такое место, где вас никто не найдет. Вы там можете прятаться, пока не вернутся ваши.

— Спасибо, Самуил Абрамович, но я вынужден отказаться. Каждому свое. Каждый должен делать то, что ему предназначено. Мое дело — Родину защищать, а не прятаться по подвалам.

— Глупо это. Родина там, где вам хорошо. А страны могут быть разными. Поверьте, я знаю, что говорю. Ну, да вы сами решите, что вам нужно. Просто знайте, что на нас вы всегда можете положиться и найти здесь кров и пищу.

— Спасибо, я это ценю. Мне хочется вам тоже кое-что сказать. Уезжайте отсюда как можно быстрее и дальше. Лучше, не мешкая, прямо сейчас.

— Увы, спасибо, но мы этого не сделаем. Останемся здесь, где прожили столько лет. Да, я еще хочу вас, Вова, предупредить. Я знаю. Вы очень сильно наступили на мозоль некоторым полякам, и те решили вас убить, так что поостерегитесь. Вас ищут. Мы вас не выдадим, но другие это сделают. Из мести или корысти. В том числе и наши. Они уже приготовили шампанское для «освободителей» и примеряют парадные костюмы. А некоторые присмотрели вещи тех «восточников», что у них углы снимают.

Так что никому не верьте и смотрите за спину.

— Спасибо на добром слове.

— Это такая мелочь, что она ничего не стоит. Кстати, совсем забыл вам сказать, что поделать, совсем старый стал. Наш ребе хотел бы с вами встретиться. Вы как, не против? Когда сможете и где вам удобно?

— Не против. Давайте у вас сегодня вечером часов в семь-восемь.

— Договорились, будем вас ждать. Про Мишу не беспокойтесь, он тоже будет вовремя.

На этом мы расстались.

День выдался теплым, безоблачным и тихим. Солнце припекало. Крепость жила своей жизнью. Кто-то копался в стоящих в парках авто и бронетехнике, другие чистили орудия, готовясь к завтрашнему смотру. Кто-то маршировал по плацу, а кто-то сидел на лавочке под окном или в курилке, отдыхая и наслаждаясь отличным днем.

Выгрузившись из автомашин, бойцы ушли в Арсенал, предвкушая встречу со знакомыми и баню. Водителей я предупредил о полной заправке машин ГСМ, дополнительном топливе, масле и запчастях. На них у меня были другие планы — если самому не удастся, так хоть других спасу. После бани парни уедут на своих автомашинах в лагерь и там останутся. А дальше как судьба ляжет.

Для оформления необходимых бумаг мне пришлось в сопровождении водил посетить штаб 31-го автобата. Зашел с оружием, рюкзаком, в пропыленной дорогами форме. Среди тех, кто мне встретился по пути, был и Козлов, удивившийся моему воинственному виду. Мы с ним дружески поздоровались, переговорили накоротке. И он меня проводил к комбату — майору Минакову Якову Дмитриевичу. Мы с ним были знакомы — я его приглашал на обмытие должности. Обговорив и подписав мою заявку, комбат вызвал своего заместителя по снабжению техник-интенданта 2-го ранга Малыгина Александра Петровича и дал указание всем обеспечить. Тем более, что у них были договоренности с Управлением НКГБ по обеспечению закрепленных за нами машин. После ухода зама Яков Дмитриевич стал расспрашивать о нашей деятельности, о делах в семейном лагере. Что можно, я ему рассказал. Кроме всего прочего, я попросил обеспечить водителей бланками путевых листов, командировочными удостоверениями и справками о прохождении службы. А также снабдить бойцов оружием и боеприпасами. На вопрос: «Зачем?» ответил, что нам предстоят большие разъезды по Белоруссии и, возможно, участие водителей в боях. Достав из планшета блокнот, сделал несколько записей и, молча, дал ему прочитать. Удивившись, Минаков прочитал написанное. А

потом задумчиво посмотрел на меня:

— У тебя с головой все в порядке, лейтенант? Может, врача позвать? От переживаний, оно знаешь, бывает.

— Спасибо, не надо! Я себя отлично чувствую. И прошу поверить написанному, — забирая у обалдевшего майора свой блокнот, ответил я.

— Так это правда?! Когда?

— Сегодня ночью. Под утро часа в четыре, может раньше.

— Нас никто не оповещал. Может, ты паникуешь? Это не дезинформация? Откуда известно? Кто об этом еще знает?

— Никто и не будет оповещать. Если и сообщат, то будет поздно. А знаю я об этом от пленных. Сведения перепроверены по нескольким источникам. Но никто из старшего командования не верит! То, что я вам сообщил, — нарушение и инициатива с моей стороны. В любом случае принимать решение вам самому. Если есть возможность заранее скрытно вывести технику из крепости в место сбора по тревоге — выводите. Пока время есть. Потом будет поздно. Если ничего не случится, вернетесь назад. Я свой долг перед своей совестью выполнил. Вас предупредил, а вот ответственность за принятие решения лежит на вас. Как вы сделаете, так и будет.

— Машины для кого? Для вас?

— Нет, для семейного лагеря, — я не стал скрывать правды. — Мы останемся в крепости. И будем здесь до вызова из УНКГБ.

— А как же тогда будете добираться туда сами?

— Надеюсь, что вы поможете и выделите еще пару машин.

— Ну, ты, лейтенант, и нахал!

— Мне деваться некуда. Если начнется, семьи надо вывозить в глубь страны. Пешком они далеко не уйдут — немцы или авиацией, или артиллерией достанут. А на машинах у них хоть какой-то шанс появится. Кстати, ведь в лагере и ваши семьи есть. У вас же предусмотрен автотранспорт для эвакуации, вот и направьте его туда дополнительно. Или зачтите выделенный нам.

— Не учи ученого. Транспорт мы тебе дополнительный выделим. Машины, что уходят в лагерь, обеспечим всем необходимым. И даже сверх того дадим. Тебе еще что надо от нас?

— Спасибо. Остальное у нас есть. Если успеете, вы бы с машинами денежные аттестаты и справки на каждого члена семей, что в лагере, отправили. Я думаю, они им пригодятся в случае чего. И от батальона старшего на машины было бы неплохо. Чтобы вашим семьям помог.

— Сделаем. Спасибо тебе, лейтенант. Живы будем, рассчитаемся.

— Не на чем, — пожимая на прощание руку комбату, ответил я.

Идя через плац, я думал о только что состоявшемся разговоре. В той истории, что я знал, все автомашины и почти весь личный состав погибли в первые же минуты боя за крепость. Ни одна автомашина не успела выехать из автопарков, расположенных здесь, внутри крепости, и на берегу Мухавца возле Брегитских ворот. Личный состав погиб, сражаясь в своих казармах, а затем в подвалах Арсенала, куда перебрались остатки батальона и члены семей командиров. Если майор Минаков мне действительно поверил и выведет хотя бы часть батальона, то уже это можно считать счастьем.

На этом останавливаться я не собирался. Есть еще мой полк и его отличный командир. Вот к нему я и направляюсь, как только приведу себя в порядок, а то пить хочется до безобразия. Вот, кстати, какое странное дело, вроде бы недавно организм почти не требовал воды, а сейчас все чаще хочется пить. Причем не просто воды, а сладкой. И побольше сахара или меда в стакан. Ну, тут всего пару шагов по плацу мимо клумб с цветами — и я у себя в отсеке. А там большая емкость с водой — мне должно хватить. Моим мечтам о воде сразу реализоваться было не суждено.

Сначала я встретил Майорова. Венециан обрадовался нашей встрече. Мы поговорили и обсудили последние новости. А затем он меня зазвал к себе, где вручил мне еще один пакет с резиновыми вкладышами к глушителям. Вот подарок так подарок. Так как уже подходил срок действия старых. Пришлось отдариваться, отдавая из запасов очередной трофейный «ВИС». Черт, так и всех запасов не хватит! Человек вон ко мне со всей душой, даже документы на списание обещал передать и заявку на получение новых боеприпасов оформить. А я к нему как жадина. Или я просто скупердяем становлюсь?

Затем в коридоре Арсенала встретил Саню Потапова. Тот сегодня заступал дежурным по части. Помощником у него шел другой Саша — Наганов. Оба отправили свои семьи в лагерь и теперь беспокоились о них. Я его успокоил. Сказав, что там все нормально и все здоровы.

Мои парни уже были готовы к походу в баню, ждали только водил. Тут же в казарме крутилось с десятков бойцов из третьего взвода, знакомых мне по совместным тренировкам. Они приехали по своим делам в крепость.

Отозвав в сторону Новикова и Ерофеева, попросил найти знакомых в 84-м полку и составить схему их клуба. Мне нужны были поэтажные планы, пусть даже сделанные от руки, со всеми входами-выходами, окнами и проемами. Я, дубина, про это забыл! Надо было бы обеспокоиться заранее, а не в последний мирный день. Кроме того, надо получить со

склада дополнительно патроны и гранаты — всего семь ящиков, пайки на неделю, отремонтировать пробитые нагрудники. Они обещали все сделать и получить. Сдав в пирамиду автомат, я пошел к себе в комнату.

В моем отсеке было тихо и свободно от постояльцев. В коридоре я видел суесящихся и скрипящих новенькими ремнями молодых лейтенантов с чемоданами в руках. Сюда пока никого не подселили, и моя кровать была свободна. Но, похоже, комната пустовать будет недолго — все кровати были заправлены свежим постельным бельем. Менять место я не собирался, на нем и расположился. Бачок с водой стоял на месте, и я его, считай, ополовинил. Так меня сушняк придавил. Ох, чую, хлебну я горя из-за отсутствия воды.

Баня была на том же месте. Народа в ней было мало, и я с удовольствием оттянулся в парилке и под душем. Словно заново родился.

По дороге в Арсенал, проходя мимо часового-пограничника, у Тереспольского моста я встретил знакомого лейтенанта-погранца с заставы, что была напротив нас. Его семья тоже отдыхала в нашем лагере, там мы с ним и виделись. Поздоровавшись, переговорили и пошли вместе, все равно в одну сторону. Идти было совсем ничего — только мост перейти и под Тереспольской башней пройти. У двухэтажного здания погранзаставы расстались. Дальше каждый пошел своей дорогой. Как фамилия лейтенанта, так и не вспомнил. Где-то читал, что в крепости было около 600 пограничников, из них около двадцати командиров. Правда это или нет, не знаю, но они встречались в цитадели достаточно часто.

В Арсенале заметно прибавилось командиров. Из разговоров я понял, что они вернулись из-под Жабинки, где проходили командно-штабные учения «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды». На воскресенье были назначены новые учения: усиленной стрелковой роте предстояло обороняться против наступающего батальона. Там же готовили смотр новой техники, и большинство командиров полка должны были к восьми утра прибыть туда.

Мои бойцы тоже накупались, все получили и теперь блаженствовали в казарме. Нагрудники заварили, часть боеприпасов разложили по ранцам. Вызовов из Конторы не было — и можно продолжать отдыхать. До встречи у Самуила Абрамовича еще оставался небольшой запас времени. И была возможность попытаться решить еще одну проблему.

Переодевшись в парадку, я пошел к командиру полка. Опять пришлось ждать под дверями его кабинета — Дмитрий Иванович встречался с прибывшими из училищ молодыми командирами. Ждать долго не пришлось. Вскоре двери кабинета выпустили около десятка лейтенантов во

главе с помначштаба.

В кабинете у командира присутствовал и комиссар полка. Схема разговора была примерно такая же, что и в автобате. Дела, лагерь, личный состав и проблемы. На все пришлось давать подробный и точный ответ. Это не у соседей, где можно было отделаться общими фразами. Тут были заинтересованные лица, требовавшие именно конкретики. Выслушав меня, комиссар нас покинул.

— Я правильно понял, ты что-то хотел еще мне сказать?

— Да, — ответил я. И рассказал о возможном нападении ночью немцев.

Полковник Матвеев вдумчиво выслушал меня и не стал отсылать меня к врачам или вызывать караул. Единственное, о чем он меня спросил, так это откуда сведения. И какова их достоверность. Я рассказал о захваченных диверсантах, показал свою карту. Внимательно ее рассмотрев и сверив какие-то данные у себя, командир вернул ее мне. Что-то советовать и предлагать командиру я не стал. Кто я, а кто он? И так хорошо, что он меня выслушал.

— Вот что, Владимир Николаевич. О том, что ты мне рассказал, постарайся больше никому не говорить. Могут не понять и обвинить черт знает в чем. Тебя ведь никто не уполномочивал мне все эти сведения доводить? Спасибо, что нашел возможность мне об этом сообщить, рискуя своим положением и репутацией. Ты поступил правильно. Я подумаю, что можно сделать в этой ситуации. Ты здесь надолго?

— Нам дали возможность сегодня отдохнуть. И приказали находиться тут до вызова в Управление.

— Тогда, возможно, сегодня еще увидимся. Кстати, ты в курсе, что на тебя направили представление о награждении за уничтожение банды диверсантов? — и, видя мое удивление, продолжил: — Тогда разреши тебя первым с этим поздравить. Документы ушли еще несколько дней назад. Так что скоро надо будет ждать решения. А сейчас иди отдыхай.

Подставил я командира, что ни говори. Вот так вечером пришел к нему в кабинет и озадачил, загнав в угол своей информацией. В отсеке меня ждала суматоха заселения. Полковая молодежь потрошила свои чемоданы, подшивала чистые воротнички, начищала сапоги, собираясь в город на танцы. И ни у кого не было оружия. Не получили и не озаботились его получением. Молодежь, что тут скажешь. Одни танцульки и бабы на уме. Мешать я им не стал. Засунув револьвер в карман галифе, захватил с собой глушители, пару пачек патронов и вышел из отсека.

В дежурке была суета пересменки и оба Александра были заняты. Тем

не менее мне уделили толику времени, записав мой маршрут на сегодняшний вечер. Заодно поделились информацией, что комиссара, начштаба и комбатов ищет командир. Неужели подействовала моя информация?

С выходом из крепости пришлось задержаться — через Северные ворота в крепость входила пропыленная и уставшая батальонная колонна пехоты со средствами усиления.

Из разговора, состоявшегося между полковником Матвеевым, батальонным комиссаром Аношкиным и капитаном Руссаком вечером 21 июня 1941 г.

— Вот такие, товарищи командиры, сведения принес мне наш лейтенант, — закончил свой рассказ о беседе с Седовым командир полка. — Я хочу услышать, что вы обо всем этом думаете. И как нам поступить.

— Душевное состояние лейтенанта рассматривать будем? Врача приглашать? Я лично считаю, что не стоит, — сказал комиссар. — Я не верю в его сдвиг. Не тот он человек. За эти две недели, что здесь, он не дал повода усомниться в своей умственной деятельности и правдивости. Личный состав и командиры о нем отзываются хорошо. Участвовал в боях, показал себя грамотным и волевым командиром. Лейтенант озвучил и конкретизировал то, что и так уже у всех на устах. Особенно после 17 июня. И то, к чему мы готовились все это время. Разве не так?

— Все так, но что нам делать конкретно? Как я понял, информацией Седов поделился без разрешения сотрудников НКГБ. Именно поэтому я и не стал приглашать сюда Горячих. Командование армии и корпуса доводить до нас информацию не спешит. Хотя известно, что штаб корпуса собирается переезжать на новое место. Косвенно это подтверждает информацию Седова. Ты сегодня присутствовал при встрече с командующим армией, что-нибудь слышал от него? Вот и я тоже. А то, что немцы готовятся, и так видно, не нужно даже на наблюдательный пункт в Тереспольской башне лазить.

— Без разрешения командования мы ничего не сможем сделать, — вставил свои пять копеек начштаба.

— Так уж и ничего? — усомнился комиссар.

— Нет, конечно, кое-что можно. Например, вернуть всех

командиров, прибывших сегодня в Брест, в свои подразделения. Мы и до этого кое-что сделали, выведя большинство подразделений в летние лагеря и укрепрайон. Хотя в расположении остается еще куча народа — отпускники, приписной состав, больные, тыловики, ремонтники, врачи и ветеринары — всего человек пятьсот. В большинстве своем они не вооружены, и оружие за ними не закреплено. Кроме того, здесь несколько батарей ПТО и полковушек, пятая и разведывательная роты. Пятая, как дежурное подразделение — от нее караул. У этих с оружием все нормально. Если сейчас поднимем полк по тревоге, то до полуночи успеем вывести всех и все.

— По плану прикрытия в случае провокации мы должны выставить батальон для обороны крепости, — напомнил Руссак. — Если считать всех тех, кто сейчас здесь есть, то выходит как раз численность батальона.

— Это в случае провокации, а если война? — спросил комиссар.

— То батальон выставляет 84-й полк. Мы же выходим в район сосредоточения со всеми своими силами и средствами.

— А как определить, когда провокация, а когда война, в плане не прописано?

— Нет.

— И как тогда быть? У немцев спрашивать, что ли? Война это или провокация на границе?

— Вот как ударят по нам с той стороны, так и узнаешь. А тут еще этот приказ с требованием не поддаваться на провокации! — вместо начштаба ответил командир. — Я вот что предлагаю. Сейчас мы с тобой, комиссар, поедem в дивизию и попытаемся получить письменное разрешение на подъем ночью полка по тревоге. Ты, Виталий Павлович, в наше отсутствие проведешь оповещение всего командного состава, находящегося на отдыхе в городе, о сборе здесь не позднее 20 часов. Всех прибывающих вооружай табельным оружием и отправляй в свои подразделения. Это касается и прибывших лейтенантов. Да и бойцов линейных рот отправить из казармы назад. Нечего им здесь прохлаждаться, пусть в ротах осваиваются. Далее надо будет связаться с комбатами и довести до них требование быть в готовности отразить возможную провокацию со стороны немцев. Если они будут здесь, то разрешаю довести сведения о войне, а не

провокации.

— Шум будет большой, если информация не подтвердится. Сразу будут заметны наши махинации. Завтра ведь физкультурный парад и соревнования на стадионе. Должен быть большой детский концерт в парке имени Первого мая. На областной смотр везут лучшие коллективы. Почти шесть тысяч детей приедут вечером в Брест. И мы активно участвовать должны во всех мероприятиях.

— Ну, что ж. Ничего страшного в этом не вижу. Скажем, что мы просто провели тренировку по боевой готовности. Можешь участников соревнований оставить здесь. Но я бы этого не хотел. Подготовиться могут и в батальонах, а утром приедут сюда и примут участие, где надо. И еще, выдавать лейтенанта, как источник информации, я не собираюсь и вас прошу о том же. Не скрою, что он мне нравится как честный и грамотный командир, не побоявшийся наказания за разглашение сведений.

— Хорошо, что мы семьи вывезли из крепости. А то была бы головная боль с ними.

— Это верно. Виталий, пока не забыл, надо будет обеспечить семьи денежными аттестатами и справками. Я надеюсь, ты оставил Нестору инструкции, что делать?

— Да. Еще вчера.

— А говоришь, ничего не можем. Можем, да еще как! Надо будет отправить еще артиллеристов к Жабинке.

— А как же наши соседи? Ведь их тоже предупредить надо? Не по-партийному это будет, если мы своих выведем, а остальные тут под огнем останутся.

— Я думаю, можно сделать некоторый слив информации в другие части, но только после нашего с тобой разговора с комдивом. Я по телефону предупредил, что мы с тобой подъедем к нему, так что собирайся. Поедем. Виталий, ты все понял?

— Да. Еще один вопрос. Что будем делать с документами? Оставлять здесь или приготовить их к эвакуации и уничтожению?

— Считаю нужным все лишнее в печь, остальное вывезти к Жабинке вместе с артиллеристами.

Ф. Гудериан, «Воспоминания солдата»:

«...Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во

дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть сколько-нибудь продвинулись вперед за последние недели. Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом...»

У Самуила Абрамовича я был вовремя. Там меня ждал местный ребе. Нам дали возможность поговорить один на один. Говорили мы о приближающейся войне. Мне задавали вопросы, и если я мог, то отвечал на них. Ответа с меня не требовали, но были удовлетворены тем, что я говорил. Задавать вопросы ребе не было необходимости. Что я у него мог спросить? И без него многое знал. В том числе и о судьбе тех, кто здесь останется. Вскоре наш разговор сам собой заглох и ребе откланялся. Хозяин дома предложил мне с ними поужинать, но я отказался, сославшись на дела.

Миша ждал меня на переходе через железнодорожные пути недалеко от вокзала. После взаимных приветствий мы с ним разговорились. Под нами на путях стояло несколько грузовых эшелонов, в том числе и с бензином. Разговор был совершенно откровенным и понимаемый обеими сторонами. Я рассказал Михаилу о складе трофейного оружия, который находился неподалеку. Странно, что он о нем не знал. Предложил ему провести акцию. Идея была в том, чтобы, переодев часть своих людей в нашу военную форму, захватить ночью склад и вывезти все имеющееся там. Что делать с охраной, пусть решают сами. Лучше всего забрать ее с собой в качестве инструкторов. Время для акции выбрать ближе к трем утра — так меньше вероятность быть захваченными, да и охранники будут полусонными. Остатки оружия желательно взорвать, чтобы они не достались немцам. Еще неплохо уничтожить эшелон с топливом, что стоит под нами. Взрывать желательно при немцах. Может, наши еще успеют этим топливом попользоваться? Кроме того, я попросил после начала боев в городе направить людей для уничтожения здания УНКВД и гарантированной зачистки архивов. Миша обещал это сделать. На этом мы расстались, крепко пожав друг другу руки.

В ресторане за столиком меня уже ждал Акимов. И ждал не один, а в компании наших милых Иры и Софьи. Они были прекрасны в своих

строгих платьях с коротким рукавом. Извинившись за опоздание, я к ним присоединился. Пили коньяк и шампанское. Танцевали под оркестр, исполнявший модные шлягеры. Было достаточно легко и весело. Девушки рассказывали о гастролях Минского театра оперетты, чей спектакль «Небесные ласточки» сегодня шел в городском театре. Мы делились впечатлениями о службе, вспоминая веселые шутки и розыгрыши. Вопрос войны и слухов все старательно обходили. Зал был полон гуляющим военным сословием. И не только советским, хватало и немцев в форме вермахта. Многие из наших командиров были уже «навеселе» и постоянно заглядывались на наших девушек. Наиболее активные подходили к ним с предложением потанцевать. Но наши девчата стойко держали оборону. Из-за того, что им приходилось отказывать желающим, мы в ресторане надолго не задержались. Набрав с собой выпивки и закуски, переместились к Сергею на квартиру, где и продолжили веселье. Танцевали под патефон, пили в меру... Были жаркие объятия, обещания ждать, любить и верить в будущую встречу... Задерживаться надолго они отказались. И около 23 часов девушки собрались и покинули нас, сославшись на свои дела. А еще они попросили их не провожать. Так мы остались совершенно одни, предоставленные сами себе. Что делают мужики, когда такое случается? Правильно, трезвеют и ведут заумные разговоры о службе и превратностях судьбы. Я достал глушитель и подарил Сергею, показав, как им пользоваться. Обсудили обстановку в городе и округе. В принципе, все было ясно. По тревоге ему надо было быть в штабе полка. А если это не получится, то отступать к Жабинке и Кобрину на соединение с остальными ротами. Я ему сказал, что в случае чего он может рассчитывать на наш лесной лагерь, и объяснил, как найти закладку с продуктами и боеприпасами.

Наш разговор прервал посыльный, присланный из полка за Сергеем. Обнявшись на прощание, мы расстались с надеждой на будущую встречу. Насколько я помнил, командованию 60-го полка НКВД с частью бойцов удалось вырваться из Брестской ловушки и оно смогло собрать свои подразделения в один кулак. Дай бог Сергею удачи, чтобы это случилось вновь и он был среди тех, кому повезло. А мне пора в крепость.

Я шел по тихому ночному городу, и мои шаги тонули в напряженном ожидании им утра. Темнота окутывала все вокруг, заставляя идти тише и не шуметь. Народ и облака на небе забылись во сне. Спалось, правда, не всем. Вон на перекрестке группа товарищей в количестве трех человек нарисовалась. Один из них залез на столб и что-то там правит под громкие и одобрительные возгласы стоящих внизу. Говорят, кстати, на польской

мове. Блин, да они же провода режут. Совсем мои мозги расплавились. Это же диверсанты, а я тут нюни развел, окрестности наблюдая. Пройти мимо нельзя. Да и не дадут. Помощи не дожدهшься, придется действовать самому. Отступив в темноту ближе к забору, достал револьвер и надел глушитель. Говорите, металла хочется? Ну что ж, будет вам металл. Простите, что не так много. Выйдя на проезжую часть, я пошел в их сторону, спрятав руку с револьвером за спину. Работа у парней спорилась, уже несколько проводов свисало со столба. Заметив меня, парни сначала дернулись, а затем успокоились и сказали что-то смешное для себя. Я тоже шутки люблю и поэтому стрелять начал практически в упор, с дистанции около пяти метров, вгоняя по пуле в каждого. Они, похоже, даже и не поняли, что их убивают. Сопротивления оказать никто не успел. Лишь тот, что висел на столбе, пытался достать меня, кинув что-то тяжелое типа ножа. Но промахнулся и упал на землю с тяжелым шлепком, присоединившись к остальным. Сместившись в сторону, осмотрелся вокруг. Больше вроде никого не было. Тихо, только где-то вдалеке по улице стукнула дверь. Проконтролировал трупы и быстро осмотрел их. А ведь это не поляки. Переодетые в гражданку немцы. Ну, здравствуй «Бранденбург-800», вот где пришлось встретиться. Выдали их жетоны, висевшие на шее. Что ж, жетоны — мой законный трофей, такой же, как и оружие. У парней с собой были пистолеты и ножи, неплохие кстати. Ну а мне все в хозяйстве сгодится. Дальнейший путь в крепость прошел без происшествий и приключений. Чем ближе к крепости, тем чаще встречались бойцы и командиры, спешащие к себе в казармы к своей судьбе.

Из воспоминаний гауптмана Вальтера Лооса, 45-я пехотная дивизия, 130-й пехотный полк (РИ):

«...Половина реки Буга принадлежала нашему правительству, половина — Советскому Союзу.

Между тем мы получили команды — с наступлением сумерек вечером 21.06 начать выход в точно разведанные и заранее расписанные исходные районы, сосредоточение на исходном положении и приведение в готовность должно было быть закончено к 24 ч.

Когда роты стояли готовыми к выступлению на свои занимаемые по тревоге позиции, командирами оглашался призыв фюрера к своим солдатам о борьбе с большевизмом, грозящим нашей империи, — о том, что эта борьба должна вестись вплоть

до полного уничтожения противника. Теперь больше не было никаких сомнений! Это означало войну против Советского Союза.

Выход на исходную позицию происходил без происшествий. Лениво струился Буг, имевший только умеренный уровень воды, на его темных волнах лежал лунный свет. Начало нападения было установлено на 03.15 ч.

Медленно продвигались стрелки часов. Штурмовые группы лежали на берегу очень плотно, готовые к прыжку со своими надувными лодками.

За ними — штурмовые роты, тесно набитые в окопы, выкопанные в течение предшествующих недель вплоть до вчерашнего дня специально выделенными группами рабочих. Между ними, иногда примыкая вплотную, — штабы, огневые позиции тяжелого оружия пехоты, резервов, снова штабы и резервы, огневые позиции артиллерии и реактивных установок, имевших гораздо более примитивную форму, чем сегодня.

Затем следовали исходные районы танков, различные аэродромы истребительных авиационных эскадр — на много километров в глубокий тыл все было готово броситься к врагу в приказанное время. Особенное и трудноописуемое чувство ощущать себя отдельным человеком посередине настолько сильно сжатого, но, однако, тонко продуманного механизма...»

Источник: BA-MA MSG 2 5384 Walter Loos.

Из журнала учета посещений И. В. Сталина 21 июня 1941 г.:

1. Молотов 18.27–23.00 — заместитель Председателя Совнаркома, нарком иностранных дел
2. Воронцов 19.05–23.00 — капитан первого ранга, военноморской атташе советского посольства в Германии
3. Берия 19.05–23.00 — заместитель Председателя Совнаркома Союза ССР, нарком внутренних дел
4. Вознесенский 19.05–20.15 — председатель Госплана СССР
5. Маленков 19.05–22.20 — секретарь ЦК и член Главного Военного Совета

6. Кузнецов 19.05–20.15 — адмирал Флота СССР, нарком Военно-Морского Флота
  7. Тимошенко 19.05–20.15 — Маршал Советского Союза. Народный Комиссар Обороны Союза ССР
  8. Сафонов 19.05–20.15 — начальник мобилизационно-планового отдела Комитета Обороны при СНК СССР
  9. Тимошенко 20.50–22.20 — Маршал Советского Союза. Народный Комиссар Обороны Союза ССР
  10. Жуков 20.50–22.20 — генерал армии, Начальник Генерального штаба
  11. Буденный 20.50–22.20 — Маршал Советского Союза, 1-й заместитель Народного Комиссара Обороны
  12. Мехлис 21.55–22.20 — начальник Главного политического управления РККА
  13. Берия 22.40–23.00 — заместитель Председателя Совнаркома Союза ССР, нарком внутренних дел
- Последние вышли в 23.00

Итак, 21 июня 1941 г. на приеме у Сталина в Кремле побывало 11 человек, причем Тимошенко и Берия побывали там дважды.

На этом чрезвычайном совещании прошло обсуждение и подготовка Тимошенко и Жуковым директивы округам о приведении войск в полную боевую готовность и готовности дать отпор агрессору. Кроме того, были выслушаны предложения о мерах, которые необходимо предпринять в связи с ожидаемыми событиями. После этого Тимошенко и Жуков покинули кабинет Сталина — они направились в наркомат для передачи директивы в войска. В это же время секретарь ЦК ВКП(б) Маленков готовит черновик «Секретного Постановления Политбюро» об организации Южного фронта и Второй линии обороны... До начала войны оставалось около 5 часов.

...Технически для передачи директивы требовалось не более 1 часа. Всего лишь 60 минут. И десятки и сотни тысяч жизней советских граждан, мирно спящих в своих домах, казармах, в ближайшие часы могли быть спасены. Поднятые по тревоге воинские части могли покинуть пункты дислокации и занять оборонительные позиции. Встретить врага во всеоружии. История могла быть изменена. И пойти по совсем другому пути. Но этого не произошло...

Глава 15. Слова. И дела реальной истории

(без авторских комментариев, им только выделено указание времени, а выводы пусть делает читатель)

Из воспоминаний адмирала Н. Г. Кузнецова, Наркома Военно-Морского флота СССР:

«...Позднее я узнал, что Нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И. В. Сталину.

Следовательно, уже в то время под тяжестью неопровержимых доказательств было принято решение: привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения отражать его. Значит, все это произошло примерно за одиннадцать часов до фактического вторжения врага на нашу землю.

Не так давно мне довелось слышать от генерала армии И.В.Тюленева — в то время он командовал Московским военным округом, — что 21 июня около 2 часов дня ему позвонил И. В. Сталин и потребовал повысить боевую готовность ПВО.

Это еще раз подтверждает: во второй половине дня 21 июня И. В. Сталин признал столкновение с Германией если не неизбежным, то весьма и весьма вероятным. Это подтверждает и то, что в тот вечер к И. В. Сталину были вызваны московские руководители А. С. Щербаков и В. П. Пронин. По словам Василия Прохоровича Пронина, Сталин приказал в эту субботу задержать секретарей райкомов на своих местах и запретить им выезжать за город. «Возможно нападение немцев», — предупредил он. Очень жаль, что оставшиеся часы не были использованы с максимальной эффективностью...

...Около **11 часов вечера** зазвонил телефон. Я услышал голос маршала С. К. Тимошенко:

— Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне.

Быстро сложил в папку последние данные о положении на флотах и, позвав Алафузова, пошел вместе с ним. Владимир Антонович захватил с собой карты. Мы рассчитывали доложить обстановку на морях.

Наши наркоматы были расположены по соседству. Мы вышли на улицу. Дождь кончился, по тротуару снова прогуливались парочки, где-то совсем близко танцевали, и звуки патефона вырывались из открытого окна. Через несколько минут мы уже поднимались на второй этаж небольшого особняка, где временно находился кабинет С. К. Тимошенко.

Маршал, шагая по комнате, диктовал. Было все еще жарко. Генерал армии Г. К. Жуков сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежало несколько заполненных листов большого блокнота для радиোগрамм. Видно, нарком обороны и начальник Генерального штаба работали довольно долго.

Семен Константинович заметил нас, остановился. Коротко, не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну.

Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов. Помнится, она была пространной — на трех листах. В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии.

Непосредственно флотов эта телеграмма не касалась. Пробежав текст телеграммы, я спросил:

— Разрешено ли в случае нападения применять оружие?

— Разрешено.

Поворачиваясь к контр-адмиралу Алафузову:

— Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности, то есть о готовности номер один. Бегите!

Тут уж некогда было рассуждать, удобно ли адмиралу бегать по улице. Владимир Антонович побежал, сам я задержался еще на минуту, уточнил, правильно ли понял, что нападения можно ждать в эту ночь. Да, правильно, в ночь на 22 июня. А она уже наступила!..

...В наркомате мне доложили: экстренный приказ уже передан. Он совсем короткий — сигнал, по которому на местах знают, что делать. Все же для прохождения телеграммы нужно какое-то время, а оно дорого. Берусь за телефонную трубку. Первый звонок на Балтику — В. Ф. Трибуцу:

— Не дожидаясь получения телеграммы, которая вам уже послана, переводите флот на оперативную готовность номер один

— боевую. Повторяю еще раз — боевую. Он, видно, ждал моего звонка. Только задал вопрос: «Разрешается ли открывать огонь в случае явного нападения на корабли или базы?»

Сколько раз моряков одергивали за «излишнюю ретивость», и вот оно: можно ли стрелять по врагу? Можно и нужно!

Командующего Северным флотом А. Г. Головки тоже застаю на месте. Его ближайший сосед — Финляндия. Что она будет делать, если Германия нападет на нас? Есть немало оснований считать, что присоединится к фашистам. Но сказать что-либо наверняка было еще нельзя.

— Как вести себя с финнами? — спрашивает Арсений Григорьевич. — От них летают немецкие самолеты к Полярному.

— По нарушителям нашего воздушного пространства открывайте огонь.

— Разрешите отдать приказание?

— Добро.

В Севастополе на проводе начальник штаба И. Д. Елисеев.

— Вы еще не получили телеграммы о приведении флота в боевую готовность?

— Нет, — отвечает Иван Дмитриевич.

Повторяю ему то, что приказал Трибуцу и Головки: «Действуйте без промедления! Доложите командующему...».

...Как развивались события в ту ночь на флотах, я узнал позднее. **Мой телефонный разговор с В. Ф. Трибуцем закончился в 23 часа 35 минут. В журнале боевых действий Балтийского флота записано: «23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1».**

Люди были на месте: **флот находился в повышенной готовности с 19 июня.** Понадобилось лишь две минуты, чтобы началась фактическая подготовка к отражению удара врага.

Северный флот принял телеграмму-приказ в 0 часов 56 минут 22 июня. Через несколько часов мы получили донесение командующего А. Г. Головки: «Северный флот 04 часа 25 минут перешел на оперативную готовность № 1».

Значит, за это время приказ не только дошел до баз, аэродромов, кораблей и береговых батарей — они уже успели подготовиться к отражению удара. Хорошо, что еще рано вечером — около 18 часов — я заставил командующих принять дополнительные меры. Они связались с подчиненными,

предупредили, что надо быть начеку. В Таллинне, Либаве и на полуострове Ханко, в Севастополе и Одессе, Измаиле и Пинске, в Полярном и на полуострове Рыбачий командиры баз, гарнизонов, кораблей и частей в тот субботний вечер забыли об отдыхе в кругу семьи, об охоте и рыбной ловле. Все были в своих гарнизонах и командах. Потому и смогли приступить к действию немедленно.

Прошло лишь двадцать минут после моего разговора с вице-адмиралом Трибуцем — телеграмма еще не дошла до Таллинна, — а оперативная готовность № 1 была объявлена уже на Ханко, в Прибалтийской базе и в других местах. Об этом опять же свидетельствуют записи в журналах боевых действий: «Частям сектора береговой обороны Либавской и Виндавской военно-морских баз объявлена готовность № 1».

В 02 часа 40 минут все корабли и части флота уже были фактически в полной боевой готовности. Никто не оказался застигнутым врасплох.

Позади были недели и месяцы напряженной, кропотливой, иногда надоедливой работы, тренировок, подсчетов и проверок. Позади были бессонные ночи, неприятные разговоры, быть может, взыскания, наложенные за медлительность, когда людей поднимали по тревоге. Многое было позади, но все труды, потраченное время и нервы, — все было оправдано сторицей в минуты, когда флоты уверенно, слаженно и без проволочек изготовились к встрече врага...»

Из воспоминаний Маршала Советского Союза А. М. Василевского:

«...Все работники нашего Оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились в те дни на своих служебных местах.

В первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генерального штаба Г. К. Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адреса командования Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов. В директиве говорилось, что в течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немецких войск на фронтах этих округов...»

Из книги Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»:

«...Примерно в 24 часа 21 июня командующий Киевским округом М. П. Кирпонос, находившийся на своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что, кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М. А. Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат — 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М. П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность.

Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 00.30 минут ночи **И. В. Сталину. Он спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно...».**

На самом деле передача этой директивы в округа началась через час после того, как о завершении ее передачи доложил Сталину начальник Генштаба генерал армии Жуков.

Из мемуаров Маршала Советского Союза М. В. Захарова (в 1941 г. генерал-майор, начальник штаба Одесского военного округа) «Генеральный штаб в предвоенные годы»:

«Вечером 21 июня ему позвонил командующий округом Черевиченко (он отсутствовал — инспектировал войска в Крыму) и сообщил, что необходимо находиться в готовности принять из Москвы сообщение особой важности. Захаров тут же потребовал у начсвязи округа опытного шифровальщика, чтобы быстро и точно расшифровать телеграмму, как только последует вызов из Москвы.

Около 23 часов Захаров связался с командованием всех корпусов, дислоцированных на территории округа, и потребовал у них, чтобы они находились на месте и ждали его указаний в связи с ожидаемой телеграммой. Кроме того, вспоминал маршал Захаров:

«...Всем им были даны следующие указания:

1. Штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов.

2. Частям прикрытия занять свои районы.

3. Установить связь с пограничными частями...

...Возвратившись в штаб, где к этому времени были собраны начальники отделов и родов войск, а также командующий ВВС округа, я информировал их о том, что ожидается телеграмма особой важности из Москвы и что мною отданы соответствующие приказания командирам корпусов...

...Примерно во **втором часу ночи 22 июня** дежурный по узлу связи штаба доложил, что меня вызывает оперативный дежурный Генерального штаба к аппарату БОДО. Произошел следующий разговор: «У аппарата ответственный дежурный Генштаба, примите телеграмму особой важности и немедленно доложите ее Военному совету». Я ответил: «У аппарата генерал Захаров. Предупреждение понял. Прошу передавать». В телеграмме за подписью наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова Военным советам приграничных военных округов и наркому ВМФ сообщалось, что в течение 22–23.6.41 г. возможно нападение немцев в полосах Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов...»

Из мемуаров Маршала Советского Союза Н. И. Крылова (в июне 41-го полковник, начальник штаба Дунайского укрепрайона):

«...Обо всем таком, конечно, докладывалось начальству. Но в командирском кругу многие высказывали мнение, что и без особых указаний о повышении боевой готовности можно и должно что-то предпринять...

...И все же принимались меры, оказавшиеся более чем своевременными. Начальник артиллерии полковник Н. К. Рыжи убедил, например, командира корпуса прервать под каким-то предлогом сбор артиллеристов, и они как раз 21 июня вернулись в свои части.

Надо отдать должное и командованию Одесского округа. Перед самым нападением врага оно успело — по настоянию М. В. Захарова — перевести на запасные аэродромы авиацию, избежавшую благодаря этому больших потерь, **на земле от бомбежек во всем округе погибло в первый день войны три самолета (выделено мной)**. Около **двух часов ночи 22 июня**

были подняты по тревоге войска, предназначенные для прикрытия границы. Война застала эти полки и дивизии если не на рубежах, которые надлежало занять, то уже на марше к ним. А управление войсками округа было к этому времени перенесено на заранее оборудованный полевой КП...»

**Директива командующего войсками ЗапОВО
командующим войсками 3-й, 4-й и 10-й армий**

22 июня 1941 г.

Передаю приказ Наркомата обороны для немедленного исполнения:

1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков

Павлов, Фоминых, Климовских

*ЦА МО РФ. Ф.208. Оп.2513. Д.71. Л.69. Машинопись.
Имеются пометы: «Поступила 22 июня 1941 г. в 01–
45», «Отправлена 22 июня 1941 г. в 02–25–02–35».
Подлинник, автограф...» (сборник документов — «1941
год». М., 1998 г., документ № 605).*

Глава 16. Самый длинный день. Утро

Гранита красного плита,
Лежат цветы со всех сторон,
А в центре яркая звезда,
Простая надпись, без имен.

Простую надпись ты прочти,
И у огня остановись,
И молча голову склони,
Тут пламя скорби рвется ввысь.

Я в пламени живу давно,
Я — пламя горечи, утрат.
Я — пламя вечного огня.
Я — неизвестный ваш солдат.

Имею тысячи имен,
Лежу на тысяче полей,
Где я погиб, где был сражен,
И видел тысячи смертей.

Но смерть не властна надо мной,
Пока я в памяти живу,
Опять веду последний бой,
И в ту атаку я иду.

Со смертью был уже на ты,
Я много раз в нее шагал,
И страшной вестью шло домой
Погиб и без вести пропал.

Я всем навеки кровный брат,
Имея множество имен,
Я, с миллионами солдат,
В могилах братских погребен.

И каждый вечно будет свят,
И помни, Родина, меня,
Я — неизвестный ваш солдат,
Я — пламя вечного огня.

Стрелки часов уже давно миновали двенадцать. На дворе было уже 22 июня — самый длинный день в году.

Крепость спала. Мертвая тишина обволакивала все вокруг. Лишь часовые и дежурные нарушали ее, прохаживаясь у длинных белых рядов палаток приписников, артиллерийских парков и коновязей. А еще иногда к ним добавлялись шаги патрулей и куда-то спешащих одиночных военных.

Особых приготовлений к отражению агрессии я не заметил. Все было, как обычно. Мимо меня, со смены часовых, прошагал караул. В артиллерийском парке, что расположился между клубом 84-го полка (церкви) и Арсеналом, продолжали стоять на открытой площадке 45-мм орудия. И одинокий часовой, позевывая, присматривал за ними.

Несмотря на позднее время, в Арсенале было мало спящих: кто-то готовился к завтрашнему дню, кто-то только что вернулся с увольнения. Полуодетые бойцы ходили по коридору туда-сюда. Несколько человек покурили недалеко от входа в Арсенал. И куда только дежурный смотрит? Для меня, выросшего и служившего в армии во второй половине XX века, было достаточно странным такое положение дел. Чтобы вот так спокойно в ночное время гулять по казарме? Да ни в жизнь! Ответственные за такой бардак загоняли бы дежурную смену, а тут ничего такого и не заметно. Вроде так и надо.

Чтобы узнать новости, я зашел в дежурку. Там за телефонами скучал Потапов. Его помощника не было видно, скорее всего, где-то прилег отдохнуть. Саня, сказав, что меня никто не искал, предложил совместно попить чаю. Правда, сразу предупредил, что воды мало — водопровод не работает, вода только в питьевых бачках и осталась. Завтрак готовить не на чем, так как не успели котлы заполнить. Как помощник коменданта крепости он звонил и уточнял, почему нет воды. Ответили — поломка насоса и клятвенно обещали к утру отремонтировать. Разговаривал Саня с работником станции, а у того такой прикольный акцент, что сразу и не разберешь, что тот говорит. Блин горелый, а ведь я об этом читал в свое время. Ведь это же немецкие диверсанты развлекаются! И что мне делать? Хватать пистолет и туда? Или попробовать тревогу в городе поднять? Но как? Была же мысль при встрече с Михаилом попросить пораньше взорвать

что-нибудь в городе, да отказался от нее. Зачем вводить парней в искушение и создавать дополнительно врагов стране? Это же чистая компрометация союзников. Даже если они будут косить под немцев, вдруг проколются или их кто опознает и т. д. А если война утром не начнется? Так что придется идти другим путем.

— Саня, а ты раньше туда, случайно, не звонил?

— Как-то не было необходимости. Все работало, проблем не было. А что?

— Да вот странно. Все работало, а тут вдруг начались поломки. Ты в другие части звонил? Может, это только у нас воды нет?

— Обзванивал дежурных, да и они сами звонили. У всех одно и то же. Была вода и кончилась практически у всех. Котлы не успели залить. У некоторых проблемы еще и со светом есть.

— Ты бы в НКВД и в особый отдел сообщил. Вдруг диверсия? Сам же знаешь, какая обстановка вокруг.

— Да ты что? Не думаю, что там настолько серьезно. Просто поломка, и только.

— Ты позвони. Хуже не будет. Вдруг там «враги народа» навредили?

Поняв, что я не отстану, Саня снял трубку и попросил соединить его с Управлением НКВД и особым отделом корпуса. Абоненты долго не отвечали, пришлось несколько раз повторять вызовы. Тоже какие-то проблемы на линии. Наконец удалось связаться, и Потапов доложил о странном отключении водопровода в крепости. Поблагодарив и заверив, что информацию проверят, на том конце провода положили трубку. Будем надеяться, что это действительно так и будет и наши смогут кому-то прищемить хвост. Да и в крепости, если водопровод заработает, все нашим полегче будет.

Поговорили с Сашей о делах в части и крепости. Никаких особых указаний от командования не поступало. Все как обычно и привычно. Может быть, кроме того, что вечером командир с комиссаром ездили в дивизию, а потом были в корпусе. По их возвращении оттуда всех командиров отправили по подразделениям и даже вернули табельное оружие на руки. Это же коснулось и бойцов, прибывших в увольнение. Раннего подъема не планировалось. Ответственным по полку остался комиссар, а командир выехал в батальоны. Утром он оттуда поедет на учения в Жабинку. Старший лейтенант пожаловался, что начштаба сегодня всех загонял, требуя то одно, то другое. Сам Руссак как наскипидаренный носился по этажам и другим сидеть на месте не давал. Требовал пересмотреть документы и уничтожить все лишнее, проверить и сдать в

секретку секретные документы, напечатать справки членам семей и т. д. и т. п. Так что пришлось весь вечер только этим и заниматься. А тут еще артиллеристы срочно собрались и двинулись, на ночь глядя, к полигону у Жабинки. Да не одни, а вместе с транспортной ротой. Утром остальные артиллеристы на полигон двинут. На вечерней поверке снова уточняли боевой расчет и гоняли по нему личный состав, оставшийся в казарме. А его не так уж и много — всего сотен пять на весь полк едва наберется. Чудит командир, совсем людей загонял, по несколько раз в неделю подъем по тревоге устраивает. Ну, и слава богу, что чудит. Вот и я собирался слегка почудить — через пару часов поднять свой взвод по тревоге, о чем и предупредил старшего лейтенанта. А заодно посоветовал почудить вместе со мной и поднять весь полк или хотя бы остатки своего батальона. Потапов обещал над этим подумать.

В ротной казарме было тихо и спокойно: все были на месте и дрыхли в своих кроватях. В общем, народ отдыхал, готовясь к предстоящему дню. Пусть пока спят, недолго им осталось нежиться в постели, и когда это удастся сделать в следующий раз, неизвестно. Дай-то бог, чтобы я ошибался или был в другой реальности. И война не постучится к нам в ближайшие часы. Но, надеясь на лучшее, будем готовиться к худшему. Предупредив дежурного о подъеме для всех по тревоге в три часа, я поднялся к себе.

В моем отсеке никого не было. Вообще никого. То ли все ушли в город и еще не вернулись, то ли командир всех служить отправил. Спать совсем не хотелось. Подошел к окну и, всматриваясь в темноту плаца, парков и казарм, задумался обо всем сделанном мной.

По всему выходило, что история снова пойдет по уже накатанной колее и через несколько часов в своих печах сожжет миллионы судеб советских людей...

Все, что я мог совершить для предотвращения этого, сделал. Но, видимо, этого оказалось очень мало. Не помогло ни письмо Сталину, ни мои действия здесь, в крепости. Все осталось на том же уровне истории. Так, только мелкие и, в принципе, мало заметные изменения от реалий моей истории. Одна какая-то локальность в моих действиях получилась.

Ну, собрал себе взвод, который утром должен будет здесь, в крепости, подороже обменять свои жизни на немецкие. Что еще?

Удалось ввести в оборот затемнение на сверкающие части оптики. Чернение тут еще не в моде, но у нас оно уже есть. Вся оптика взвода имеет самодельные бленды.

Внес небольшие изменения и дополнения в военную форму.

Посмотрев на моих бойцов, уже многие стали заводить себе наколенники и налокотники.

«Чекистам» показал, вернее на практике доказал необходимость специализированных штурмовых подразделений и продемонстрировал тактику их применения. Чуйка мне подсказывает, что «лейтенант», который нас в последние дни курировал, не простой парень. Я сначала думал, что прокололся, и он за мной. Но оказалось все проще — его интересовала наша тактика и действия. Ему рассказывал и показывал, а он старательно записывал, да и остальных бойцов пытал на ту же тему. Так что есть вероятность, что все показанное не пропадет даром и пойдет на пользу.

Что еще полезного сделал? Нащелкал кучу снимков для истории: бойцов и командиров, видов крепости и, главное, отправил эти фотографии отсюда подальше для сохранности.

Ну, и, возможно, спас от гибели находящиеся сейчас в лесу семьи командиров.

Еще уничтожил некоторое количество членов польского подполья и пару-тройку немецких диверсантов, пополнив свое «личное кладбище» и сохранив попутно жизни тех, кто будет выходить из города. Мне же выход в город и спасение в лесах пока не грозит. Для себя я это решил давно и окончательно. Хочу здесь, в крепости, попортить шкуру немцу. Сделать миф реальностью. Чтобы каждый наш погибший от артобстрела и предательства был оплачен немцами в два, в три раза больше. Чтобы знали, что русские крепости не сдаются и на колени нас поставить нельзя. А вот удастся мне это сделать или нет — посмотрим. Я еще не доставал свои крапленые карты.

Ладно, все это лирика, пора собираться. Время приближается к заветной точке, и враг уже давно выдвигается на исходные для рывка, а я не готов.

Собирать мне лично нечего — все уже давно собрано и упаковано в рюкзак заранее. Осталось только парадку сложить в рюкзак. Вот тогда точно буду полностью готовым. Много времени это не заняло, и вскоре я уже был в расположении роты. Подъем личного состава прошел без шума и крика. Одевались быстро, но без спешки, время еще терпело. По полному штурмовому варианту. В своих касках, нагрудниках и разгрузках, с наточенными малыми пехотными лопатками, «кочергами», гранатами, до отказа набитыми вещмешками и ранцами, они очень напоминали своих потомков. Тех бойцов XX века, что штурмовали столицу не раз предавшего народа. Дай бог, чтобы это не повторилось в будущем! Именно сейчас нам предстоит сделать все, чтобы будущее стало другим. Часть боеприпасов,

пайков, перевязочных материалов, личных вещей, запас воды во флягах и бачках — все, что не уместилось на бойцах, останется здесь под охраной нескольких человек. Мы сюда еще вернемся, пусть не все, но вернемся. В этом я был полностью уверен.

Собрав сержантов и разложив на столе схемы, сделанные Новиковым и Ерофеевым, я довел до бойцов сведения о возможном начале войны. Мои парни не удивились. А если и удивились, то вида не подали. План мой был прост до безобразия — имеющимися силами удержать несколько ключевых точек цитадели, чем в значительной степени осложнить жизнь немцам. Таких точек я выбрал две — клуб 84-го полка (церковь Св. Николая) и столовую командного состава.

В моей прошлой реальности немцы, захватив и укрепившись в них, практически полностью контролировали цитадель. Вот и нечего этого допускать. Конечно, только моих сил мало, но и немцев там было не так много — всего около сотни человек. Было еще несколько точек, но дайте время — и с ними разберемся. Было бы очень хорошо вообще не допустить немцев в цитадель, но, увы...

Остановить их у Тереспольского моста не получится. Только моих сил не хватит. Тут нужно не менее роты со средствами усиления, заранее занявшей позиции в башне и вокруг нее. А ее, увы, у меня нет, и откуда взять — неизвестно. Командование, видимо, не поверило в мою информацию о начале войны. Полковое командование явно на моей стороне — вывело батальоны и часть артиллерии из крепости, оставив в казарме тыловые подразделения и некоторую часть приписного состава. Возможно, и на уровне дивизии тоже есть поддержка. Похожее положение, видимо, и в остальных полках дивизии. Во всяком случае, стоянка автобата рядом с плацем значительно опустела.

В моем распоряжении пока же сводный взвод, собранный из тех, кто был в ротной казарме, общей численностью шестьдесят человек. Из них я могу положиться только на бойцов своего взвода да бойцов третьего взвода из числа тех, кто с нами тренировался. Остальные для меня «темные лошадки». Немцы будут в несколько раз сильнее и организованнее. Теми силами, что ударит враг, нас просто сомнут. Так что попробуем ударить с другой стороны, там, где моих сил вполне должно хватить.

Итак, Новиков с группой бойцов займет столовую комсостава и уничтожит ворвавшихся туда немцев. В его группу вошло 4 автоматчика, снайперская пара и 8 бойцов из других взводов при двух пулеметах. Этого вполне должно хватить для выполнения всех поставленных задач. Николаю я подробно объяснил, что и как сделать в помещении. Нужна была засада, а

не просто оборона. Бой в столовой должен был пойти по нашим правилам и на подготовленных заранее позициях. В линейное сражение вступать нам не нужно, мы по-тихому все решим. Особо я предупредил сержанта о немецких радистах. Вообще желательно их взять живыми, но если не получится, то черт с ними, пусть уложат всех. Мне мои бойцы дороже. Но сами рации желательно захватить целыми. Жаль, что так и не удалось найти противотанковые ружья. Ну, да что есть, то и есть. Еще Николай от меня получил указания на дальнейшие действия по организации обороны столовой и района Трехарочных ворот, а то там некоторые на танках кататься собрались. И без меня, главное! Не пойдет. Я тоже это люблю и уважаю. Подождут меня.

Остающиеся в распоряжении бойцы получили команду готовить оборонительные позиции в помещении, но близко к окнам не подходить. А то еще схватят случайный осколок или порежутся осколками стекла. Главная их задача была в сборе чистого постельного белья для перевязок раненым, сохранение наших запасов и поддержание связи с полком. Окна казармы как раз выходили на здание клуба. Так что световой сигнализацией вполне можно пользоваться. Бойцам было приказано никуда из помещения не выходить. Немецкая артиллерия все равно пробить стены не сможет, так что убегать в коридоры или в подвал смысла нет. Здесь, в распоряжении, вполне спокойно можно переждать артогонь. А врываться в здание немцы сегодня не должны.

Все остальные бойцы вошли в мою группу. Наша цель — клуб. Удержим его, а там поглядим, чья возьмет. Проверив еще раз экипировку, захватив ящики с патронами, мы двинулись на выход. Шума, конечно, мы делали много. Встречавшиеся по пути бойцы, видя нас, освобождали проход. В их глазах сквозило удивление нашим видом и грузом, что мы несли.

По пути я зашел к Потапову, чтобы предупредить о своих действиях. Он опять сидел один. Лейтенант Наганов ушел к себе на квартиру, что была расположена в Тереспольской башне. Узнав, что я поднял своих бойцов по тревоге, он мне ничего не сказал. Часы показывали 3 часа 5 минут. До начала обстрела оставалось около 40 минут. Я решил идти ва-банк и, попросив меня предельно серьезно выслушать, рассказал о возможном начале войны. Побледнев, Саня спросил: «Командир знает? Ты понимаешь, что говоришь?» Скрывать не имело смысла:

— Да. Я ему сказал еще днем. Послушай, это не мои выдумки. Это очень серьезно. Поднимай людей, Саня. Пока это не поздно. И выводите их на позиции. Немцы начнут с артподготовки, потом пойдут через

Тереспольские и Холмские ворота, Кобринское укрепление. Пока не поздно, надо занимать ключевые точки!

— Я без приказа не могу. Война без объявления войны? Ты понимаешь, что говоришь? — еще раз переспросил Потапов.

— Б...! Саня, свяжись с командиром, комиссаром или начштаба, наконец! Тебе это ничего не будет стоить. Если телефонная связь не работает, пошли связных, только по несколько человек и обязательно вооруженных. Кто его знает, что может случиться. Это действительно война, и только от тебя зависит, как мы ее встретим. Инструкции у тебя есть. Вот по ним и действуй.

— Да, есть, но надо связаться со штабом дивизии и корпусом.

— Саня, ты сейчас помощник коменданта крепости. В твоих руках судьбы тысяч людей. Решайся. У тебя есть где-то около получаса времени, чтобы их спасти, и минут пять на раздумье. Я тебя предупредил и свое дело сделал. А ты думай сам.

— Так ты что, уходишь? Струсил? Высказался и бежать?

— Дурак ты, Саня! Никуда я не побегу. Я здесь остаюсь. Мы с взводом пошли занимать клуб 84-го полка. Это одна из ключевых точек крепости. Я тут, в казарме, своих бойцов для связи оставил. Будет время, полевку бросим и корректировщиков посадим. Когда будешь всех поднимать, остальной гарнизон не забудь предупредить и связь проверить. Да, чуть не забыл, ты организуй после построения людей провести проверку помещений на наличие посторонних. А то переодетые немцы могли уже к нам в казарму попасть. И знамена дивизии и полка под охраной комендантского взвода и дежурного подразделения отправь к штабу дивизии.

— Не учи ученого, — ответил уже успокоившийся старший лейтенант.

— Сань, прости меня, если что. Давай на всякий случай попрощаемся. Неизвестно, когда теперь увидимся. Ты давай, береги себя. О твоей семье Нестор должен побеспокоиться.

— А он что в курсе?

— Инструкции на эвакуацию у него есть. Есть там и транспорт. Я думаю, все успеет сделать как надо. Прости, мне надо идти. Времени осталось впритык, а мне еще бойцов по позициям разводить. Если что, там меня найдешь, — не дождавшись ответа, я вышел из дежурки и бросился догонять бойцов, почти дошедших до столовой.

В столовой комсостава находилось всего несколько человек из наряда и две поварихи. Старшему наряда объявил, что они поступают в распоряжение сержанта Новикова, назначенного комендантом объекта на

время усиления охраны, и обязаны выполнять все его указания беспрекословно. Обойдя с Николаем помещения и еще раз повторив задачу, оставил его самого. Мой поредевший отряд к этому времени уже был у клуба.

Время понеслось вскачь. Я вроде бы рассчитал все правильно. Но, похоже, сделать все запланированное не успевал. С нарядом в клубе договорились быстро. Распределил людей по позициям и, проведя инструктаж, предупредил о максимальной маскировке и тишине. Мы заняли позиции на хорах и в подвале клуба. Насколько я помнил, именно на этих позициях немцам удалось удержаться в клубе, ведя огонь сверху вниз по нашим. Так они смогли продержаться до деблокады клуба и выхода к своим. Посмотрим, как теперь им удастся это сделать. С хоров вести огонь могли только пять-шесть человек, поэтому основной упор был сделан на пулеметчиков и гранатометчиков. Остальные вошли в ударный отряд для последующей зачистки территории.

Под свой наблюдательный пункт я облюбовал место на колокольне под самой крышей. Вместе со мной по винтовой лестнице туда поднялись и два моих лучших снайпера: ефрейторы Усольцев и Соболев. Рассматривая с высоты бывшей церкви (костела), а ныне клуба расположенные вокруг постройки крепости, понял, почему так сюда стремились немцы. Все было видно, как на ладони, и любые перемещения людей или техники можно было отследить в утренней мгле. Я послал Никитина оповестить расположенные рядом разведбат и инженеров о возможном начале войны и вероятности появления диверсантов в их помещениях. Электричество не работало. Нигде не было видно сборов по тревоге, не заводилась техника, нигде не бежали бойцы. Знать, не судьба...

Показав снайперам на башню Тереспольских ворот, поставил задачу не допустить размещения на ее наблюдательном пункте пулеметчиков противника.

— Делайте что хотите, но с прекращением артиллерийского огня с той стороны ни одна сволочь не должна там находиться. Особенно пулеметчики и наблюдатели. Заодно отстреливайте и всех, кто появится в окнах башни, — сказал я им. — Сможете это сделать?

— Сделаем, — ответили парни, рассматривая в свои прицелы башню.

— Тут дистанция метров 500. Достанем, — любовно поглаживая винтовку, добавил Николай Усольцев.

Немцы начали по расписанию. В 4 часа 15 минут по московскому времени на западе засверкали зарницы выстрелов, а крепость покрылась разрывами артиллерийских снарядов и мин. По крепости работало

огромное количество орудий противника. Сотни орудий тяжелой артиллерии, реактивных минометов, дивизионных пушек посылали тонны металла на головы мирно спящих людей. Остановились мои, до этого момента всегда отлично шедшие, наручные часы.

За несколько минут все изменилось до неузнаваемости. Крепость, до того бывшая красивым и убранным военным лагерем, превратилась в лунный ландшафт с кратерами воронок всевозможного размера — от огромных до совсем небольших. Десятки тысяч осколков покрыли землю. Казалось, что большой искусственный пожар охватил все вокруг. Горели автопарки разведывательного и автомобильного батальонов, горели покрышки артиллерийских орудий в артиллерийских парках, горели крыши казарм и деревья, горели склады и сараи, горели сено конюшен и дрова полениц, сложенных во дворе. Стоявшие на открытых площадках орудия, бронемашины, легкие танки коверкало и бросало друг на друга. То, что еще недавно было грозным оружием, становилось бесполезным металлоломом. Поднятые грохотом взрывов, испуганные и ошеломленные люди выбегали из казарм на улицу и тут же падали, сраженные осколками. Некоторым удавалось перебежать от одного здания к другому и спрятаться там.

Здания сотрясались от попадания в них тяжелых и реактивных снарядов, обрушивались крыши и перекрытия этажей, металлические части крыш срывало, и они падали вниз. Оконные стекла, куски штукатурки и черепицы оставили свои места и сыпались на притихших и оглушенных происходящим бойцов. Каждые четыре минуты немцы переносили огонь на сто метров в глубь нашей территории, унося чьи-то жизни и надежды.

Тяжелые и просто громадные снаряды упали в расположении 125-го полка в районе Брегидок, на Западном острове. От их взрывов качалась земля и разрушались постройки.

Один из таких снарядов попал в здание Арсенала и пробил его. Такой же «чемодан» ударил в здание погранотряда и обрушил стены, погребя под обломками всех, кто там находился. Следом снаряды тяжелой артиллерии упали перед нами на площадку между Арсеналом, Кольцевыми казармами и церковью-клубом. Видимо, взяв церковь за ориентир, немецкие артиллеристы решили пристреляться по цитадели. Взрывы были такой силы, что шатались стены здания, а с крыши посыпались детали перекрытия и черепица. Падая, она ломала лавки и калечила бойцов, не успевших укрыться от обломков. Все внутри здания заволочло дымом и пылью. Ударная волна сносила все на своем пути. Как я смог удержаться на своем НП — не знаю. Прижавшись к стене, ощущал ее движение от ударной волны и попадавших в стены крупных осколков, которые

десятками летали вокруг меня. Казалось, что обстрел не закончится никогда. Было более чем страшно. Хотелось свернуться клубочком и спрятаться от всего этого...

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...3.15 ч. На всем фронте начинается огонь артиллерии. Сосредоточение огня в полосе боя дивизии на цитадели Брест видно четко. Здесь залп впервые примененных в бою тяжелых метательных аппаратов производит сначала очень сильное впечатление.

Выстрелы и попадания 60-см установок не воспринимаются в массе огня. Отдельные высокие огненные колонны на вражеской территории говорят об уничтожении запасов горючего или боеприпасов. Из вражеского сопротивления видно только ведение огня трассирующими снарядами противовоздушной обороной — на много км на восток от Бреста, по-видимому против происходящих там атак люфтваффе с малой высоты.

3.19 ч. Согласно приказу, пехота приступает к форсированию Буга в надувных лодках.

За передовыми подразделениями пехоты следует и задействованный взвод 1-й роты 1-го железнодорожного саперного полка.

Решающая часть успеха лежит на саперах 81-го саперного батальона, вошедших в усиленную штурмовую группу Цумпе.

Штурмовая группа подъезжает на велосипедах по деревянному настилу моста.

3.27 ч. I.R. 135 сообщает о невозможности захватить железнодорожный мост. Он уничтожен русскими. Направлено сообщение в штаб XII армейского корпуса и одновременно в штаб 31-й дивизии (левый сосед) о невозможности овладения железнодорожным мостом.

3.55 ч. 2/PI.81 начинает наведение моста (8 т) от нашего берега (непосредственно к западу от северной оконечности Западного острова) к Северному острову. В районе запланированного южного моста (южная оконечность Южного острова) около 5.00 ч. начинается паромная переправа. На вышеупомянутом месте не удастся произвести подготовленное закрепление проволочного троса (проволочный трос порвался).

III/I.R. 135 вслед за передовым подразделением — 11-й (самокатной) ротой наступает по Западному острову (Тереспольское укрепление) и довольно скоро сильной штурмовой группой достигает Центрального острова (цитадель).

Подразделение I/I.R. 135 наступает на Северный остров; далее оба подразделения должны быть нацелены на территорию Центрального вокзала...»

Не знаю, сколько длился обстрел, но точно не менее получаса. Все это время не было никакой возможности поднять голову и продолжить наблюдение — осколки смертоносным дождем продолжали влетать в проемы окон и дверей, ударялись о стены, выбивали штукатурку и кладку и, продолжая свое неумолимое движение, калечили незащищенных людей. Серая строительная пыль все больше покрывала собой бойцов, перекрашивая их в такой же серый цвет. Она висела плотным облаком, не давая вздохнуть полной грудью, скрипела на зубах. Заранее мною предупрежденные бойцы и снайперы спрятали свое оружие в плащ-палатки и своими телами прикрывали его от осколков. К вездесущей пыли добавился и дым от пожаров, заносимый с улицы и пожара на крыше здания клуба.

Наконец основная волна взрывов пошла дальше, и лишь одиночные разрывы снарядов напоминали о недавнем огненном шторме. Из казарм и казематов стали выбегать полуодетые, необутые, в большинстве своем безоружные бойцы и командиры, стремясь покинуть свои казармы. Эти группки сливались в большую плотную реку людского потока, в котором снаряды врага продолжали находить свои новые жертвы. Сраженные осколками люди падали и больше не поднимались с земли, устилая своими телами территорию цитадели. Царил хаос и полная неразбериха: кто-то в панике бежал из крепости, кто-то, не потеряв голову и пытаясь следовать ранее утвержденным планам, устремился к паркам и складам. В большинстве своем так действовали одиночки или маленькие группы...

...Между зданиями погранзаставы и Арсеналом, Тереспольской башней и Кольцевой казармой показались люди в фельдграу. Несколько позже они появились в воротах между Арсеналом и Кольцевыми казармами у 44-го и 455-го полков. Сначала это были единичные группы, а затем их стало все больше и больше. Немцы особо не спешили. Небольшими группами по пять-семь человек, организованно, практически не стреляя, иногда швыряя в проемы окон гранаты, они шли к центру крепости. Двигаясь от одного укрытия к другому, прикрывали друг друга огнем и

отстреливали тех, кто пытался им помешать. Все это напоминало хорошо отлаженный механизм, которому нет преграды. Наши же, обнаружив врага, старались как можно быстрее укрыться или покинуть крепость. Иногда из казарм раздавались одиночные винтовочные выстрелы. По выявленным огневым точкам немцы сразу же отрабатывали из нескольких пулеметов и автоматов, стараясь погасить непонятливых русских. И это им удавалось.

Преодолев открытое пространство, немцы все так же слаженно разделились на несколько групп. Одна бросилась дальше вдоль Кольцевых казарм к Холмским и Трехарочным воротам, другая к церкви-клубу, третья к столовой комсостава, еще одна направилась к «Инженерке» и Белому дворцу.

Дождались, вот и к нам гости. Что ж, милости просим! Гоня перед собой несколько десятков наших пленных, до сотни немцев стремительно приближались к церкви. Пора... Я спустился вниз к своим бойцам.

В соответствии с планом первыми стали работать снайпера. Стараясь преждевременно не раскрыть наше нахождение в клубе, они из глубины здания через окна над входом расстреливали наступающего врага. Немцы не поняли, откуда по ним бьют, и, подхватив раненых, ускорили движение к дверям клуба. Добрались далеко не все — десяток тел в фельдграу украсили собой утренний пейзаж.

Не встретив на своем пути никакого сопротивления, немцы ворвались в полумрак клуба и, перешагивая через трупы не успевших укрыться от осколков и пуль красноармейцев, заняли все пространство первого этажа. Пока осматривали первый этаж, были насторожены, но, удостоверившись в том, что тут больше никого живых нет, успокоились и занялись привычным делом. Часть стала занимать позиции у дверей и окон, другие загоняли в подвал пленных. Один из немцев на входе в клуб выпустил в небо белую сигнальную ракету и зашел в помещение. Мы им не мешали, все шло как надо.

Сигналом к нашему выходу на сцену послужили раздавшиеся снизу взрывы растяжек. Не пожалев нескольких гранат, мы заранее их расположили недалеко от окон и входных дверей, алтаря, а также по пути на хоры. И вот теперь они сработали. Крики и стоны раздались сразу же в нескольких местах. Не поняв, что к чему, немцы заученно упали на пол, откатились к укрытиям и приготовились к отражению атаки, беря под наблюдение пространство вокруг. Даже выстрелили пару раз в наиболее темные углы. Но на них никто не нападал. Все было тихо и спокойно. Солдаты успокоились, поднялись и направились к раненым. Тут их ждал сюрприз — с хоров вниз полетели гранаты. Сразу же после того, как

взрывы покрыли весь первый этаж, ударили пулеметы и автоматы, собирая обильную человеческую жатву. Поражаемые осколками и пулями немцы, словно колосья, падали на пол церкви. Со стен на них смотрели портреты советских лидеров и незакрашенные лики святых. Из клуба смогло вырваться не более полутора десятка человек, устремившихся вдоль противотанковых сеток, колючей проволоки и дровяных складов назад, в сторону Тереспольских и Холмских ворот. Но убежать они не смогли — из подвала клуба и полуразрушенного здания погранзаставы ударили пулеметы, а из казармы 84-го полка, Белого дворца и «Инженерного управления» в штыковую атаку бросились наши бойцы.

На полу клуба лежали десятки трупов врагов, попавших под наш огонь. Те, кто стремился укрыться в подвале, в свою очередь, были встречены «засадным полком». Но уцелевшие в устроенной нами мясорубке немцы оказались действительно хорошо подготовленными бойцами. Почему я так решил? Уж очень быстро они «врубились» в ситуацию и заняли небольшой дверной тамбур прямо под хорами. Это было единственное место, откуда они могли держать под прицелом все внутреннее пространство вплоть до алтаря, не боясь огня тех, кто находился на хорах. Как оказалось, нахождение немцев в тамбуре совсем не гарантировало им спокойной жизни. Воспользовавшись «кочергами», мы рванули несколько гранат, достав «недобитков». Подтверждением этому стали очередные крики и стоны.

Пора было пройти с миссией умиротворения. Сменив диски на оружие, мы устремились вниз, заливая огнем из автоматов все вокруг себя. Я бежал первым. Некоторые захватчики еще двигались и пытались сопротивляться, стреляли. Пленные были не нужны, кроме тех, о ком я заранее предупреждал. А раз так, то и жалостью мы не страдали. Короткая очередь из автомата или пулемета прекращала мучения врага. Надеюсь, им на другом свете будет лучше. В воздухе висел запах крови, испражнений, гари и сожженного пороха.

Пулеметчики, переместившись к окнам, выходящим на Трехарочные ворота, открыли огонь по сосредоточившимся там немцам. Видимо, там собралось несколько штурмовых групп, а это более сотни солдат врага. Еще не поняв, что случилось в клубе, но слыша выстрелы и разрывы гранат и видя штыковую атаку наших бойцов у Холмских ворот, значительная часть из них тут же устремилась на помощь к своим. В том числе и в клуб.

Машина смерти, какими они были еще десяток минут назад, дала сбой. Это были храбрые и самоуверенные солдаты вермахта, но опьянение верой в легкую победу сыграло с ними злую шутку. Ну кто же так

действует? До клуба или Белого дворца надо преодолеть порядка трехсот метров открытого пространства, где из укрытий только деревья да бордюрный камень. А враг еще и стреляет со всех сторон. Тут одной храбростью победить невозможно. Лафа для врага закончилась, и за все пора платить. Вот они и нарвались на плотный пулеметный огонь. Нас поддержали из столовой комсостава — из подвала и окон, выходящих на ворота, ударили пулеметы. Не остались в стороне бойцы и в Кольцевых казармах, открывших огонь по тем, кого не могли достать мы. Немцам стало совсем плохо.

Отстреливаясь, они сначала заматались под аркой ворот в поисках укрытия, но, не найдя ничего подходящего, просто падали на брусчатку и пытались отползти с линии огня. Однако плотный огонь оставил им мало шансов на выживание.

Около двух десятков человек успели проскочить в столовую 33-го инженерного полка и оттуда через окна попробовали подавить наши пулеметы. Еще один путь для спасения лежал через мост на Северный остров. И немцы им воспользовались. Выскочив из-под арки, они побежали по мосту, но попали под шквал огня бойцов из Кольцевой казармы.

Все было закончено достаточно быстро. Кто-то из немцев еще пытался отстреливаться, укрывшись в воронках, но таких были единицы. Их уничтожение было делом времени. Лучше бы им самим застрелиться, чтобы не попасть в руки разгоряченных боем бойцов. Мне же заниматься благородным делом вылова одиночных «блех» на теле крепости не пристало. Ну не командирское это дело, бойцы сами справятся. Я же вернулся к тем немцам, кто в клубе еще подавал признаки жизни. Таковые оставались в тамбуре. Целых трое еще недавно молодых и сильных парней. Двое были не жильцы, а третий еще мог пожить некоторое время при хорошем своем поведении. Кстати, именно он подавал сигнал ракетой. Вообще хорошо. Вот пусть он пока и побудет пленным, а остальных в расход. Меня интересовали световые сигналы. Остальные сведения роли не играли. Что эти немцы из 45-й пехотной дивизии, а точнее из ее 135-го пехотного полка, я и так знал. Церемониться не стал и, пока не утихла горячка боя, быстро допросил. Ошеломленный смертью своих камрадов и столь быстрым переходом в состояние военнопленного, немец запирается не стал и рассказал все, что знал:

- 1) белая сигнальная ракета — «Мы здесь»;
- 2) отдельная звезда сигнального патрона красного цвета — «перенос огня вперед»;
- 3) отдельная зеленая звезда сигнального патрона — «враг атакует»;

4) дымовой сигнальный патрон фиолетового или синего цвета — «танковая тревога».

Как хорошо, когда есть понимающие люди! И когда к ним не надо прилагать много усилий.

Дав указание на сбор трофеев и документов, перевязку наших раненых, занялся делом. При помощи фонарика связался с Арсеналом и столовой. У моих бойцов там все было в порядке. В столовой бой завершился так же, как у нас: туда ворвалось всего пять человек и их быстро перебили. Раненых и погибших нет. Я же такими успехами похвастаться не мог. По докладу Ерофеева среди наших потерь не было, но вот из третьего взвода погибло пятеро и около десятка раненых из тех, кого немцы захватили и загнали в подвал. Кроме того, на первом этаже нашли тела еще восьмерых наших погибших. Видимо, они были из числа тех, кто пытался спрятаться в клубе от артобстрела. Немецких трупов насчитали шестьдесят два. Неплохой обмен для моего подразделения. Из плена освободили 32 человека, которых Пряхин сейчас приводил в чувство. Как оказалось, немцы собрали в кучу и гнали с собой бойцов из погранотряда, конвойников, красноармейцев нашего полка, автобата, батальона связи и 44-го полка. Похоже, хватали всех, кто под руку попал.

Одну из «крапленых карт» разыграли, и достаточно хорошо. В итоге центр цитадели в наших руках, и теперь никто не может нам помешать выводить людей и организовать плановую оборону цитадели. Правда, есть еще пара интересных моментов. Читал я где-то, что в столовой Белого дворца и «Инженерном управлении», а также на стоянке техники разведбата сидели немецкие диверсанты и активно мешали нашим заводить ее. Еще до начала войны я туда послал Никитина с предупреждением, но тот назад так и не вернулся. Как бы он там не погиб. Будем надеяться на лучшее — и он жив, а главное, выполнил мое указание.

«Приобретенные» бойцы под руководством «егерей» досматривали трупы немцев и собирали трофеи. К алтарю сносили наших павших бойцов. Штатный взводный санинструктор Самойлов оказывал помощь раненым, перевязывая их трофейными бинтами. Унылых и угнетенных лиц у бойцов заметно не было. Правда, излишне возбужденных хватает. Оно и понятно — только что отгремел нешуточный бой, из которого мы вышли победителями. И эта победа над опасным и хорошо подготовленным противником, конечно, захватила их полностью. Люди готовы сражаться и бить врага дальше.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от

22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...4.03 ч. Наступление идет планомерно, и главные силы передовых частей переправились успешно. Направлено соответствующее донесение в XII А.К.

Истребительной авиаэскадрой Мельдера в воздушных боях, происходящих между Бяла-Подляской и Брест-Литовском, добыто несомненное воздушное превосходство в полосе дивизии.

4.15 ч. Командные пункты наступающих пехотных полков, А.Р. 98 и саперного батальона переносятся через Буг.

4.30 ч. Отдельные группы противника, преодолев, по-видимому, первый ужас, начинают оказывать сопротивление I.R. 130.

4.40 ч. Ia ориентирует по телефону штаб корпуса, как указано ниже:

Дивизия ведет наступление I.R. 135 за Бугом, также хорошо продвигается I.R. 130. Началось строительство паромов.

2 моста Мухавца, непосредственно к востоку от Южного острова, в руках дивизии.

На Северном острове вражеские части успокоились и защищаются.

Подготовленный 2 т. пешеходный штурмовой мостик (на звено-паромах плавучего моста) должен выдвигаться к югу от Южного острова.

4.47 ч. 45-му противотанковому дивизиону (без подразделений уже подчиненных полкам) приказано занять оборону в районе продовольственных складов, готовясь к контратакам бронетанковых частей, и ожидать дальнейших распоряжений дивизии.

4.48 ч. I.R. 135 также сообщает о возросшем сопротивлении и настаивает на приостановлении наступления, так как требуется привести подразделения в порядок и очистить Северный остров от противника.

В дивизии складывается впечатление, что вследствие полной неожиданности враг готов к сопротивлению только подразделениями, не находившимися под фактическим и моральным действием артподготовки. Шлипер (сопровождаемый Ia) подтвердил это во время личного посещения I.R. 130.

4.50 ч. 45-му разведывательному дивизиону отдается команда сосредоточиться в районе к югу от фольварка Лобачув и

ждать распоряжений дивизии...»

В сопровождении Ерофеева ко мне подошло несколько бойцов:

— Товарищ лейтенант, мы тут, как вы и приказали, бойцов отобрали делегатами связи.

Поблагодарив, объяснил бойцам, что мне надо от них. Я хотел, чтобы бойцы вернулись в свои казармы и отнесли командирам мои записки. В них от имени штаба обороны сообщал об отбитии и уничтожении немцев в центре крепости, требовал собирать вокруг себя любой личный состав, привести его в порядок, вооружиться доступным оружием с любого из складов и следовать к выходу из крепости через Северные ворота. В качестве опознавательного знака мною была выбрана белая повязка на правом рукаве. Аналогичные уже были заранее нами заготовлены, и, получив указание, мои бойцы ходили с ними. Уточнив по схеме крепости, где расположены их части, вырвал из блокнота заранее заготовленные письма и раздал красноармейцам. А затем отправил в путь. Прислонившись к дверному проему, я смотрел, как они перебегают от укрытия к укрытию, стремясь как можно быстрее преодолеть открытое пространство и укрыться в арках Кольцевой казармы. Снаряды продолжали сыпаться на крепость, осыпая защитников градом осколков, неся смерть и разрушение. Помочь бойцам я ничем не мог. А если повторить трюк с ракетой? Взяв одну из сигнальных ракет белого цвета, запустил ее в небо. Практически сразу же со стороны Кобринского укрепления, Южного и Западного (Пограничного) островов взлетели аналогичные. А из окна Тереспольской башни застрочил пулемет, бывший по какой-то, одному ему известной цели у Арсенала, показывая, что там тоже находится враг. Наступал очередной акт Марлезонского балета. Пора и мне готовиться достать очередную крапленую карту. Но до этого надо еще кое-что сделать для организации свободного выхода войск.

Позвав Малышева, приказал отобрать человек восемь наших и десяток человек из «приобретенных». Нам предстояла задача выбить немцев из столовой инженерного полка, а затем занять оборону в Трехарочных воротах и не допустить проход немцев внутрь цитадели. Все это можно было сделать только вместе с 455-м и 33-м полками. Уверенность в том, что мы сможем все это сделать, была — не так уж и много немцев успело забежать в столовую, а мои бойцы обучены штурмовать подобные помещения.

Я рассказал Виктору о его дальнейших действиях. Ему придется действовать в отрыве от нашего отряда. Мы будем штурмовать

Тереспольские ворота, а Малышеву требовалось закрепиться в Трехарочных воротах. Собрать вокруг себя одиночек и держаться до конца. Уходить с позиций без моего указания запретил, кто бы им этого ни приказывал, какие бы геометрические знаки отличия ни носил этот командир. В случае чего ссылаться на приказ штаба обороны крепости. Если уж им так надо, то пусть присылают сюда делегатов связи. А там подумаем, что к чему. Отправив сержанта отбирать, формировать и вооружать отряд, я собрался подняться наверх и посмотреть, что творится вокруг, но был остановлен Ерофеевым.

— Товарищ лейтенант! Мы тут в планшетку собрали все немецкие жетоны и документы. Парни спрашивают насчет часов и других трофеев, — протягивая мне планшетку, сказал сержант.

— Молодцы! Что такое дуван дуванить, знаешь? — спросил я. И, получив утвердительный кивок от Петра, продолжил: — Все трофеи, кроме оружия и боеприпасов, в кучу, после разберемся. Что вообще собрали?

— Маузеровские карабины, пять ручных и два станковых пулемета «МГ-34», пистолет-пулеметы восемь штук. Еще пистолеты, боеприпасы, гранаты, радиостанция, штурмовая амуниция, продукты, взрывчатки немного. Часы, деньги немецкие, сигареты, зажигалки, да так еще по мелочи.

— Значит, так, Петр! В мое отсутствие останешься тут за коменданта. Я Малышеву дал команду собрать ударный отряд, чтобы выбить немцев из столовой инженеро-в. Поэтому уступишь Виктору пару пулеметов. Остальное оружие и каски, в том числе трофейные, раздай тем, у кого их нет. Что останется, здесь складируй, пригодится. Если найдешь из «пришлых» пулеметчиков, создавай расчеты. Не найдешь — вооружай тогда ими наших. Проследи, чтобы все пополнили боекомплект. Пусть по максимуму затарятся гранатами, что нашими, что немецкими. Расход воды надо уменьшить, чует мое сердце, что с ней у нас будут проблемы. По периметру организуй наблюдение и охрану. Напротив дверей стройте баррикады как внутри, так и снаружи. Расспроси бойцов, кто из них знает, где склады боепитания и продовольствия есть. Раненых надо готовить к эвакуации отсюда в Брест. Как настроение у ребят?

— Отличное. Парни все понимают. И стремятся набить морду соседям.

— Вот и прекрасно. Пусть готовятся.

— Есть! Тут какой-то старший лейтенант войск НКВД старшего требует. Прибежал со стороны Белого дворца. Мы его пока в дверях придержали.

— Все правильно сделали, нечего посторонним тут делать. А то ходят тут всякие, потом личные вещи пропадают. Раз требует, давай его сюда, поговорим. И еще, отдели из тех, кого немцы пригнали, пограничников и конвойников. Создадим из них временное отделение, с нами будут. Если кто без формы, то пусть пока оденутся за счет погибших. Сапоги и бриджи можно с немцев поснимать. Тем все равно уже ничего не надо, а живым ходить раздетыми и босыми негоже. Вооружи их трофеями, выдели им одного из наших бойцов в качестве старшего. Пусть занимают позиции по первому этажу. Подчиняться будут тебе, попозже пусть в воронке погибших похоронят. Данные на погибших, если их опознают, в блокнот запиши — кто, откуда, какого полка. Надо будет еще на ложках те же данные записать и к погибшим положить, чтобы не забыть, кто похоронен. Минут через пятнадцать давай собирай наших на выход. Пора на новые подвиги. Мы еще не всех немцев перебили.

— Понял, сейчас займусь.

Через несколько минут в сопровождении одного из бойцов подошел высокий, молодой, темноволосый, подтянутый старший лейтенант в полной повседневной форме войск НКВД. Форма была новая, практически не ношенная, слегка присыпанная пылью. В полумраке клуба на ней белел подворотничок. На поясе в кобуре был «ТТ». «Старлей» был в фуражке. Отпустив бойца, я поинтересовался наличием у пришедшего документов. Протянув мне свое удостоверение, тот стал высказывать недовольствие нашими действиями и требовать немедленного выхода из крепости на соединение с войсками. Не снимая с рук перчаток, я взял корочки и стал их изучать. Внешне с ними все было в порядке, даже пресловутая скрепка была не из нержавеющей стали. Говорил старлей правильно, без акцента. Но что-то меня в нем напрягало и раздражало, а вот что конкретно — так и не понял. Слишком он аккуратный и не мятый. А еще память мне подсказывала, что в известной мне истории обороны крепости не было среди участников старшего лейтенанта НКВД. Перебив на полуслове старлея и не возвращая ему документов, спросил, откуда он, из какой части и как тут оказался. Тот снова стал возмущаться и требовать подчиняться его приказам. Пришлось его одернуть, пообещав арестовать, если будет продолжать в том же духе и вмешиваться в мои действия. Как же плохо, что будучи прикомандированным к Управлению НКГБ, не обеспокоился какой-никакой ксивой. Старлей после моей угрозы вроде бы успокоился. Между нами было около метра. Тут мое внимание отвлек появившийся в дверях Никитин, шедший в сопровождении нескольких вооруженных автоматами бойцов в танковых комбинезонах. Из-за этого я и не заметил, когда у

старшего лейтенанта в руках появился клинок. Но на начало его атаки успел среагировать и уклонился от удара. Он меня почти достал, как мне показалось, задев гимнастерку. Стрелять в такой ситуации я не мог — банально не успевал поднять ствол автомата. Поэтому пришлось атаковать руками. Отбив руку с клинком, сам перешел в атаку, нанеся удар рукой в район горла. Вроде и бил не сильно, но удар оказался более чем удачным. Старший лейтенант откинул голову, молча опустил, выпустив из рук кинжал.

Ко мне на помощь подбежало несколько бойцов, видевших наш обмен ударами. Успокоив их, расстегнул на старлее гимнастерку. На шее обнаружился очередной немецкий жетон. Весело, и все смеются. Очередной агент. Да сколько же их тут? Только нагнувшись к убитому, я понял, что меня в нем напрягало. Запах. Все наши командиры пользуются одеколонами «Тройной» или «Шипр» и моются хозяйственным мылом. Сам такой косметикой пользуюсь. А тут запах далек от столь давно знакомых.

Немцу я, похоже, сломал шею. Обыскав труп, кроме «ТТ» в кобуре нашел еще «Вальтер ППК», гранату «Ф-1» и несколько запасных обойм в карманах галифе. Что ж, нам трофеи пригодятся. Дал команду бойцам снять с трупа нашу форму и бросить его к остальным немцам.

Никитин и бойцы, пришедшие с ним, с интересом и уважением смотрели на меня. Виктор подошел ко мне и доложил о выполнении приказа.

Когда он прибыл в штаб 75-го разведбата, никого из командиров там не оказалось. Дежурный по батальону лейтенант Галустьянц вышел с проверкой в Кольцевую казарму. Поэтому мою записку пришлось передавать дежурным сержантам бронероты. Благо они в одном здании «Инженерного управления» со штабом расположены. Те сначала не поверили, задержали и чуть не побили, посчитав его самого за диверсанта. Правда, за Виктора земляк заступился и подтвердил, что Никитин действительно служит в 333-м полку. После этого предупрежденные о диверсантах разведчики провели в своих помещениях обыск. В столовой Белого дворца нашли пять лазутчиков, в том числе одного унтер-офицера. В «Инженерном управлении» наверху тоже сидели трое немцев с телефоном. Как диверсанты туда попали — неизвестно. После этого Виктора отпустили. С началом обстрела крепости разведчики бросились к своей технике, но были обстреляны из парка бронетехники. Пришлось занимать оборону и вести бой с еще одной группой диверсантов. Бойцов в батальоне было мало, часть ушла из крепости на учения. Казармы мотострелков и танковой роты, что были расположены на втором этаже

Кольцевых казарм у Трехарочных ворот, горят. Техника автоброневой и танковой рот, стоявшая на летней площадке у Белого дворца, пострадала от артобстрела и огня. Готовых к бою машин нет, но часть можно завести и подготовить. Личный состав попрятался по казематам и подвалам, частью ушел в казармы соседей. С разведчиками через посыльных установил связь 84-й полк. Тот держит оборону у Холмских ворот и на Южном (Госпитальном) острове. С окончанием обстрела на вернувшихся с Северного острова двух «Т-38» прибыли несколько командиров. Общее командование батальоном принял на себя начштаба батальона старший лейтенант Долженко Петр Федорович. Именно он в сопровождении одного из бойцов и пришел к нам.

Поздоровавшись с пришедшими, представился. Пригласил с собой на НП. На лестнице Усольцев и Соболев доложили, что мое приказание выполнено, уничтожено 6 немцев, пытавшихся устроить пулеметные позиции наверху Тереспольской башни.

Поднявшись вместе с разведчиками наверх, стали уточнять складывающуюся вокруг обстановку. Несмотря на продолжающиеся взрывы снарядов и дым пожаров, было более или менее видно. История с некоторыми изменениями повторялась.

Севернее цитадели немцы, переправившись через Буг, закрепились на валу Кобринского укрепления и наводили переправу. Отсюда же они продолжили наступление и вели бой в районе казарм 125-го полка, пытаясь вдоль берега Муховца прорваться к Трехарочному мосту и цитадели. Наши бойцы держали оборону в районе Северо-Западных ворот, плаца и казарм 125-го полка, Домов командного состава, на дороге Север-Юг, Западном редюите.

Территория у Северных ворот крепости была покрыта сплошной полосой разрывов. Шел бой и в районе валов у Восточных ворот крепости. Похоже, что немцам удалось захватить ближайшие к крепости мосты через Мухавец, и теперь они стремились удержать их за собой.

Выстрелы слышались на Западном и Южном островах. Где конкретно, было не очень хорошо видно из-за разросшихся на островах ив. Удалось рассмотреть, что на Южном острове бой шел в районе школы младшего командного состава 84-го полка, ворот и госпиталя.

В цитадели активная перестрелка была в районе казарм 132-го батальона НКВД, Тереспольской башни и Арсенала. Между Белым дворцом, «Инженерным управлением», Холмскими воротами, как итог контратаки наших, лежали десятки трупов красноармейцев и немцев. Тут оборона налаживалась 84-м полком, разведчиками и инженерами. В городе

пока выстрелов не слышно, что уже хорошо. Спокойнее отступать будет.

Радостным было то, что севернее крепости нашим все же удалось взорвать часть железнодорожного моста через Буг. И теперь из расположенного рядом с мостом дота бойцы обстреливали немцев, пытавшихся переправиться через реку. Пока это им удавалось, но надо признать, что это ненадолго. Подняв в небо несколько аэростатов и разместив там корректировщиков, немцы сосредоточили на доте огонь не меньше десятка орудий. Разрывы снарядов все чаще накрывали укрепление. И противопоставить этому ничего нельзя.

Эх, нам бы сюда артиллерию! Хотя бы гаубичный полк. Чтобы накрыть готовящегося к атаке противника. Ведь плотно же стоят, бей не хочу. Но чего нет, того нет. Северный городок, где как раз стоял гаубичный полк весь в дыму и разрывах. Да и в Южном городке не лучше. Тоже все горит и взрывается. Остается надеяться только на себя. Будем надеяться, что среди разрухи, царившей в артпарках, найдется пара «полковушек» и снаряды к ним. Попробуем достать немцев. Может, не попадем, так хоть напугаем.

Если за территорией крепости мы ничего сделать пока не могли, то в крепости у нас положение лучше. И тут нам главный помощник именно разведбат и его техника. Он вооружен плавающими танками, а также пушечными броневиками. Пусть даже количество танков уменьшилось на те, что ушли из крепости или повреждены немцами, но все равно батальон остается ударной силой гарнизона. Вырваться из крепости под огнем противника на технике у них не получится. Северные ворота находятся под огнем противника, Восточные ворота блокированы. По воде через Мухавец на танках не получится, мосты через Мухавец и часть Южного острова захвачены врагом. Пулеметами расстреляют в воде легкобронированные танки. Все это я и попытался донести до старшего лейтенанта.

— И что ты предлагаешь делать? Должен же быть выход! Наш замполит настаивает на немедленном выходе. У тебя какие приказы? — спросил Петр.

— Есть устный приказ комдива о выходе частей в места сосредоточения. Доставил его посыльный из штаба. Только его убило при отражении штурма. Других приказов не поступало. Связи с дивизией нет. Для выполнения приказа комдива в сложившейся обстановке, я думаю, выход только один — нужно выбить врага с Кобринского укрепления. Или хотя бы удерживать его на занимаемых позициях. Ворота, через которые можно выйти, одни — Северные. Есть еще возможность воспользоваться Северо-Западными воротами. Там наши держатся. Немцев в крепости мало,

но они наращивают свои силы, перебрасывая подкрепления через Буг. Где проходит линия обороны, сам видел. Если ударить вдоль правого рукава Мухавца и дороги Север-Юг, то можно, подавив огневые точки противника, пробиться к Северо-Западным воротам и выйти через них.

Есть еще один вариант. Прорваться к Домам комсостава и поддержать огнем обороняющихся там. Создав, таким образом, коридор для отступающих бойцов и командиров. Вон видишь, левее Домов начальствующего состава, в кустарнике у Мухавца, расположена немецкая пулеметная позиция. Она держит под огнем Трехарочный мост. Уничтожив ее, дадим возможность людям более-менее спокойно отступить через Северные ворота. Самим в этом случае отступать придется под прикрытием с Главного вала, люнетов и Западного редюита через те же ворота.

В любом из вариантов сначала надо остановить немцев на Кобринском укреплении и только потом выходить из крепости. Северные ворота ближе, но там сейчас такая мешанина, что с ходу ее не преодолеешь. Надо время, чтобы там навести порядок, разобрать завалы. Отсиживаться тут нельзя. Немцы могут закрыть мышеловку. Ждать, когда нас разблокируют, глупо. Командование на нас рассчитывает. Это не конфликт, а война. Тут наступает 2-я танковая группа немцев, мы их удержать у крепости не сможем. Сил не хватит. Выбирай, какой вариант для вас больше подходит.

— По мне, так второй получше будет, — задумчиво сказал Долженко.

— Я тоже так думаю. Но есть еще одна проблема. В столовой инженерного полка засели немцы. Я тут планирую атаку на них. Поддержать сможете?

— У нас пока только пара «Т-38» готова к бою. В них сейчас боезапас со склада загружают. Можно будет поучаствовать. Что надо сделать?

— Очень хорошо! Тогда нужно обстрелять окна и держать их под огнем, пока мы к ним подбираться будем. Только будьте осторожны. У немцев на вооружении противотанковые ружья и пулеметы, так что близко не приближайтесь. Они вам с вашей броней противопоказаны. Лучше издали орудиями дорогу нам расчистите, огневые точки подавите. А дальше мы сами там с ними разберемся.

— Понял. А потом что думаешь делать?

— У меня пока задача очистить цитадель от немцев. Закрепимся в Трехарочных, выйдем немцев из Тереспольской башни, а дальше посмотрим, что к чему. У вас неисправная техника есть? Лучше всего подойдут «БА» с рабочим орудием.

— Как не быть? Есть пара штук, что ремонта требовали. А что?

— Хочу сделать из них броневые огневые точки и заблокировать все ворота цитадели. Да и сюда парочку не помешало бы поставить. Чтобы немцы нам в тыл не ударили. Сможете сделать?

— Ну, ты и задачи нарезаешь! У меня из техники всего ничего: 15 плавающих танков и 7 броневых автомобилей. Из них пушечных 6. При этом «Д-12», один «БА» и один «Т-37» сгорели на стоянке. А на остальных вооружения нет. Из трех направленных за нами танков один пропал у Восточного редюита. Что с ним, не знаю. Остальная техника стоит неготовая. Без боеприпасов и аккумуляторов. Штук пять танков и оставшиеся броневики заведем.

— Вот и прекрасно, а остальные перетащи, куда прощу. У тебя как раз 6 штук остается. Да и поврежденные пригодятся. Главное, чтобы вооружение сохранилось. И боеприпасы, что увезти не сможете, сюда бы перенесли. Нам бы они здесьгодились.

— Сделаем. Моим коробочкам прикрытие пехотное нужно, а то пожгут их без толку.

— Связные сообщили, что готовятся к выходу 455-й и 44-й полк. Пока выбьем немцев из столовой, наши как раз разродятся и двинут к Трехарочным. Вот и будет тебе пехота. Да, и своих «безлошадных» временно переводим в пехоту.

— Жалко. У нас люди подобраны один к одному. Многие с боевым опытом «Зимней кампании». Плохо будет, если погибнут зря.

— Если не сделаем, то тут полягут с тем же результатом. А так есть вариант выйти к своим.

— До прорыва надо немцев с предмостовых валов сбить. Когда мы в крепость прорывались, нас оттуда обстреляли.

— А чего вы их не подавили?

— В танках не было ни вооружения, ни боеприпасов. Так немцев пуганули и в цитадель прорвались. У Трехарочных ворот в один из танков кто-то в башню вlepил из противотанкового орудия. Хорошо, что снаряд навyleт прошел, а то бы еще один танк потеряли.

— Трехарочные возьмем, пехоту соберем и ударим по валам над хлебозаводом и Восточным валом. Я там пулеметную точку над 98-м противотанковым обнаружил. Тебя как раз оттуда обстреливать могли. У тебя случаем коробочки не радиофицированы?

— Есть такое дело. «БА» прошли модификацию, так что на них радиостанции стоят. А что ты хотел?

— Выдели сюда бойца с рацией для связи и взаимодействия. Он вам подсказывать будет, что к чему.

— Договорились. Ладно, давай прощаться. Я к себе — собирать народ и технику.

— Петь, я тебя только очень прошу, технику поодиночке не используй. Пусть хоть парой действуют. Прикрывают друг друга. И еще, вы свои семьи вывозите отсюда. Сразу как на Кобринское укрепление прорветесь, пошли забрать их и к Северным воротам вывезти. А лучше вообще в Жабинку сопровождать. Да и в городе поосторожнее надо быть. Немцы уже на южной окраине. По готовности пусти в небо две белые ракеты и действуй. Мы сразу за вами начнем.

— Спасибо тебе, лейтенант. Живы будем, встретимся, — сказал старший лейтенант и убежал к себе.

Рассматривая в бинокль окружающую обстановку, наконец увидел, как из Кольцевых казарм более или менее организованно небольшие группы народа в касках и с оружием в руках перебежками потянулись поближе к Трехарочным воротам. Началась подготовка исхода гарнизона цитадели. Будем надеяться, что им повезет и они покинут крепость. Значит, я не зря потратил время для проработки маршрута. Тем более артобстрел значительно уменьшился, перенесаясь куда-то на юг и север от крепости. Мое внимание отвлек Никитин, держащий в руках командирские гимнастерку и бриджи.

— Товарищ лейтенант!

— Да, что случилось?

— Товарищ лейтенант, вы бы переоделись, а то прям нехорошо. Я вот тут прихватил как раз для вас.

— А что такое? Чем моя форма тебя не устраивает? Вроде бы еще недавно была в порядке, — не отрываясь от бинокля, ответил я. В этот момент очередная группа немцев, преодолев вал Кобринского укрепления, вытягивала к себе снизу 37-мм противотанковое орудие.

— Вы на себя посмотрите! У вас вон вся форма расползается! Порвалась вся, даже клочьями свисает.

Я посмотрел. Действительно вся форма порвалась, словно по ней кто ногтями провел. Интересно, где это я так ухитрился? Вроде ни за что не цеплялся, да и форма новой была. Рукава на гимнастерке еле держатся, на бриджах поползли прорехи в самых интересных местах. Разгрузка и та потеряла свой прежний вид — посечена осколками, опалена и засыпана пылью. Но это мелочь, еще поносить можно. А с формой действительно надо что-то делать. Все-таки командир должен подавать пример своим видом, не ходить же в исподнем. Придется переодеваться. Одну то, что Виктор принес, видимо это та, что сняли с диверсанта — сохранился след

от третьего кубика в петлице. Да я не брезгливый. Пока похожу в ней, затем надену свою запасную из рюкзака. Много времени переодевание не заняло. Пока Никитин рассматривал окрестности в бинокль, я успел все сделать. В некоторых местах ткань моей старой формы почернела и обуглилась. Вот ведь приколы, я ведь огня не разводил, ни к чему горячему не прикасался. Наверное, немцы зажигательную смесь рядом разбросали, вот и задело. Ладно, потом разберемся. Пока других забот хватает. Тут вон кто-то недалеко от нас постреливает, причем из пушки.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...5.00 ч. Офицер связи при штабе XII А.К. сообщил, что там господствует точка зрения о том, что «корпус ударил в пустоту». Одновременно он информировал, что соседние дивизии сталкиваются с незначительным сопротивлением противника на одинаковой высоте с 45 I.D.

5.00 ч. Поступает сообщение, что I.R. 130 в районе обоих мостов через Мухавец (непосредственно к востоку от Южного острова) занимает оборону подразделениями I батальона, а II батальон, наступая по направлению к последующим мостам, прошел железнодорожную насыпь.

5.00 ч. Командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал фон Клюге прибывает на дивизионный командный пункт.

Получив доклад о положении, Клюге, проведя телефонный разговор с командиром I.R. 135, ориентирует в обстановке.

Из его замечаний можно сделать вывод, что неожиданность полностью удалась во всей полосе наступления армии. Это подтверждается, например, перехватом открыто переданной по радио радиogramмой русской авиационной дивизии, которая запрашивает, что теперь, собственно, нужно делать...»

Снизу донесся чей-то возглас: «Товарищ лейтенант! Ракета. Танкисты выдвигаются!» Жизнь становится интересней, и нам пора повоевать.

Внизу ждал ударный отряд. Всего двадцать три человека. Из них прошли штурмовую подготовку только трое моих да пятеро бойцов из третьего взвода. Спустившись вниз, объяснил бойцам задачу и разжевал, что каждый должен делать. Основной ударной силой шли мои бойцы, а в качестве гранатометчиков выступали «пришлые». Оружие и боеприпасы есть у всех, взрывчатку и «кочерги» с собой взять не забыли. Так что можно

выдвигаться, ждать нечего. К столовой инженерного полка можно было попасть двумя путями. Через вход у алтаря, но тут сразу же можно попасть под огонь немцев из столовой. Или же через центральный вход по дороге мимо столовой комсостава к Кольцевой казарме. Здесь мы, прикрываясь деревьями, метров через сто — сто пятьдесят окажемся в мертвой зоне для немцев. Именно поэтому я и выбрал этот путь.

Выскочив из клуба, бросились бегом, огибая многочисленные воронки. Достигли Кольцевых казарм без потерь. Мои вроде бы ничего, привыкли к таким броскам. А вот для «пришлых» рывок даром не прошел — задыхаются. Вот что значит отсутствие регулярных кроссов. Ладно, дадим пару минут привести себя в порядок. Да и осмотреться надо по сторонам.

«Т-38» и «БА-3», медленно двигаясь от Белого дворца, из башенных пулеметов и орудия обстреливали зарешеченные окна столовой инженерного полка. Им помогали и наши пулеметчики из клуба. Немцы не отвечали. Затихарились гады. Ну, да вам немного осталось. Наш бросок прозевали, так что ждите в гости.

Столовая инженерного полка располагалась на первом этаже Кольцевой казармы у Трехарочных ворот. Ее зарешеченные окна выходили во внутренний двор цитадели и на рукав Мухавца. Входов в столовую два. Один из арки ворот, второй со стороны Мухавца. Для наших целей подходил именно первый.

Переждав еще пару минут, бросились дальше. Проемы Трехарочных ворот преодолели быстро, пришлось, не задерживаясь, проконтролировать ближайшие к нам тела немцев. Чтобы в спину не ударили. С другого берега Мухавца живые немцы успели послать нам в качестве приветствия несколько очередей, но быстро замолчали под огнем со второго этажа казарм. А мы оказались в мертвой зоне для всех и, главное, приблизились к нашей цели. Пригнувшись, бойцы приготовили гранаты и ползком рассредоточились в простенках у окон.

Видя наши действия, танкисты и пулеметчики, боясь нас задеть, прекратили огонь. Толщина стен казармы здесь около полутора метров, и большого вреда огонь пулеметчиков немцам принести не мог. Но вот возможности поднять голову и осмотреться через окна по сторонам он их лишал. Достать засевших внутри можно было только артиллерией. Вот мы и воспользовались «карманной артиллерией». В дело пошли «кочерги», следом в проемы окон полетели гранаты. Трофейная взрывчатка вынесла входную дверь столовой. Едва только прошла взрывная волна, ворвались вовнутрь, поливая все вокруг из автоматов и пулеметов. Тактика была проста, как и все гениальное, — катнуть по полу гранату, дожидаться взрыва

и дальше вперед. Благо патроны и гранаты пока есть. Противник защищался упорно, умело опираясь на заранее подготовленные оборонительные позиции. Но здесь и сейчас преимущество в огневой мощи было на нашей стороне. С карабином в руках против автомата и гранаты в теснине кухни и обеденного зала много не навоюешь. В основном действовали гранатами. Бой шел с полным ожесточением обеих сторон. Взрывы, выстрелы, крики, стоны, мат на разных языках — все это перемешалось под белеными стенами столовой. Допускать рукопашную я не собирался, хотя и пришлось пару раз поработать автоматом как дубиной.

В столовой оказалось всего семнадцать солдат вермахта. Среди них было три унтер-офицера. Бойцы, зная мою традицию, пленных не брали. Человек шесть пытались покинуть столовую через вторую дверь, но были тоже уничтожены нашим огнем.

Столовая нам обошлась дорого. На улице остались лежать трое «пришлых». Один из бойцов не смог забросить гранату вовнутрь, и она, ударившись о решетку, взорвалась, убив находившихся рядом бойцов. В обеденном зале погибло еще трое: боец из третьего взвода и еще двое «пришлых». На кухне полегли еще четверо, в том числе один из моих. Ему пуля попала в голову. Там же двоих «пришлых» серьезно ранило — нарвались на очередь пожилого унтера. В итоге у меня в строю осталось всего одиннадцать бойцов, сейчас усиленно собиравших трофеи и документы погибших. В подвале столовой нашлось несколько женщин и двое красноармейцев кухонного наряда. Одна из женщин была с маленьким ребенком на руках.

Отозвав к окну Малышева, подтвердил его назначение комендантом захваченного объекта.

— Витя, ты тут остаешься держать оборону вместе со всеми «пришлыми». Главное, не давай немцам прорваться через мост вовнутрь цитадели. На рожон не лезь. Выстави наблюдателей у окон и дверей, смотри, что к чему. Если какие заблудившиеся одиночки появятся, присоединяй к себе. Я тут посмотрел — в котлах вода есть, а в кладовой продукты. И то и другое экономьте. Неизвестно, когда наши вернутся. Раненых и женщин постарайся отправить с выходящими из крепости. Если не возьмут, то отправляй с «пришлыми». С боеприпасами постараюсь помочь. То, что здесь насобираете, вам и останется. Остальные трофеи складируй. Трупы немцев и наших по отдельности в воронках похороните. Ну, ты ученый, знаешь как.

— Товарищ лейтенант, а вы что, всех из третьего взвода с собой заберете?

— Да. Сам знаешь, сколько нас всего. Тут каждый на вес золота. А нам еще из казармы своих полковых освободить надо. Да Тереспольскую башню штурмовать. Нагрудник, ранец и разгрузку Паршина отдашь парням из третьего взвода. Все ясно?

— Так точно.

— Молодец. Будет возможность, протянем из клуба сюда телефонную связь. А пока через посыльных свои донесения присылай. Блокнот, надеюсь, не потерял? Бойцам, главное, спать не давай — тренируй, изучайте трофейное оружие. Если возможность будет, завтрак на нас приготовьте. И знаешь что, выведи красный флаг из окна столовой. Но не наружу, а во внутренний двор.

— Есть, сделаем.

В это время за окном затарахтел танковый движок, кто-то из танкистов приехал. Даже знаю кто. Вышел на улицу и подошел к броневику. Танк с порванной гусеницей стоял неподалеку от первого входа в казарму инженерного полка, и его экипаж старался ее отремонтировать. На противоположной стороне Трехарочных ворот, от одного каземата к другому, группами и поодиночке перебегали красноармейцы. Тереспольская башня молчала. Из подъехавшей бронемашины выпрыгнул Долженко.

— Вы как?

— Нормально. Столовая наша. Спасибо за помощь. У тебя-то все хорошо? Что с танком?

— Да какой-то гад ползучий по гусенице и башне парням попал. И где он только прятался? Сейчас гусеницу натянут — и можно дальше воевать.

— А с остальными что?

— Пара «БА» уже почти готовы, боеприпасы догружают. Еще пару «Т-37» сейчас заводят, а на остальные нужно хотя бы пару часов.

— Ох, боюсь, не будет у нас этого времени. Пока мы собираемся, немцы накапливаются на Северном острове. Ты радиста в клуб послал?

— Да. Как договаривались. И пару танков подтащим. С 84-м полком связались. У них в полубашне, рядом с нашими зимними ангарами, склад НЗ. На нем боеприпасы есть, так что тебе часть перебросим.

— Вот это совсем прекрасно! А то расход патронов и гранат очень большой.

Мимо нас бойцы, освобождая столовую, пронесли трупы и сложили их в большую воронку.

— Потери большие? — спросил Петр.

— Да почти половину группы положил... У тебя как?

— То же самое. Многих недосчитались. Раненых чуть не половина. Если бы не твоя записка, то еще больше здесь оставили. Если танки не заведем, часть бойцов придется в пехоту переводить.

С другой стороны Трехарочных, привлекая наше внимание, кто-то из группы красноармейцев призывно махал фуражкой.

— Пойдем, кажется, сейчас найдем тебе пехоту в прикрытие. Виктор! — позвал я Малышева. И продолжил, когда он отозвался из столовой: — Как здесь закончите, отправь моих к клубу и немцев, тех, что в воротах лежат, тоже потрошите.

— Понял, товарищ лейтенант.

Перебежками мы с Петром пересекли открытое пространство ворот. Немцы даже не стреляли, патроны, видно, берегли.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...5.30 ч. На дивизионный командный пункт прибыл командир XII А.К, ориентирует в положении и приказывает подтянуть резерв корпуса (I.R. 133) ближе к району боя.

Положение I.R. 135 на это время:

Северный остров (Кобринское укрепление) защищается I батальоном, отдельные настойчивые стрелки здесь еще держатся.

Для дальнейшего выполнения своей задачи (захват западной части города и при необходимости блокирование города с востока) полк требует дополнительных сил и просит о выдаче его II батальона (резерв дивизии).

Связь с III батальоном, проникшим на Западный и часть Центрального острова, в настоящее время отсутствует. Положение на острове полностью не выяснено. Полковой командный пункт на Северном острове.

5.55 ч. Офицером для поручений передана команда II/I.R 135: батальон выходит к Северному острову и подчиняется I.R. 135.

6.00 ч. Офицер связи при штабе XII А.К. сообщил, что 34-я дивизия взяла форт V. Несколько позже сообщает командир I.R. 130, что передовые части (II батальон) залегли в 200 м перед мостом Wulka.

Части I.R. 135 на Северном острове продвинулись вперед.

У моста Wulka обнаружилось несколько русских броневых автомобилей, из них 2 застряли в болоте и были взяты под

огнем II/LR. 130.

Полковник Гипп ходатайствует о подводе резерва корпуса в его полосу боя, так как при продолжении удара на восток, силы к защите города с севера станут недостаточными и дальнейшее продвижение на восток из Шубины не может быть продолжено. Полковой командный пункт переносится на восточный угол Южного острова, командный пункт A.R. 98 там же...»

У входа в первый каземат 455-го полка нас, в окружении бойцов, ждала группа командиров. Все они были из разных подразделений. Представились друг другу, достав схему крепости, пообщались о дальнейших действиях. О приказе на выход из крепости они были оповещены. Откуда, я вопроса не задавал, видя среди красноармейцев одного из своих посыльных. Вопросов насчет моей формы тоже не поступило — сами были одеты, кто во что горазд. Разговор шел деловой и конкретный. Первое ошеломление прошло, и люди думали, что и как делать. С людьми, оружием и боеприпасами у них было не богато. Из оружия в наличии только то, что смогли откопать из-под обрушившихся сводов оружейек. Много раненых. Я сразу же предупредил, что мой отряд будет действовать в цитадели, прикрывая выход частей. Остальным предложил действовать в соответствии с приказом дивизии — идти на прорыв к месту сбора. Единственное, о чем попросил командиров, так это выделить артиллеристов и прислать их к клубу.

Была у меня еще одна просьба, но ее, опередив меня, озвучил капитан из 455-го полка. Он поинтересовался, как будут эвакуироваться боевые знамена частей и секретные документы. Было принято решение сформировать отряд из наиболее проверенных бойцов, усиленный несколькими танками, для проведения эвакуации боевых реликвий. От каждой из частей выделялся взвод с кадровым командиром. Выход отряда запланировали после пробития коридора на Кобринское укрепление и к Северным воротам. Само формирование отряда должно было проходить в столовой инженерного полка. Дальше пошло обсуждение того, как будет осуществляться прорыв на Северный остров и порядок выхода частей и подразделений. Меня это уже не касалось. В принципе, мне здесь больше делать было нечего. Меня немцы в Тереспольской башне заждались. На прощание я рассказал присутствующим о сигналах немцев, напомнил об артиллеристах и связи с клубом тех, кто останется защищать крепость.

На выходе из каземата меня ждали мои бойцы. Под слегка ошарашенные взгляды присутствующих мы вышли на залитый солнцем

внутренний двор цитадели.

По дороге к клубу меня, несмотря на продолжающийся обстрел крепости, ждал посыльный от Новикова. Виктор докладывал о положении дел в столовой, расходе боеприпасов, наличии продовольствия и воды. Его группа выросла на десяток прибившихся бойцов, в большинстве из автобата и батальона связи. Поблагодарив бойца, отправил его назад. Связь нужна кровь из носу, хоть какая. Думаю, решим со временем, сейчас совсем другое волнует — последние две точки цитадели, захваченные врагом. Вот на их решение и надо направить все силы.

Обстановка вокруг клуба изменилась. Ерофеев в мое отсутствие развил бурную деятельность. Результатом этого стали баррикады из мебели и строительного мусора, что появились около входов. Невысокие, но, за неимением лучшего, и эти подойдут. И когда только успели? Петр доложил о проделанной работе и ожидающих меня посыльных. От разведчиков доставили десяток ящиков со снарядами и патронами. Гарнизон клуба увеличился на два десятка бойцов, среди них был и расчет 45-мм противотанкового орудия из 84-го полка, с началом обстрела крепости пытавшихся спасти свое орудие в артпарке. Сделать этого не удалось, а тут атакующие немцы подошли. Вот они и отступили к нам. Ну, работу по специальности я им найду. А пока пусть здесь побудут, снаряды проверят и подготовят.

Вернувшиеся посыльные доложили о выполнении поручений: донесения доставлены и переданы командирам. Некоторые из бойцов даже по форме одеться успели, кое-кто с оружием пришел. Больше всего меня обрадовал посыльный от 84-го полка. Там зачистили казармы от прорвавшихся внутрь немцев. Оборону возглавил полковой комиссар Фомин, ночевавший в казарме. Действовать собирались по имеющемуся у них плану обороны. На Южный (Госпитальный) остров направлен сводный отряд с приказом выбить оттуда врага. Немцы там закрепились за помещения госпиталя и, рассредоточившись по всему острову, обстреливают казармы полка в цитадели. Караул полка, размещенный в Холмских воротах, не допустил прорыва немцев в цитадель и вместе с остатками 132-го батальона НКВД остановил продвижение немцев по казарме конвойников. Сейчас бой идет на первом этаже Кольцевой казармы между Холмскими и Тереспольскими воротами. Наши успешно продвигаются дальше в сторону подстанции, но их продвижению мешают немецкие пулеметчики, засевшие на Западном (Пограничном) острове, и немецкая артиллерия из-за Буга.

Срочно нужна координация действий защитников, а то без нее

разобьют по частям. Пока таким координатором выступаю я. Но в одиночку работу штаба обороны не потяну, особенно с моими кубарями. Тут нужен кто-то со звездами или шпалами, чтобы возглавить оборону, а я где-нибудь в сторонке постою, немцев погоняю, советом помогу. Думаю, что полковой комиссар Фомин как раз для этого дела подойдет — и звание, и должность такие, как надо. В том, что политработник, нет ничего страшного — будет чаще совета спрашивать у грамотных людей. Вот и пригласим его сюда. Нечего ему в переднем окопе сидеть, по врагу стрелять да в штыковую атаку ходить. Он здесь нужнее. Написал ему записку с приглашением прибыть в штаб обороны и отправил посыльного обратно в полк.

Еще одну радостную новость принес посыльный от 44-го полка. Сработала моя очередная крапленая карта. Бойцы школы младшего комсостава заняли Бригитские ворота, как только немцы оттуда ушли на Кобринское укрепление. Это была очень важная точка, с которой можно бить во фланг сидящему на Кобринском укреплении противнику и переправляющимся к нему через Буг подкреплениям.

На НП связист от танкистов доложил о готовности к работе. Разведчики сюда не только рацию принесли, но еще и автомобильный аккумулятор к ней, который сняли с разбитой полуторки у Белого дворца.

Бой за Кобринское укрепление велся на тех же позициях, что и раньше. Немцам пока не удавалось прорвать нашу оборону, но к ним продолжало поступать подкрепление. И они усиленно наводили переправу на наш берег. Блин, как же хреново, что нет артиллерии или минометов, чтобы помешать им в этом!

На Западном (Пограничном) и Южном островах гремел бой. Слышались выстрелы и взрывы гранат. Немецкая артиллерия была куда-то за город и по военным городкам.

От полуразрушенного здания пограничников и южной части Арсенала, что выходили на Тереспольские ворота, доносились звуки сильной перестрелки.

У Белого дворца бойцы, пригнувшись, таскали аккумуляторы и пытались запустить технику. Несколько «Т-38» ездило между Белым дворцом и казармами 84-го полка, перевозя ящики со склада, крыша которого горела. Не дай бог, огонь вовнутрь попадет. Рванет все, к чертям собачьим, и пропадет народное добро без толку. А мне боеприпасы ой как пригодятся. Так что нечего народу прохлаждаться, пусть тоже запас сделают. Вызвав Ерофеева, поставил задачу взять всех «пришлых» и тащить сюда из склада все, что попадет под руку. Любые типы боеприпасов в дело пойдут. Взяв с собой Никитина, Петр ушел выполнять приказание, а

я продолжил свои наблюдения.

В районе Трехарочных ворот в казематах 455-го полка продолжали накапливаться красноармейцы, а у столовой 33-го инженерного полка стояли в ожидании атаки несколько танков, «БА-3» и два «БА-10». Связист подтвердил, что танкисты готовы к атаке, но ждут еще несколько машин. Мне тоже пора выдвигаться.

Собрав своих штурмовиков и оставшихся снайперов, на листке из блокнота со схемой Тереспольской башни объяснил ситуацию и план атаки. Выслушав предложения и замечания бойцов, дал команду на выдвижение. Как же нас мало! Всего три десятка человек в ударном отряде, остальные в опорных точках или запасаются боеприпасами. Особенно это хорошо видно на фоне общей численности гарнизона. И ведь никто не спешит к нам на помощь. Ну, да ладно, как-нибудь это переживем. Главное, чтобы «лишние» крепость покинули, а активную ее оборону постараюсь обеспечить.

Немцы в башне не зевали и, заметив нас, открыли огонь. Но и мы не пальцем деланные, укрывшись за дровяным складом, перебежками продвигались дальше к Кольцевым казармам. Пули били по дровам и дороге, в кого-то попадали. Оглядываться назад, останавливаться, подбирать и помогать раненым нельзя. Иначе ляжем тут все. Что такое в мирное время преодолеть 400–500 метров? Так, совсем ничего. А в военное время? Да под огнем пары пулеметов? Да по пересеченной местности с воронками, остатками противотанковых решеток и колючей проволоки? Вот то-то и оно. Хреново это. Очень хреново. Особенно когда враг сидит на восемь — десять метров выше и видит тебя, как на ладони. А ты его нет. Так что вперед и только вперед, в мертвую зону погранзаставы и Кольцевых казарм. И мы это сделали, потеряв по дороге трех человек. Неожиданную помощь нам оказали два «БА-10», открывших огонь по выявленным огневым точкам немцев, и пограничники, ударив из пулемета со второго этажа развалин заставы.

Сначала мы заскочили и зачистили помещение подстанции. Там было всего несколько ошалевших от нашего появления немцев. Они и остались в таком же удивлении на полу с дыркой в груди.

Не ждать, двигаться вперед и только вперед. Вот был основной приказ для группы.

Дальше был короткий бой с немецким прикрытием в арке и штурм в теснине самой башни. Сложность состояла и в том, что нам приходилось не только наступать снизу вверх по двум узким лестницам с разных сторон башни, но еще и отражать атаки немцев со стороны Западного острова.

Обороняющимся тоже было нелегко. Им пришлось разделять силы на три стороны — сражаться с нами и пограничниками, стараясь не допустить к нам подкреплений. Вдобавок они были разобщены, занимая позиции в квартирах комсостава нашего полка.

Заставляя нас двигаться быстрее, со стороны Западного острова по арке ворот били станковые пулеметы. Лестницы были залиты водой из пробитых водяных баков, размещенных на верхних этажах башни. Главную роль в нашей победе сыграли верные и надежные гранаты «Ф-1», взрывавшиеся почти сразу. Немецкие же «толкушки» бойцы частенько успевали поймать и бросить назад. Хорошо показали себя и нагрудники, принимавшие в себя массу осколков и пуль. Без потерь с нашей стороны не обошлось — треть бойцов была ранена, а пятеро ушли на «Дальние дороги», в том числе и двое моих. Поредевший отряд занял позиции в башне. Снайпера, не принимавшие активного участия в атаке, поднялись на верх башни и открыли огонь по противнику на Западном острове, заставляя искать укрытия на острове. Всего в башне насчитали два десятка трупов немцев. Примерно столько же лежало в арке ворот. В одной из жилых квартир нашли тело лейтенанта Наганова, с пистолетом в руке и кучей стреляных гильз вокруг. Похоже, отбивался до конца. Он так и не увидел своего ребенка — его жена должна родить на днях.

Долго засиживаться на месте и ждать удара было нельзя. Сейчас находящиеся на острове пожалуются большим дядям, и те накроют нас артиллерией и бросят в атаку резервы. А это очень плохо. Нет, конечно, я знаю, что хорошо подготовленная группа снайперов и пулеметчиков может сдержать наступление батальона. Но как-то хочется подстраховаться, закрыть ворота и не дать шансов противнику ворваться вовнутрь отбитой цитадели. Нужно укреплять позиции внизу в арке ворот. Пока снайпера гасили пулеметчиков, мои бойцы бросились к Арсеналу, где неделю назад нами у ворот были складированы мешки с песком. Сейчас они как раз были нужны. Я с двумя бойцами прикрывал эти работы, отстреливая из трофейного пулемета наиболее активных на той стороне моста.

Под свист пуль баррикада росла. Строилась она из нескольких перекрывавших друг друга частей. Количество носильщиков резко возросло. Кроме моих бойцов замелькали знакомые лица красноармейцев из 1-го батальона. Многие красноармейцы были в окровавленных повязках, но не прекращали работы и, наращивая высоту и ширину баррикады.

Среди тех, кто носил мешки, оказались и пограничники. Их можно было опознать по фуражкам и сохранившимся петличкам на рваных, грязных, часто в крови гимнастерках. Командовал ими лейтенант

Кижеватов, поздоровавшийся со мной кивком головы, бросая очередной мешок. Его фуражка была сдвинута на затылок, на пыльной повязке, выше бровей, проступали пятна крови. Глаза горели лихорадочным огнем. Мне показалось, что он даже и не удивился нашей встрече. С собой из заставы они принесли «максим», установленный теперь на баррикаде.

Поговорить нам удалось только по завершении строительства, зайдя в башню и обходя позиции бойцов. На первом этаже под лестницей лежал труп пограничника, его винтовку и подсумок кто-то забрал. Здесь же, в комнатухе, находилось еще два трупа в красноармейской форме. По словам Кижеватова, это были захваченные за несколько часов до войны диверсанты, а павший пограничник — охранявший их часовой. Дали команду начать уборку трупов и сбор трофеев. И только после этого обменялись новостями.

Андрей Митрофанович рассказал, что здание заставы разрушено тяжелыми снарядами и минами, значительная часть бойцов пострадала. В строю семнадцать человек. Большинство неоднократно ранены. Себя таковым он не считал. Связи с отрядом и другими заставами нет. Из завалов удалось раскопать часть оружия и склад боеприпасов. Раненые пока находятся в здании заставы, и нужна их срочная эвакуация. Хорошо, что семьи командиров находились у нас в лагере, а то бы погибли здесь. До нашей атаки они уже дважды отбивали атаки врага из арки ворот. Действовали гранатами и штыковым ударом. В боях участвовал и взвод нашего полка, которому помогали огнем из подвала Арсенала.

Я в свою очередь ознакомил его с положением дел в крепости и принимаемыми мерами по выводу людей. Предложил отправить раненых для эвакуации к Трехарочным воротам.

В это время, настороженно поводя стволом орудия, к зданию заставы подъехал «БА» разведбата. Выглянувший оттуда сержант позвал меня к рации. Ерофеев кодовыми фразами интересовался положением дел. Сообщив, что все нормально, отпустил БА назад к Трехарочным воротам готовиться к прорыву. Туда же понесли раненых.

Немцы через мост и плотину попытались контратаковать, но нарвавшись на плотный огонь, откатились назад и оставили на мосту десяток неподвижных тел. Теперь немцы усиленно окапываются на Западном острове, с северной части которого не переставали звучать выстрелы и взрывы. Это продолжали держать оборону пограничники.

Договорившись с лейтенантом о том, что он с бойцами будет продолжать обороняться здесь, собрал свой отряд и двинулся с ним в Арсенал. Парням требовался отдых, пусть непродолжительный, но отдых.

Все-таки нагрузка у них была дай боже. Поэтому я их отправил в нашу казарму. Пусть расслабятся, перекусят и воды попьют. Они пошли через центральный вход, а я решил заглянуть в подвал. Найти командование полка и решить вопрос с выходом из крепости.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...6.00 ч. Pz.Jg.Abt. сообщает, что не может проехать по железнодорожному мосту в приказанный исходный район, так как железнодорожный мост непроходим. Подразделения 45-го противотанкового дивизиона, еще не переправленные вперед, засели на южном мосту. Переправа артиллерии на всем участке еще не готова (по справке командира 81-го саперного батальона).

6.30 ч. I.R 135 сообщает о перенесении полкового командного пункта на Северный остров.

Положение на укреплении Центральной цитадели по-прежнему не выяснено. Так как вражеское сопротивление здесь крепнет, полк ходатайствует о придании M.G Кр 133 (сначала подчиненной только для перехода Буга) для поддержки атакующих укрепление Центральной цитадели частей. Это предложение одобрено дивизией.

6.45 ч. 1. / I.R. 135 достиг железнодорожных строений примерно в 800 м к северу от моста Гиппа.

6.45 ч. 81-й саперный батальон сообщает, что у западной оконечности Северного острова мост через Буг можно поставить на 8 паромов. Южный мост будет готов только во второй половине дня...»

На входе в подвал меня встретил пулеметный расчет, расположившийся на ступеньках вниз и прикрытый баррикадой из ящиков. Во главе него был незнакомый лейтенант. У второго входа виднелся еще один пулемет. Вокруг валялись гильзы, а стены были в отметилах от попаданий пуль.

В темноте подвала толпился военный люд, в большинстве своем безоружный и не одетый, вздрагивающий при близком разрыве. Личный состав сидел, стоял, кучковался в группки по национальному принципу или знакомству. Вокруг были озабоченные, напряженные, обреченные лица. Какой-то строгой организации или разумной военной деятельности я не заметил. Было прохладно, и многие ходили в накинутых на плечи шинелях

и бушлатах. У части народа на голове были каски, причем очень похожие на немецкие. Несмотря на разбитые окна и распахнутые двери, воздух был наполнен дымом, запахом пота, крови, жженого пороха и солений. Свет поступал из окон под потолком. У некоторых из них, соорудив постамент из подручных материалов, расположились стрелки, в основном из числа сержантов. Они же цементировали вокруг себя и некоторые группы бойцов. Среди военной массы заметил достаточно много людей в гражданской одежде. Какие-то они были мятые, нечесанные, заросшие. Интересно, кто это? В полку вроде бы приписников сразу же старались переодевать в военную форму.

Бойцы с удивлением рассматривали мою форму. При приближении вставали и освобождали проход. Ближе к центру подвала стали попадаться знакомые лица бойцов разведроты, комендантского взвода, музыкантов, артиллеристов. Они-то мне и показали, где находился старший лейтенант Потапов.

Тот, сидя на ящиках, что-то озабоченно вполголоса обсуждал с группой командиров. Среди них был и Горячих. Мое появление было сродни гоголевскому ревизору. Все сразу замолчали, уставившись на меня, словно на привидение.

— Жив, чертяка! А мы тебя уж похоронили!

— Не дождетесь! Слухи о моей смерти сильно преувеличены, я еще насморк получу на похоронах Гитлера в Берлине, — ответил я.

— Молодец. Ты где пропадал? — спросил особист.

— Да так куролесил и немцам по крепости хвост накручивал. Чтобы все рассказать, времени надо много, а его совсем чуть-чуть. Последними приключениями был штурм и освобождение Тереспольской башни от врага.

— Нам тоже досталось. Немцы через Бригитский проезд и Тереспольские ворота прорвались, пришлось отбиваться.

К нашему разговору прислушивались, шум по отсекам стихал. Я кратко рассказал о боях в клубе и башне, о том, что наскок врага отбит. А затем предложил командирам подняться наверх на свежий воздух и там все обсудить. Плотной группой, в сопровождении десятка бойцов разведроты с автоматами и ручным пулеметом, мы поднялись на первый этаж.

В коридоре царила разруха и пустота. Лишь около центрального входа у караульного помещения, рядом с импровизированной баррикадой, бдили несколько бойцов. Свежий легкий ветерок по полу гонял листья каких-то сразу ставших не нужными документов. Стоял стойкий запах гари. Иногда в разбитые окна влетали осколки, но их было мало — двухметровые стены

надежно защищали своих постояльцев. У Тереспольского моста продолжался бой, били винтовки и строчили пулеметы.

Зайдя в помещение полковой школы, достав карту и схему крепости, разъяснил собравшимся командирам ситуацию вокруг. Сказал и о приказе дивизии на выход из крепости, и о том, что готовится прорыв гарнизона. Не стал скрывать и о недостатке времени для этого. Кто-то может не успеть, и им придется сражаться в крепости. Решение надо было принимать сейчас и немедленно.

Как старший среди собравшихся, Потапов стал отдавать команды и распоряжения. Мы же с Горячих отошли в сторону и накоротке переговорили. Спросил о судьбе знамен, хранившихся в полку. Они сохранились. Бойцы, что нас сопровождали, как раз их и охраняли. Услышав это, предложил ему возглавить отряд по вывозу знамен и документов гарнизона. Не скрывал, что это будет более чем сложно сделать — немцы уже на южной окраине города и в ближайшее время могут перерезать путь на Жабинку и выход из крепости. Подумав и посмотрев предполагаемый маршрут движения, старший лейтенант согласился. В качестве охраны он брал с собой бойцов взвода конной разведки. Я предложил забрать ему с собой и музвзвод, особенно его воспитанников. Дмитрий Ильич отправил одного из бойцов за оставшимися в подвале разведчиками и музыкантами.

— Я так понимаю, что уходить из крепости ты не собираешься?

— Да. Кто-то должен остаться прикрывать отход остальных. Вот я и решил, что этим кто-то буду я со своим отрядом.

— Возможно, не стоило тебе говорить, но вчера вечером командование полка беседовало со мной о тебе и твоего предупреждения о войне. Некоторые горячие головы посчитали это провокацией. Было принято решение, если информация не подтвердится, то документы в отношении тебя передать в НКВД как на паникера и провокатора. Командир тебе поверил и вывел полк на позиции. И в штабе дивизии поверили, а вот в корпусе и армии не верили. Комдив своим решением разрешил вывести полк, оставив здесь только тыловики и приписной состав. Поэтому тебе и разрешили поднять свой взвод и вывести его из казармы. Я тебе тоже поверил, но вынужден был здесь остаться — за тобой присматривать. Ты оказался прав и фактически спас полк. Утром, сжигая свои документы, я уничтожил и собранный материал, включая и рапорт на тебя. О наличии материалов на тебя знали командир, комиссар и начштаба. Думаю, они согласятся с моим решением.

— Спасибо, Дмитрий Ильич. Я этого никогда не забуду!

— Ладно, одно дело делаем. Ни на кого не обижайся. Будешь сам командиром полка, поймешь, как трудно принимать подобные решения. И еще, — он расстегнул пухлую планшетку, достал оттуда несколько листов бумаги и протянул их мне. — Как знал, что пригодятся, и сохранил. Тут твоя характеристика и рекомендации тебе на вступление в партию. Моя и комиссара, они заверены командиром полка и ответственным секретарем партбюро.

— Так я вроде бы и не достоин такой чести.

— Это тебе только кажется. Кому, как не тебе, быть среди нас. Ты своими делами и поступками это доказал.

— Спасибо за доверие.

Получив распоряжения, командиры ушли собирать личный состав. Задержав Потапова, рассказали о состоявшемся разговоре. Александр Ефремович полностью согласился с нашим предложением. К нам заглянул сержант и доложил о прибытии личного состава. Дав бойцам время на сборы, мы продолжали прерванный разговор.

— Саша, скажи, а что за штатские у нас в подвале? Приписные что ли?

— Нет. С началом обстрела к нам в подвал стал стекаться народ со всех сторон. Как я понял, они то ли из автобата, то ли из Бригиток прибежали. А часть вроде бы из приписного состава соседей. Ну, и из гауптвахты народ тоже есть. У нас там сейчас такая смесь, что сразу и не разберешь, кто откуда.

— Понятно. Надо бы и их не забыть забрать.

— Сейчас там Санин и Семенов пытаются разобраться. Надеюсь, что всех соберут, в том числе и штатских.

К нам снова заглянул сержант с сообщением о готовности к выходу. Горячих попрощался и, забрав знаменосцев и отряд, ушел к столовой военторга. В помещении, где мы находились, лежало несколько погибших еще утром бойцов, и мы перешли в соседнее помещение дежурной части. Тут царил относительный порядок. Не считать же за грязь битое стекло, вездесущую пыль и пепел сожженных бумаг. Главное, был стол, стулья, пара телефонов и лежаков, обтянутых клеенкой. Стоял сейф с распахнутыми дверцами. Ветерок колыхал светомаскировочную штору. На вешалке висели забытые кем-то командирская шинель и противопогазная сумка. На столе лежала документация дежурного по части. Отодвинув ее в сторону, сели за стол. Я рассказал, что в башне видел труп Наганова, тот вроде бы заступал вместе со старшим лейтенантом помдежем по части.

— Я виноват, отпустил его ночевать на квартиру. У него жена беременная. Сегодня должна была из лесного лагеря приехать. Вот он и

хотел там все убрать.

— Сам-то не жалеешь, что своих в лагерь отправил?

— Нет, конечно. Хорошо, что большинство семей там находятся! А ведь я тебе не поверил ночью. Послал посыльного к комиссару. Да не дошел он, видимо. Вскоре после его ухода начался обстрел и бомбардировка Арсенала. Снаряды вокруг посыпались, несколько крупных попало в здание, обрушив часть кровли и помещений. Вынесло внутренние перегородки, завалив спящих людей. Часть снарядов были зажигательными и вызвали пожары. Их быстро локализовали. Хорошо, что ящики с песком были везде расставлены. Кроме того, пришлось и другими делами заниматься — документы уничтожать и личный состав спасать из-под завалов. Санин с начхимом Семеновым молодцы. В подвал раньше меня прибежали и начали там оборону организовывать и людей собирать. А медики лазарет развернули.

— Много раненых?

— Много. Ты до них не дошел, они дальше в отсеке лежат. Там недалеко и часть погибших лежит. Остальные тут по зданию разбросаны. Похоронить не успели, а теперь даже и не знаю, когда это сможем сделать. Наверное, теперь только после того, как назад вернемся. За пару дней, я думаю, ничего страшного с ними не случится. В подвале прохладно.

— Похороним. Наше здание на диверсантов проверяли?

— После твоего ухода начали проверку. А закончили только после эвакуации людей из казарм. На втором этаже нашли несколько немцев в форме и с оружием. Кого застрелили, а двоих взяли в плен. Сказали, что ждали нападения у нас здесь уже несколько дней. Как они попали в здание, ничего не сказали. Ответили, что просто вошли. Чтобы долго не возиться, мы их расстреляли.

— И правильно сделали. Боеприпасы и оружие у всех есть? А то вам с боем придется выходить.

— Есть. Из оружеек откопали. Да и со склада немного успели получить, пока немцы не ворвались в башню и не заняли Бригитские ворота. С артиллеристами хуже. Их всего несколько человек к нам успели из кольцевой перейти. У них конский состав частью погиб. Все орудия не получится вывезти. И так много пушек от обстрела пострадало. И боеприпасы к ним тоже не на чем будет вывезти.

— Забирай все, что получится, а лошадей надо искать повсюду, в том числе у соседей. У них тоже артиллеристам досталось. Я тебя вот о чем хотел попросить. Оставь часть артиллеристов со мной. Мне нужны расчеты на те орудия, что не сможете вывезти. Желательно добровольцы.

— Хорошо, если найдутся добровольцы, забирай. Ты все-таки решил здесь остаться?

— Да надо же кому-то прикрыть ваше отступление, а то немцы за вами следом попрут. Так что будет у вас время привести себя в порядок. Ты не в курсе, связь есть?

— Ночью с дивизией, штабом армии и погранотрядом не было. Где-то обрыв. Связистов направлял для починки, но те так и не вернулись. А с частями гарнизона не связывался. Необходимости не было.

— Давай попробуем? — предложил я.

— Давай. Только ты сам этим займись. Я пойду вниз, народ надо выводить.

Сняв трубку телефона, попытался связаться с коммутатором. На удивление, тот ответил. Дежурная смена коммутатора оставалась на месте. Уточнил, с кем есть связь. Мне ответили, что с началом обстрела были звонки из 44-го полка, батальона НКВД. Они пытались созвониться с дежурным по части, но им никто не ответил. С городом связи нет, линейщики так и не вернулись. Радиостанция повреждена, восстановить ее пока не могут. Связи с батальонами в укрепрайоне нет. Я попросил ребят обзвонить части гарнизона и доложить сюда. Вызвав одного из бойцов, дежуривших в коридоре, поручил ему дежурство на телефоне. Сам пошел в казарму посмотреть, как там дела.

Мои парни не сидели без дела. Одни, натаскав из коридора ящики с песком, укрепляли ими окна. Другие пополняли боекомплект или подкреплялись консервами, запивая водой из фляжек. Бачки с водой были полными. Оставленные в казарме бойцы дополнили рассказ Потапова о событиях в Арсенале.

С началом обстрела многих охватила паника. Через выходы рванули на улицу, а там падали, пораженные осколками. Много погибло еще здесь в казармах под завалами. Более выдержанно вели себя сержанты — выдавали оружие и боеприпасы, стреляли по немцам. Одними из последних спустились в подвал. Охрану в здании никто не додумался оставить, бросив все на произвол судьбы. Вот мои и натаскали к себе из соседних казарм еще оружия и боеприпасов, чистого постельного белья, катушек телефонного провода и пару политотделовских радиостанций. Поблагодарив за все сделанное, предупредил всех о выходе полка из цитадели и о том, что мы остаемся прикрывать отход. Вроде бы никто не возражал, не потребовал все бросить и отступать вместе со всеми. Не сказать, чтобы у бойцов были счастливые и радостные лица, но и скорбных, удрученных лиц не было. Была решимость воинов, познавших смерть

товарищей и радость победы над врагом. За те несколько часов войны все словно повзрослели на десяток лет.

Боец, оставленный в дежурке, позвал меня к телефону. Связисты доложили, что есть связь с подразделениями цитадели. Я попросил соединить меня со всеми поочередно.

Сначала меня соединили с 44-м полком. Ответил мне сержант из полковой школы, тот подтвердил о готовности к выходу и сборе личного состава у Трехарочных ворот. Затем с 84-м полком, там продолжали сдерживать немцев на Южном острове.

Удалось связаться и с конвойниками. По сообщению помощника командира взвода связи замполитрука Шнейдермана, возглавившего оборону, им пока удастся удерживать немцев на первом этаже казармы и обстреливать Пограничный остров. В казарму немцы смогли прорваться через выломанную дверь в столовой. Наши бойцы удерживают второй этаж. Есть проблемы с боеприпасами и водой, помещение казармы через окна простреливается с Западного острова. Техника, стоявшая на берегу левой протоки Мухавца, уничтожена огнем противника, ни одна автомашина не смогла выехать. В казарме живых около пятидесяти человек, много раненых и погибших. Из командиров никого нет. С началом обстрела дежурный по части младший политрук Бродяной с усилением побежал на помощь караулу во 2-й корпус тюрьмы, что в Бригитках. Сведений от караула, находящегося там, нет. Я поставил его в известность о положении в крепости и попросил: «Продержитесь хотя бы еще час. Помощь будет».

Ответили и из хлебозавода. Он располагался в казематах под валами у Трехарочного моста. Разговаривал со мной сержант Силантьев. У них в казематах, спасаясь от обстрела, собралось порядка трех сотен человек из различных частей. Света нет, оружия мало, боеприпасов тоже, как и связи с другими частями. На валу огневая точка противника, атаковать ее не представляется возможным. Их я тоже предупредил о предстоящем прорыве из цитадели.

Всем абонентам от имени штаба обороны было приказано держать связь с Арсеналом, постоянно сообщая обстановку.

Штаба нет, а приказы от него уже идут. Будем надеяться, что скоро все изменится, штаб реально возникнет и будет функционировать. Со старшим смены связистов договорились, что он пришлет нескольких радистов и телефонистов для организации связи с церковью, Тереспольской башней, столовыми инженерного полка и командного состава, артиллеристами.

Вызвав бойцов, поставил им задачу: привести в порядок комнату в

полковой школе. Перенести туда макет крепости. Один из бойцов был направлен проверить склад в Круглом туалете у Бригитского проезда, другой в склад НЗ, третий на продовольственно-фуражные склады. Еще несколько отправил по соседним казармам разведать, что там творится, и поглядеть, чем можно разжиться. Отдельно боец побежал в конюшни — проверить, работает ли пожарный насос, а то без воды совсем плохо будет.

Следом за моими бойцами решать проблемы связи отправились и связисты полка, а двое их радистов стали колдовать с найденными рациями. Посыльные — это прекрасно, но радио или проводная связь лучше. Реагировать на изменяющуюся обстановку можно куда проще и быстрее. Кому как, а мне, выросшему в условиях Советской армии конца XX века, связь между частями гарнизона нужна как воздух. Просто не могу иначе. Как управлять войсками, если ее нет? У нас это забито на уровне мозжечка. Так что пусть ребята постараются для дела.

Здесь мне пока делать нечего — сейчас все решается у Трехарочных, а принять доклады от посыльных вполне смогут и сержанты. Тащить с собой весь отряд в церковь-клуб не имеет смысла. После начала исхода надо будет идти на помощь конвойникам, а преодолевать очередные 500 метров под артогнем и терять людей не хочется. Лучше пусть побудут здесь, отдышатся и в себя придут, а я налегке пробегусь туда и обратно. Посмотрю, как там идет подготовка, и заодно связь проверю.

За себя в Арсенале оставил Одинцова. Сам рванул к столовой и казематам 455-го полка. Там подготовка шла своим ходом. В казематах у Трехарочных ворот скопилось огромное количество людей, готовых к рывку из цитадели. Каждый каземат был забит людьми до отказа. У входов в томительном ожидании команды на выход стояли вооруженные автоматическим оружием младшие командиры. У столовой инженеров собиралась бронетехника. Около нее копошились танкисты и несколько командиров. Среди них был и Горячих. Трупов немцев, как и оружия, вокруг Трехарочных ворот практически не было — успели убрать.

Капитан из 455-го полка сообщил, что основные силы собраны. Ударный отряд сформирован. Бойцы разных подразделений и частей перемешались между собой. Из них сформированы сводные взвода и роты. Плохо, что мало командного состава. Сводными ротами командуют младшие командиры. Раненых бойцы понесут на себе. Постараются забрать всех. Вся задержка только из-за танкистов, к которым только что подошло еще несколько машин. 333-й полк до сих пор так и не прибыл. Знаменные взвода собраны в казармах инженеров. Мы договорились о сигналах, которые будут посылаться нам. Несмотря на наличие нескольких

переносных раций, связаться со штабами дивизий и корпуса не удалось. Так что вопросы: места, куда выводить, организации встречного прикрытия и точки встречи — оставались открытыми. Достав свою карту, снова рекомендовал те маршруты, что указывал в своих записках. Предусмотренные маршруты мирного времени утратили свою силу. Враг уже находился на нашей территории и активно продвигался вперед. И у него была поддержка в виде артиллерии, которая напрочь отсутствовала у нас. Так что требовалось вывести войска как можно быстрее и безопаснее.

Кстати, артиллеристов мне уже отправили. Набрали из числа добровольцев целый взвод. Капитан очень сожалел по поводу оставления в крепости своих орудий, но вывезти их было не на чем. Порекомендовал подобрать орудия из тех, что стояли в парке 44-го полка у Северных ворот. Они вполне могли уцелеть, там же можно было разжиться лошадьми. Переговорили мы и о выводе людей из Западного редюита и членов семей из Домов начсостава. Капитан пообещал отправить туда специальные команды во главе с несколькими командирами. На этом мы расстались.

Перебежав арку ворот, остановился у ближайшего «БА». Сюда же подошли Горячих и Долженко.

— Все бегаешь? — спросил особист.

— А что прикажете делать? Надо. Вы тут как, готовы?

— Готовы, — почти в один голос ответили старшие лейтенанты. Долженко продолжил: — Сейчас еще две машины должны подойти — и начнем.

— Бог вам, как говорится, в помощь. Главное поаккуратнее там. Не горячитесь и не спешите. Главное, не зарывайтесь. Берегите себя, не учения все же. С пехотой все согласовали? Связь работает?

— Все нормально. У всех рации работают. Пехота прикроет и своя, и от инженеров ребята помогут.

— Мы вам подсказывать будем. Петр Федорович, ты своим скажи, кто не успеет уйти, пусть сюда отходит. Прикроем.

— Договорились, — ответил Петр. В это время его позвали к одной из машин.

— Хороший парень. Жаль, если погибнет.

— Жаль, но война...

— Я порой удивляюсь. Хотя за то время, что с тобой общаюсь, вроде бы и привык. Ты так говоришь, словно тебе это не впервой.

— Да, есть такое дело. За неделю в скольких переделках был! Да и за сегодня только в трех боях пришлось побывать. И главное, выжить.

— Вот я и говорю, везучий.

— Дмитрий Ильич, а что там со знаменами, все собрали?

— Да. Те, что смогли спасти, здесь. Всего шесть знамен. Два наших — полка и дивизии, два 84-го полка — Боевое и Шефское. И по одному от 44-го и 455-го полков. Боевое знамя 75-го разведбата погибло вместе с охранявшими его красноармейцами. Нет знамен автобата, батальона связи, батальона НКВД. Остальные здесь. Все части выделили по взводу в охрану. В общей сложности получилась сводная рота. Для прорыва должно хватить. Сейчас они в казарме инженеров притираются друг с другом. Конвойников еще подождем и пойдем. Может, с нами пойдешь?

— Нет. Не могу. Конвойников не ждите. Они пока сейчас с нами соединиться не могут — ведут бой с немцами. Те к ним в казарму прорвались. Если получится, они вас позже догонят. Как только бронегруппа прорвется на Северный остров, тоже выдвигайтесь. Больше шансов прорваться будет. И главное, сразу под артобстрел не попадете.

— Так и думали.

— Дмитрий Ильич, я вот тут донесение о наших действиях составил, с собой заберете?

— Конечно, — беря у меня донесение, составленное в Арсенале, сказал Горячих. Вместе с донесением я передал и планшетку с документами и жетонами немцев. В это время к нам подбежал Малышев, передавший мне еще одну планшетку с документами немцев, собранными в районе Трехарочных ворот.

— Витя, сколько здесь?

— Семьдесят пять солдатских книжек и жетонов. В том числе три офицерских.

— Молодец. Немцы не мешали?

— Нет. Как увидели, что мы трупы убираем, так даже и не стреляли. На валах там народу немного. Наблюдатели насчитали всего человек двенадцать, но при трех пулеметах. Трофейное оружие мы инженерам отдали, а то у них с оружием плохо. Себе только пулеметы и гранаты оставили.

— А как узнали, что документы офицерские? — спросил особист.

— У них погоны другие, а кроме того, у нас тут парень из инженеров со знанием немецкого языка. Вот он и переводил.

— Ясно. Молодцы. Володя, ты в донесение внеси изменения, — возвращая мне бумаги, сказал Горячих. Тут же на броневике я внес изменения и отдал все Дмитрию Ильичу.

— Дмитрий Ильич, вы у нас в журнале распишетесь?

— А что, он у тебя заполнен???

— Вот только сейчас дополнения внесу, — достав из планшетки журнал, сделал в нем несколько записей и передал его Горячих. Тот, прочитав все написанное, оставил свой автограф.

— И когда только успел?

— Накидал, пока в казарме был. Виктор, там связисты к вам должны линию кинуть.

— А у нас связь есть. Через штаб инженерного полка. Там телефон только разбит был.

— Вот и хорошо, звони каждый час.

— Есть. Разрешите идти? — спросил у нас Малышев.

— Давай, — разрешили мы. И Малышев убежал к себе.

— Ну, и я пойду. Как прорветесь, не забудьте сигнал дать, чтобы мы знали.

— Не беспокойся. Сделаем.

Пожав друг другу руки, мы простились. В клубе все шло своим чередом. Посреди помещения на расчищенной площадке высились штабели с боеприпасами, часть окон была укреплена мешками с песком. Трупы немцев были вынесены и сложены в большую воронку. Наших тоже похоронили.

Ерофеев доложил, что к отряду присоединились еще 30 человек из различных подразделений. И это не считая артиллеристов. Старшим у артиллеристов был пожилой сержант-сверхсрочник Григорий Николаевич Макеев. Мы с ним познакомились и переговорили. Я объяснил задачу и показал на карте, где планирую использовать их. Подчинив ему всех присутствующих в клубе артиллеристов, направил искать исправные орудия и снаряды.

Через вход в алтарной части клуба зашла группа вооруженных автоматическим оружием бойцов и командиров. Во главе нее шел невысокий полковой комиссар с бледным и озабоченным лицом. Ерофеев, присутствовавший при беседе с артиллеристом, тихим голосом сообщил, что это полковой комиссар Фомин. Он его раньше в 84-м полку видел.

Война войной, а Устав никто не отменял. Я подошел и представился. Выслушав мой доклад, полковой комиссар, чтобы не мешать бойцам, предложил куда-нибудь пройти и там поговорить. Единственное место, которое более или менее подходило для этого, была будка киномеханика. В сопровождении нескольких командиров и пограничников мы прошли на хоры. Развернув на столе схему крепости, доложил складывающуюся обстановку и что предпринимается для отражения атаки врага и выхода гарнизона в места сосредоточения. После чего предложил подняться на НП

и там все увидеть своими глазами. На площадке НП мы продолжили разговор.

— Владимир Николаевич. Поясните, почему вы прислали свое приглашение именно мне?

— Товарищ полковой комиссар, — начал я, но был остановлен Фоминым.

— Обращайтесь по имени-отчеству.

— Ефим Моисеевич. Настолько я знаю, вы приняли на себя командование гарнизоном. Кроме того, вы единственный старший командир в крепости. Остальные или не смогли пробиться, или погибли. В крепости нет ни одного командира или хотя бы начальника штаба полка. Я не говорю о дивизионном командовании. Их представители сюда также не смогли пробиться. Кроме посыльного, принесшего устное указание о выходе гарнизона. Для организации обороны требуется руководитель именно вашего уровня, который мог бы ставить конкретные цели и требовать их выполнения от нижестоящих по званию и должности. Так что, кроме вас, некому возглавить оборону.

— Хорошо. Вы правы. Кто еще войдет в штаб? В каком качестве вы видите себя?

— Пока штаб обороны — вы, я и те, кто находится здесь. Остальные члены штаба появятся после выхода из крепости основной части гарнизона. В него войдут те командиры, что останутся здесь продолжать оборону. Из них будут назначены руководители участков обороны. Кем я себя вижу? Тем же, что и сейчас, — командиром штурмового или ударного отряда. Мои бойцы как раз для этого подготовлены.

— Понятно. Где будет размещаться штаб обороны? Здесь в клубе или в Арсенале?

— Нет. Я думаю, что штаб обороны лучше разместить в штабе 33-го полка. Считаю, что там наиболее удобное место, чем здесь или в Арсенале. Сейчас там тыловая позиция цитадели, прикрытая гарнизонами Западного и Восточного редюитов, предмостовыми укреплениями Трехарочного моста и цитаделью. Фактически это центр нашей обороны. Оттуда через Арсенал можно связаться со всеми частями цитадели. Арсенал находится очень близко к Тереспольской башне — фактической линии обороны. И подвержен обстрелу артиллерией. Здесь же, в клубе, останется наблюдательный и корректировочный пункты, а в зале склад боеприпасов.

— Не бойтесь, что немцы, обстреляв клуб, уничтожат склад?

— Думаю, что нет. После уничтожения немцев мы пользуемся их световыми сигналами. Пока удастся их дезинформировать и враг сюда не

стреляет.

— А нельзя вашу методику перенести и на другие объекты?

— Скорее всего, нет. Немцы, проникшие в крепость, имели радиостанции и сообщали о захвате зданий. Ни одного радиста мы не смогли взять живым. А без них общение с врагом проблематично.

— Понятно. Что ж, я думаю, что ваше решение правильное. Жаль, что капитан Зубачев пойдет на прорыв. Он бы мог помочь в работе штаба. Но им предстоит не менее сложная задача — прорваться и вынести раненых. Вы всех командиров предупредили о необходимости сбора всех раненых?

— Да, такое указание передано всем, с кем смогли связаться.

— Какие ближайшие задачи штаба?

— Во-первых, собрать и направить в прорыв как можно больше бойцов гарнизона. Во-вторых, организовать активную оборону крепости, в-третьих, полностью очистить цитадель от немцев.

— Что ж, все правильно. Задачи вами определены верно. До прорыва я хотел бы переговорить со старшим группы, эвакуирующей знамена. Не знаете, кто ею командует?

— Старший лейтенант Горячих Дмитрий Ильич. Начальник особого отдела нашего полка. Знамена вашего полка и частей гарнизона собраны. Его вы найдете у «БА». В столовой инженерного полка держит оборону группа нашего полка во главе с сержантом Малышевым.

— Понятно.

После этого, договорившись о связи, мы расстались. Полковой комиссар ушел к Кольцевым казармам, а я решил уточнить обстановку.

Суэта у Белого дворца заметно уменьшилась. Колонна бронетехники выстроилась у столовой инженерного полка. Три «БА» и четыре «Т-37(38)». Слабенькая, конечно, ударная сила, но какая есть. У немцев в крепости и такой пока нет. Но пригонят... Надеюсь, что мы к этому будем готовы и встретим врага горячими пирожками. Нам бы до ночи продержаться...

Вскоре на Трехарочном мосту появилось несколько «БА-10», стремившихся подавить из башенных орудий немецкие позиции на валах укреплений у Трехарочного моста. Следом за ними катили «Т-38», а дальше, оцетинившись штыками, густой цепью двигалась пехота. Кто-то из немцев, засевших на предмостовых укреплениях, запустил в небо зеленую и синюю сигнальные ракеты. Оттуда же ударили вражеские пулеметчики, пытаясь остановить наступающих, но прикрываясь огнем и броней, бойцы устремились вперед. От Северных ворот по дороге между редюитами им навстречу двигалась еще одна наша пехотная цепь, беря

немцев в кольцо.

По мосту, во фланг нашим, ударил пулемет, а небо украсилось еще несколькими сигнальными ракетами зеленого и синего цветов. Он бил из кустов у Домов командного состава. Сраженные пулями врага бойцы падали на мостовую или в воду, но остальные продолжали бежать вперед. Один из броневых автомобилей остановился, развернул орудие в сторону нового врага и послал туда несколько снарядов. На некоторое время немцы там замолчали. И лишь взлетевшая в небо сигнальная ракета показала, что они все еще там. Не выдержав удара с двух сторон, сидевшие на валах немцы попытались отступить в сторону Восточного форта. Сделать им этого не удалось — кольцо вокруг них сомкнулось. Часть немцев, сдаваясь, подняли руки, но наших было не остановить, и пленных они не брали. Предмостовые укрепления полностью перешли под наш контроль. Часть пехотинцев заняла брошенные врагом окопы, используя трофейные пулеметы, разворачивала оборону на валах. Из казематов снизу валов к ним наверх стали подниматься группы красноармейцев.

Несколько броневинов в сопровождении танка, продолжая наступление, повернули в сторону казарм 125-го полка, туда же развернулась и часть пехотинцев. Еще два «Т-38» и «БА» двинулись к Восточному редюиту на помощь его защитникам.

Как только на валах все было решено, под прикрытием еще одной группы бронетехники вышла группа Горячих и быстрым шагом устремилась к Северным воротам, оцетинившись стволами в разные стороны.

Как только она преодолела мост, из цитадели в ту же сторону, стремясь как можно быстрее покинуть мышеловку, бросилась большая толпа бойцов. Многие не одетые, босиком, в окровавленных повязках и без оружия. Говорить о какой-то четкой организации этого потока не приходилось. Подразделения перемешались между собой. Кто, откуда, где командиры, понять было невозможно. Но главное было то, что бойцы не бросили своих тяжелораненых и несли их на носилках. То тут, то там среди гимнастеров и нижнего белья мелькали женские платья. К этому людскому потоку присоединялись и те, кто прятался под валами в Западном редюите и ДНС. В большинстве своем это были раненые, женщины и дети.

С той стороны Северных ворот, уже на Каштановой, взлетела трехзвездная белая сигнальная ракета. Знаменная группа покинула крепость. Далее ее путь лежал на выход из города. Жалко, что у них нет с собой пары зенитных установок. Они бы в городских условиях очень пригодились как от пехоты отбиваться, так и воздушный зонт

обеспечить. Будем надеяться, что и без них Дмитрий Ильич сделает все как надо.

А исход продолжался. Навстречу потоку выходящих из цитадели от Северных ворот и ДНС устремился тонкий ручеек командиров, спешащих к своим подразделениям. Потоки сталкивались и растворялись друг в друге. По ходу движения заново формировались группы и отряды. И в туннель Северных ворот уже входили более организованные колонны. Сколько вышло? Не знаю, много. Несколько тысяч человек точно. Да, без тяжелой техники и вооружения. Но главное, шли люди, те, кто сможет взять в руки оружие и бить врага, а не гнить в концлагерях.

Из краткого боевого отчета о действиях 6-й стрелковой дивизии в первые часы фашистского нападения (РИ):

«...В 4 часа утра 22.6 был открыт ураганный огонь по казармам и по выходам из казарм в центральной части крепости, а также по мостам и входным воротам крепости и домам начсостава. Этот налет вызвал замешательство среди красноармейского состава, в то время как комсостав, подвергшийся нападению в своих квартирах, был частично уничтожен. Уцелевшая же часть комсостава не могла проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня...

...В результате красноармейцы и младший комсостав, лишенные руководства и управления, одетые и раздетые, группами и поодиночке самостоятельно выходили из крепости, преодолевая под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем обводный канал, реку Мухавец и вал крепости. Потери учесть было невозможно, так как личный состав 6-й дивизии смешался с личным составом 42-й дивизии. На условное место сбора многие не могли попасть, так как немцы вели по нему сосредоточенный артиллерийский огонь. К этому следует добавить, что перед артиллерийским налетом начала активно действовать «пятая колонна». В городе и крепости внезапно погас свет. Телефонная связь крепости с городом прекратилась... Некоторым командирам все же удалось пробраться к своим частям и подразделениям в крепость, однако вывести подразделения они не смогли и сами остались в крепости. В результате личный состав частей 6-й и 42-й дивизий, а также других частей остался в крепости в качестве ее гарнизона не потому, что ему были поставлены задачи по обороне крепости, а

потому, что из нее невозможно было выйти. Материальная часть артиллерии гарнизона крепости находилась в открытых артиллерийских парках, и поэтому большая часть орудий была уничтожена. Почти все лошади артиллерийского полка 6-й дивизии и артиллерийских и минометных подразделений стрелковых полков 6-й и 42-й дивизий находились во дворе крепости, у коновязей, и почти целиком были уничтожены. Машины автобатальонов обеих дивизий и автомашины других частей стояли в объединенных открытых автопарках и сгорели при налете немецкой авиации...»

Из донесения заместителя командира по политической части 6-й стрелковой дивизии полкового комиссара М. Н. Бутина (РИ):

«...В районы сосредоточения по тревоге из-за непрерывного артиллерийского обстрела, внезапно начатого врагом в 4.00 22.6.41 г., части дивизии компактно выведены быть не могли. Солдаты и офицеры прибывали поодиночке в полураздетом виде. Из сосредоточившихся можно было создать максимум до двух батальонов. Первые бои осуществлялись под руководством командиров полков товарищей Дородных (84 сп), Матвеева (333 сп), Ковтуненко (125 сп). Материальную часть артиллерии стрелковых полков вывести не удалось, так как все было уничтожено на месте. 131-й артиллерийский полк вывел 8 орудий 2-го дивизиона... Неприкосновенные запасы, находившиеся в складах, почти целиком остались в крепости...»

Бой на Кобринском укреплении продолжался. Пройдя Дома начальствующего состава и уничтожая на своем пути очаги сопротивления врага, танкисты медленно и уверенно продвигались вперед. Немцы перешли к обороне. Небо украсилось зелеными, синими и красными сигнальными ракетами. Навстречу нашей бронетехнике и бойцам неслись снаряды и пули. Все чаще на пути танкистов вставали грибы разрывов тяжелой артиллерии. Против танкистов работали противотанковая артиллерия в боевых порядках и артиллерия с другого берега Буга. Маневрируя, стараясь не останавливаться, танкисты продолжали бой, укрываясь за постройками.

Все шло как надо. Пора и мне заниматься делом. Немцы в казарме «чекистов» ждут. Не дай бог продвинутся дальше и закрепятся на первом

этаже Кольцевой казармы. Они оттуда смогут простреливать весь внутренний двор цитадели, и все мои труды и надежды накроются медным тазом. И вот ведь гады, сами оттуда не уйдут. Тихо сидеть не будут, а будут отстреливать бойцов. Мешать выполнению моих планов. Словно заноза в известном месте, мешаться будут, так что пора ее уничтожить.

Связавшись с Арсеналом, предупредил о готовности штурмовой группы к выходу. Пока до них доберусь, как раз соберутся.

Окинув еще раз взглядом цитадель с высоты птичьего полета, спустился вниз. Там продолжались работы по накоплению боеприпасов. По сообщению Ерофеева, почти все боеприпасы из склада 84-го полка уже перенесены сюда. В основном это снаряды к 76-мм и 45-мм орудиям, патроны к револьверам «наган» и «ТТ», мины к 82-мм минометам. В 84-м полку нашлись и несколько 82-мм минометов, но нет минометчиков. Все остальные боеприпасы пошли бойцам 84-го полка и близлежащих подразделений. Несмотря на то что крыша склада горит, угрозы взрыва боеприпасов уже нет. Поблагодарив за проделанную работу, рассказал о последних новостях. Среди бойцов, носивших ящики с боеприпасами, увидел и Никитина. Раз склад практически весь вывезли, то нечего ему тут делать, у меня в группе и так вакантных мест куча. Предупредив Ерофеева, забрал Виктора с собой.

По дороге к Арсеналу встретил артиллеристов, облепивших «полковушку» и кативших ее к Трехарочным воротам. Макеев доложил, что нашли несколько исправных орудий и снаряды к ним. Их вполне должно хватить для размещения согласно нашей договоренности. Еще ряд орудий вполне можно отремонтировать, используя остальные в качестве запчастей. Ремонт можно произвести в артмастерских любого полка, но нужны еще люди. И если я не против, то можно привлечь тех, кто останется в крепости. Я согласился — чем больше будет орудий, тем лучше.

Оставшуюся дорогу до Арсенала я обдумывал свои дальнейшие действия. Все входы в казарму «чекистов» были со стороны Мухавца и места его слияния с Бугом. Поэтому обстреливались немцами с Западного и Южного островов. Пробраться туда можно либо по крыше из Тереспольской башни под огнем, или же искать альтернативный вариант. Плохо то, что я в казарме ни разу не был и ее расположение не знаю. Но думаю, что конвойцы нам помогут в зачистке. Да и среди находящихся в Арсенале и клубе есть бойцы оттуда. Глупость спорил, что заранее не обеспокоился этим вопросом. Пришлось отправлять Виктора назад в клуб за «конвойцами».

В Арсенале мой личный состав был готов к новым подвигам.

Разведчики, посланные в соседние здания, в большинстве своем вернулись. Новости были радостными. Они подтвердили рабочее состояние пожарного насоса, установленного в конюшне, и даже ведро свеженабранной воды принесли. Полковые склады боеприпасов, продовольствия, фуража, обмундирования целы. Как же тут не радоваться?

По докладу дежурного полк вывел часть людей к Трехарочным воротам, в том числе и всех раненых. В подвале все еще остаются не желающие идти на прорыв. В основном это «припикники» и те, кто не понимает русского языка. Потапов пытается решить этот вопрос.

Схему казармы чекистов составили быстро. Помогли в этом «конвойцы», пришедшие из клуба. Они же подсказали, что в казарму можно попасть через запасной вход столовой.

Созвонившись с батальоном, поинтересовался обстановкой. Шнейдерман подтвердил, что они продолжают удерживать баррикаду у лестницы на втором этаже, отбиваясь гранатами. Боеприпасы пока есть. Немцы ведут огонь по широким проемам окон второго этажа, не давая поднять головы. Сколько немцев ворвалось в казармы — неизвестно. Они подожгли здание и выкуривают защитников дымом. Пожар потушен. Я предупредил о том, что мы идем на помощь, если будет возможность, просил оказать поддержку атаке.

Удар я планировал нанести оттуда же, откуда вошли в казарму немцы, — через столовую. Вообще довольно странно. Когда мы шли на штурм башни, двигались там, но по нам никто не вел огонь. Или враг настолько самоуверен, что, наступая, не озаботился охраной тыла? Или его вообще не интересовала обстановка внутри цитадели? Кто его разберет, что там и почему. На месте разберемся...

Бойцы меня уже ждали у центрального выхода. Обстрел крепости практически прекратился, видимо, немцы опасались попасть по своим. Над зданием клуба взлетела очередная белая ракета. Проведя инструктаж, начали выдвижение. Шли мимо полуразрушенного здания погранзаставы и ее ограды в сторону Холмских ворот. Далее бегом преодолели кусок дороги к Кольцевым казармам и оказались у запасной двери столовой батальона НКВД.

Дверь была выломана. Все страньше и страньше. Что же это за солдаты такие? Даже не озаботившиеся прикрыть столь стратегический вход и не ведущие наблюдение за тылом. На пути от Арсенала сюда по нам так никто и не открыл огня.

Лишь ворвавшись на кухню, я нашел ответ на свои вопросы. Дураками немцы не были и охранение выставили. На полу валялось около десятка

трупов. Они пали, что называется, от дружеского огня — несколько немецких снарядов, влетев вовнутрь, уничтожили все живое. Те, кто выжил, распределились по остальным помещениям первого этажа и пытались выбить «чекистов», не обращая особого внимания на свой тыл.

Дальше передвигаться пришлось уже с боем. Немцев оказалось больше, чем я рассчитывал, и сопротивлялись они со знанием дела. Драка вышла жестокая и кровавая. Рукопашной избежать не удалось. Русские и немцы смешались между собой в дикой свалка. Оружие, гранаты, лопатки, штык-ножи — все это пошло в дело. На окровавленном полу столовой не на жизнь, а на смерть сошлись две штурмовые группы. Схватка разбилась на несколько очагов. Вокруг шла стрельба, вой, русский мат и немецкие проклятья. Какой-то ухарь ухитрился практически в упор вмазать в меня очередь из автомата. Не будь на мне нагрудника и разгрузки с магазинами, лежать мне тут холодным. А так отделался сильным ударом и несколькими испорченными магазинами и прикладом автомата, который разломился от удара по голове этого ухаря. Дальше пришлось действовать уже руками и лопаткой. Достать револьвер не успел.

Нам очень помогла атака «чекистов» сверху. Услышав шум боя, они по лестнице бросились вниз. Схватка приняла новый оборот. И немцы не выдержали, побежали. А кто не смог бежать, доходил на грязном окровавленном полу. Отступающие бросились вплавь через Мухавец или побежали в сторону Тереспольской башни, но там их ждали, и далеко они уйти не смогли. Спаслись лишь те, кто сразу сбежал по дамбе на Западный остров. Первый этаж был очищен. Но и нам досталось. Практически все, кто участвовал в атаке, были ранены. Шестеро из моей группы погибло, одному даже нагрудник не помог. И все равно это была победа. Цитадель полностью очищена от врага. И пусть они теперь попробуют сюда снова сунуться!

Времени отпраздновать победу нам не дали. Практически сразу же начался артиллерийский обстрел казармы. Снаряды рвались как перед казармами, так и внутри них, влетая через широкие проемы окон и дверей. Осколки крошили кирпич и осыпали нас. Пришлось искать укрытия. В этом мне помог тот самый замполитрука, с которым я разговаривал по телефону. Поднявшись на второй этаж, мы прошли в помещение штаба батальона, окна которого выходили во двор цитадели. Остальные по возможности стали укреплять и баррикадировать окна и двери, собирать трофеи.

В штабе царил разгром. Один из снарядов взорвался внутри, обрушив часть перегородок и перекрытий. Под завалами погибло несколько человек.

Шимон Маркусович рассказал, что на вечерней поверке в батальоне было 72 человека, в том числе и прибывший из Вологды в командировку караул в составе четырех человек. Это без учета караула Бригиток. Всего на довольствии стояло 94 человека. Ночью в 23.50 убыл очередной караул по сопровождению спецконтингента на Москву. А еще вчера в обед Управление НКВД запросило транспорт и сопровождение для перевозки задержанных. Назад личный состав и техника не вернулись. Командиры батальона жили в городе и после начала обстрела сюда не прибыли. В связи с этим Шнейдерману пришлось принять командование на себя. Секретные документы частично уничтожены. Боевое знамя части сохранено — оно у сержанта Новикова. Я попросил пригласить его и по возможности вывесить красный флаг над казармой.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...7.30 ч. Примерно в это время у дивизии на основании различных сообщений впервые создается впечатление, что все же позади передней линии дивизии сопротивляются более сильные части русского гарнизона оборонительных сооружений. Теперь поддержка артиллерии в цитадели невозможна, так как пехота втянута в бой слишком тесно с противником.

7.15 ч. Ранен полковник Велькер, командир A.R. 98.

7.45 ч. Сообщили, что гауптман Пракса, командир III/I.R. 135, убит во дворе укрепления Центральной цитадели в 4.45 ч.

8.10 ч. Офицер I/A.R 99 сообщает, что части III/I.R. 135 остановлены и засели перед укреплением Центральной цитадели и имеют примерно 35 % потерь...»

Телефон работал, я связался с НП и Фоминым, сообщил о результате атаки. Они мне подтвердили, что эвакуация гарнизона продолжается. Но уже не теми темпами, что раньше. Немцы из гаубиц и пулеметов, расположенных в западной части Северного острова, обстреливают Трехарочный мост, что ведет к значительным людским потерям. Приходится ждать паузу в обстреле и только тогда перебежать мост. Но тем не менее эвакуация идет. По предварительным подсчетам, цитадель уже покинуло несколько тысяч человек. Артиллеристами установлено три орудия — два у Трехарочных ворот, а одно 76-мм у Белого дворца. Стоявший там ранее «БА» отбуксирован в Холмские ворота. Предупредив, что я пока буду находиться здесь, положил трубку.

Вскоре в сопровождении трех человек вернулся замполитрука. Он представил мне Новикова, а остальные бойцы оказались его ассистентами. Кроме того, Шимон Маркусович принес мне взамен испорченных пару магазинов и новенький «ППД». Как оказалось, бойцы смогли вскрыть оружейку и склад боеприпасов и вооружиться. Часть оружия оказалась невостребованной.

Знамя хранилось у сержанта под гимнастеркой. Поблагодарив, попросил его продолжить хранить его дальше. Собравшимся бойцам рассказал о ситуации вокруг крепости и о том, что знамена гарнизона вывезены. Не стал скрывать и того, что в ближайшее время крепость будет окружена. Нам придется сражаться в полном окружении и прорываться на восток с боем. Я предложил им присоединиться к моему отряду и совместно выходить из крепости. Бойцы со мной согласились. Так мой отряд пополнился еще на 47 человек, о которых предстояло заботиться и обеспечивать всем необходимым.

Вызвав Никитина, поручил его заботам группу Новикова. И через несколько минут они покинули стены казармы, перебравшись к нам в Арсенал. Я же пошел проверять оборону и знакомиться с людьми.

Мы шли по казарме, периодически прижимаясь к стенам, скрываясь от снайперов противника. Тут и там лежали павшие от их огня и осколков разорвавшихся снарядов. Одной из главных проблем обороны было практически полное отсутствие в казарме межотсековых перегородок. Поэтому попавшие вовнутрь снаряды и наносили такие потери личному составу. Решать эту проблему нужно как можно быстрее и только подручными средствами. Из которых в наличии были только земля, щебенка, пустые ящики и постельное белье.

Второй проблемой были большие проемы окон, выходящих на Мухавец. Часть окон бойцами уже закладывалась матрасами, набитыми песком и землей. На полу валялись тумбочки, табуретки, рваные и окровавленные постельные принадлежности.

На первом этаже все двери на улицу были забаррикадированы мебелью и койками. В одном из отсеков, рядом со столовой, Самойлов совместно с двумя красноармейцами из «конвойцев» трофейными бинтами и медикаментами перевязывали и обрабатывали раны. Но явно не могли управиться со всеми, кому требовалась помощь. Многие щеголяли в окровавленных повязках, кое-как сделанных из постельного белья. И, несмотря на это, продолжали укреплять оборону, поднимая наверх ведра с песком и землей. На обратном пути они забирали с собой немецкие трупы и складывали их в воронку рядом с входом.

Я попросил Шимона Маркусовича собрать по казармам все имеющиеся жетоны увольняющихся. Жетоны для постоянного ношения раздать бойцам и погибшим тоже вложить, а также найти книгу учета личного состава, куда внести данные на погибших. Вообще было бы неплохо найти штабного писаря или бойца, знающего делопроизводство, а то мне самому всех бумаг не переделать. Одних журналов боевых действий сразу на несколько подразделений вести надо, да еще списки личного состава и связанные с ним документы. Так что «писарчук» очень даже нужен, но вот среди моих штурмовиков таких практически нет. Точнее, есть, но не буду же я сержантов от дела отрывать. У них проблем с личным составом хватает, а вот боец не на руководящей должности вполне подойдет. Шнейдерман, выслушав, пошел искать «писарчука» и раздавать необходимые указания. Вообще идею с жетонами я давно вынашивал, но без разрешения командования воплотить в жизнь не решался. А теперь вполне можно, сам себе командир, да и о людях памятка останется. Надеюсь, теперь погибшим не лежать в безымянной могиле.

Подойдя к Самойлову, поинтересовался делами с ранеными. Григорий рассказал, что двое тяжелораненых умерло. Еще двоим требуется срочная операция и эвакуация, остальные с легкими ранениями. Но раненых много, больше половины бойцов. Для обработки ран у немцев и в санчасти батальона набрали перевязочных материалов и лекарств. Нужна вода. Все, что было во флягах, уже закончилось, а в батальоне баки пустые.

И что в такой ситуации делать? Не успел обрадоваться пополнению, как придется с ним расставаться. В любом случае необходимо спасать раненых, иначе они здесь погибнут. Если попадут в плен, то лечить их не будут. Читал я о том, как они лечили. Если сразу не добивали, то потом бросали в лагерном пункте на произвол судьбы, выделяя пленным врачам немного лекарств. Так что надо озаботиться выносом раненых. Хорошо, что исход гарнизона продолжается, можно надеяться, что кто-то из бойцов поможет в переноске тяжелораненых, а остальные сами дойдут. О чем и сказал Григорию, дав указание отобрать бойцов для эвакуации в тыл. И главное, не затягивать с их отправкой во главе с санинструктором.

— Товарищ лейтенант, а что тут отбирать — можно любого из санитаров батальона отправлять, — ответил Григорий.

— Тут надо того, кто сможет оказать помощь в пути и при необходимости бойцами покомандовать.

— Владимир Николаевич, я ведь их не знаю, только тут в казарме познакомились, когда раненых перевязывали.

— Тебе, Гриша, команду дали? Дали. А раз так, определи сам, кто

пойдет старшим. Не можешь, пусть на спичках выбирают, но через пятнадцать минут чтобы духа я их не чувствовал. Да, бойцы, что раненых понесут, пусть обязательно с оружием идут. Еще раз прошу, поторопись с эвакуацией. Все, время пошло. По выполнении доложишь. А насчет воды пошли к нам в казарму, там все решат.

Развернувшись, я пошел в штаб. Не буду же я все сам решать, пусть и подчиненные возьмут на себя ответственность за судьбы людей. На лестнице меня догнал Никитин, доложивший, что знаменосцев доставил и разместил в Арсенале.

У штаба нас встретил Шнейдерман. Он представил красноармейца, пришедшего с ним:

— Сарычев Захар Васильевич, писарь взвода связи. Товарищ лейтенант, других, кто знает эту работу, нет. Ваше приказание по жетонам выполнено. Все, что в ротах было, собрали и раздали, как вы и приказывали. Оставшиеся жетоны у Захара в вещмешке. Книги тоже нашли, в том числе и чистые. Там еще штабных бланков разных набрали и печать со штампом батальона забрали.

— Молодцы. Правильно все сделали.

Печать я сразу забрал себе. Пусть у меня хранится. Уверенность у меня в том, что останусь живой, все больше крепла. И причин этому было несколько, а главное, в том, что поучаствовал в нескольких схватках и не пострадал. Хотя лупили по мне конкретно и с близкого расстояния. И хоть бы одна царапина.

Достав из вещмешка книги и бланки, Захар Васильевич показал их мне. Это было именно то, что нужно. Накоротке объяснил задачу. Тот сразу все понял, ему уже приходилось вести такую документацию. Место Сарычеву определил в штабе у телефона. Будет документы вести и заодно по связи дежурить. Думаю, справится. Зря, что ли, он во взводе связи служил?

Пока мы общались с «писарчуком», Никитин вместе с Шимоном Маркусовичем куда-то спылил. Я тут хотел обсудить вопрос питания бойцов, а то они, питаясь святым духом, долго не протянут. Пока ходили по казармам, я продовольственного склада не видел, но раз есть столовая, то и склад должен быть где-то рядом. О чем и спросил Сарычева. Оказывается, склад есть и расположен он на первом этаже рядом с электростанцией. Там же рядом кухня и разделочный цех. Завстоловой Сарычев в казарме вроде бы видел живым. А вот это важно. Пришлось отправить Сарычева искать красноармейца Кагакина Семена Сергеевича, чтобы тот организовал полноценный перекус бойцам.

Хреново, что часы не ходят. Все, у кого ни спрошу, в таком же положении. Вот и приходится ориентироваться по солнышку, благо день обещает быть солнечным, несмотря на пелену дыма над цитаделью.

По моим прикидкам, сейчас около восьми часов утра, хотя тут некоторые утверждали, что уже давно обед прошел. Услышав такие ответы, мне сначала показалось, что у парней в голове пробой произошел, крыша потекла и им нужна срочная медицинская помощь. Но по размышлении пришел к выводу, что каждый события по своим ощущениям соизмерял.

Вот вас поднимут пораньше утром, по не покрытой стальной каской голове и телу взрывной волной с осколками начнут приветствовать где-то с полчаса. Чтобы жизнь медом не показалась, потолки и перегородки на вас кирпичи покидают. А потом, для разнообразия, какие-то придурки в зеленых мундирах пару раз попытаются убить из стрелкового оружия и походя закидают гранатами. А ты от них отстреливаешься и сам гранаты кидаешь. Рядом с тобой лежат далеко не киношные трупы товарищей и друзей, с которыми ты вот только недавно в столовой хлеб делил или на кровати о мирной жизни говорил. И это все приходится делать в дыму и гари пожарищ. Да еще от контузии вы периодически будете падать без сознания. А когда очнетесь, опять все повторится — и взрывы, и стрельба, и осколки. Ну, и сколько, по-вашему, будет времени? И каких суток? Вот то-то и оно, что затруднитесь ответить и время под себя строить будете. Так и парни. Мне самому, побывавшему под всем перечисленным, стало как-то некомфортно от потери реальности. Что тут можно сказать об остальных? Потому и говорю, что хреново без рабочих часов. А мне, как человеку, приученному в следующем веке все свои действия сверять по часам и минутам, так вдвойне тяжелее приходится при планировании своих дальнейших действий. Почему? Да хотя бы потому, что я не знаю, изменилась история или нет и как сильно мои действия на нее повлияли.

В той истории, что я знал, немцы к девяти часам полностью блокировали крепость, а к полудню накинули второе кольцо окружения. До этого из крепости смогла вырваться примерно половина гарнизона. Немцам очень сильно помог захват в целости и сохранности железнодорожных мостов через Буг и Мухавец. Теперь этого нет. Взорван мост Брест — Тересполь, и штурмовые отряды через него не идут на нашу сторону. Кроме того, в крепости активно действует наша бронетехника, подавляя немецкие огневые точки на Северном острове. Цитадель полностью очищена от врага, и остатки полков выходят из нее. Сколько вышло? Не знаю, лично не считал, но по прикидкам, могло выйти тысяч девять-десять. То есть примерно две трети гарнизона, да и народа погибло меньше. И

немцам пришлось слегка умыться кровью. Только в цитадели наш отряд положил их около четырех сотен. Остальные части тоже свою лепту в избиение внесли, а значит, вражеское командование должно задуматься — что делать дальше? В прошлой истории оно примерно в 15.00, потеряв около тридцати процентов личного состава штурмующих групп, решило остановиться, отвести войска и дать волю своей артиллерии. Исходя из этого, и хотелось бы решить вопрос: «Который час и что конкретно предпримут немцы в этой реальности?» Их артиллерии тоже не стоило особо бояться — кроме пары сверхмощных орудий, остальные не катят против построек цитадели. Укрывшись в них, гарнизон вполне способен продолжать оборону. Но до этого еще дожить надо. Страшнее может быть только пехота и орудия в их передовых рядах. Выкатившись на прямую наводку, артиллеристы начнут палить по окнам, а пехота их будет прикрывать, отстреливая наблюдателей и пулеметчиков. Да еще и в атаку попрут под прикрытием артиллерии, прорываясь вовнутрь цитадели. А вот это совсем не айс. Нечего им тут делать, у нас тут самым боеприпасов и продовольствия мало. Ну, да не так страшен черт, как его малютка. И на их приколы у нас есть свой лом с винтом, точнее со снайперской винтовкой. Очень уж в той истории немцы боялись наших снайперов. Вот и повторим то же самое, но в большем объеме. У меня тут случайно обученная группа снайперов присутствует и скучает. Да и в остальных подразделениях отличные стрелки есть. Надо будет собрать всех в один кулак — и пусть поразвлекаются. Четверо ворот, четыре барбакана, пожарная каланча Белого дворца, крыши Кольцевых казарм с их сорванными железными листами будут отличными местами для лежек ребят. Прикрытие для их выступления мы обеспечим. Поддержим оации огнем артиллерии и минометами, а для большего успеха пулеметами добавим, если кто-то не выдержит и решит поприветствовать артистов букетами и очередями...

Что можно еще сделать? Как улучшить оборону? Как заставить врага бояться каждого шороха и выстрела? Эти вопросы меня сейчас очень интересовали. Достав из планшета блокнот, я задумался, вспоминая все читанное об обороне крепости в прошлой жизни.

Блокнотный лист без моего особого контроля покрывался записями, расписывая необходимые мероприятия по организации обороны цитадели. В крепости я не собирался долго держать оборону — максимум дней пять. Дальше будет меньше шансов на удачный прорыв, а в плен сдаваться я не собирался — у меня еще куча дел на этой войне. Тем более что еще вдобавок вагон и маленькая тележка всяких интересных поделок в подразделении хранится. Зачем им в руки врага попадать? Пусть уж лучше

нам послужат.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...8.45 ч. Офицер связи при штабе XII А.К. ориентирует: 34-я дивизия достигла железнодорожной линии около Гершон. Вулька, Подгородская взята. 31-я дивизия взяла Речицу и Козловичи.

9.00 ч. Сообщил Ia штаба корпуса, что резерв корпуса (I.R. 133) подчиняется дивизии.

9.15 ч. Командир I.R. 135 намеревается нацелить ключевые силы на мост, ведущий от Северного острова к укреплению Центральной цитадели, планируя навести порядок на укреплениях Центральной цитадели. Результаты разведки, направленной I.R. 135 в Брест, еще нет. Предпринятая противником при поддержке 6 танков местная контратака отбита...»

Глава 17. Самый длинный день. День

Мое внимание привлек шум у дверей. Закрывая их своими немаленькими габаритами, в проеме нарисовалась фигура нашего санитаря. Попросив разрешения, он, пряча руки за спиной, доложил:

— Товарищ лейтенант! Ваше приказание выполнено. Всех тяжелораненых отправили в тыл. Старшим с ними пошел санитар санчасти батальона красноармеец Крупин Александр Тимофеевич. Необходимыми перевязочными средствами он обеспечен.

— Молодец. Бойцам жетоны выдали? Оружие у всех есть?

— Да. Жетоны выдали всем убывшим. Оружие и боеприпасы у всех есть. Остальным раненым перевязки сделали. Несколько бойцов направил за водой. Должны скоро вернуться. Трупы все убрали. Наших в отдельную воронку сложили и одеялами пока накрыли. Список погибших из нашей роты я написал, а на «конвойцев» там их сержант составляет. У них потери большие, не всех еще из-под завалов извлекли, потому и засыпать могилу не стали. Вдруг кого еще найдут. Там какой-то боец сухпайки раздает. Наши все получили. Я вот тут вам тоже прихватил, — доставая из — за спины руку с продовольственным набором и ставя его на стол, сказал Гриша.

— Спасибо огромное! Сам-то поел?

— Да, все наши еще в казарме поели, а у местных завтрака не было. Вот со склада и выдают. Чтобы парней не обижать, наши тоже берут. Они еще себе трофейных набрали, тех, что у немцев насобирали.

— И правильно делают. Запас карман не тянет. Ты проследи, чтобы у всех вода во флягах была, и организуй ее кипячение впрок. Не дай бог, какую заразу подхватят. И пусть бойцы воды побольше натаскают. Все свободные емкости надо заполнить. И за гигиеной у бойцов проследить не забудь. Тех, кто себя плохо чувствует, отправляй в Арсенал, у нас в казарме пусть отлежатся. Есть такие?

— Как не быть? Контуженых, считай, треть, и остальным раненым отлежаться не помешало бы. Тогда и мне с ними надо в казарму идти. Здесь пока красноармеец Петров Владимир Яковлевич останется первую помощь оказывать. Он тоже санитар из их санчасти, а я в нашей казарме лазарет разверну, может, что еще из санчасти наберу.

— Давай действуй. Я не против. Забирай с собой всех, кого считаешь нужным. Пусть до вечера отлежатся и приведут себя в порядок. И

проследи, чтобы те, кому надо, форму получили. Нечего тут перед врагом своим исподним щеголять.

— Есть, — ответил Самойлов и вышел в коридор.

Посидеть в одиночестве, помедитировать или слегка поспать мне так и не дали. Из неизвестных далей с вещмешком в руках появился мой дорогой посыльный.

— Товарищ Никитин, и где это вас черти носят?

— Товарищ лейтенант, я ж не виноват, что на вас форма горит! Вот и пришлось идти добывать. Хорошо, что у них вещевого склад не пострадал, а то где бы я вам еще форму нашел. Так и ходили бы в рваньё. Вы бы побереглись, товарищ лейтенант, а то все время впереди всех в атаку ходите. Вы бы с Чапая пример брали, он все правильно объяснял, — доставая из мешка форму, сказал Виктор.

— Эх ты, стратег! Вот как полковником стану, тогда и руководить буду из кабинета, а пока придется вместе с вами на врага в атаку ходить. Давай сюда форму и пойдя пригласи ко мне наших снайперов и расспроси «чекистов» насчет наличия среди них снайперов. Если таковые есть, тоже зови сюда. Дело для них есть.

— Есть! — и Никитин исчез за дверьми, оставив меня в очередной раз за это утро переодеваться.

Так, это уже становится своеобразной традицией — менять форму после каждого боя. Обгорает и рвется она постоянно. Так ее и не напасешься. Интересно, все, что сделано из ткани, обгорело и порвалось, а перчаткам хоть бы хны. Целехонькие. Пальцы отлично защищают. Со всеми этими мыслями я быстро переодевался. Так что вызванных бойцов встречал уже при полном параде.

Кроме моих снайперов пришло еще шесть бойцов из числа обладателей знака «Ворошиловский стрелок». Как пояснил Шимон Маркусович, в батальоне многие отлично стреляют, а эти парни вообще лучше всех. Задача для ребят была простая — найти себе позицию и отстреливать любых появившихся в прицеле немцев. Чем больше настреляют, тем лучше. Ибо, как известно, «пуля — самый действенный способ передачи мысли на расстоянии».

Распределив между собой сектора обороны, парни ушли на позиции.

— Товарищ лейтенант, может, вы зря с санитаром раненых отпустили? Кто же оборону держать будет? — с явным сомнением в голосе поинтересовался замполитрука.

— Шимон Маркусович, ты вот скажи мне, сколько мы сегодня здесь, в здании, уложили немцев? И сколько мы потратили боеприпасов для этого?

— Больше сотни трупов только в здании насчитали и еще лежат на улице. Сколько боеприпасов потратили, не считали. Но много — у большинства бойцов по несколько обойм всего осталось.

— Вот то-то и оно. Нас было почти в два раза меньше. И мы победили. Но итогом боя стало то, что большинство бойцов имеют ранения и им надо отлежаться. Нам нужно беречь людей. Наша казарма находится под постоянным обстрелом, что ведет к усталости и напрасной гибели людей. А нам этого не надо. Если пружину все время держать сжатой, то она ослабевает. Так и с людьми происходит — не могут они все время в напряжении находиться, им отдых нужен и очень полезен. Вот пусть раненые отдохнут в относительной безопасности Арсенала. Не санаторий, конечно, но в наших условиях не хуже будет. Восстановят и наберутся сил, а затем заменят других. Так и будем меняться, встречая врага свежими силами. Сейчас здесь остались наиболее подготовленные бойцы, которые смогут удержать позиции до прихода подкреплений. Например, тех же бойцов из Арсенала. Согласись, что заодно и то же время снайпер может уничтожить 3–5 врагов, а простой боец только одного. Вот и считай, что оставшиеся здесь заменят троих раненых бойцов. Будь моя воля, я бы и остальных туда отослал и вызывал бы только для контратаки. Но увы, не получится — мало нас. Да и расход боеприпасов у нас значительно уменьшится. Неизвестно, когда еще подвезут. Немцы сейчас будут в первую очередь атаковать башню, стараясь захватить мост и дамбу. И уже оттуда наступать на центр крепости. Из наших окон мы можем обстреливать только края островов, не давая возможности врагу переправиться на наш берег. А это вполне по силам оставшимся. Так что держать здесь большое количество людей считаю лишним. Нужны резервы для помощи тем, кто обороняется в Тереспольской башне и Бригитском проезде. Вот наши бойцы, что отдыхают в Арсенале, ими и будут.

— Простите, товарищ лейтенант, не подумал. Полагал, что мы все в казарме должны держать оборону.

— И правильно считал. Так и будет, но с умом и без больших потерь. Пусть немцы тратят боеприпасы на пустые казармы. В одиночек попасть куда труднее, а для нас только лучше. Тем, кто нас придет освобождать, меньше достанется. Так и объясняй бойцам. И вот еще что. Ты с поварами, как я понял, переговорил?

— Да. Со склада сухпайки всем раздали.

— Долго на сухомятке не просидишь. Надо бойцов горячим питанием обеспечить. Я Самойлову на это указал, но ты, как мой замполит, проследи за этим. Насчет боеприпасов. Думаю, надо поступить так: наши

винтовочные патроны собрать и отдать пулеметчикам, остальным перевооружиться на автоматы и трофейные карабины. Раз немцы начали войну, то пусть и обеспечивают нас патронами.

— Да уже так и сделали.

— Ты все равно проследи, чтобы освоили оружие как следует, пришедшие со мной бойцы помогут в изучении. Остальное оружие, в том числе испорченное, собрать в Арсенале. Пригодится.

— Есть.

Артобстрел казармы прекратился, передвинувшись на север и восток. Оставив дежурным по части Сарычева, мы прошли по позициям. Все было в порядке. Нигде не требовалось нашего вмешательства. Каждый из бойцов занимался своим делом, и мешать им не имело смысла. Оставив Шнейдермана за старшего, в сопровождении Никитина вышел во внутренний двор цитадели. Мой путь лежал к Тереспольской башне и Арсеналу.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...9.15 ч. Связь с I.R. 80 (правый сосед на той же высоте) в наличии. Предпринятая противником при поддержке 6 танков местная контратака на отм. 140 отбита. При этом подбиты 3 танка.

9.30 ч. Обер-лейтенант фон Фуметти (I/A.R. 99) сообщил, что передовые наблюдатели окружены вражескими силами. Почти одновременно сообщается, что убиты гауптман Краус (командир I/A.R. 99) и двое сопровождающих его офицеров A.R. 98.

9.50 ч. I.R. 135 сообщает, что Западный остров в руках полка, как и западная половина Северного острова. Полк пытается спасти окруженных в укреплениях Центральной цитадели военнослужащих III батальона, пробиваясь по северному мосту. Позже приходит сообщение, что 9-я рота I.R. 135, заняв северную окраину Северного острова, пытается продвинуться на восток.

10.0 ч. Усиливается впечатление, что наведение порядка на цитадели привяжет еще более значительные силы...»

В бою за цитадель возникла пауза. Слышались лишь выстрелы и пулеметные очереди на островах, разрывы снарядов в районе Северных ворот. На баррикадах в башне, между погранзаставой и Кольцевой

казармой, Арсеналом и погранзаставой кипела жизнь. Бойцы продолжали укреплять и наращивали их, набивая в пустые патронные ящики кирпичный щебень и укладывая их на стены баррикад. И только прикинув к своим пулеметам бойцы бдили, рассматривая врага через амбразуры баррикад в проезде башни.

Мне показалось, что раненых прибавилось. Встретивший нас у баррикады Кижеватов это подтвердил. Группа немцев, выскочив со стороны подстанции и казарм 132-го батальона, пыталась прорваться в башню, но были остановлены у баррикады и уничтожены. Правда, успели закинуть пару гранат, ранив и убив несколько человек. Кроме того, осколком гранаты был поврежден кожух «максима». А еще с Западного острова баррикада постоянно обстреливается немецкими пулеметчиками, которых никак не удастся подавить. Отсюда раненые и погибшие. Помощи он не просил. Хотя тех сил, что у него остались, на оборону башни явно не хватало.

Чтобы не мешать бойцам, мы с пограничником зашли на кухню, где раньше готовили еду для служебных собак. Сюда связисты протянули провод и установили телефон. Один из раненых, прислонившись к стене и прикрыв глаза, нес дежурство около него. Отойдя к бойнице, выходящей на Пограничный остров, я рассказал о последних событиях в крепости, о выходе гарнизона и очистке Кольцевой казармы.

— Андрей Митрофанович, пока есть возможность, может, отойдете на соединение с отрядом?

— Нет. Мне такого приказа не поступало. Кроме того, на острове мои бойцы остались, до сих пор бой ведут. В северной части есть пара дотов, похоже, они именно там закрепились. Выстрелы и взрывы оттуда слышны. И мы должны им помочь. Не могу я их там оставить.

— Понятно. К сожалению, пока светло, мы ничего сделать не сможем. Немцы закрепились по валам и не дадут прорваться на остров. На Северном острове, на валу пулеметная точка, которая мост под своим огнем держит. Так что только людей зазря положим. Нужно ждать темноты.

— Твоя правда... А сам-то чего не отступаешь?

— Уйду. Но позже. Надо же кому-то остаться и прикрывать отход остальных. Так что мы оба с тобой в одной лодке. Будем держаться до конца.

— Что, думаешь, наши не скоро вернутся?

— Давай смотреть правде в глаза. Это война. По показаниям пленных, тут наступает 2-я танковая группа немцев. Считай, танковая армия, у наших не хватит сил ее сразу остановить. Так что рассчитывать на быстрое

возвращение не стоит. Не сегодня и не завтра они не вернутся. Так что надо готовиться на длительную оборону. У тебя боеприпасы, вода есть?

— Есть немного. И наши, и трофейные. Я отправил несколько парней наш склад откапывать. С водой хуже. Немного в башне из баков набрали, но пить хочется. Во флягах практически ни у кого не осталось.

— Здесь рядом, в Круглом туалете у Бригитского проезда, склад боеприпасов. Пошли кого, пусть наберут. А с водой тоже решаемо. Найдите бачки и сходите в наши конюшни по дороге, там есть. Может, раненых к нам, в Арсенал, отправишь? Мы там на первом этаже лазарет развернули.

— Отправлю, но людей мало останется. Если будет атака, можем не удержаться. Да и в барбакан людей нужно послать занять позиции. Оттуда обзор больше и можно держать под огнем немецкую переправу к Северному острову.

— Держись. Отправлю своих парней по казармам, может, кого из отставших найдут, вот и будет подкрепление. К тебе артиллеристы никакие не прибывались?

— Нет, только ваши и пара водителей из автобата. А что?

— Да хотел, чтобы они на площадке посмотрели орудия, может какое целое найдут, сюда поставят. Усилят оборону. Там еще танкисты один из своих танков должны сюда притащить, в качестве БОТа можно использовать.

— Нужное дело. Не помешает. Артиллеристов нет. Тебе проще их найти, по всей цитадели мотаешься.

— Верно. Ты хоть сегодня ел? На вот тебе паек, остальным тоже поесть организуем. Ну, а я дальше побежал. Если что, звони, я либо в Арсенале, либо у конвойцев буду.

— Давай, — на этом мы расстались.

В Арсенале меня ждал сюрприз. И далеко не самый приятный. В комнате, где проходило утреннее совещание, у макета крепости, что-то обсуждая, находилось несколько командиров. Среди них был и Потапов. Отозвав его в сторону, спросил:

— Саня, а ты что здесь делаешь? Неужто полк до сих пор не вышел?

— Ушли. Все, кто хотел и смог. Их повели Семенов с Саниным. А мне и нескольким командирам пришлось задержаться. Здесь осталось около трехсот бойцов из числа приписников и тех, кто не понимает русский язык. Не хотят выходить на улицу, боятся покидать подвал и идти на прорыв. «Панские недобитки» подстрекают остальных к неповиновению, хают Советскую власть, бузят, некоторые дошли до того, что открыто угрожают командирам расправой. Задержать зачинщиков не получилось. Они

скрылись в казематах, а остальные их не выдают. Тех из бойцов, кто сознательнее, мы подняли сюда, сформировали еще несколько отрядов и отправили на прорыв. Вот такие у нас тут дела.

— Да, весело тут у вас. И что собираетесь дальше с этим делать?

— Продолжим уговаривать. Ничего другого не остается, не бросать же их. Кого уговорим, отправим на прорыв к месту сбора.

— Боюсь, что времени для этого практически не осталось. Немцы пристрелялись к Северным воротам. На южной окраине города идет бой. В ближайшее время они прорвутся в город и блокируют выезды из крепости. Уходите, пока не поздно. Забирайте всех, кого сможете, и уходите. Те, кто не хочет этого сделать, пусть остаются. Черт с ними, они сами выбрали свою судьбу. А вы уходите, и как можно быстрее. С остальными мы сами разберемся.

— Я не могу бросить своих бойцов. Должен сам понимать, что я обязан принять меры к их спасению. Это мой долг как командира и коммуниста.

— Понятно. Уговаривать не буду. А что с остальными командирами?

— Мы решили, что останемся здесь. Будем сражаться в крепости до подхода наших войск. Обсуждаем, как нам лучше это сделать. Есть предложения?

— А какие они могут быть? С одной стороны, я рад, что ты останешься здесь руководить остатками полка. С другой — хотел бы видеть тебя подальше отсюда вместе с полком. А предложения... Могу лишь предложить возглавить оборону Кольцевой казармы от Тереспольских до Трехарочных ворот. Собирай вокруг себя бойцов, подчиняй всех, кто отстал от своих частей, и занимай позиции в барбаканах и Бригитском проезде. Ищи артиллеристов. Боеприпасы есть, целые орудия тоже, а вот с артиллеристами проблема.

— Нашел проблему! Тут у нас бойцы из полковой батареи ПТО во главе со своим командиром сидят.

— Тем более. Пусть занимают позиции в Тереспольских воротах и Бригитском проезде. Куда посадить корректировщика, сами решите. Основная задача — не дать немцам возможности ворваться в цитадель.

— А с теми, кто в подвале, что предлагаешь сделать?

— Да ничего. Пусть там сидят. Блокировать все выходы из подвала надежными бойцами. У входов в подвалы посты стоят? — спросил я. И, получив утвердительный кивок собеседника, продолжил: — Их усилить еще парочкой человек. Ни воды, ни еды туда не давать. Рано или поздно те, кто сидит в подвале, захотят пожрать или по «нужде» поднимутся в туалет.

Вот обратно их и не пускать. Сбирать и отправлять сюда. Тут проводить с ними разъяснительную беседу, выявлять «зачинщиков» и отправлять на позиции. Если кто будет сопротивляться, продолжать бузить, не церемониться и по законам военного времени сразу ставить к стенке. Туда же отправлять выявленных паникеров и зачинщиков. Чтобы панику и бардак не разводили.

— Нельзя же вот так, без суда и следствия! Все же наши люди. Не враги.

— Саня, ты прости меня, но ты сейчас говоришь как вшивый интеллигент. Тут надо действовать жестко. Иначе выйдет еще хуже. Они от разговоров перейдут к делу и начнут стрелять нам в спину. А насчет суда, чтобы тройку собрать — много времени не надо.

— Ты все правильно говоришь, но, надеюсь, без этого обойдемся.

— Ох, не верю я в эти суеверия! Ну, да как знаешь. У меня своей головной боли хватает.

— Не понял. Ты, что с нами не останешься?

— Рад бы, да не получится. Все мы здесь в одной лодке посреди реки. Ты вон вырос до комполка, ну, и я за тобой тянусь. Взял на себя командование остатками батальона НКВД. Будем держаться там. Правда, лазарет у нас в казарме развернули. Не выгонишь?

— Да ну тебя, Вовка. Скажешь тоже. Тут... а он шутки шутить вздумал. Видел я твоего Самойлова, хотел припахать вместе со всеми. А как на них посмотрел, да поговорил, то тошно стало. Отправил отлеживаться. Как только на ногах стоят? Душа в теле еле-еле держится. Без них пока обойдемся.

— Вот спасибо. А то у меня там всего двадцать человек оборону держат. Отсыпь от своих щедрот человек двадцать и командира кадрового к ним желательно.

— У меня самого людей совсем ничего. Мне оборону в куче мест держать надо. На каждый объект по минимуму роту надо бы выделить. Да где их взять? Тут на полноценную роту людей не хватает. Это если не считать тех, кто в подвале сидит. Придется по взводу всего выделять, а еще резерв нужен, чтобы блокировать удары...

— Не прибедайся. В качестве резерва и ударной силы будут те, кто в лазарете отлеживаются. Я их, правда, хотел у себя использовать. Но на общее дело мне ничего не жалко.

— Да ладно, обойдемся тем, что есть. Знаешь, к нам тут из 44-го полка прибилась группа лейтенанта Петлицкого. Они со своим полком не успели выйти, под артобстрел попали и у нас в подвале укрылись. Они собирались

на прорыв идти, но раз обстановка изменилась... Может, уговоришь к своему отряду присоединиться? Я возражать не буду. У них и оружие есть.

— Ну, спасибо тебе, отец родной! С меня, как говорится, причитается.

— Потом сочтемся. Я вообще-то думал тебя своим заместителем сделать. Все равно лучше тебя никто ситуацию в крепости не знает. Твой отряд и так фактически во всех ключевых точках оборону держит. Да и немцев немало накрошил, а мы тут так, дурью маемся.

— Ну, и делай, я не против. А ситуацию лучше всех только на НП и в штабе обороны знают.

— Я серьезно говорю насчет своего заместителя.

— Я тоже.

— Тогда пойдем, представлю тебя всем. Заодно и с лейтенантом переговоришь, и наши предложения выслушаешь.

Подойдя к остальным командирам, Потапов представил меня как своего заместителя. И объявил о своем решении по организации обороны сектора цитадели. После чего стал раздавать приказания, назначая комендантов участков и решая вопросы распределения личного состава. Получив приказания, командиры расходились по своим позициям. Вскоре в комнате осталось всего несколько человек, в том числе и незнакомый мне лейтенант-артиллерист.

Старший лейтенант пригласил его к себе. Тот подошел и представился. Отойдя в сторонку, мы с ним переговорили. Я, обрисовав ему положение, предложил присоединиться к моему отряду. Подумав, Александр Леонтьевич согласился. В его группу входило около тридцати человек, в основном артиллеристов взвода ПТО первого батальона 44-го полка. Мы договорились, что Петлицкий со своими людьми продолжит поиск уцелевших орудий и установит их у Тереспольской башни. А если будет такая возможность, то часть орудий разместит и в казарме батальона НКВД.

Обсудив проблемы организации обороны, каждый из нас занялся своими делами.

Из воспоминаний ТИМОФЕЕНКО Виталия Яковлевича (Яновича), 17.02.1920 г., лейтенанта, командира огневого взвода батареи ПТО 333 сп. Попал в плен 26.06.1941 г. в Брестской крепости. Лагерь — офлаг XIII D (62) — Германия, г. Нюрнберг (по книге «Героическая оборона», 1961)(РИ):

«...Наша батарея, в том числе и мой огневой взвод,

располагались в западном участке кольцевой казармы... 22 июня под обстрелом часть бойцов батареи погибла, так как она располагалась в корпусе, обращенном к границе. Из него отчетливо был виден железнодорожный мост через реку Буг. Первым нашим решением было: собрать бойцов, боевую технику, занять выгодную позицию для обороны и оказать сопротивление. Мы разместились в подвалах крепостных зданий.

Бойцы и командиры вытаскивали уцелевшие орудия и другую материальную часть, подносили боеприпасы и, примерно через полчаса, открыли ответный огонь. Спустя 2–3 часа, когда обстановка прояснилась, стали известны наши силы и вооружение (солдат оказалось больше 100 человек, младших командиров человек 10, пять лейтенантов). Среди командиров были распределены обязанности. Общее командование принял на себя лейтенант-пехотинец, знавший лучше всех расположение крепости, энергичный, волевой человек. Мне приказано было быть его заместителем и командовать имеющимися орудиями...»

Под лазарет было отдано расположение восьмой роты. Здесь, под руководством Самойлова, незнакомые мне бойцы мешками с землей закладывали окна, а раненые, расположившись на кроватях, отдыхали. Было их меньше, чем я ожидал. Григорий доложил, что еще одну группу раненых, требующих операций, удалось отправить с уходящими в прорыв. Сам он вылечить их не мог — квалификации не хватало. Казарму соседней роты он выбрал под лазарет потому, что она практически не пострадала от артобстрела, только стекла повывлетали. Даже осколки сюда не залетели. Все необходимое для работы есть. Вода, медикаменты, еда, постельные принадлежности в наличии. Из ларька военторга, что был напротив, принесли сахар и сладости. Из них для раненых приготовили теплый и сладкий чай. Поблагодарив Самойлова за все сделанное, отправился дальше.

Мой путь лежал в церковь-клуб. Надо было осмотреться и лично убедиться, что артиллеристы подготовились к отражению танковой атаки. Между Арсеналом и зданием погранзаставы возвышалась баррикада из мебели, вынесенной из казарм. Несколько бойцов под руководством незнакомое мне пехотного лейтенанта продолжали ее наращивать. Почти аналогичную картину я увидел у церкви. Стоит отметить, что была и разница. Небольшая, но такая существенная — баррикаду дополняли обложенные мешками с землей две сорокапятки, направив свои стволы на

Трехарочные ворота и проезд у Арсенала. Тут же лежали открытые снарядные ящики. Несколько бойцов продолжали подносить их из здания. У столовой комсостава стояло еще одно орудие, расчет которого усиленно закапывался в землю. Аналогичное положение было и у Трехарочного моста. Там, у Круглого туалета, стояла «полковушка», скрытая среди деревьев и прикрытая от обстрела бетонной стеной. Похоже, сержант-артиллерист не зря носил свои треугольники в петличке.

Несколько связистов, закинув антенны на деревья и крышу клуба, пытались наладить связь с вышестоящим командованием. Но пока это не удавалось сделать.

**Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41
(АИ) (время берлинское):**

«...10.20 ч. Прибыл командир, ожидаемого к 12.00 ч. возле Тереспоя, I.R. 133, получив от командира дивизии задачу: полку быть готовым с 13.00 ч. начать переправу на пароме на южный край Южного острова, наступая справа от I.R. 130.

10.50 ч. О намерении начать переправу I.R. 133 командиром дивизии ставится в известность штаб XII А.К. На основании последующих сообщений (в частности, I.R. 135) о силах противника в цитадели и после консультации с командиром I.R. 130, Шлипер, на основании нового понимания обстановки решается изменить задачу I.R. 133.

Сейчас она выглядит так: I/I.R. 133, усиленный 13/I.R. 133, очищает от противника сначала Западный остров, затем укрепления Центральной цитадели. Отсюда должен произойти переход на Южный остров и его последующий захват. (Окончательный приказ поступит к 12.30 ч.) Для обеспечения выполнения поставленной задачи штабом корпуса в распоряжение дивизии предоставляется батарея Neb Abt 6, до сих пор подчиненная 31-й дивизии (прибытие к вечеру)...»

На НП произошли некоторые изменения. Парни, подняв несколько бревен и деревянных щитов, немного расширили площадку, так, что теперь тут можно было разместиться втроем. Но пока его оккупировали Ерофеев и артиллерийский наблюдатель. Наблюдатель и радист, сидевший на площадке ниже, работали в паре, помогая нашим танкистам выбивать врага на Северном острове. Ерофеев, используя схему, доложил об обстановке в крепости и проведенных мероприятиях. То же самое сделали и остальные

присутствующие.

Танкисты смогли завести еще несколько танков и вывести их на Северный остров. Идет работа еще над тремя машинами. Артиллеристы нашли шесть орудий. Четыре из них я видел по дороге сюда. Пятое, еще одна сорокапятка, затянута в барбакан Трехарочных ворот. Шестое у Белого дворца. Но на все орудия не хватает расчетов. В качестве подносчиков используются отставшие от своих частей и присоединившиеся к отряду бойцы. Есть еще пара орудий, которые можно привести в порядок, но на них нет прицелов и нужна замена поврежденных деталей.

Петр рассказал, что среди примкнувших к отряду бойцов нашелся младший сержант из 33-го инженерного полка, хорошо знающий немецкий язык. Ему удалось разговорить пленного и убедить его рассказать о работе радиостанции. С помощью подсказок пленного получилось выйти на немецкую волну и слушать их переговоры. Тот же младший сержант предложил заняться дезинформацией врага, сообщив врагу о том, что в клубе находится группа немцев. С разрешения Петра, это озвучили в эфир, представившись одним из немцев, чьи документы были найдены у погибших. Немцы им поверили и просили держаться, обещая скорую помощь и освобождение. Сигналы, подаваемые нами световыми ракетами, они видели. Еще просили сообщать о положении гарнизона крепости и его передвижениях. Немецкую радиостанцию разместили в комнате киномеханика, там же находился и младший сержант с радистом. Пленного же держали под охраной в подвале.

Что ж, отличная и очень своевременная инициатива подчиненных, вдобавок ко всему хорошо реализованная. Теперь мы спокойно можем тролить врага, водя его за нос. О чем и сказал Ерофееву, поблагодарив за сделанное. Надо было видеть, как парень засмутился от этой похвалы! Хотя что тут смущаться, сколько благодарностей за последние недели наполучал.

Ранее мешавшая обзору листва теперь отсутствовала, сбита ударной волной и осколками. Прильнув к биноклю, я осмотрелся вокруг.

Севернее крепости в районе Речицы взлетали белые сигнальные ракеты, сообщавшие о продвижении врага в глубь нашей территории. Похоже, что немцы прорвали нашу оборону и теперь рвутся вперед к Жабинке, обходя Брест с севера.

В северной части Западного острова шел бой. На переднем валу у Варшавского проезда окопались несколько немецких пулеметных расчетов. Оттуда же поблескивала оптика наблюдателей. Недалеко от Тереспольского

моста и дамбы, укрывшись среди ив, по Кольцевой казарме и Тереспольским воротам стреляли немецкие пехотинцы. Было отлично видно, как, попав под ответный снайперский огонь, то одна, то другая огневая точка замолкала. И сразу к ней устремлялись санитары, стараясь как можно быстрее вынести раненого с поля боя. Но это им редко удавалось — очень часто оказывать помощь было уже поздно, так как очередной ариец отправлялся в дальний и безвозвратный путь.

На Южном (Госпитальном) острове бой приблизился к Холмским воротам. Перестрелка шла в районе школы начсостава 84-го полка, горжевых казарм.

У Белого дворца «полковушка» вела огонь по мосту через Мухавец, мешая врагу переправляться на наш берег. Немецкая артиллерия старалась ее подавить, но пока этого ей сделать не удавалось — стены дворца надежно прикрывали наше орудие и расчет.

Артиллерия врага продолжала обрабатывать казармы батальона НКВД, Трехарочный мост и ближайшие к нему казармы.

В районе Восточного редюита шла перестрелка с засевшими на валах группами немцев.

В городе шел бой, и его звуки приближались к Северным воротам. А из них по-прежнему выходили группы бойцов и командиров. Туда же стремились, несмотря на артобстрел, и бойцы, перебежавшие из цитадели через Трехарочный мост.

Противостояние на Северном острове продолжалось и в районе Северо-Западных ворот, казарм 125-го полка. Немцы удерживали западную и частично северную части острова. Подтянули сюда понтонный мост, по которому получали подкрепление и боеприпасы. С Западного острова мост пытались обстреливать из стрелкового оружия, но большого вреда это не приносило. Лишь иногда фигуры в зеленых мундирах падали в воду или оставались лежать на понтоне.

Район Домов начальствующего состава был очищен от врага. Во всяком случае, выстрелы там не звучали. К трем действовавшим здесь бронеединицам добавилось еще три «Т-38». Линия соприкосновения с врагом проходила в районе клуба 125-го полка. Наши танкисты и пехотинцы пытались контратаковать немцев, давая возможность небольшим группам защитников крепости выйти из блокированных немцами зданий и казарм. Действовали парни уверенно. Зная о своей слабой противопульной броне, они, прикрываясь постройками и надолго не оставаясь на открытом пространстве, все сильнее давили на врага. Немцы, возмущенные такими действиями, отвечали огнем противотанковых пушек

и 20-мм зенитного орудия, кроме того, вызвали огонь своей артиллерии. И вскоре стена огня и взрывов встала на пути бойцов. Плотность огня была столь велика, что рано или поздно какой-то из снарядов должен был найти свою цель. Так и произошло. Вскоре три машины были подбиты. Они застыли, дымя пробоинами и открытыми дверями. Только из одного бронеавтомобиля успели спасти экипаж. Остальным «коробочкам» под прикрытием огня из ДНС пришлось отступить в сторону Северных ворот. Они сделали все, что смогли. Своими жизнями спасли много других.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...11.45 ч. Командир I.R. 130 сообщает, что в 10.10 ч. оберлейтенант Миске на башне Южного острова поднял знамя вооруженных сил рейха, на основании чего он делает вывод об отсутствии здесь какого-либо сопротивления, речь идет лишь об изредка вспыхивающей перестрелке с отдельными русскими.

Полковник Йон хочет сломить единственной отдельной гаубицей III/A.R. 98 вражеское сопротивление у северного моста, чтобы деблокировать отсюда окруженные на Центральном острове части. Окончательный захват Западного острова и подавление на нем всех очагов сопротивления противника (I/I.R. 133) — это предпосылка для успехов на Центральном острове. Предпринятая противником при поддержке 6 танков местная контратака отбита, уничтожено 3 танка...»

Боевое донесение штаба 4-й армии № 05 к 11 ч. 55 мин 22 июня 1941 г. начальнику штаба Западного в.о. (РИ):

Серия «Г»

Начальнику штаба Западного Особого военного округа

Карта 100 000

1. К 10.00 22.6.41 г. части армии продолжают выходить в районы обороны (49-я и 75-я стрелковые дивизии), причем гарнизон крепости Брест — 42-я и 6-я стрелковые дивизии — потерпел от авиации и артиллерии противника большой урон, в результате которого 6-я стрелковая дивизия принуждена была к

7.00 22.6.41 г. отдать с боями Брест, а разрозненные части 42-й собираются на рубежи Курница, Бол. Черни (459-й стрелковый полк с 472-м артиллерийским полком — в районе Жабинка, Каролин, Хведковичи) и приводят себя в порядок.

Таким образом, 42-я стрелковая дивизия только около 12 часов будет следовать севернее — на уровне своего участка.

Противник превосходит в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30–40 %) потери, штаб армии разгромлен (в Кобрин); штаб 28-го корпуса — в Жабинка — также в 12.15 22.6.41 г. бомбили; штаб 14-го механизированного корпуса — Тевли.

2. Отдал приказание:

а) 28-му стрелковому корпусу не допустить дальнейшего продвижения противника на Жабинка;

б) 14-му механизированному корпусу в составе 22-й и 30-й танковых дивизий, сосредоточившемуся в районе Видомль, Жабинка, атаковать противника в брестском направлении, вместе с 28-м стрелковым корпусом и 10-й смешанной авиационной дивизией уничтожить его и восстановить положение.

3. Штаб армии — фл. Буховиче, переходит в Запруды.

4. Прошу задержать продвижение противника с брестского направления авиацией.

5. Связь имеется со штабом 28-го стрелкового корпуса и периодическая со штабом 14-го механизированного корпуса.

6. 205-я моторизованная дивизия осталась на месте, выбросив один стрелковый полк на р. Мухавец (юго-западнее Запруды), прикрывая березовское направление.

Начальник штаба 4-й армии полковник Сандалов

Радист сообщил, что «коробочки» идут на прорыв и соединение с нашими войсками. Прорываться будут через Северные ворота. Им можно было только пожелать удачи в бою. И вскоре танки скрылись в туннеле ворот. Какое-то время радист поддерживал с ними связь, потом сообщил, что танкисты на Каштановой вступили в бой с прорвавшимися туда немцами. Вскоре он молча снял шлемофон и отвернулся в сторону. Все стало понятно без слов и объяснений...

Бой в крепости продолжался. Немцы на Северном острове перешли к обороне, обстреливая из гаубицы и противотанковых орудий выявленные

очаги сопротивления.

На немецком берегу, ближе к железнодорожному мосту на Тересполь, вновь подняли в небо несколько аэростатов. Пользуясь отсутствием в воздухе нашей авиации, оттуда посверкивали оптикой наблюдатели. Ну это уже совсем наглость. Нас совсем в расчет не берут. Ладно, раньше мы их не могли достать, но теперь им это с рук не сойдет. По телефону связавшись с Арсеналом, попросил Потапова, если есть возможность, пугануть нахалов. Тот заверил, что все понял. Тем более что лейтенант Тимофеев со своими артиллеристами нашел две «полковушки» и готовит их к бою, установив орудия в проездах между Арсеналом и Кольцевыми казармами.

Вскоре с НП связался сам лейтенант, сообщивший, что с батареей установлена связь, и, пригласив к телефону артиллерийского наблюдателя, стал что-то с ним обсуждать. Прижав к глазам окуляры бинокля, младший сержант стал диктовать в трубку целеуказания.

В том шуме, что стоял вокруг крепости, выстрелов батареи практически не было слышно, но зато явственно были видны результаты ее работы. Сначала один, а затем и другой аэростаты стали быстро спускаться вниз, а под ними вырастали грибы разрывов. Сознав врага с неба на землю, артиллеристы сменили цели. Теперь им стал понтонный мост. Тут и там вокруг моста стали вскипать султаны взрывов. Шуганули они немцев отменно — те так и бросились в разные стороны, укрываясь от осколков на берегу, оставляя на понтонах человеческие тела. Выпустив несколько десятков снарядов и добившись нескольких попаданий по понтонам, батарея, меняя позицию, замолчала. Сделала она это очень вовремя. Немцы, вступив в контрбатареиную борьбу, закидали предполагаемое месторасположение батареи тяжелыми снарядами. Обстрел длился около получаса. Часть снарядов попали в Арсенал и Кольцевые казармы. В Арсенале пострадала восточная часть — несколько немецких «гостинцев» пришлось на помещение полковой санчасти, гауптвахты и 2-го батальона. Кроме того, досталось и другим частям крепости. Также обстрелу подвергся Белый дворец, Инженерный замок, казармы 455-го и 84-го полков. Снаряды врубались в стены, разрушали кирпичную кладку и обрушивали перекрытия. В ряде мест снова запылали пожары. Только клуб и столовая остались в стороне от раздачи подарков. Видимо, немецкое командование исключило данные здания из списка обстреливаемых объектов, уверовав в нахождение там своих окруженных солдат.

Поднявшийся снизу младший сержант это подтвердил, сообщив, что

немцы запросили уточнить координаты батареи и орудий у Белого дворца, так некстати вмешавшихся в их планы.

А белые сигнальные огни уже поднимались у Северных ворот и где-то в районе железнодорожного вокзала. Колечко окружения вокруг крепости замкнулось.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...12.00 ч. Примерно в это время командир дивизии докладывает командиру корпуса:

После подачи обеих приданных батарей I.R. 130 продолжил атаку за Pkt. 140. В цитадели идет ожесточенный бой — очень много убитых. Значительные потери офицеров.

Батальон I.R. 133 должен провести зачистку Западного острова. В северной части цитадели еще продолжается бой. I.R. 133 должен подтягиваться за I.R. 130.

Командир корпуса ориентирует так: враг всюду отступает. Исключение — цитадель Брест. Дневное задание штаба корпуса — это Жабинка. Он приказывает «в цитадель больше ничего не вводить», предлагая ее блокировать, вытаскивать сражающиеся части, обстреливать и изматывать противника тяжелой артиллерией.

12.30 ч. Идет команда в I.R. 133 — для очистки от противника Западного острова назначить только одну усиленную роту; после выполнения этой задачи она должна наносить удар также на укрепление Центральной цитадели (если это возможно, без больших потерь).

12.35 ч. Ia XII A.K. передает для ориентировки, что в первую очередь заданием дивизии является урегулирование ситуации в Бресте.

12.50 ч. Командный пункт I.R. 130 по сообщению полкового адъютанта перенесен к форту Ш. (Вместе с командным пунктом A.R. 98.) Южный остров почти что зачищен, однако из укреплений Центральной цитадели по нему идет стрельба. Город кажется абсолютно спокойным. Подразделения 13 и 14/I.R. 130, а также 1-й и 10-й рот в ходе захвата главной улицы прорвались через южную часть города и на его восточной окраине (у виадука) соединились с подразделениями 2-й роты, которая прорвалась вдоль южной окраины для последующего

наступления на выс. 140. Этот факт имеет решающее значение — подразделения в цитадели, таким образом, отрезаны от города...»

Совершенно незаметно пролетело время. Вроде бы солнце только что стояло над головой, а теперь уже указывало на вторую половину дня. Если судить по тени от деревьев, то времени было примерно около двух часов пополудни. От Малышева посыльные принесли обед — гречневую кашу с тушенкой и горячий чай. По их рассказам, одна из освобожденных в столовой женщин отказалась уходить из крепости, и Виктор, выполняя мое указание, напряг ее с приготовлением обеда. Еды приготовили на всех, кто находился в казарме инженерного полка, столовой комсостава и в клубе. И теперь ее разносили по подразделениям. На вторую закладку воды нет, водопровод не работает.

Вообще проблему с горячим питанием личного состава надо как-то решать. В скором времени готовить еду в Кольцевой казарме станет делом трудным до безобразия. Они фактически будут на линии огня. Да и проблемы с водой будут немалые. Насос, установленный в конюшне нашего полка, конечно, выход, но, не дай бог, немцы о нем узнают, горя тогда не оберемся. Альтернативных способов добывания воды в цитадели нет. Точнее, есть — отправлять людей на убой с любой тарой к Мухавцу, может, кому повезет и он вернется назад с несколькими глотками воды. Но это не наш метод. Есть тут одна мысль... Пока существует такая возможность, надо бросить пожарные шланги в воду и установить дополнительно насосы в разных частях цитадели. Эту мысль я и донес до полкового комиссара, когда тот пришел в клуб. Насчет приготовления пищи мы тоже пришли к общему мнению — ее будут готовить в Арсенале, точнее на кухне нашего первого батальона, а потом разносить по участкам обороны.

Несмотря на то что полковой комиссар держал руку на пульсе, общаясь с различными участками обороны по телефону, он попросил меня доложить свое видение складывающейся обстановки. Что я и сделал. Скрывать, что мы фактически в полном окружении, не стал. Это и так было очевидным, стоило только подняться наверх или посмотреть в сторону Северных ворот.

— Жаль. Я рассчитывал, что мы успеем вывести еще людей, — сказал комиссар. — У нас готово еще несколько сводных отрядов на прорыв. Ну, что ж, значит, будем сражаться в крепости. Хорошо, что успели эвакуировать большинство раненых. Оставшихся я приказал пока в Инженерный замок собирать. Как думаете, сколько мы сможем

продержаться на тех позициях, что сейчас занимаем?

— Я бы сначала хотел кое-что уточнить. Мы еще можем попытаться прорваться из крепости. Мне думается, что в городе не так много немецких войск. Если мы соберем достаточно мощный кулак у Северных ворот и, опираясь на главный вал, ударим по направлению улицы Московской, то возможность вырваться из окружения будет. Не всем, но прорваться будет можно. В качестве ударного отряда надо несколько рот кадрового состава с крепкими командирами.

— Говорить о кадровых подразделениях не имеет смысла. Оборону держат группы и остатки подразделений. В большинстве своем подразделения перемешались. Чаще всего это отдельные группы во главе с младшими командирами и красноармейцами или собранные на основе землячества и службы. Мы пока не смогли даже точно определить, кто где обороняется и кто кем командует. Мною привлечено несколько командиров из разных частей для сбора информации по участкам обороны. Прорыв сейчас не даст положительного эффекта, мы только потеряем людей. Я верю, что наши войска скоро нанесут удар и отбросят врага назад за линию госграницы. Так что ваше предложение по прорыву в настоящий момент считаю несвоевременным. Давайте вернемся к моему вопросу.

— Есть. Взять крепость с наскока у немцев не получилось. Здесь они понесли тяжелые потери и начинают выдыхаться. В районе 125-го полка они уже перешли к обороне. Бои продолжаются на Западном острове. И пока немцы не уничтожат там очаги сопротивления, прорываться в крепость им опасно из-за возможности удара во фланг и окружения. Поэтому опасаться удара на Тереспольские ворота, думаю, не стоит. Фактически немцы там тоже перешли к обороне. Кроме того, там создана неплохая оборонительная позиция с крепким и знающим командиром лейтенантом Кижеватовым.

— Знаю, мы с ним уже по телефону переговорили, от вас я как раз собирался попасть туда. Прошу вас, продолжайте.

— Сведений об атаках на Тереспольский и Холмский мосты нет. Без поддержки танков и артиллерии, выдвинутой на прямую наводку, выбить они нас оттуда не смогут. Ворота забаррикадированы, в том числе и неисправной бронетехникой. Для того чтобы прорваться вовнутрь цитадели, им придется сначала уничтожить баррикады и решить вопрос с проездом. Бригитский мост разрушен, в его проезде и казармах автобата 333-й полк занимает оборону. Дальше оборону держат остатки 44-го и 455-го полков. Таким образом, немцы там смогут действовать только пехотой. Единственное место, откуда они могут прорваться, — это Трехарочный

мост, но мы здесь готовы их встретить.

— Я видел позиции противотанкистов и разговаривал с ними. Они настроены по-боевому. Там одни добровольцы из числа комсомольцев, поклявшиеся не пропустить врага в цитадель.

— Кроме того, надеюсь, нам помогут и те, кто держит оборону в фортах. Связи, правда, с ними нет. Если будет такая возможность, ночью надо постараться ее сделать. До ночи немцы предпримут еще одну попытку прорваться в цитадель и на этом успокоятся. Дальше будут бить артиллерией, стараясь разрушить укрепления и заставить нас сдаться.

— О сдаче в плен разговора даже быть не может. Будем держаться до возвращения наших войск.

— Я тоже так думаю.

Ефим Моисеевич сообщил, что, пока я отсутствовал, в цитадели созданы комсомольская и партийная организации. Как будет возможность, решено собрать представителей всех частей гарнизона и провести партийные и комсомольские собрания. Кроме того, на вечер запланировано совещание всего командного состава цитадели. Мое присутствие там обязательно...

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...13.00 ч. Звонит командир корпуса, которому после совещания с командующим нужны сведения о следующем:

1) Какова ситуация на цитадели?

2) Что происходит в городе?

Докладывает Ia: Южный остров почти не занят противником. На Западном острове еще идет перестрелка; никакого ясного впечатления о ее масштабах.

К Центральному острову нельзя приблизиться с одним только тяжелым вооружением пехоты. Там обнаружено примерно 40 танков. I.R. 135 держит западную половину Северного острова.

К 2) Об этом уже докладывалось ранее.

Командир корпуса требует, чтобы положение на цитадели было урегулировано еще 22.6. Он предоставит в распоряжение для этого огнемёт и штурмовые орудия.

Если город Брест свободен, то I.R. 130 должен взять цитадель с востока: кроме того, Брест необходимо проверить, послав насквозь по городу разведку в направлении вокзала от

юго-восточной части.

Кроме того, командующий изъявил желание, чтобы командир дивизии лично, на месте убедился в положении на цитадели.

В итоге к этому времени сложилась следующая ситуация:

Переходами реки Буг около Брест-Литовска, исключая железную дорогу, удалось овладеть таким образом, что частям армии, находящимся к западу от реки Буг, нацеленным на эти переходы, гарантирован беспрепятственный к ним подход.

(Первые части передового эшелона XII А.К. (фон Штольцман) к 17.30 ч., направляясь на восток, проходят по танковой магистрали населенный пункт Тришин.)

В самой цитадели дивизия еще не является хозяином положения.

Враг защищается здесь с силой, неожиданной для дивизии после сильного огневого налета и уверенных первых сообщений воинских частей.

Положение постоянно меняется, так как враг появляется в хорошо известных ему бастионах или других местах, ведя огонь по нашему передвижению, что не может предотвращаться подразделениями дивизии, так как отдельные стрелки на крышах и деревьях не видны. Как раз эти вражеские единичные стрелки причиняют дивизии восприимчивые потери, в частности, в офицерах...»

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 22.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...13.15 ч. Сообщение командира PI. 81 касается, по-видимому, только Южного острова, ему противоречит сообщение I/A.R. 99 о том, что на Центральном острове несколько окруженных немецких солдат ведут тяжелый бой.

13.50–14.30 ч. Командир дивизии лично убеждается в положении дел на командном пункте I.R. 135. Между тем командир I.R. 135 подчинил шесть, едущих его полосой, определенных для 34-й дивизии штурмовых орудий и пытается с ними обстреливать Центральный остров по обе стороны северного моста, чтобы при этой поддержке сделать возможным деблокирование окруженных в цитадели частей III батальона.

На основании впечатления, полученного в цитадели, командир дивизии принимает следующее решение и в 14.30

сообщает о нем командиру корпуса: если обстрел укреплений Центральной цитадели не приведет к успеху, то необходима новая огневая подготовка по ее укреплениям.

Лишь после этого можно снова приступить к нападению пехотой. Также Шлипер намеревается поручить I.R. 130 зачистку города Бреста, а двум остальным полкам — зачистку цитадели.

Во второй половине дня I.R. 133 должен взять Южный и Западный острова, I.R. 135 — Северный остров.

Между тем потери, в том числе офицеров, все возрастают. Во всех считающихся взятыми частях крепости, из различных убежищ все еще раздаются многочисленные и достаточно меткие выстрелы из винтовок, принося значительные потери.

Таким образом, полное урегулирование положения на цитадели не достигнуто...»

Возвращаясь на НП после проводов полкового комиссара, был потороплен возгласом наблюдателя: «Танки!!!»

Дождались. В бинокль было хорошо видно, как из туннеля Северных ворот вынырнули две приземистые с кургузыми стволами самоходки StuG III и, время от времени останавливаясь, направились к Трехарочному мосту. Что интересно, шли они совсем без поддержки пехоты. Видимо, пехоту от них отрезали своим огнем бойцы с главного вала. Из Восточного редюита по самоходкам ударило орудие. Раз, затем еще. И один из «штугов» остановился. То ли подбили, то ли еще что. Главное, что двигаться не может. Ко второму из капониров Главного вала у Северных ворот бросилось несколько бойцов и забросали его гранатами. А вот этот уже конкретно задымил.

Еще два «штуга» в сопровождении пяти панцергренадеров прорвались мимо Восточного форта и Домов начальствующего состава. Они въехали на Трехарочный мост и открыли огонь по Кольцевой казарме, стараясь подавить огневые точки обороняющихся. Винтовочные пули наших бойцов ничего с ним сделать не могли. Единственно, что удалось, — это уложить мордой в землю пару пехотинцев. Остальные оказались упертыми. Укрывшись за броней самоходок, они продолжали обстрел проемов окон. Огневую поддержку им оказали и немцы, засевшие в районе казарм 125-го полка, стараясь загасить огневые точки в барбакане. Им это удалось, и скоро оттуда уже никто не стрелял.

Орудия, стоящие внутри цитадели, тоже молчали. Я запретил. Рано. Рано еще раскрывать врагу наши позиции. Пусть въедут внутрь цитадели,

чтобы мы могли их поближе рассмотреть, а вот дальше решим, что к чему. Отпускать их назад я лично не намерен.

Выпустив с десятков снарядов по окнам и посчитав свою задачу выполненной, стоявшая первой самоходка двинулась через мост вперед. Преодолев его и арку ворот, она вкатилась во внутренний двор цитадели. Следом за ней медленно и словно нехотя двинулся и второй StuG III. Пехота танкистов не поддержала, оттаскивая трупы и раненых в укрытие на валах предмостовых укреплений. Второй раз за день они оказались заняты врагом. Ладно, потом с ними разберемся.

Первым открыло огонь орудие у столовой комсостава. Уж больно хорошо подставила свой борт первая самоходка. Несколько позже по ней же ударила «полковушка» от Круглого туалета. И «штуг» задымил. Пытавшихся его покинуть танкистов срезали из столовой инженерного полка.

К этому времени второй «штуг» въехал в арку ворот и, развернувшись, выстрелил по позиции раскрывших себя артиллеристов. Второй раз выстрелить ему не удалось — из столовой выскочило несколько бойцов и закидало его гранатами. Сделать ничего, конечно, они с ней не смогли, но главное — пуганули. Немцы, видя такую нерадостную встречу, попытались откатиться назад, но артиллеристам удалось сбить гусеницу самоходки. И она застыла в туннеле ворот. Выбираться из самоходки никто не спешил, законно опасаясь за свои жизни. Вести огонь из орудия прямо перед собой они могли ограниченно. Развернуться в теснине ворот не получится. Что они еще могут? Только наблюдать вокруг, а вот двигаться или повлиять на ситуацию в крепости — едва ли. Так что пусть посидят, подумают. Думаю, что самим прорываться им не хочется. Выбраться им отсюда все равно не суждено. Не дадим, нам такой трофеей вполне сгодится. Малышев пусть и займется их контролем, а попозже вытащим немцев из коробочки. Надо только танкистов на это дело организовать.

Организовывать ничего не пришлось. Немцы, не выдержав, сами открыли люки. Бросив по гранате в разные стороны машины, они попытались прорваться к предмостовым укреплениям, откуда, поддерживая их, раздавались выстрелы. Сделать им удалось всего по несколько шагов. Из столовой раздались автоматные и пулеметные очереди, и трупы в черной форме украсили Трехарочный мост.

Обидевшись, немцы в очередной раз обстреляли цитадель и добились при этом удачного попадания в сорокапятку у столовой комсостава. Близким разрывом тяжелого снаряда ее подбросило и ударило о землю. Погиб и расчет орудия, так и не успевший порадоваться своей первой

победе. Та же судьба постигла и орудие у Белого дворца. Его обстреляли из минометов с Южного острова.

Султаны взрывов частой гребенкой прошлись по всем участкам обороны. Продолжая ломать и калечить все вокруг...

Несмотря на продолжающийся обстрел, к подбитым самоходкам уже спешили танкисты. Связавшись с Малышевым, попросил проконтролировать там процесс прихватизации. А то растащат, что под руку попадет, как потом на них воевать. Заодно попросил найти специалистов для восстановления машин и артиллеристов для обслуживания орудия.

На НП мне больше делать было нечего — Ерофеев и наблюдатели без меня тут справятся. Насколько помню, после неудачной танковой атаки немцы от активных действий в крепости отказались и везде перешли к обороне. И к ночи отвели свои войска на валы, признавшись в своем бессилии. Можно считать, что в первый день войны гарнизон крепости победил.

Мои познания в истории этого дня обороны практически закончились. Как и домашние заготовки. Надо было готовиться к следующему дню и новым событиям. Одним из таких мог бы быть прорыв на Западный остров. Там все еще продолжают сражаться «погранцы», и бросать их в беде не стоит. Есть еще одна идея. Раз нашлось орудие у Тереспольских ворот, то почему бы им не воспользоваться по назначению. Подтянуть его на Западный остров, поближе к врагу, да ударить по мягкому подбрюшью. Сделать это можно только ночью, так что надо собирать и готовить людей, оружие и боеприпасы.

Спускаясь вниз по лестнице, обратил внимание, что у меня заработали часы. Вот ведь чудо чудное — весь день стояли, а тут вдруг пошли. Переводить стрелки часов не стал.

Внизу колдовавшие весь день с рациями связисты наконец-то смогли настроиться на Москву. Сначала были сигналы точного времени (я даже успел часы подвести), а затем диктор объявил о том, что к жителям страны с важным правительственным сообщением обратится товарищ Молотов. Все работы бойцами были заброшены, и они стали кучковаться вокруг радистов. Толкаясь и мешая им, стараясь как можно ближе подойти и услышать далекий, но такой родной голос Москвы. Видя такое дело, один из связистов подсоединил приемник к сохранившейся системе оповещения. И в 15 часов 38 минут под сводами клуба зазвучал голос Молотова:

«Граждане и гражданки Советского Союза.

Советское Правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством.

Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское Правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство не смогло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как Народному Комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского Правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло претензий Советскому Правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное

сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией.

Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским Правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполняют долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия, весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над

врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского Правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

(ЦГАЗ СССР. № П-253.)

Не знаю, кому как, но на меня это выступление произвело огромное впечатление. Не говоря уже об остальных бойцах. Устраивать митинг по данному поводу не стал. Зачем? И так все ясно и понятно сказано. Сейчас важнее оборону крепить, а не слова разводять.

В сопровождении неотлучного Никитина добрался до казармы батальона НКВД. Первым, кто меня встретил, был Шнейдерман. Тот сидел за уцелевшим столом и из котелка наяривал обалденно пахнувший суп. По его словам, завстоловой во время обстрела на кухне приготовил обед и всех бойцов накормил. В том числе и тех, кто находился по соседству в Тереспольской башне. Он и нам предложил перекусить, но мы отказались.

С момента нашей последней встречи внешний вид замполитрука претерпел изменения. Военная форма испачкана и порвана во многих местах. Фуражка помята. Голова и предплечье забинтованы. По словам Шимона Маркусовича, немцы с другой стороны Буга из артиллерийских орудий пристрелялись по казармам батальона. Все чаще в окна второго этажа стали влетать снаряды. Вот осколками одного из них его и ранило. Также повторные ранения получило еще несколько человек. Двое бойцов батальона погибли. Пополнение, прибывшее с лейтенантом Петлицким, также понесло потери. С ним вместе пришло тридцать человек. Из них шестеро уже погибло, так и не успев ни разу выстрелить по врагу. Осколки все чаще находят свою жертву. Ими безвозвратно повреждено несколько станковых пулеметов. Продолжать держать оборону на втором этаже стало значительно сложнее. Поэтому принято решение развернуть оборону по первому этажу. Петлицкий вместе с восемью бойцами около орудия в Тереспольской башне. Телефонная связь работает. Бойцов обеспечили водой. Продуктов на складе хватит на неделю.

Мы вместе обошли позиции, поговорили с бойцами. Их было немного — всего несколько десятков, поодиночке или по паре человек, занявших позиции у выходов и окон первого этажа здания. Некоторые кемарили,

прислонившись к стенам, но при этом крепко в руках сжимали оружие. Другие что-то жевали или тихо обсуждали, стараясь не мешать отдыхающим. Третьи пытались отремонтировать одежду, а один даже свежий подворотничок подшивал. С немецкого берега ухало орудие, и очередной снаряд впивался во внешнюю стену казармы. Бойцы на такие приветы с другого берега практически не реагировали. Только пулеметчики, не смыкая глаз, наблюдали за немецким берегом, готовые в любой момент открыть огонь. Всех интересовало, когда же подойдут наши, какая обстановка вокруг, когда погоним немцев на запад. Как мог, я отвечал на их вопросы. Рассказал об отражении танковой атаки и о захвате нескольких в качестве трофеев, выступлении Молотова.

У выхода из подвала лежало несколько трупов немцев. Что было странно, так как утром вроде бы все трупы вынесли. Об этом я и спросил Шимона. Тот пояснил, что несколько немцев в ходе нашей атаки спрятались под лестницей и не отсвечивали. Когда все немного успокоилось, они попытались прорваться к своим через баррикады на входе. При этом ранили нескольких бойцов, в том числе одного тяжело. Немецкая атака сорвалась благодаря Сарычеву, успевшему бросить вниз гранату. Сам герой получил легкое ранение в последовавшей за этим рукопашной.

Захар дежурил у телефона, баюкая левую забинтованную руку. При этом он перьевой ручкой заполнял какие-то бланки. Лицо у него было скорбным.

— Товарищ лейтенант, как хорошо, что вы вернулись! Вам из полка звонили, просили с ними связаться, как придете.

— Спасибо. Ты что это такой смурной сидишь? Рана беспокоит? Терпи. Ты вон какой герой. В одиночку сразу троих уложил и сам жив остался. А рана до свадьбы заживет.

— Да вот, — передавая мне стопку заполненных бланков, сказал Сарычев. — Тут печать надо поставить.

Лишь рассмотрев их, я все понял. Это были извещения о смерти на погибших бойцов. Только вот когда их отправлять придется, неизвестно. Тем не менее это дело нужное и своевременное. Поблагодарив, достал печать и пропечатал бланки. Попросил Захара их разобрать по военкоматам и запаковать, а замполитрука написать письма родственникам погибших бойцов с обязательным указанием места захоронения. Готовые письма потом отдать мне на сохранение. Будет возможность, с первой же оказией отправлю адресатам.

Глава 18. Самый длинный день. Вечер

По телефону Потапов попросил прибыть в Арсенал для обсуждения наших дальнейших действий. В бою за крепость наступила передышка. Звонящая тишина словно обволокла все вокруг, лишь иногда редкие выстрелы нарушали ее. Наступление тишины заметили все. Это было видно по удивленным и слегка смущенным взглядам бойцов. Была в этих взглядах и надежда. Надежда на то, что все закончилось и больше не будет смертей ставших такими родными и близкими товарищей по оружию. Как же тяжело было переносить эти взгляды и разрушать надежду о мире!

По дороге в Арсенал заглянул в Тереспольскую башню узнать, как дела. Там, на баррикаде, кипела работа — бойцы под руководством лейтенанта Петлицкого устанавливали «полковушку» и готовились открыть огонь. Кижеватова видно не было. По сообщению Петлицкого, того в связи с очередным ранением пришлось отправить в Арсенал. Туда же эвакуировали и остальных раненых. Вместо них подошло подкрепление, набранное из числа «подвальных сидельцев» Арсенала. Они доставили из полка боеприпасы, еду и воду. Установить орудие в казарму батальона НКВД не получилось — слишком узок проход в столовую. Орудие в арке ворот может только отразить атаку по мосту со стороны Западного острова и вести обстрел острова по наводке корректировщика, разместившегося в башне. Связь с ним по телефону. Связисты нашли склад рядом с Трехарочным мостом роты связи 455-го полка. Вот и расстарались. Немцы пока активности не проявляют. Засели на Западном и постреливают в сторону цитадели. Наши стараются не отвечать, сберегая боеприпасы. В северной части острова периодически идет бой с использованием стрелкового оружия. Артиллерии не слышно.

Баррикада у Арсенала выросла в высоту и ширину. Несколько бойцов, раздобыв лопаты, набивали землей мешки и укладывали их в баррикаду. Трупы, лежавшие здесь с утра, были сложены в большую воронку на спортивной площадке между Арсеналом и клубом. Сюда же сносились трупы и из Арсенала. По словам одного из бойцов, со стороны плаца тоже есть могила, расположенная в воронке недалеко от входа в подвал.

В коридоре Арсенала царило спокойствие и порядок. У баррикады и окон, выходящих на Бригитский проезд, стояли часовые и наблюдатели. И что самое интересное, у них у всех под рукой были противогазы. Что-то не помню я насчет применения немцами химоружия, а дым пожара,

несущийся из казарм 44-го полка, не настолько сильный, что его нельзя вытерпеть. На полу прибавилось гильз. Расспросив о Потапове, в штабной комнате у дежурного лейтенанта узнал, что тот в подвале пытается поставить людей в строй.

В лазарете казармы практически все кровати были заняты ранеными. Недалеко от входа в расположение Самойлов на нескольких сдвинутых вместе кроватях и письменных столах развернул перевязочный пункт. Здесь он сортировал раненых, обрабатывал раны и менял повязки. Ему помогал парень в белом медицинском халате. Еще несколько бойцов разносили раненым воду и еду. Увидев меня, Григорий хотел доложить, но я его остановил. Пусть занимается ранеными, все, что нужно, я и так увидел. Если что будет надо, скажет.

В ротной канцелярии нашелся Кижеватов. Если бы не пограничная фуражка и планшетка, я бы его не узнал. Так сильно он изменился. Умытый, перебинтованный чистым бинтом, одетый в новую солдатскую гимнастерку, он отдыхал, положив голову на дужку кровати. Будить его не хотелось. И так человеку сегодня досталось. Вон весь забинтован — голова, левое плечо. Ссадины на лице и кистях рук. Так что пусть отдохнет, пока еще есть возможность.

Вообще это неправильно, что командиру негде нормально отдохнуть и привести себя в порядок. Ведь от того, как он отдохнул, зависят принимаемые им решения и жизни его бойцов. Война не отменяет принятия пищи и водных процедур, смены белья и ремонт обмундирования. Да и просто уединиться иногда хочется. Расслабиться, водки, наконец, выпить с друзьями. И так все время на виду. Все на тебя смотрят и по тебе оценивают ситуацию. В полевых условиях все проще — отдельный блиндаж для командного состава есть, а тут, в крепости, увы. Тем более что кабинет лейтенанта в здании погранзаставы разбит, а другой предложить никто не спешит. Кстати, мне самому тоже надо будет подумать, где бросать свои кости на кровать. Интересно, а моя комната здесь цела? Вроде бы в ту часть Арсенала попал тяжелый снаряд и были разрывы. Чего гадать, вон мой боевой посыльный заскучал, сидит с задумчивым видом и смотрит в одну точку. Пусть сходит, проверит и заодно проветрится.

Получив очередное поручение, мой верный Санчо Панса, подхватив автомат, покинул меня. Но долго в одиночестве мне быть не пришлось.

Меня нашел Потапов, узнавший от дежурных, что я пришел в Арсенал. Уставший, взбудораженный, с перебинтованной рукой и свежей царапиной на щеке, он был совсем не похож на того, каким я его знал еще

ночью. По его рассказу выходило, что принятыми мерами из подвала удалось вывести полторы сотни бойцов. Все они привлечены к обороне. В подвале продолжают отсиживаться примерно раза в два больше. Но с ними продолжают работать. После моего ухода немцы обстреляли территорию то ли дымовыми, то ли химическими снарядами. Всем пришлось надевать противогазы и отражать немецкую атаку. Немцы, воспользовавшись временными мостками через разрушенный мост и Бригитский проезд, прорвались в цитадель. Они ворвались в примыкающие к проезду казармы и под прикрытием зенитной установки направились к Арсеналу. Дежурные пулеметчики у подвала вовремя сообразили, что к чему, открыли огонь и задержали врага. Потом подключились и артиллеристы, подавившие зенитку и загнавшие врага обратно в арку проезда. Окончательно немцы были отброшены контратакой бойцов из школы 44-го полка и Арсенала. Враг бежал на противоположный берег Мухавца. Преследовали их до выхода на берег Мухавца, дальше не получилось — слишком плотный огонь открыли с той стороны. Особенно досаждал пулемет, установленный на главном валу в районе переправы. Нашим бойцам пришлось укрыться в арке проезда и полубашне. При этом наши потери составили около тридцати человек убитыми и ранеными, одно орудие было разбито. Немцев погибло около пятидесяти. Взято много трофеев, в том числе зенитный автомат и боеприпасы к нему. После контратаки немцы перешли к обороне, закрепляясь в захваченных зданиях и конюшнях. Артобстрел крепости тоже прекратился.

Рассказывая, Саня эмоционально размахивал руками и был так неаккуратен, что разбудил пограничника. Андрей присоединился к нашему обмену новостями. Я рассказал о столь неудачно сложившейся танковой атаке на Трехарочный мост и захвате в качестве трофеев нескольких штук. Наш разговор прервался Самойловым, сообщившим о прибытии очередной группы раненых, в том числе и нескольких тяжелых. Григорий просил разрешения занять канцелярию под них. Пришлось нам перебазироваться в штабную комнату, где и продолжили строить планы на предстоящую ночь.

В течение дня мы оборонялись, а немцы нас пытались выбить из укреплений. Долго длиться это не могло, рано или поздно, но враг расстреляет артиллерией наши позиции. Поэтому я предложил перейти к активным действиям. Мое предложение заключалось в проведении ночной атаки на Пограничный остров с целью соединения со сражающимися там пограничниками и очистки острова от врага. В дальнейшем можно было бы занять позиции по передовому валу, блокировав Варшавский проезд, и

занять недостроенные доты в южной части острова. Кроме того, если получится перекатить туда орудие, можно будет обстреливать немецкую сторону Буга. Идею горячо поддержал Кижеватов, начавший тут же рисовать схему острова и расположения объектов на нем. Наш пыл попытался остудить Потапов, указавший на то, что немцы не отойдут с занимаемых позиций. Пришлось в качестве довода приводить «слоеный пирог», в который на острове попали немцы. Из средств усиления у них только стрелковое оружие, артиллерию наблюдатели так и не обнаружили. Снайпера в значительной степени проредили ряды врага, и те усиленно ищут укрытия от их огня. Поэтому неожиданный удар со стороны цитадели имел все шансы на успех. Сейчас атаковать смысла нет. Только людей потеряем. Ночью наши шансы на победу увеличатся. Выслушав наши доводы, Саня снял свои возражения.

На остров можно было прорваться по дамбе и мосту, то есть мы можем, разделив атакующих на два отряда, сбить завесу врага и продолжить наступление на запад. Ударный отряд было решено собрать из пограничников и моих бойцов из батальона НКВД, общей численностью порядка ста человек. С собой они понесут боеприпасы, продовольствие и воду обороняющимся, снаряды к орудию. В качестве резерва должны были выступить бойцы из нашего полка, расположенные в Тереспольской башне и барбакане. Орудие и расчет решено было взять у Тимофееенко, оставив орудие Петлицкого оборонять Тереспольские ворота. Он же должен был возглавить оборону участка Кольцевых казарм от 84-го полка до Бригитского проезда. Пришлось вызывать обоих на совещание. С их приходом обсуждение возобновилось. Они предложили с целью сокращения потерь орудие на ту сторону перетянуть на тросах. У Тимофееенко осталось только одно орудие, второе было уничтожено взрывом боекомплекта. Артиллеристов очень вдохновила информация о наличии трофейных самоходок, пусть даже и неисправных.

— Все можно отремонтировать. Было бы только что ремонтировать и те, кто мог бы их отремонтировать. А у нас такие найдутся. Тем более сами сказали, что танкисты есть. А мы с любым орудием разберемся. Главное, чтобы было из чего стрелять и боеприпасы к нему, — сказал Тимофееенко и попросил передать их под его командование. Мы были не против. И Виталий направился изучать вверенные ему трофеи.

Одной из проблем, которую нужно было решить до атаки, — это пулеметное гнездо немцев на валу Северного острова. Пулеметчики держат под своим огнем Тереспольский мост и участок Кольцевых казарм до барбакана Трехарочного моста включительно. Мы его уже пытались

подавить, обстреляв из орудий. Но немцы, понимая его значение, снова восстановили позицию у переправы. Решение этой задачи взял на себя Петлицкий, пообещав подавить врага. Наше совещание прервалось с прибытием полкового комиссара, обходившего участки обороны. После взаимного приветствия и знакомства он присоединился к нашему совещанию. Для начала он рассказал о том, что видел в других частях цитадели. Новости откровенно не радовали. Немцы захватили Южный остров, но Холмские ворота не атакуют, занимаясь зачисткой острова. Там периодически вспыхивают перестрелки. Под огнем врага оказались Белый дворец и Инженерное управление. Сообщение с ними затруднено. После чего предложил нам доложить обстановку в районе Арсенала. Докладывал Потапов, он же озвучил и наши предложения. Фомин их одобрил. Что и было оформлено приказом № 1 по гарнизону крепости Брест. Этим же приказом за комсоставом закреплялись участки обороны. Звания и фамилии диктовал полковой комиссар, а проект приказа написал Саня Потапов. Он же возглавил штаб обороны крепости.

Пока остальные обсуждали дальнейшие действия, мое внимание привлек скромно стоявший в дверях Никитин. Давно не виделись. Минут двадцать точно, интересно, где он все это время пропадал?

— Товарищ лейтенант. Ваше приказание выполнено. Комната ваша цела. Разнесло бомбой соседний отсек. У вас только стекла повыбивало и штукатурка слегка осыпалась. А так все цело. Бачок с водой стоит. Даже чемодан, мебель и постельные принадлежности не пострадали. Я там прибрал немного, — объяснил он свою задержку. — Я так понял, что вы хотите там опять квартировать. Так договорился с парнями, они туда мешков с землей натаскают и окна заложат, чтоб, значит, осколки не залетали. А еще связисты телефон с этажа туда перенесут.

— Вот спасибо, Виктор! Даже не знаю, что бы без тебя делал.

— Да ладно вам, товарищ лейтенант, — смущаясь и слегка розовея от похвалы, сказал верный порученец. — Я туда патронов к автомату пару ящичков принесу. Ребята со склада набрали. Майоров без счета всем выдавал, только заberi. И формы командирской. Тоже со склада забрали.

— И они не помешают. У нас командиры без приюта остались, так ты и на них тоже рассчитывай.

— Понял, все сделаю. Разрешите выполнять?

— Конечно.

Вот что бы я делал без такого помощника? Пришлось бы спать в казарме вместе со всеми, в тесноте и запахе, а так в отдельной комнате. Запах хоть будет тот же, но все равно приятно. Насчет остальных

командиров я ведь не шутил. Были у меня планы на этот счет. И первым, кто под них попадал, был пограничник.

— Андрей, слушай, пойдем ко мне в комнату, отдохнем. Не будем народу мешать и строить наполеоновские планы. Нам выходить все равно не ранее полуночи. Так что вполне можно сил набраться. Часа три-четыре вполне можно отработать взаимодействие щеки с подушкой. Ночью поспать все равно не удастся, а так хоть дадим костям отдохнуть. Ведь еле на ногах держишься. Если потребуемся, то нас вызовут.

И Кижеватов согласился.

Но насладиться отдыхом нам не пришлось. Сначала на цитадель обрушился довольно сильный шквал артиллерийского огня. По сравнению с утренним он был значительно слабее, но все равно неприятно, когда вокруг все грохочет и взрывается. А после его завершения вбежавший дежурный сообщил о том, что на Северном острове происходит сдача бойцов в плен. Так, вечер перестает быть томным. На НП дежурили мои бойцы, вот мне и пришлось идти разбираться в ситуации. От них я узнал следующее. По окончании немецкого артобстрела на Северном острове, в районе казарм 125-го полка, казематов у Северо-Западных ворот стали появляться наши бойцы с белыми тряпками вместо флагов в руках. Сначала это были одиночки, но сейчас сдаются и группами. Среди них замечены и командиры. Из казарм и Домов командного состава продолжающие обороняться ведут по ним огонь, но это не останавливает, а только подстегивает сдающихся. Сколько сдалось? Много. Человек сто — не меньше, многие шли без оружия. Раненых среди них мало, всего несколько человек. Шли своим ходом, без принуждения.

Не доверять своим парням было выше моих сил. Смысла им врать или вводить командование в заблуждение не видел. Да, весело. День еще не кончился, а тут такие новости.

Не сказать, чтобы очень уж неожиданные, но согласитесь, очень уж неприятные. В доступной литературе этот вопрос старательно избегался. В тех документах, которые по службе мне периодически удавалось просмотреть, чаще всего писалось, что в плен попал в бессознательном состоянии. На немецких карточках отметки о том, в каком состоянии и при каких обстоятельствах военнопленный попал к ним в плен, не указывались. Весь день держались, а тут вон сдаются без напора со стороны врага. Ладно бы в бою, исчерпав все возможности для сопротивления. А не вот так, просто взяв и выйти сдаваться врагу. Зачем??? Ведь еще ничего не решено и можно продолжать сражаться. Да, мы в окружении. Да, есть потери, и не маленькие. Но немцы за весь день,

несмотря на весь свой огонь и прилагаемые усилия, на Северном острове не смогли прорваться дальше конюшен 125-го полка. Кроме того, им пришлось самим повсеместно перейти к обороне. Или это сдаются «западники»? Тогда их можно понять — у них абсолютно нет никаких причин сражаться за Советскую власть. За те полтора года, что мы здесь, она еще не стала им своей. Что ж, каждый выбирает свой путь сам.

Мои размышления прервал очередной звонок. Теперь уже от Тереспольских ворот. Со стороны Западного острова немцы приглашают представителей нашего командования на переговоры. Встреча через час на Тереспольском мосту.

О чем мною и было доложено полковому комиссару и остальным присутствующим в штабной комнате. Возник вопрос: кто пойдет на встречу с немцами? Кандидатуры Фомина и Потапова отпали сразу же. Остальные командиры тоже не сильно подходили. В итоге было принято решение, что на переговоры отправится начальник 9-й погранзаставы лейтенант А. М. Кижеватов и я. Он как пограничный комиссар, а я как сбоку припеку. Точнее, как знающий немецкий язык и в качестве ассистента. Вместе с нами отправлялся и отставший от своих красноармеец — трубач из нашего музвзвода.

Что можно сделать в армии, в осажденной крепости, за полчаса перед первой официальной встречей представителей враждующих сторон? Очень многое. Например, сменить подворотничок и начистить до зеркального блеска сапоги. Привести в порядок морду лица, выскоблив всю поросль на ней. Да и вообще умыться не помешает и руки с мылом помыть. Все это мы с Андреем и успели сделать. Много не сами. Нашлось несколько добровольных помощников, которые нас освободили от забот по приведению военной формы в надлежащий вид. Не идти же нам к «просвещенному Западу» в затрапезном виде? Андрею нашли и подготовили комплект формы старшего командного состава. Мою же парадку Никитин просто измучил щеткой, вычищая несуществующую пыль. Нашли нам и фуражки. Кижеватову — пограничную, пусть и слегка потрепанную, но зато чистую. А мне, как ни странно, Виктор достал войск НКВД.

— Для солидности, — уверенно сказал он. Спорить я не стал. В чем-то он был прав.

**Боевой приказ № 02., Штарм 4, Запруды, 22.6.41 18.30
(РИ):**

Карта 100 000

1. Противник бандитски напал на советские города и потеснил наши части в восточном направлении.

2. Части 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступление в обход Брест с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Зап. Буг.

Удар наносят 14-й механизированный корпус совместно с 28-м стрелковым корпусом и скоростным бомбардировочным авиационным полком 10-й смешанной авиационной дивизии. 75-й и 49-й стрелковым дивизиям продолжать удерживать занимаемый рубеж.

3. 14-му механизированному корпусу (22, 30-я танковые и 205-я моторизованная дивизии) с утра 23.6.41 г. нанести удар с рубежа Кривляны, Пилищи, Хмелево в общем направлении на Высокое с задачей к исходу дня уничтожить противника восточнее р. Зап. Буг.

На правом, заходящем фланге иметь 30-ю танковую дивизию и для развития успеха и прикрытия правого фланга — 205-ю моторизованную дивизию. Атаку танков поддерживает 6-й скоростной бомбардировочный авиационный полк 10-й смешанной авиационной дивизии.

4. 28-й стрелковый корпус наносит удар своим правым флангом (6, 42-й стрелковыми дивизиями и батальоном танков 205-й моторизованной дивизии) в общем направлении на Брест, имея задачей к исходу дня занять Брест.

5. Атаку начать в 5.00 23.6.41 г. после 15-минутного огневого налета.

6. Границу до особого распоряжения не переходить.

7. Командный пункт — Запруды.

8. Донесения присылать через каждые два часа.

9. Командирам частей принять решительные меры по обеспечению частей ночью боеприпасами (Бранна Гурна, Пинск) и горючим (Кобрин, Оранчицы).

Командующий войсками 4-й армии
генерал-майор Коробков

(Ф. 226, оп. 2156сс, д. 67, лл. 2, 3.)

Сверкая сапогами и амуницией, освежая все вокруг запахом не самого дешевого одеколona из моих запасов, в свежих и чистых гимнастерках, за двадцать минут до назначенного времени мы стояли на последнем инструктаже у полкового комиссара. О чем говорить с немцами, о чем нет, и так было понятно. Но и просто так уйти без инструктажа было невозможно. Старшим из нашей троицы был Андрей. Ему и вести переговоры. Я же должен был при необходимости помочь с переводом и обеспечить отход, если все сорвется.

За пять минут до назначенного места мы были в арке ворот. Здесь же наготове стояла телега в сопровождении нескольких бойцов. Все настороженно всматривались в Западный остров. Там тоже бликала оптика. Напряжение нарастало, словно снежный ком. Стрелки часов медленно двигались вперед. Наконец на той стороне моста появилось несколько немецких солдат с белым флагом в руках, повторивших предложение о переговорах. Наш трубач сыграл сигнал, и мы тронулись в путь. С немецкой стороны нам навстречу выдвинулось несколько офицеров и солдат. Наша встреча произошла ровно посередине моста. Нас разделяло всего несколько шагов.

Перед нами стояли капитан и лейтенант вермахта в сопровождении двух унтер-офицеров. Все в полевой форме. На погонах муфточки, закрывающие номер полка. Пуговицы на погонах пустые. На головных уборах знаки отличия полков отсутствуют. С ходу и не разобрать, кто они и откуда. Приборный цвет у всех белый, а у капитана золотисто-желтый. Насколько я разбираюсь, гауптман из разведки или разведбата. У офицеров и одного из унтеров штурмовые знаки и нашивки за Францию. Военную форму носят давно. Было заметно, что они слегка озадачены нашим внешним видом. Слишком уж чисто и аккуратно мы выглядели на их фоне. Немцы тоже готовились и даже щеткой прошлись по форме. Но по сравнению с нами выглядели бедными родственниками из захолустья.

Разговор шел на немецком языке, хотя гауптман мог вполне прилично говорить по-русски. После отдания воинского приветствия он представился и протянул Кижеватову для пожатия руку. Тот руки не подал. Указав на трупы немецких солдат и тела защитников крепости, не убранные с поля боя, Андрей сказал: «Твои руки внешне очень чисты, а на самом деле облиты человеческой кровью. Скажи, за что эти люди погибли?» Немец ничего не ответил на вопрос и передал требование сложить оружие:

— Во избежание лишних жертв немецкое командование, — уверенно

заявил он, — предлагает прекратить оборону крепости, так как в этом нет смысла. Немецкие войска уже взяли Кобрин.

Кижеватов обещал передать все сказанное командованию гарнизона. Но наш ответ будет однозначно отрицательным. Вражеский парламентар пригрозил, что если не будет поднят белый флаг, то на пощаду рассчитывать не стоит. На что получил уже ответ от меня:

— Вы очень сильно ошиблись, решив напасть на Россию. Зря вы не послушались своего Бисмарка. И не говорите потом, что вас не предупреждала ваша же история... Главное, мы не сдались и будем сражаться дальше. Чтобы взять крепость, вам придется заплатить цену многими своими жизнями...

Единственное, о чем было достигнуто соглашение, так об уборке трупов, лежащих на нейтральной полосе. С обеих сторон выделялись солдаты для их сбора и вывоза. Предвидя такой исход событий, мы это заранее подготовили и согласовали свои действия. Именно для этого в арке и была подготовлена телега с бойцами. Специально туда парней отбирали. Я дал команду, и они приступили к работе. Аналогичной работой занялись и немцы.

До окончания работ нам, обеспечивая безопасность находящихся на нейтралке, придется задержаться на мосту. Часа на полтора, не меньше. Беседовать с парламентарями желания не было, хотя им этого явно хотелось. Андрей в любое время мог «поплыть» от ран, и так серый стоит. Оставив по одному человеку с белым флагом в руках на месте, мы отошли с середины моста к перилам и наблюдали за деятельностью солдат. Немцы больше прислушивались и смотрели на нас. Стоял прекрасный летний вечер, легкий и прохладный ветерок обдувал кожу и поднимал мелкую волну в Мухавце. А он, не обращая внимания на войну, спешил на соединение с Бугом. Хотелось снять форму и залезть в такую восхитительную и прохладную воду, забыть обо всем на свете. Вон немцы, воспользовавшись затишьем, устроили купание на своем берегу Буга. Даже отсюда видны их бледные тела, поднимающие кучи брызг. Словно и войны нет. Даже злость берет от такой идиллии. Ох уж доберусь я до вас, будете знать почем фунт лиха.

Несмотря на весь трагизм ситуации, чтобы отвлечься, предложил Андрею хлебнуть коньячку из фляжки. Он согласился. Мы стояли, по глоточку пили коньяк, наслаждались летним вечером и реакцией немцев. Это надо было видеть. Особенно немецкие морды и их изменения. Сначала они были служебными, затем скорбно унылые. Потом сменились на недоумевающие, а в конце просто завистливые. Особенно когда мы

слегонца пролили коньячку. Конечно, это было мальчишеством с нашей стороны, вот так в одиночку наслаждаться отличным коньяком. Но мы никого в гости не приглашали. Так что пусть завидуют неудачники, раз не озаботились заранее требуемым. А у меня был для них еще один сюрприз. Если троллить врагов, так троллить как следует. И, подмигнув Митрофановичу, я вполголоса запел довольно известную немецкую песню. Ее довольно часто можно было услышать с немецкой стороны:

Возле казармы, в свете фонаря,
кружатся попарно листья сентября.
Ах, как давно у этих стен
я сам стоял,
стоял и ждал
тебя, Лили Марлен,
тебя, Лили Марлен.

Услышав начало песни, немцы вроде бы даже взбодрились. Унтер так даже головой закивал в такт. Но затем резко они стали серьезней. Так знакомый им текст был с некоторыми неприятными изменениями, взятыми мной из другой жизни:

Если в окопах от страха не умру,
если мне русский снайпер не сделает дыру,
если я сам не сдамся в плен,
то будем вновь
крутить любовь
с тобой, Лили Марлен,
с тобой, Лили Марлен.

Лупят ураганным, Боже, помоги,
я отдам Иванам шлем и сапоги,
лишь бы разрешили мне взамен
под фонарем
стоять вдвоем
с тобой, Лили Марлен,
с тобой, Лили Марлен.

Есть ли что банальней смерти на войне

и сентиментальней встречи при луне,
есть ли что круглей твоих колен,
колен твоих,
Ich liebe dich,
моя Лили Марлен,
моя Лили Марлен.

Кончатся снаряды, кончится война,
возле ограды, в сумерках одна,
будешь ты стоять у этих стен,
во мгле стоять,
стоять и ждать
меня, Лили Марлен,
меня, Лили Марлен.

— Ну, и что ты скажешь об этих молодцах? — не отрываясь от бинокля, спросил один пожилой офицер вермахта другого. В течение всего времени встречи они рассматривали с нескольких сотен метров стоящих на мосту молодых командиров НКВД.

— Один из них нам знаком. Это начальник 9-й погранзаставы, охранявшей здесь границу, лейтенант Кижеватов. Пограничник ранен, но скрывает это. Второго вижу впервые. Возможно, на днях прибыл в полк или батальон НКВД. В нашей картотеке его нет. Это я могу заявить точно. Более подробно о нем можно будет узнать после захвата здания НКВД. Отряд еще с утра там действует.

— Ты заметил, как они ведут себя? Слишком уверенно для тех, кто целый день отбивал наши атаки и находился под нашим обстрелом. И слишком они чистые. На одежду с чужого плеча не похоже.

— Согласен. Конечно, русские мастера пускать пыль в глаза. Могли и специально подготовиться для такого случая. Но мне в это не верится, тут другое дело. Форма на обоих сидит хорошо, обмята в достаточной степени. Разве что у пограничника поновее. Они друг другу не подчинены, как минимум равны в должностях. Меня очень заинтересовал второй. Не похож он на простого чекиста из войск. Уж поверь мне, я на них разных насмотрелся. Этот другой. Совсем другой типаж, мне совершенно неизвестный. Может быть, из числа преподавателей их курсов, что были здесь?

— Может быть. Но мы вроде бы имеем картотеку на всех. А он вообще

русский?

— Русский. Я могу это гарантировать. И могу утверждать, что они давно дружат с пограничником. Возможно, сюда прибыли новые части из глубины страны, а мы этого не заметили. Есть вероятность, что здесь встретились старые знакомые.

— Это может повлиять на наши планы по взятию крепости?

— Не знаю. Вряд ли. Им нас не остановить. Днем раньше, днем позже, но мы крепость возьмем. Жаль, что все пойдет по польскому сценарию. Придется повозиться.

— Не думаю. Сколько поляки здесь продержались? Дня три?

— Да. Они оборонялись с 14 по 17 сентября 1939 г. от 10-й танковой и 20-й моторизованной дивизий. Но поляки заранее готовились к обороне. Все подходы к крепости были заминированы, танки были расставлены на валах. Русские этого сделать не успели. Так что шансы на быстрое овладение крепостью у нас есть.

**Суточное донесение командира 45 I.D. генерал-майора
Фрица Шлипера в штаб XII A.K. от 22.06.1941. (АИ):**

45-я дивизия. Дивизионный командный пункт 22.6.41

Отдел Ia

Относительно: суточное донесение штабу XII A.K.

1) В полосе боя I.R. 130 нападение проходило планомерно.

I.R. 135, после того как враг преодолел первый страх, наткнулся на значительное сопротивление, особенно на Северном острове и укреплении Центральной цитадели.

На момент этого донесения Западный остров был твердо в наших руках после пропуска I.R. 130 введенных здесь в бой частей I.R. 133; Южный остров в настоящее время еще чистится.

Северный остров был наполовину взят I.R. 135 с тяжелыми потерями. В начале нападения при непосредственном использовании артподготовки его подразделениям удалось занять укрепление Центральной цитадели. Тем не менее здесь настолько скоро ожило вражеское сопротивление, что 40 рядовых I.R. 135 были окружены русскими и до сих пор не могут деблокироваться.

2) Еще в течение второй половины дня I.R. 130 главными силами наносил удар к северу от Мухавца, достигая дневной цели — высоты 144.

I.R. 133 в ходе боя очистил от противника Западный и снова взятый Южный острова и твердо удерживает их в руках.

I.R. 135 взял западную половину Северного острова, однако, согласно приказу, с наступлением темноты возвращается к северному валу Северного острова и держит его.

3) Согласно приказу Rgt. Stb.d. Nbl. Tr.z.b. V.4, с Nbl. Abt.8 и Entg. Abt. 105, а также Batt. 833 выбыли из подчинения дивизии. Вероятное повторное использование для поддержки дивизии частей тяжелой артиллерии в составе Arko 27 смотри пункт 6 Б.

4) Все резервы введены в бой.

5) Командный пункт дивизии еще не переносился. Командные пункты I.R. 130, I.R. 133, I.R. 135 и A.R. 98 смотри прилагаемую схему 1:100.000.

6) а) Изоляцию ядра цитадели и Северного острова по линии восточная окраина Западного острова — северная окраина Южного острова — железнодорожные линии к северу от цитадели — северный вал Северного острова. Обеспечение достигнутой на восток линии.

б) Подготовка постоянного нерегулярного беспокоящего огня по укреплению Центральной цитадели и Северному острову.

с) Ночью предотвращение вражеских попыток прорыва из укрепления Центральной цитадели и Северного острова.

д) Разоружение населения города Бреста и окончательное умиротворение города.

7) Полностью еще нельзя подсчитать.

8) Движение через Буг: временный мост на южном конце магистрали № 1 — окружной дороги цитадели.

Подпись (*Шлипер*)

По завершении работ мы, отдав воинское приветствие на прощание, покинули мост четким строевым шагом. Что толку там торчать или о чем еще вести переговоры? Наш ответ им известен. Менять его мы не собираемся. Да еще коньяк во фляжке закончился, а у меня в просторах чемодана еще одна бутылка случайно затерялась.

— Ну, вы и наглецы! Разное видел, но такой концерт в первый раз, — весело прищуривая глаза, приветствовал нас в арке ворот полковой комиссар. — Кто же вас учил так с врагом на переговорах себя вести? Это же надо было так умудриться их оскорбить! Сами стоят, пьют, а с

парламентерами не делятся. Что, кстати, пили? То, что не воду, я понял сразу.

— Коньяк. У меня во фляжке был. И вообще мы жадины. Нам своей земли и выпивки для врага жалко. Так что обойдутся, — ответил я под одобрителный смех окруживших нас бойцов.

— Правильно. Так и надо. Врагу ни пяди родной земли не отдадим. Пойдемте, расскажите, как все прошло.

О переговорах рассказывал Кижеватов. Я же добавил свои впечатления и сомнения. Меня очень интересовал вопрос: с какой целью немцы затеяли эти переговоры? Передать свои требования о капитуляции можно было бы и другим путем. Убрать павших, конечно, дело благородное. Только вот тоже на основную цель не тянет. Остается одно — хотели попытаться узнать, кто им противостоит в цитадели. Здесь они по минимуму пехотный батальон потеряли, для них это серьезно. Пленных у них хватает, поэтому нумерацию воинских частей и их ведомственное подчинение они уже знают. Что же тогда нового могла принести личная встреча на мосту? Неужели просто посмотреть на нас, таких молодых, красивых и безбашенных? И на основании этого решить, как действовать дальше? А ведь верно. Нет и не может быть других поводов. Надеюсь, мы показали, и немцы больше не решатся на атаки.

Скоро ночь, а мы готовы только условно. Пора заняться подготовкой к атаке вплотную. Ну, а коньяк подождет, и без него проблем по самое не хочу.

Собрав сержантов обоих отрядов, снайперов, «егерей» и «панцирников», рассказали о плане атаки. По схеме Андрея отработали маршруты движения и спланировали атаку на немцев. План был достаточно прост. До наступления темноты снайпера и пулеметчики должны как можно больше выбить немцев на позициях у моста и дамбы. Кроме того, они должны пройти и по Южному острову, уничтожая наблюдателей и пулеметчиков. Около полуночи я с отрядом «егерей» и «панцирников» должен был ударом от Тереспольской башни прорваться на Западный остров и закрепиться у моста. После этого выступал Андрей со своими пограничниками и частью бойцов батальона НКВД. Дальше мы должны разделиться. Я со своими бойцами выдвигаюсь к Варшавскому проезду и атакую находящихся там немцев. А Кижеватов состыкуется с пограничниками на Западном, организует зачистку острова в северной части. «Конвойцы» с помощью 333-го полка перекатывают орудие на остров и вместе с артиллеристами ждут дальнейших указаний. План мы обсасывали со всех сторон. Нашлось достаточно много бойцов, которые

неоднократно бывали на острове и знали, что и где находится. Много вопросов возникло по недостроенным дотам на западном валу. По словам Кижеватова, они были в основном готовы, но стояли без вооружения и боеприпасов. Держать оборону там, в принципе, можно. Был очень большой соблазн их захватить и использовать по назначению. Поэтому с разрешения Фомина и Потапова из артиллеристов и пулеметчиков полка сформировали несколько специальных групп для их захвата и удержания.

Обсудили план еще несколько раз, рассмотрев все возможные сценарии событий. Раздав бойцам ЦУ, мы с Андреем, наконец, смогли позволить себе отдохнуть.

Предупредив Потапова, что мы будем на втором этаже, оставили его в компании полкового комиссара и еще пары подошедших командиров. Комната была практически такой же, какой я ее оставил. Осколки стекол убрали, на моей тумбочке появился телефон, а у бачка с водой целых две эмалированные кружки. В качестве бонуса на столе стоял большой и помятый чайник с чаем. А рядом с ним красовалась большая кружка с сахаром. Даже свежее постельное белье по числу кроватей присутствовало. Ну, чем не рай на грешной земле для военного человека? И его совершенно не портили несколько ящиков с патронами к «ТТ» и «нагану». По-моему, так совсем наоборот, только украшали.

Тянуть время смысла не было, и, раздевшись, мы залегли в свои кровати. Сначала все никак не удавалось уснуть и оба ворочались, но вскоре усталость взяла свое. И здоровый храп наполнил комнату. Взаимодействие с подушкой пошло полным ходом. Дежурный знал, что будить нас надо в 22 часа, если, конечно, не будет чего-нибудь срочного и чрезвычайного.

«...К вечеру 22 июня немецкие танковые соединения, продвинувшись от границы на 50–60 километров, захватили Кобрин. Здесь, как и на правом фланге фронта, в связи с отсутствием на тыловых оборонительных рубежах заблаговременно развернутых резервов создавалась реальная угроза глубокого прорыва неприятельских войск и охвата ими левого фланга главных сил Западного фронта...»

(История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 2. С. 20.)

Распоряжение командующего Arko-27 Фридриха фон Кришера о ведении заградительного огня в ночь на 23.06.1941 г., отмене артподготовки, назначенной на 23.06.1941 г., и ведении по цитадели беспокоящего огня (РИ):

Командующий Агко-27. Командный пункт, 23.6.41.
Ia ор. N3. 00.30 ч.

1) К ночи против отдельных попыток прорыва на север окруженного на Центральном острове противника III/ 98 и 1/99 нужно подготовить следующее сосредоточение заградительного огня:

к северу от северного рукава Мухавца по обе стороны ключевой улицы, ведущей на север от Центрального острова: 1/99 по самой улице и на восток от нее III/98 налево от улицы.

Открытие огня — по кодовой команде Arko «Scharnhorst».

2) Указанная в приказе Arko 27 N2 Ia ор. от 22.6.41 артподготовка для нападения 23.6.41 отменяется.

Тем не менее проводимая подготовка к ведению беспокоящего огня с 05.00 ч. 23.6.41 остается действительной в случае отдания кодовой команды «Кройцнах». Согласно «Кройцнах», мортирные дивизионы (854 и Галля) 1/99 и 3/Nbw. Abt.6, а также Battr.833 ведут огонь по предусмотренным в «Блюхер» районам. Nbw. Abt.8 участия не принимает.

Расход боеприпасов на час: Мортирные батареи 10 выстрелов s. F.H.Battr. 20 выстрелов Nbw. Battr. 60 выстрелов Battr.833 2 выстрела.

Ведение огня: в течение часа шквалы беглого огня — и соответственно огневые налеты нерегулярно чередуются с отдельными выстрелами.

Получение сообщения о погоде от 1/99 сохраняет силу.

Его нужно повторять еще раз 03.00 ч. и получить в Arko.

3) 23.6.41 в западной части Брест-Литовска должен занять позиции 1/98 для поддержания блокирующих цитадель с востока, вдоль железнодорожной линии Волынка — Брест частей I.R. 133. Он устанавливает связь с действующим там батальоном I.R. 135. Район действия к северу от течения Буга — Мухавца и по Центральному острову.

фон Кришер

*(Источник: ВА-МА RH 26–45 34 «Meldungen und
Funksprüche».)*

Глава 19. В осаде

В ночь с 22 на 23 июня наши на Северном острове пошли в массовый прорыв из крепости. Это оказалось полной неожиданностью как для немцев, так и для нас — мы не успели связаться с защитниками Домов начальствующего состава и договориться о совместных действиях. Ребята ударили в районе люнетов Северных ворот и, прорвав оцепление, ушли из крепости. При этом устроили немцам такую бучу, что чуть нам всю обедню не испортили. Хорошо еще, что к этому времени мы уже успели снять все немецкие передовые дозоры с дежурными расчетами и выйти на позиции для атаки на расположение вражеских пулеметчиков у Варшавского проезда. В итоге, когда те проснулись и бросились занимать свои позиции, устроили им теплый и жаркий прием.

Все-таки хорошие у нас получились бесшумки! Только находящиеся рядом со снайперами бойцы, прикрывающие стрелков от наиболее активных немцев, и слышали, как они работали. С дистанции 30–100 метров действовать по достаточно плотной группе немцев, расположившихся на отдых с западной стороны вала, было просто одно удовольствие. К тому же, в соответствии с вбитыми на многочисленных тренировках навыками, командир пулеметчиков запустил осветительную ракету, обозначая свое положение и заодно подсвечивая местность. Вот только предоставленное немцами освещение помогло нам гораздо больше — они так и не смогли понять, откуда к ним летит смерть, продолжая устилать вал своими телами. И ведь никто из них не подумал броситься к паромной переправе на другой берег Буга! Нет, они стремились вперед на восток. Мы действовали из «СВТ» с глушителями, и это помогло как никогда. Перезарядка оружия была практически молниеносная. Поражаемые нашим огнем с флангов и сверху вала немцы все падали и падали, даже не открыв ответного огня, не видя и не слыша противника. Лишь редкие задержки давали возможность некоторым из них слегка поднять голову, чтобы в следующий момент окрасить вал своей кровью. Вскоре к избиению присоединились и занявшие доты группы, своими пулеметами причесавшие чужой берег и расположенную там зенитку.

Для противника захват дотов прошел незаметно. Потом, уже после боя, выяснилось, что немцы настолько прибурели, что даже не выставили охрану у дотов.

К утру весь Пограничный (Западный) остров был очищен от врага. И

оставался таким до нашего прорыва из крепости. С отрядом Кижеватова объединились группы пограничников под командованием лейтенанта Жданова и старшего лейтенанта Черного. От нас же Митрофанович потребовал вернуться в цитадель. Что мы и сделали. Увиделись мы с ним только ночью следующих суток, когда переправляли раненых с острова и боеприпасы обороняющимся. Его, тяжелораненого, выносили бойцы. В ночь на 25-е он скончался. Остатки его отряда перешли под мое командование. Жданов же продолжил руководить обороной Пограничного острова.

Вообще потерь было много. Гибли как от артобстрелов, так и от пуль в спину. Так, днем 23 июня огромный снаряд попал в здание Инженерного замка и похоронил под развалинами около сотни раненых бойцов. Так же погибли в барбакане Тереспольской башни около полусотни его защитников.

В результате артобстрела Кольцевых казарм и Арсенала погибла почти половина моих бойцов из числа батальона НКВД, в том числе Сарычев и Шнейдерман.

Многие из командиров и руководителей групп обороны были ранены. В том числе и в спину. Так польский недобиток из числа тех, кто сидел в подвале Арсенала, стрелял в полкового комиссара Фомина. И ранил его в руку. Ранение получил и Саня Потапов.

23 июня обстрел начался в пять утра и продолжался весь день. Немецкая пехота в атаку не шла, закрепляясь на занятых позициях. В основном немцы били по Северному и Западному островам. Около 17 часов они через громкоговорители, установленные на автомашинах, стали уговаривать защитников сдаться. В основном пропаганда шла на Северный остров, но достигала ушей и в цитадели. Вскоре началась сдача части бойцов. Прекратили сопротивление и безоружными вышли к немцам несколько сотен человек из числа тех, кто защищал участок от казарм 125-го полка до Западного редюита. Среди них было много женщин и детей. Но в плен сдались не только они.

Снаряды противника уничтожили пулеметные расчеты на входах в подвал Арсенала, и те, кто там сидел, рванули на улицу. Бегом, преодолев плац, разбитый автопарк, Бригитский проезд, они по полуразрушенному мосту переправились через Мухавец и сдались немцам. Все это произошло так быстро и неожиданно, что находившиеся на позициях бойцы в Арсенале и полубашне Бригитского проезда не успели сообразить, что к чему, и открыть огонь.

Я этого сам не видел. Позже об этом доложили наблюдатели из клуба-

церкви. Мы вместе с Фоминым и Потаповым в это время находились у Холмских ворот, обсуждая возможность контратаки на Южный остров. Шансы на успех такой атаки у нас были достаточно большие. Тем более что оборона немцев строилась по очаговому принципу. Наиболее мощная группировка у них была создана напротив Холмских ворот, где было размещено около роты с пулеметами и противотанковым орудием. Второй такой узел был в районе разрыва Кольцевых казарм напротив Белого дворца и «Инженерного замка». Здесь немцы закрепились на валу и простреливали часть цитадели. Но и у нас значительно прибавилось средств усиления. Были найдены несколько складов с вооружением и боеприпасами, где среди всего прочего «пылились» минометы и мины к ним. Найти расчеты к ним не составило большого труда — по казармам кинули клич, и вскоре наши лейтенанты-артиллеристы Петлицкий и Тимофеев назначили их по орудиям. Одновременно с этим произошло и распределение между лейтенантами обязанностей по руководству артиллерией цитадели. Первый возглавил южную, а второй северную артиллерийские группы. Кроме того, с Тимофеевым никто не снимал вопроса руководства трофейными самоходками.

Все четыре «штуга», атаковавшие нас днем 22 июня, были захвачены и перетащены в автомастерские у Трехарочного моста. Два «штуга» (один от Северных ворот, второй от Трехарочного моста) были в относительном порядке. Так небольшой шаманец потребовалось провести. Еще два пострадали значительно серьезнее. Тот, что был подбит в цитадели, ремонту не подлежал, и его разбирали на запчасти. Другой подбитый у Северных ворот тоже был далек от идеала — граната попала в открытый люк и взорвалась в боевом отделении. Но Виталий с танкистами сделали все, чтобы привести его в порядок. И им это удалось — ко дню нашего прорыва «штуг» был на ходу и мог вести огонь.

Так что шансы на ночную атаку Южного острова были очень высоки. А тут новости по поводу сдачи в плен. Фактически немцы приблизились к Трехарочному мосту вплотную. Единственной, не взятой ими точкой на Северном острове остался Восточный редюит. А вот у нас с ним связи не было. Пришлось все планы срочно переигрывать.

Атаку на Южный остров отложили, ограничившись только артиллерийским и минометным обстрелом. Петлицкий со своими подчиненными устроили немцам там веселую жизнь, закидывая обнаруженные позиции минами и снарядами, благо прятать орудия было где.

Одним из первых приятных моментов стало уничтожение расчета

противотанкового орудия напротив Холмских ворот, постоянно обстреливавшего прямой наводкой расположение 84-го полка. Пусть немцы достаточно быстро сменили расчет, но теперь их действия не оставались безнаказанными.

Вечером немцы отвели своих солдат к главному валу.

Ночь на 24-е прошла в относительном спокойствии. Враг, опасаясь прорывов с нашей стороны, постоянно вел беспокоящий артогонь и пускал в небо осветительные ракеты, обстреливая из пулеметов кажущиеся им подозрительными объекты. Успокоились они только с рассветом.

Наши бойцы активных действий тоже не предпринимали. Внутри цитадели шла смена подразделений на боевых участках, пополнялся боекомплект и укреплялась оборона. Только разведчики и саперы, переправившись через Мухавец, действовали на Северном острове. Разведчики пытались установить связь с группами бойцов и согласовать дальнейшие действия, а саперы из артиллерийских снарядов (чего их жалеть?) ставили минные поля на путях возможного движения врага. Как и что делать, подсказал я. Буры и гвозди нашлись на складе. Ну, а герои среди наших людей были всегда.

До начала обстрела удалось сделать достаточно много. Главное, была установлена связь с Восточным редюитом.

24-го обстрел начался, как обычно, в пять утра и шел до вечера. Под прикрытием артобстрела немцы зачищали Кобринское укрепление. Их штурмовые группы осматривали здания и помещения на Северном острове. В разных местах вспыхивали стычки со скрывающимися среди развалин красноармейцами. Там слышались выстрелы и взрывы гранат, иногда вспыхивало пламя огнемета. Помочь обороняющимся было практически невозможно, мы могли лишь отстреливать тех немцев, что приближались поближе к Кольцевым казармам.

Чем день отличался от предыдущего? Попыткой немцев атаковать цитадель. Целью атаки была деблокировка «окруженных в церкви». О чем по радиации нас добросовестно предупредили. Наша «деза» жила своей жизнью и помогала, чем могла.

Первый удар планировался через Холмские ворота. Заранее предупрежденные, мы перебросили часть сил в казармы 84-го полка. Атака началась с артобстрела тяжелыми орудиями внутреннего двора цитадели. Снаряды падали в районе столовой комсостава, казарм батальона НКВД, Инженерного управления и Белого дворца. Противотанковое орудие с Южного острова попыталось уничтожить баррикаду в Холмских воротах, а немецкие минометчики закидали минами пространство у казарм. Затем

резво так пошла вперед на Холмские ворота пехота, успевшая под прикрытием артогня преодолеть половину моста. До этого молчавшие казармы открыли губительный пулеметный огонь. Зря, что ли, мы туда пять «ДС» поставили, а минометная батарея все там пристреляла? Преодолеть мост немцам оказалось не под силу, как и вернуться назад — слишком много их осталось лежать на мосту.

Вторая атака немцев шла при поддержке двух трофейных «Т-26». Она началась ближе к вечеру, сразу после окончания обстрела, со стороны Северных ворот.

Действовали немцы грамотно. Экипажи в танках сидели обученные, да и пехота от них не отставала. Весело бежала, да только не долго. Как оказалось, саперы неплохо ночью поработали и оба танка навались на выставленные минные ловушки. Нам даже стрелять не пришлось — у первого от взрыва под днищем сорвало башню с погона, а второй отделался полегче. Но все равно было приятно видеть его без гусениц и закопченным. Пехоту мы тоже не обошли стороной. Четыре установленных фугаса из 76-мм шрапнельных снарядов последовательно один за другим проредили ее, украсив пейзаж несколькими десятками трупов в фельдграу. Немцам ничего не оставалось, как броситься назад под защиту главного вала.

Что врагу удалось в этот день? Подняться на внешний вал Восточного редюита. Но вечером они отступили обратно на исходные позиции.

На совещании в штабе обороны было принято решение готовиться к прорыву из крепости. Наконец-то до ряда командиров дошло, что в ближайшее время деблокады крепости нашими войсками не будет. К этому выводу привело прослушивание радиосводок Ставки Главного Командования РККА. Пришлось признать: наши войска отступили слишком далеко и установить связь с командованием не удастся. Новых указаний, кроме указания о выходе гарнизона из крепости, не поступало.

Было предложено сформировать два ударных отряда.

Первый должен был ударить по направлению на Северные ворота. Его задачей был захват и удержание ворот до подхода основных сил гарнизона во главе с полковым комиссаром. Поэтому и комплектовался он бойцами и командирами из 44-го, 455-го и 33-го полков. Их удар считался главным. В случае удачи они должны были с подходом главных сил ударить в сторону Беловежской Пущи, обеспечивая отход сил крепости. Этот отряд возглавил начальник химической службы 455-го стрелкового полка лейтенант Виноградов. Отряду придавались одна трофейная самоходка и два восстановленных танка «Т-38».

Второй отряд должен был наносить отвлекающий удар на Северо-

Западные ворота. Основу составили мои бойцы, пограничники и бойцы НКВД. Отряд возглавил я. Перед нами ставилось несколько задач. Первой задачей было прорваться к воротам и закрепиться там. В случае неудачного прорыва основной группы через Северные ворота, она отходила к нам и продолжала прорыв уже через наши ворота. Если на главном направлении действия основной группы были бы успешными, то мы могли идти на прорыв дальше сами. При неудаче нам разрешалось действовать по обстановке. Дополнительной задачей было помешать врагу в восстановлении железнодорожного моста через Буг, где еще с вечера 22 июня противник начал ремонтные работы. Все эти дни мы из орудия с Западного острова его обстреливали, но немцы работы на мосту не прекращали — очень уж он был им нужен. Именно поэтому и приняли решение максимально помешать в его восстановлении. Для выполнения задачи нам придавались оставшиеся две самоходки.

Отряд полкового комиссара должен был по сигналу от Северных ворот начать движение следом за нами. Таким сигналом была серия из трех красных и трех белых ракет. В его отряд входили остатки полков и остальных подразделений гарнизона крепости.

Прикрывать отход в крепости оставались добровольцы, тяжелораненые и те, кто не захотел покидать крепость.

В связи с поставленными задачами, несмотря на беспокоящий артиллерийский огонь врага, мне пришлось ночью в срочном порядке направить всех «егерей», снайперов с группами поддержки и радистами на Северный остров. Они должны были обеспечить беспрепятственное прохождение моего отряда к своей цели.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Каждый выстрел на Северном острове отзывался в душе. Чтобы отвлечь бойцов, пришлось заставить их готовиться к прорыву: чистить оружие, готовить боеприпасы, вещмешки и маскхалаты, значительное количество которых мы набрали на складе разведбата. Хватило по несколько комплектов на каждого бойца отряда. В установленное время все группы вышли на связь и доложили, что они заняли ранее оговоренные позиции. С сердца просто камень упал. Было несколько боестолкновений с разведгруппами и дозорами противника в районе Домов начальствующего состава и Западного редюита. Но «егеря» и снайпера вышли победителями, потеряв всего нескольких человек — выучка у моих бойцов оказалась выше. На такой успех я даже и не рассчитывал. Следующий сеанс связи должен был состояться только поздним вечером.

В литературе, что раньше приходилось читать, прорывам из крепости

уделялось мало внимания. Просто шла констатация факта, что был прорыв, и все, а как, куда, какими силами — очень мало. Более или менее картину можно было восстановить по отрывочным мемуарам защитников. Главное, что я вынес из прочитанного, — это то, что не надо рваться по наикратчайшему направлению — через Восточные ворота. Там рядом проходит «танковая дорога» немцев. По ней идут основные силы врага, что, естественно, приводило наших бойцов к плену и смерти. А вот тем, кто прорывался через район Северных ворот, везло больше. Именно поэтому я на совещании и настаивал на этом направлении удара с последующим уходом отрядов в Беловежскую пущу.

Новый день начался с обычного обстрела цитадели. В ответ мы из орудий обстреляли и разогнали несколько штурмовых групп немцев, пытавшихся приблизиться к нашим позициям. Один из снарядов «полковушки» угодил в самую гущу врага, собиравшегося у внешней подковы Западного редюита. Осколок, видимо, попал в бак огнеметчика, так как пламя долго бушевало в том районе.

Отличились артиллеристы и при обстреле «Бригидок». Немцы под прикрытием обстрела крепости попытались вывести из тюремного корпуса находившихся там пленных поляков. Наблюдатели, заметив непонятную активность немцев в том районе, сообщили на батарею. Тимофеев не замедлил обстрелять их из своего орудия, выпустив в тот район в общей сложности два десятка снарядов. Накрытие было полным. Немцы и поляки брызнули в разные стороны, ища укрытие. А их артиллерия ввязалась в контрбатареиную борьбу, безуспешно посылая снаряд за снарядом в предполагаемое месторасположение орудия. Откуда же им было знать, что орудие, буксируемое легким танком, давно покинуло огневую позицию.

К вечеру немцы успокоились и через громкоговорители предложили переговоры. Они состоялись около Трехарочного моста.

Мне снова пришлось идти на встречу в качестве парламентаря. Со мной пошел тот же трубач, что был и на первой встрече. В качестве ассистента выступал немного знающий немецкий язык замполитрука из 84-го полка, по такому случаю одетый в командирскую гимнастерку со знаками различия лейтенанта. Преодолев мост, мы остановились у вала над хлебозаводом. На вершине валов еще в первый день обороны были устроены дзоты, и теперь оттуда в сторону врага смотрели стволы трофейных «МГ».

На переговоры немцы приехали от Северных ворот на открытом «кюбеле» в сопровождении мотоциклиста. В качестве переговорщиков выступали майор и знакомый по прошлому разу капитан из разведбата.

Майор был из штабных и совершенно не стеснялся наличия шифровки на погонах. Похоже, что наши ставки значительно выросли по сравнению с прошлым разом, раз такие люди прибывают на переговоры. Видно, что мы им сильно насолили, держа дивизию у стен старой крепости.

Как и в прошлый раз, немцы предложили сдачу гарнизона и уборку трупов. Наш ответ на предложение о сдаче был отрицательным. А вот насчет уборки трупов никто не возражал. В принципе, нам убирать было некого, так как своих павших мы ночью убрали, но время потянуть стоило. У нас все было готово, и вышедшие бойцы приступили к поиску погибших на берегах Мухавца. Немцы же подошли основательнее. Они пригнали грузовую автомашину с подъемником и санитарный автобус. Из них выгрузилось десятка полтора солдат, ставших лазить между редюитами и собирать трупы. Еще несколько человек в брезентовых передниках и рукавицах при помощи подъемника выгружали обожженные трупы из танков.

Майор с интересом разглядывал нас. Гауптман, на правах знакомого, попытался нас разговорить и убедить в бесполезности сопротивления, так как наши войска отброшены в глубь страны и помощи нам ждать неоткуда. Пришлось признаться, что мы знаем положение на фронте. Тогда нам предложили отпустить из крепости раненых, женщин и детей. Давили на жалость и необходимость лечения раненых. А еще просили разрешения собрать трупы своих солдат в цитадели. Обещали нам за это все сразу и оптом, но мы стояли на своем. Замполитрука в ответ возмущенно пыхтел и пытался что-то сказать, но подчиняясь моему взгляду, сдерживал себя. Зачем конфликтовать на словах, показывать врагу свои эмоции, когда для этого есть винтовки со снайперским прицелом? Перемирие закончится — и показывай свои эмоции сколько хочешь. А пока засунь свою гордость куда подальше и терпи.

Перемирие длилось около двух часов, по завершении которых мы разошлись по своим сторонам. Мне пора было готовиться на выход. С наступлением темноты в районе Трехарочных ворот сконцентрировался весь мой отряд. Всего на прорыв со мной шло 120 человек. Общий выход гарнизона и техники планировался на следующую ночь. Все документы и планы были подготовлены заранее. Старшие групп и взводов еще днем изучили маршруты движения, ориентиры и цели. Нас провожал полковой комиссар и Потапов. Ждали только сигнала от наблюдателей об отходе врага к главному валу. Наконец сигнал поступил, и около полуночи мы двинулись. Лохматые неясные фигуры бегом преодолели мост и предмостовые укрепления, а дальше бросились в сторону складов и Домов

начсостава. Ни одного выстрела со стороны врага по нам не последовало. Немцы ограничились только дежурным запуском осветительных ракет на валу.

Наше продвижение обеспечивали группы снайперов и «егерей», уничтожившие оставленные врагом на Северном острове засады и секреты. В течение прошедших суток от их пуль погибло более сорока солдат и офицеров противника. При этом они сами не потеряли ни одного бойца. Кроме того, были выявлены огневые точки и наблюдательные посты немцев на главном валу, что очень нам пригодилось. Несмотря на усталость и дневную нервотрепку, парням пришлось поработать проводниками к ряду не занятых врагом объектов. Это были несколько складов с вооружением и продовольствием, расположение которых выяснили путем опроса бойцов и командиров. Нам они, ой, как были нужны! Ведь то, что хранилось в цитадели, подходило к концу, и новых поступлений не ожидалось. Да и на прорыв с пустыми руками уходить совсем не с руки. К двум часам ночи все запланированные нами объекты были захвачены. Вот мы и занялись сборами в дорогу, дополнительно набивая рюкзаки, ранцы и вещмешки боеприпасами и продуктами. Да и врагу насолить не мешает. Все со складов нам не унести, вот и пошла в дело часть снарядов в качестве фугасов.

25 июня прошло в ожидании. Немцы весь день артиллерией обстреливали цитадель и Восточный редюит. Цитадель не отвечала. Попыток штурма не было, в основном свои усилия немцы сосредоточили на зачистке Северного острова.

Усиленные группы немецких солдат, под прикрытием пулеметчиков с валов, пытались от казарм 125-го полка и Северо-Западных ворот продолжить осмотр руин и зданий Кобринского укрепления с нашей стороны острова. Но достаточно быстро все свернули, наткнувшись на трупы дозорных, фугасы и растяжки, установленные нами на путях их возможного движения. Что интересно, большинство немецких штурмовиков были вооружены новенькими автоматами «ППД». Видимо, нашли один из складов и перевооружились. Наши наблюдатели отслеживали все передвижения солдат противника. Те, вызвав саперов, пытались дальше продвигаться по острову. Найдя на своем пути очередную растяжку или фугас, немцы останавливались. Их саперы пытались провести разминирование, забрасывая на проволоку «кошки». Следовал подрыв, и затем немцы продвигались дальше. Но не всегда бескровно они могли дальше продолжить путь. Одновременно с подрывом фугасов за дело брались наши снайпера, порой ополовинивая штурмовую группу. На фоне

взрыва выстрелы практически не были слышны и враги не могли определить, откуда велся огонь, списывая такие случаи на закладки.

Мы делали такие, используя в качестве дополнительного поражающего элемента фугасов различные металлические детали, рубленые проволоку, арматуру, гильзы.

Примерно то же самое шло и в Восточной части Кобринского укрепления. Там немцы от Северных ворот атаковали Восточный редюит. И смогли ворваться во внутренний двор. Там слышались взрывы гранат, ружейные и пулеметные выстрелы. Работали как наши, так и немецкие пулеметы. Видимо, атаки привели к значительным потерям среди немцев, так как несколько санитарных машин вермахта неоднократно пересекали Северные ворота туда и обратно.

К семнадцати часам, полностью свернув свою деятельность, немцы, подобрав раненых и убитых, отступили к главному валу.

По сообщению Ерофеева, руководившего действиями разведчиков и «егерей», сплошной линии блокировки крепости нет. В западной части острова отдельные подразделения врага остались в районе Бригиток и Северо-Западных ворот. Точное количество немцев на Северном острове установить не удалось. Охрану Северо-Западных ворот несли два пулеметных расчета и несколько часовых, выставленных у шлагбаума ворот и у моста через ров. Один пулеметный расчет располагался за баррикадой из мешков со стороны цитадели, другой находился в вырытом окопе на гребне вала. Караульное помещение было расположено в помещении штаба 125-го полка, метрах в трехстах от ворот. По валам бастионов № 1 и 2 было размещено несколько пулеметных ячеек, державших под своим огнем периметр от Западного редюита до Северных ворот. Свои блокирующие силы, а это несколько рот пехоты, немцы разместили за линией железной дороги Брест — Варшава рвом и валами.

В ночное время немцы ограничились выставлением наблюдателей и пулеметных расчетов по главному валу. Прошедшей ночью несколько разведчиков смогли достаточно близко пробраться к расположению врага и его огневым точкам. Проблем с их уничтожением возникнуть не должно. Кроме того, в ночное время немцы выставляют несколько групп общей численностью порядка двадцати человек с противотанковыми орудиями и станковыми пулеметами среди зарослей у Мухавца, недалеко от нас и Бригитского моста. Беря под контроль Трехарочный мост и Кольцевые казармы. Зря это они сделали. Сидели бы у себя в расположении, может, живыми бы остались, а так сами нарвались на неприятности. Смертельные неприятности. Я же не дурак, и перед тем, как давать команду на прорыв из

цитадели, мы сначала уничтожим засады врага. Сил и средств у нас вполне хватит на все.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 25.06.41 (РИ) (0.30–22.00, время берлинское):

«...0.30 ч. Первые подразделения дивизиона в 00.00 ч. прибыли на указанное место. Ночью несколько русских снова пытаются прорваться, но неудачно.

В первой половине дня проводятся отдельные зачистки и ведется подготовка для окончательной зачистки Северного острова.

В этот день снова имеются невыносимые потери: в подготовленной и лично им проводимой операции на Северном острове ранен командир Pi Batl.81 оберст-лейтенант Масух.

Наряду с ним убит командир 14/133 гауптман доктор Вацек.

В полдень командир дивизии отправляется в штаб XII.A.K., где при обсуждении выясняется, что дивизия готова к походу не раньше, чем вечером 26.6.

Для главных сил дивизии, как указал Шлипер, причиной невозможности выступления до вечера 27.6 является: 1) чистки еще не закончены; 2) цитадель должна передаваться другой воинской части.

15.00 ч. Во второй половине дня дивизией издается приказ о зачистке Северного острова (в полдень переданный в части по телефону). На основании этого приказа командиру I.R.135 для решения поставленной задачи подчиняются А.А.45, II./130 и III./133. В усилении сначала имеются в наличии только несколько групп саперов-подрывников.

16.30–16.45 ч. После начала акций зачистки I.R.133 и I.R.135 почти одновременно сообщают, что к еще держащимся гнездам сопротивления противника пехотными средствами не приблизиться.

Оба командира срочно просят о назначении танков и огнеметов.

В течение второй половины дня Ib всеми средствами пробует отремонтировать несколько захваченных бронеавтомобилей русских, что, однако, в этот день не удается. Еще имеющиеся на цитадели гнезда сопротивления противника: форт (Восточный

форт) на Северном острове, вал на Северном острове вблизи Северного моста, укрепления на Центральном острове.

22.00 ч. Дивизией затребованы танки, большие огнеметы и, возможно, рота огнеметных танков.

Оставшиеся части русских упорно сопротивляются. Случается, что из домов, большая часть которых была взорвана, при подходе наших групп возобновлялся огонь.

Зачистка трудна потому, что отдельные русские скрываются среди лохмотьев, ведер, даже в кроватях и потолках. Они снова начинают стрелять после обыска дома или кидаются на солдат с остро отточенными ножами.

Причиной для необычно настойчивой и выносливой защиты является внушенный комиссарами страх об их расстреле в немецком плену.

Некоторые из пленных вообще не встают, а хотят быть застреленными на месте...»

Сообщение командования XII. А.К. 2-й танковой группе с оценкой ситуации, количества трофеев и пленных к 25.06.1941 г. (РИ)

Командование XII. А.К., Командный пункт XII. А.К., 25.6.41., Ia

2-й танковой группе.

Еще вплоть до середины второго дня войны XII.А.К. предполагал, что врагу главными силами удалось ускользнуть на восток.

Причина для таких выводов в незначительном числе противостоящих вражеских батарей и отсутствии большого количества пленных.

Между тем под влиянием вновь полученных сообщений представление корпуса существенно изменилось.

Не законченный до сих пор и пока только беглый обыск вражеской территории подразделениями XII.А.К дал в итоге: более 100 уничтоженных русских бронеавтомобилей, примерно 80 орудий, множество пулеметов. Захвачено 2000 автоматических винтовок, а также многочисленные просторные склады, в том числе, например, 10 млн л горючего.

Допросом пленных и т. д. перед XII.А.К. установлены

русские 6, 42 и 145-я стрелковые дивизии, 54-я мотомеханизированная бригада, 2 особых пулеметных батальона (пограничные войска), 2 отдельных зенитных дивизиона (210 и 246), 3 отдельных батальона связи (18 (42 дивизия), 298 и 944) и ряд других частей, принадлежность которых на основании противоречивых высказываний пленных еще не установлена. Эти части были размещены главным образом по казармам и были полностью охвачены огневым налетом на казармы и цитадель Бреста и, как теперь выяснилось, уничтожены или обращены в паническое бегство.

Обыск казарм и бараков показал, что тамошние подразделения терпели очень сильные кровавые потери.

Отдельные части, по-видимому, под действием огневого налета убежали, оставляя их тяжелое оружие, другие, заняв линию обороны, оказали, по сравнению с их силой, жесткое сопротивление.

После прорыва обороны на Буге небольшие части оказывали лишь отдельное местное сопротивление или проводили местные контратаки.

Значительные части советских войск, используя штатскую одежду, стремятся уклониться от плена. Они могут стать опасностью для тыловых служб. Быстрое преследование не допускает прочесывание лесов и населенных пунктов. Необходимо преследование многочисленных беглецов.

На данный момент количество пленных примерно 4000, вероятно, оно еще существенно повысится.

Поэтому штаб корпуса теперь убежден в разгроме главных сил, действующих перед корпусом русских войск, и в настоящее время борется только против отдельных, полностью расколотых сил.

Подпись (*Шрот*)

(Источник: NARA T314 roll 501 f. 499.)

В сумерках «егеря», снайпера (жаль, что ночные прицелы еще не изобретены, пришлось ребятам использовать просто как стрелков с «ПБСами»), разведчики и пограничники выдвинулись на исходные для атаки. Мы планировали одновременно уничтожить все найденные точки

противника, в том числе и на главном валу. Действовать начали по отработанной за эти дни схеме — сначала снайпера и «егеря» из «безшумок» сняли дежурных и пулеметные расчеты, а затем действовали по обстановке. Где «наганами» с глушителями, где ножами. Поднять тревогу никто не смог.

К полуночи со всеми намеченными точками было покончено. А ударные группы двинулись дальше — к новым целям. О реализации плана атаки бойцы сообщили красными огнями фонариков. Как только были получены сигналы об уничтожении дозоров противника, в цитадель отправили радиосигнал. С его подтверждением гарнизон пошел на прорыв.

Сначала из Трехарочных ворот выбежала группа Виноградова, устремившаяся под защиту Восточного редюита, где должны были объединиться подразделения ударного отряда и подразделения, что держали оборону в редюите. Следом за пехотой из цитадели вышла техника, приданная ударным отрядам, в том числе и моя мех. группа. Да, именно так — «мех. группа». А как еще назвать несколько «штугов» и два грузовика, собранных из кучи металлолома, стоявшей во дворе крепости? На одной из автомашин была смонтирована зенитная установка из четырех «максимов». На втором грузовике везли боеприпасы и продовольствие для отряда. Повинуясь огонькам трофейных фонариков в руках регулировщиков, мех. группа соединилась с отрядом и расположилась среди развалин. Как проходил выход остальных частей гарнизона, мне, честно говоря, некогда было рассматривать — нас ждали Северо-Западные ворота.

Внешняя охрана была уже уничтожена снайперскими парами, подобранными вдоль казематов бастиона № 1 практически к самым воротам. Сюда же подтянулись «панцирники» и радисты во главе со мной. Вторая группа, взобравшись на вал, продвигалась по верху, блокируя действия часовых с наружной стороны. Еще одна группа, собранная из оставшихся в живых бойцов батальона НКВД, была выделена для нейтрализации караула, расположенного в трехстах метрах от ворот. Почему отобрал их? Они лучше остальных знали, что находится в районе 125-го полка и Бригиток. И главное, знали, как туда незаметно добраться. В этот отряд напросилась и знаменная группа, сдав мне на хранение знамя батальона. Так оно и осталось у меня, из той группы назад не вернулся никто...

Бой за ворота начался одновременно с ударом отряда Виноградова на Северные ворота. Как только были уничтожены дежурные пулеметчики, «панцирники» ворвались вовнутрь Северо-Западных ворот.

Боя как такового не было. Ну не считать же за таковой уничтожение полусонной смены и старшего поста? Дот, расположенный в воротах, врагом занят не был. Мы такой глупости делать не собирались, и несколько бойцов уже размещали там трофейный станковый пулемет. Отсюда можно было контролировать дорогу к воротам, значительный участок железной дороги и, что самое главное, небольшой мост через ров в пятидесяти метрах от ворот. Это был единственный путь, по которому враг мог перебросить резервы на Кобринское укрепление, и теперь он был под нашим контролем. Сами ворота с наружной стороны закрывались двумя створками, набранными из толстых дубовых плах, делая внутреннее пространство более безопасным для обороняющихся. Именно поэтому наш захват ворот прошел практически незаметно для окружающих.

Некоторую проблему создали часовые у моста, насторожившиеся с началом боя у Северных ворот. Разведка ошиблась — сюда выставлялся парный пост, и они собирались звонить в караулку. Но эту проблему вовремя решили снайпера с вала, расстреляв немцев.

Другая проблема была связана с часовыми и дежурными в расположении врага. Они тоже слышали выстрелы и взрывы у Северных ворот и просто обязаны были доложить о происходящем своему командованию. Помешать им в этом мы никак не могли. Реакция любого командира на такие события везде и всегда в любой армии одинаковая — поднять личный состав по тревоге, подготовиться к отражению прорыва, выслать подкрепление к дежурным и часовым. Немецкие офицеры были не глупее нас и все это проделали очень быстро. Вот только мы на такую реакцию и рассчитывали, заранее выделив для удержания врага в его расположении группу бойцов НКВД, усиленную противотанковым оружием, пулеметами и бойцами, ранее скрывавшимися в развалинах и примкнувшими к группе Ерофеева сутки назад. Вскоре там разгорелся нешуточный бой. Пожар, разгорающийся над зданием бывшего штаба, освещал прилегающую территорию ворот. Он помогал и одновременно мешал нам, давая возможность прицельно вести огонь по немцам, а им отслеживать наше движение к воротам. Ни о какой скрытности речи уже быть не могло. А раз так, то пора было приступать к решению остальных задач, поставленных штабом обороны. О ходе боя у «Бригидок» мне рассказали Никитин и раненые, прибывшие к воротам.

По радиосигналу к нам от Западного редюита стали выдвигаться остальные бойцы и техника. Прибывшие бойцы занимали позиции на валах и в казематах. Я запустил в небо сигнальные ракеты, сообщая о взятии ворот и готовности к пропуску войск.

Самоходки, выйдя из ворот и остановившись перед мостом, открыли огонь по складу строительных материалов и палаточному городку у железнодорожного моста. Их огонь корректировали «егеря». Накрытие было полным. Вскоре там возник пожар, среди которого в панике бегали полуодетые немцы. Для них тут был глубокий тыл, и они явно не ожидали от нас такой наглости. Зенитка под прикрытием «панцирников» пересекла мост и, заняв позицию у железнодорожной насыпи, присоединилась к общему веселью. Противодействия практически не было, так, отдельные личности пытались организовать оборону. Но огневой перевес пока был на нашей стороне. Завершив разгром палаточного городка, самоходки перенесли свой огонь на железнодорожный мост.

Практически одновременно с этим над Северными воротами взлетели сигнальные ракеты. Это Виноградов сообщал об их взятии. Проснулась до этого молчавшая немецкая артиллерия, начавшая обстрел цитадели и района Северных ворот. Нас он пока не касался.

В районе действия зенитки вспыхнул бой. Посыльный, прибывший оттуда, доложил, что со стороны Бреста отделение немцев пыталось провести разведку. Но вовремя замеченные охранением были уничтожены.

С момента захвата ворот прошло около часа. Поставленные перед нами задачи были полностью выполнены, но отряд полкового комиссара Фомина так и не появился. Над Северными воротами еще несколько раз взлетали ракеты, в той стороне слышался гул сильного боя. У «Бригиток» бой тоже набирал все большую силу. Мне пришлось отправить туда на помощь еще несколько групп из резерва. По сообщениям раненых, положение там все больше накалялось: немцы очухались, и их сопротивление нарастало. Пора было что-то предпринимать. За то время, что мы здесь находимся, можно было уже вывести несколько тысяч человек. Но из основного отряда Фомина никто так и не появился. Радиосвязь со штабом не действовала, и радисты с этим ничего сделать не могли.

Отправлять связных к Фомину? Они могут потеряться в той суматохе, что связана с выходом подразделений, или просто не найти его. Только зря потеряю людей и время. В принципе, мы с Фоминым такой вариант развития событий рассматривали.

Взвесив все за и против, я принял решение идти на прорыв, не дожидаясь основного отряда. Маршруты движения, район сбора отрядов были заранее согласованы с Фоминым. Отправив связных по подразделениям, держащим оборону на острове и валах, стал собирать их в один кулак под аркой ворот. Раненых грузили в полуторку прямо на ящики

с боеприпасами и продуктами. Наш отход должна была прикрыть группа Малышева, укрепившаяся в воротах.

Никитин с моими указаниями о смене целей и маршруте движения побежал к самоходчикам и зенитчикам. Расстреляв половину боекомплекта, самоходки двинулись вперед через мост. Им предстояло обстрелять еще один палаточный городок, где поднятые по тревоге пехотинцы собирались выдвигаться на помощь к Северным воротам. Вместе с самоходчиками начали движение и мы.

Артиллерийский обстрел и последующий за ним удар был для немцев достаточно неожиданным. Они слышали и видели взрывы, выстрелы и пожары у Буга и в крепости, но, видимо, думали, что это очередной обстрел с Пограничного острова. Гул танковых двигателей и лязг гусениц бронетехники, идущей со стороны Северо-Западных ворот, их не насторожили. Они знали, что у защитников крепости нет бронетехники. Та, что была, погибла еще четыре дня назад и больше в крепости не появлялась. Танки могут быть только их, кроме того, часовые и пулеметные расчеты на валах ни о чем тревожном не сообщали. Поэтому обстрел из самоходок, зенитки и пулеметов, а затем атака «панцирной» пехоты оказались для немцев очень впечатляющими.

Первые же снаряды разнесли строй, а пули, выпускаемые пулеметами, кромсали тела не успевших найти укрытие солдат. Тем не менее бой был жестокий. Сказалась выучка немецкой пехоты. Найдя укрытие или упав на землю, они не думали об отступлении. Наоборот, попытались контратаковать и закидать гранатами самоходки, отрезав их от пехоты. Дело дошло до рукопашной. Все смешалось. Крики, стоны, выстрелы, мат и команды на русском и немецком. Трупы и падающие сраженные очередями тела немцев и наших. Палатки, стоящие рядами, и растяжки мешали двигаться вперед. Не поймешь, кто где. Но мы продолжали упорно продвигаться вперед. Несколько раз пришлось работать автоматом как дубиной, добивая врага. Убить меня пытались неоднократно, словно я медом был намазан. Стреляли и бросались в штыковую. Я уклонялся, стрелял сам. И чаще всего выходил победителем, успевая убить противника раньше. Трижды в меня стреляли практически в упор с расстояния всего в несколько метров. Как не попали, не знаю. Видимо, хранят меня чьи-то молитвы. Бойцов своего отряда я отличал по меткам на спинах и руках. Остальные тени, мелькавшие тут и там, были врагами, миндальничать с которыми я не собирался. Драка шла на смерть, кто кого. Не будь у нас панцирей, немцы смяли бы нас, тем более что их было в несколько раз больше. Очень помогли зенитчики, с высоты кузова обстреливавшие врага

сразу из четырех пулеметов. Удар от валов во фланг немцам группы пограничников, зачищавших вал от часовых, сломил сопротивление немцев. Враг не выдержал, стал отступать, а мы продолжали его гнать. В темноте ночи от нас удалось скрыться немногим.

Пройдя расположение немцев, я дал ракету на сбор и выход остальных. В районе Северных ворот и прилегающих к ним бастионов шел бой с применением артиллерии и минометов. Артиллерийские снаряды рвались и в районе оставленных нами Северо-Западных ворот. Вовремя мы оттуда ушли. У нас и так без артобстрела немало раненых добавилось.

Рядом со мной оказался вездесущий Никитин. Когда он тут появился, даже не заметил, но в ходе атаки вроде бы его не было. Отправил его поторопить Малышева. Пора отсюда делать ноги, а еще не все собрались. Вокруг меня постепенно собирался народ, подходили за указаниями командиры групп и взводов. Все ждали дальнейших указаний. Ночь проходит, и скоро рассвет.

О чем я думал, стоя у разбитого лагеря немецкой роты? Тогда передо мной стояла очень непростая задача. Что делать дальше? Связных от Фомина как не было, так и нет. Наблюдатели из числа пограничников, оставленные на валах для прикрытия отступающих колонн, ничего нового не сообщали. Вышли отряды гарнизона из крепости или нет — неизвестно. Сигнальные ракеты от Северных ворот уже не взлетали, только осветительные. Если вышли, то немецкому командованию организовать преследование — раз плюнуть. Так же, как и ничего не стоит снять пару батальонов и направить сюда. О том, что мы тут натворили, думается, им уже известно. Значит, немцы направят из города резервы для блокирования отряда. Им придется двигаться через район Северных ворот, а там идет бой. Для них это потеря времени, что дает нам лишний шанс на прорыв. Если же они не ввяжутся в бой у ворот, то долго мы тут не простои́м, а отступать обратно в крепость уже поздно. Можем оказаться между молотом и наковальней — запертыми в Северо-Западных воротах без боеприпасов и продовольствия. Единственное место, куда можно в случае чего отступить, так это лежащий за нашей спиной форт «Берг». Говорят, там даже есть подземный ход в сторону Польши. Но это все вилами по воде писано — есть ли там ход или нет его. Неизвестно, найдем мы его или нет. Сидеть в обороне долго не получится. Складов там нет. Единственное, что там можно будет делать, так это периодически обстреливать железную дорогу, мешая перевозкам. Долго это не продлится, так как немцы не потерпят такой беспредел и быстро прикроют лавочку, бросив на нас штурмовые группы, авиацию и танки.

Так что, подводя итоги раздумий, решение было одним — пока есть силы, идти вперед и только вперед — в сторону Беловежской Пуши. Лес укроет и даст возможность отбиться, отступить и маневрировать.

О принятом решении довел до всех командиров групп. С прибытием арьергарда отряд продолжит движение. Вызвав разведчиков, отправил их вперед. Командиры групп, спешно собрав своих бойцов, развернули оборону на захваченных позициях. Заодно пополнили боеприпасы, оружие и продовольствие в захваченном лагере.

Самоходчики доложили об итогах боя. Снарядов осталось совсем чуть-чуть, максимум на несколько минут боя. А вот к пулеметам патронов хоть завались, да к тому же они еще трофеев набрали. Прихватили они из лагеря и два противотанковых орудия, а я их даже и не видел. Все горели желанием сразаться с врагом.

Группа Виктора Малышева прибежала минут через пятнадцать. Он, будучи несколько раз раненным, в том числе в ноги, так и не пришел, оставшись еще с несколькими тяжелоранеными прикрывать нас. Немцы, смяв и прорвав нашу завесу в «Бригитках», атаковали ворота. Из бойцов, что там действовали, уцелело всего десяток человек, остальные либо погибли, либо, укрывшись в казематах у ворот, продолжают бой.

Ждать больше смысла не было. Погрузив на зенитку раненых, мы отправились дальше. Наш маршрут шел вдоль железнодорожной насыпи. Ею мы прикрывались от дозорных и часовых врага, стоящих у валов и укреплений крепости. Впереди колонны шли самоходчики с десятком пограничников в качестве танкового десанта. Следом спешило несколько ударных групп. Дальше двигались грузовики с ранеными и пушками. По бокам и сзади нас прикрывали «егеря».

По ходу движения в пределах крепости, городских окраин и фортов на нас так никто и не напал. Почему нам так повезло, сказать не могу. То ли немцы все свои резервы бросили к Северным воротам, то ли еще что. Чего гадать на пустом месте? Историки потом разберутся и все разложат по полочкам. У разведчиков и «егерей» было несколько коротких стычек с дозорными и патрулями врага. С обеих сторон участвовало по пять — семь человек. Наши, стараясь избежать шума, активно использовали «бесшумки» и холодное оружие. Почти всегда это удавалось, и дозоры врага не успевали поднять тревогу. Но все равно число тяжелораненых и погибших росло. Недалеко от поворота дороги на Каменец немецкие пулеметчики с блокпоста успели обстрелять нашу колонну до того, как их сняли.

Главное было в том, что мы вырвались из ловушки. Преследования за

нами не было, но это ненадолго. Рассвет близок, а прятать людей и технику среди полей было негде. Мы просто не успели далеко уйти от города — пехота мешала технике, тормозила ее. Дальнейшее продвижение грозило нам обнаружением и пленом.

Еще в ходе нашей предвоенной подготовки неподалеку от дороги я нашел заросший кустарником небольшой, неглубокий, узкий и длинный овраг, где можно было укрыть людей, но не технику. Поэтому принял решение разделить отряд и отправить технику отдельно от остальной колонны. С ними отослал и раненых на грузовиках. Старшим с ними пошел знавший конечный пункт маршрута Ерофеев.

До оврага оставалось еще около километра, когда колонна разделилась. К рассвету мы успели укрыться среди кустарника. Надеюсь, что по дороге сюда нас никто не видел и не побежал сообщать новым властям.

Оставаться здесь надолго нельзя — все практически на виду. Овраг и кусты — слабое укрытие. Держать оборону здесь можно, но не долго. Против артиллерии и бронетехники не устоим, а против авиации тем более. Места для маневра практически нет. Путь отступления только один — по дну оврага в несколько сотен метров. А в том, что рано или поздно немцы вышлют за нами погоню или поднимут авиацию, можно не сомневаться. Очень уж мы громко стукнули дверью на выходе. Сотни полторы «зольдатигов» точно успокоили. Именно поэтому, как только разведчики отдышались после марш-броска, они снова двинулись в путь искать дорогу к лесу.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 26.06.41 (АИ) (время берлинское):

«...Ночью идет оживленная стрельба, что, очевидно, нужно приписывать состоянию подразделений, по существу с начала вторжения непрерывно сражающихся.

0.00 ч. Полковник Йон сообщает, что и на Северном острове разгорелась ожесточенная перестрелка с врагом, который, по-видимому, пытается прорваться на север.

Йон считает, что проведение предусмотренного на следующее утро нападения будет связано с большими потерями в подразделении; помимо этого, он подчеркивает нехватку (носимого) боеприпаса.

Попытки противника вырваться из окружения отклоняются всюду.

3.30 ч. Вражеский танк из цитадели прорывается до города Бреста, и только в городе его удастся обезвредить.

В связи с подобными сообщениями и на основе разговора с начальником штаба 4-й армии (состоявшегося 25.6 примерно в 22.00 ч.), еще раз подчеркнувшего категорическое требование командующего о предотвращении потерь, командир дивизии вынужден отменить подготовленный приказ.

После подробного и тщательного обсуждения положения с командирами действующих частей и Arko (приданными дивизии артиллеристами), примерно в 4.30 отдается новый приказ.

От дивизии требуется предотвращать влияние противника на танковую магистраль и продолжать изматывать его огнем артиллерии.

Утром штурмовые группы I.R.133 и A.A.45 берут еще по одному гнезду сопротивления, причем особенно пригодными оказываются группы саперов-подрывников.

Захвачено в целом 450 пленных. В соответствии с приказом ведется охрана мостов в Бресте и вокруг него. Восточный форт Северного острова все еще держится.

Проводится подготовка к его штурму с использованием приданных танков и двух, тем временем ремонтируемых, русских трофейных броневых автомобилей; кроме того, I.R.135 минометным обстрелом и средствами дымообразования пытается делать гарнизон не способным к сопротивлению.

В этот день при допросах пленных делается вывод, что дивизия боролась против особенно подготовленных и политически обученных русских солдат. Также, что подтверждается и более поздними наблюдениями, в крепости находилась школа GRU. Дальнейшее применение дивизии еще неясно. Как следует из телефонных разговоров, якобы она будет резервом ОКН...»

Прижавшись к земле, скрытый от чужих глаз листвой кустарника красноармеец Никитин через бинокль наблюдал за жизнью на оккупированной территории. Правда, смотреть особо было не на что — по дороге от Бреста практически никто не двигался. Разве что в поле зрения изредка появлялись одиночные телеги, груженные каким-то скарбом и максимум парой человек, и медленно двигались то в город, то из него. Немцы за время дежурства Виктора проехали всего три раза — сначала

колонна из трофейных «ГАЗов» и «ЗИСов» с пустыми кузовами в сопровождении десятка пехотинцев, затем десяток повозок с гражданскими возницами и тремя немцами в сопровождении. Третий раз по дороге из Бреста пропылила небольшая автоколонна из немецкого легкового автомобиля в сопровождении колесного броневика и большого крытого грузовика с солдатами. Сделав карандашом запись в журнале наблюдений, Виктор, стараясь особо не шевелиться, поочередно понапрягал свои мышцы, как их в свое время научил командир. И аккуратно оглянулся вокруг. Слева и справа от него на расстоянии десятка метров расположились едва заметные такие же лохматые и зеленые существа, осуществляющие охрану лагеря вырвавшихся из цитадели бойцов гарнизона. Сам лагерь компактно разместился на дне неглубокого, заросшего кустарником оврага. Большинство бойцов спало, завернувшись в плащ-палатки и укрывшись среди зелени. Остальные чистили оружие и проверяли снаряжение. Самойлов копошится у раненых, заново перевязывая получивших ранения в ночном бою. И все это происходило в абсолютной тишине — бойцы, даже раненые, старались ни криком, ни стонами, ни звоном оружия не нарушить ее. За те несколько дней, что они держали оборону в крепости, бойцы научились ценить ТИШИНУ. Именно так, с большой буквы — ТИШИНУ.

Вот ведь какое дело, до войны о тишине не задумывались и как-то особо ее не замечали. Ну, есть она и есть, а нет, так можно легко создать. А тут полюбили. Как не полюбить? Если каждый день с утра до вечера, с небольшими перерывами, идет артиллерийский обстрел укреплений и построек. Три дня. Три долгих до невозможности дня. Когда ударная волна и осколки тяжелых снарядов расплющивает все созданное человеком. Сотрясает человеческую плоть до самой последней клеточки и вышибает из тебя сознание. Этого многие не выдержали. Кто сошел с ума, кто сдался в плен. И лишь небольшие перерывы в обстреле давали возможность отдохнуть, снять напряжение, поесть, почистить оружие и сменить позицию. Вот тогда лица бойцов разглаживались, прояснялись, среди них раздавались шутки и смех. Они радовались солнцу и ТИШИНЕ. Именно она стала символом их военной удачи.

Аккуратно оглянувшись и окинув взглядом окружающий мир, а главное, проверив, что за ним никто не наблюдает, Никитин достал из внутреннего кармана тетрадь с карандашом.

Еще раз осмотрелся, машинально грызя кончик карандаша и вспоминая события прошедшего дня, а затем стал быстро заносить все на бумагу. И самое главное то, что было связано с их командиром. «Лучшая

память — это карандаш!» — учил старший лейтенант Горячих. Вот Виктору и приходилось ежедневно записывать в заветную тетрадь. Хорошо еще, что тетрадь толстая и ее надолго хватит. А как эта кончится, то еще несколько чистых в вещмешке лежит. Дмитрий Ильич просил записывать данные при любом случае и так, чтобы никто не знал. Не все правильно понимают чекистскую работу, и за нее можно пострадать честному человеку. Красноармеец Никитин относил себя именно к таким. А каким еще может быть комсомолец, активист, мечтающий после войны стать таким же грамотным и умным, как их командир лейтенант Седов? Абсолютно нет ничего постыдного в том, что раньше надо было каждый день сообщать особисту о событиях во взводе и отдельно докладывать о командире: с кем он встречался, что делал и что говорил. А теперь вот надо вести тетрадь. Дмитрий Ильич перед прорывом из крепости специально об этом инструктировал. Ну, а когда выйдут к своим, то будет Виктору честь, хвала и повышение в звании. Да и награда будет. Уж это Никитин знал абсолютно точно. Потому что именно он, по поручению старшего лейтенанта Потапова, искал печатную машинку и чистые бланки наградных листов. Командир не зря с полковым комиссаром наградные листы оформлял. Но об этом молчок, там на многих есть. Как тогда командир сказал: «Подвиг каждого должен быть увековечен в истории!» И еще: «Никто не забыт и ничто не должно быть забыто!» Из взвода на всех наградные заготовлены, да и не по одному разу. Каждому командир оценку дал, отметил и документы приготовил. А полковой комиссар и старший лейтенант Потапов завизировали. Им бы только к своим попасть.

В то, что обязательно выйдут, Виктор даже не сомневался — командир выведет. Он если что задумал, то так и будет. И крови мало прольется, и врагу достанется, как тогда в первый день войны, а потом ночью на Западном и при прорыве из крепости. Он может, и все в него верят. Виктор это даже в тетради особо отметил...

«Ну вот, задумался о командире, а он проснулся и в мою сторону смотрит. Да нет, это он по сторонам осматривается, проверяет, что к чему. Непорядки выискивает или «егерей». Те, как ушли, так до сих пор и не вернулись. Часа три как уже отсутствуют — дорогу к лесу ищут. А то рано или поздно нас тут немцы обнаружат — от города совсем недалеко ушли. Если бы не этот овраг, то рассвет встретили бы в чистом поле. А там бы нас немцы точно обнаружили. Все, надо за дорогой смотреть, а то нагорит от командира». — Спрятав тетрадь, Никитин продолжил наблюдение за дорогой.

Солнечный луч, несмотря на защитную сетку, проник на мое лицо и заставил проснуться. Все-таки рано он это сделал. Вполне можно было бы еще часа три спокойно поспать в тишине и покое. Прошедшая ночь забрала все силы что у меня, что у бойцов. Да и до темноты еще целая куча времени. Все устали и уснули, где кто смог. Так вон и лежат, лишь слегка замаскировавшись и накрывшись плащ-палатками. Если все будет, как нужно, то до вечера мы здесь точно пробудем. Лишь бы какой ненужный свидетель нас не обнаружил. Вот часовые и бдят по краям оврага. Ничего, попозже их сменим, и они тоже отдохнут.

Главное сделано. Мы прорвались из осажденной крепости. С боем, с потерями, но мы это сделали. Хотя уверенности в том, что нам это удастся, по правде говоря, было мало.

Из журнала боевых действий Ia 45 L. D., запись от 26.06.41, (АИ):

«...Дивизия выходит из состава XII. А.К. и подчиняется LIII. А.К.

На данный момент в лагеря для пленных подвезено 6.214 рядовых и 60 офицеров.

Тем не менее происходящая сортировка трофеев требует крайне много времени и с находящимися в распоряжении дивизии силами оказывается почти неосуществимой, так как гражданским населением производятся неразрешенные изъятия и грабежи.

Запасы продовольственного снабжения крепости оказываются, за исключением муки, соли, зерна и нескольких стручковых культур, незначительными. Напротив, довольно велика добыча оружия, боеприпаса и матчасти. Найденные автомобили, главным образом, непригодны, так как ценные части разрушены или разделаны.

Наконец, прибывают неоднократно затребованные дивизией велосипеды и должны вывозиться автоколонной из Бяла-Подляски. Это, как и другие выделенные дивизии оружие и снаряжение (МР, противогазы для лошадей и т. д.), а также сбор трофейного имущества требует полного использования автоколонны и части транспортных взводов.

Подразделения снабжения, за исключением 45-го полевого военного госпиталя, 2-й санитарной роты (2/45) и 11-й колонны горючего, размещаются теперь в Брест-Литовске.

Благодаря произошедшему овладению укреплениями цитадели становится вероятным успех последней, назначенной на завтрашний день, зачистки Северного острова, так что дивизия получает приказ к готовности к маршу начиная с 29.6...»

Из разговора штабных офицеров вермахта, состоявшегося в первой половине дня 26 июня 1941 г. у разгромленного палаточного лагеря рядом с железнодорожной магистралью Брест — Варшава:

— Что тут, Вилли?

— Здравствуй, Карл. Что мы тут имеем? Массовый прорыв русских, имевших на вооружении артиллерию и бронетехнику. Состав и вооружение отряда мы пока уточняем. По первым данным прорвался отряд порядка двух сотен хорошо подготовленных и экипированных солдат. Они ночью вышли из цитадели. Перебили передовые дозоры, заблокировали батальон 135-го полка, захватили Северо-Западные ворота и ушли вдоль железнодорожных путей на восток, разбив по пути несколько наших подразделений.

— И что, их никто не пытался остановить?

— Пытались, конечно, но подготовка русских была выше. Роту, что здесь стояла, разнесли в течение нескольких минут. Хотя наши отбивались отчаянно, но тем не менее смогли сделать немного. Там, в стороне мы собираем трупы русских. Если хочешь, можем пройти посмотреть.

— Позже обязательно это сделаем. Прости, я тебя перебил, прошу, продолжай.

— Тут и на Кобринском укреплении действовало одно и то же русское подразделение. И это специальное подразделение.

— Почему ты так решил?

— Тела тех, что найдены здесь, и те, что мы осмотрели на Кобринском, принадлежат солдатам войск НКВД и погранохраны. В большинстве своем они были неоднократно ранены и тем не менее продолжали сражаться, осуществляя прорыв и прикрывая отступление своих. Всего найдено шестнадцать трупов у ворот, семь у «Бригиток» и десяток здесь.

Можно как угодно относиться к русским, но те, что сражались в воротах, — настоящие герои. Все в бинтах и крови и тем не менее не выпускали оружие из рук, сопротивляясь до последнего. Взять их смогли только при помощи огнемета. Только недавно там все закончили. Двое русских при досмотре подорвали себя гранатами. Вместе с солдатами, что их досматривали. Чертовы фанатики...

— А что ты хотел с русских? Они всегда были такими. Забыл прошлую войну?

— Хотел бы, да старые раны не дают. Кстати, я тут вспомнил песню, что в прошлый раз на переговорах насвистывал русский лейтенант. Помнишь, я говорил, что это очень знакомое, но никак не удавалось вспомнить, а тут посмотрел на этих молодцов в доте — и сразу на ум пришло. Петербург, весна 1914 года. Мы тогда с тобой были молоды и беспечны, красивые женщины и русские гвардейцы в Летнем саду.

— Как же, помню. Одна из первых наших поездок в Россию.

— Так вот лейтенант насвистывал марш русского гвардейского Преображенского полка!

— Ты не ослышался?!

— Это точно был тот марш. Могу даже слова напеть. После пьянки с офицерами-преображенцами пришлось заучить на всякий случай, чтобы еще ближе сойтись с ними, — ответил Вилли и негромко напел:

Знают турки нас и шведы,
И про нас известен свет.
На сраженья, на победы
Нас всегда сам Царь ведет.

С нами труд Он разделяет,
Перед нами Он в боях.
Счастьем всяк из нас считает
Умереть в Его глазах...

— И так далее... Вот ведь, сколько лет прошло, а память продолжает хранить.

— Да... Задал ты мне задачку. Получается, что русские снова

стали вспоминать свою историю, в том числе и время царей. Раз стало возможным петь такие песни. Видимо, происходит объединение различных сил, ранее участвовавших в Гражданской войне по разные стороны, и в России уже нет раскола в народе. Все это может отразиться на нашем походе, — оглянувшись по сторонам, так же негромко сказал Карл. — Мы должны благодарить этого лейтенанта за то, что он приоткрыл неизвестные нашей разведке страницы внутренней жизни России.

— Я думаю, ты делаешь слишком скоропалительные выводы. Возможно, в семье лейтенанта это было принято. Хотя знаешь... Помнишь наш разговор вечером 22-го, когда мы в первый раз видели этого лейтенанта? Он показался мне необычным.

— Конечно.

— Так вот. Мне пришло на ум — а не создал ли Сталин свою лейб-гвардию?! И мы видели одного из них? Слишком уж парень отличался от всех виденных красных. Во всем — от роста до образования.

— Возможно, ты прав, Вилли. Парень действительно отличался от других. Я тут навел справки у ребят, что работают с пленными. У них там есть пара сотрудников их тайной полиции. И не один из них не смог вспомнить этого лейтенанта. Так что он становится все более интересным и интригующим. Хотел бы я с ним пообщаться, когда все это закончится.

— Боюсь, что это не удастся. У меня сложилось впечатление, что прорвавшимися здесь русскими руководил именно он.

— Почему ты так решил?

— Начну с того, что большинство трупов наших парней имеют огнестрелы. И лишь у немногих ножевые ранения. По количеству уничтоженных постов и погибших солдат русские стреляли более сотни раз. Во всяком случае, примерно такое количество свежих гильз от русского оружия нами найдено. Выжившие у казарм часовые показали, что, пока не начался бой у Северных ворот, все было тихо и они не слышали выстрелов.

— Русские использовали бесшумное оружие?

— Думаю, да. Но это пока только мое предположение. Подтверждения этому мы пока не нашли. Найденные гильзы и собранное у погибших оружие не дает оснований это утверждать. Оружие обычное, без каких-либо изменений и приспособлений.

Возможно, что показания выживших не совсем правдивы. Сам знаешь, как это бывает. Ночной и не совсем удачный бой. Много страхов и эмоций. Всякий может ошибиться и выдать желаемое за действительное.

— Согласен, бывает сплошь и рядом.

— Тем не менее сбрасывать наличие бесшумного оружия у русских не стоит. Такое оружие действительно есть в НКВД и у разведки их Генштаба. Оно сделано для револьвера «наган».

— Я знаю.

— Вопрос в том, что здесь использовались винтовочные патроны. Может быть, русские изобрели что-то новое?

— Возможно. И как это связано с лейтенантом?

— Обычно такое вооружение поступает для спецподразделений. Лейтенант подходит для командования таким подразделением. Видимо, оно недавно прибыло в Брест, было размещено в крепости отдельно от остальных сил НКВД. Поэтому никто о его командире и не знает. С началом боевых действий оно оказалось в цитадели. Ну, а теперь решило вырваться из окружения и сделало это. Пройдя нашу оборону, словно нож сквозь масло.

— Твоя версия интересна. Тем более что по донесениям агентуры и допросам пленных, русские за несколько недель до начала войны устроили в округе настоящую резню нашей агентуры. Ими было уничтожено несколько групп абвера и часть поляков, состоящих с нами на связи. Действовало неизвестное подразделение. Ее ведомственное подчинение не установлено. Бойцы носили форму и знаки различия РККА, но вот питалось и обеспечивалось в городском НКВД. Где располагалось, неизвестно. Отряд, направленный для захвата здания местного отдела НКВД, встретил сильное сопротивление, понес тяжелые потери и отступил. Русским удалось эвакуировать свои архивы и практически всех своих людей. После их отступления неизвестно кем здание было захвачено и подожжено. От захваченных пленных толку пока мало. Они занимали слишком небольшие должности, чтобы знать что-то серьезное.

— Что из пленных совсем ничего нельзя вытрясти?

— Ну, почему же? Есть одна интересная зацепка. На полигоне в «Северном городке» русские проводили испытания стальных кирас для своих солдат и отрабатывали тактику

действий подразделений по типу наших штурмовых групп. Занимался этим 333-й полк. Лично участвовал в этом его командир. Испытания прошли успешно, на здешнем заводе было изготовлено несколько десятков комплектов кирас. Удалось найти рисунок кирасы. Русские ничего нового не придумали, пошли по нашему пути времен прошлой войны. Фактически скопировали наши. Что с них взять? Когда командованию дивизии продемонстрировали потуги русских, там поднялся смех.

Ладно, мы отклонились от темы. Итак, неустановленное подразделение русских под руководством предположительно лейтенанта НКВД, переправившись через Мухавец, уничтожило несколько сотен наших солдат на Кобринском укреплении и прорвалось через Северо-Западные ворота из цитадели на свободу. По ходу дела уничтожив и ранив еще порядка трех сотен солдат вермахта. При этом русские всю применяли бесшумное оружие под русский винтовочный патрон. Это подразделение артиллерией уничтожило склад строительных материалов и повредило ремонтировавшийся железнодорожный мост. Проследить маршрут движения русского отряда можно по погибшим патрулям. Предположительно русские отправились в Беловежскую Пущу, откуда выкурить их будет сложно. У Северных ворот действовало несколько отрядов русских. Один из них, захватив ворота, удерживал их, пока другой выбирался из крепости. Оба отряда рассеяны артиллерией. Часть русских бежала в город и Пущу, остальные вернулись в цитадель и теперь удерживают те же позиции, что и раньше. Я все правильно изложил?

— Да. Ты, как всегда, смог все кратко изложить и сформулировать. Для преследования русских в Пуще необходим, как, минимум, моторизованный батальон со средствами усиления. Для прочесывания городских окраин еще один.

— Никакого преследования не будет. Командование дивизии не может снять с линии блокировки и зачистки крепости подразделения. Полки дивизии понесли существенные потери. Осада крепости затягивается. Снимать войска просто неоткуда. Преследование может привести к новым неоправданным потерям среди личного состава. Так что пусть русские пока живут. Ими займутся полицейские и охранные части.

— Но почему? Русский отряд под руководством грамотного

командира в нашем тылу может нанести громадный ущерб. Пока не поздно и они не ушли далеко, можно организовать их преследование и уничтожение.

— Я довел до тебя видение ситуации штабом дивизии. И не более того. Действия русских на этом направлении не несут ущерба Танковой магистрали, по которой идет поступление резервов для нашей Танковой группы. Кроме того, длительная осада крепости приведет к дополнительным потерям. Поэтому командование настроено на быстрое разрешение проблемы с крепостью с наименьшими потерями. Чем больше русских покинет крепость, тем лучше. Нам меньше забот. Их легче будет ловить в поле, чем здесь среди развалин...

— А как же русский лейтенант?

— Надеюсь, что когда-нибудь мы с ним встретимся. И мне удастся задать ему интересующие нас вопросы. А пока надо заниматься другими делами...